



Н.А. ТРОИЦКИЙ

**ФЕЛЬДМАРШАЛ  
КУТУЗОВ  
МИФЫ И ФАКТЫ**





РОССИЯ  
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ  
И ПОЛКОВОДЦЫ

Н.А. ТРОИЦКИЙ

ФЕЛЬДМАРШАЛ  
КУТУЗОВ:  
МИФЫ И ФАКТЫ



Москва  
ЦЕНТРОЛИГРАФ  
2002

ББК 63.3(2)-7  
Т70

Под общей редакцией предводителя  
Российского Дворянского Собрания  
князя А.К. Голицына

Авторы проекта:  
Валентина Алексеевна БЛАГОВО  
Сергей Алексеевич САПОЖНИКОВ

*Художественное оформление  
художника И.А. Озерова*

**Троицкий Н.А.**

Т70 Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. — М.: ЗАО  
Изд-во Центрполиграф, 2002. — 367 с.

ISBN 5-227-01603-8

Книга доктора исторических наук, профессора Н.А. Троицкого посвящена выдающемуся русскому военному и государственному деятелю, представителю одного из древних и благодатных родов Российской империи светлейшему князю Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому.

Герой всех русско-турецких войн второй половины XVIII — начала XIX века, названный Спасителем Отечества во время Отечественной войны 1812 года, генерал-фельдмаршал, кавалер всех российских орденов, он снискал себе неувядаемую славу не только на военном, но и на гражданском и дипломатическом поприщах.

Книга, однако, представляет Кутузова не с утвердившихся в последние десятилетия исключительно панегирических позиций. Труд Н.А. Троицкого — один из первых в наши дни опытов жизнеописания М.И. Кутузова без прикрас, умолчаний и вымыслов, которыми грешили многие предыдущие, в основном советско-сталинские, сплошь апологетические биографии фельдмаршала. Основываясь на всей совокупности данных о Кутузове (включая «неудобные» факты, события, документы), автор ставит целью показать фельдмаршала уважительно-критически, без исторических ходуль и определить его истинный масштаб как исторической личности.

Книга о М.И. Кутузове вместе с рядом других продолжает серию под названием «Россия забытая и неизвестная», издание которой осуществляет издательство «Центрполиграф». Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-7

© Н.А. Троицкий, 2002  
© Художественное оформление серии,  
ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2002  
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2002

ISBN 5-227-01603-8



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Человек, словно в зеркале мир, — многолик.  
Он ничтожен — и он же безмерно велик!

*Омар Хайям*

Память о Михаиле Илларионовиче Кутузове увековечена в России так величественно, как ни о каком другом из русских военачальников после А.В. Суворова. С почетом сохраняется в центральном зале Казанского собора гробница фельдмаршала, а перед собором стоит бронзовый памятник ему работы скульптора Б.И. Орловского, воздвигнутый здесь в 1837 г. В Москве у Бородинской панорамы с 1973 г. стоит конная статуя Кутузова, изваянная в бронзе Н.В. Томским. Рядом с панорамой и статуей — «Кутузовская изба» (место военного совета в Филях), частично сгоревшая еще в 1867 г., восстановленная — уже как музей — в 1877 г., а с 1962 г. действующая как филиал Музея-панорамы «Бородинская битва». Есть памятники и бюсты Кутузова и в других городах. В дни Великой Отечественной войны был учрежден орден Кутузова 1-й, 2-й (1942 г.) и 3-й степени (1943 г.) — третья по значению из высших воинских наград СССР (после орденов Победы и Суворова). В советское время, с 1945-го до 1991 г., существовал и единственный в мире (на территории Польши) музей Кутузова — в том самом доме, где фельдмаршал скончался, в городе Болеславце, бывшем Бунцлау. С выводом советских войск из Польши музей, к сожалению, был закрыт, его экспонаты перевезены в Санкт-Петербург, где стали частью экспозиции Военно-исто-

рического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВ и ВС), а в доме, где умер Кутузов, вместо музея польские власти открыли... кафе.

Уже в наши дни, 16 декабря 2000 г., по результатам опроса россиян фондом «Общественное мнение» Кутузов был назван «человеком столетия» (XIX в.), опередив А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого, П.И. Чайковского и Д.И. Менделеева<sup>1</sup>.

Все это понятно. Тот факт, что именно Кутузов был русским главнокомандующим на победоносном для России этапе Отечественной войны, сам по себе уже возносит фельдмаршала на космическую высоту, вне зависимости от его достоинств и недостатков, активности или пассивности, свершений или прочетов, то есть от его *личного* вклада в дело общей победы. Он по должности своей, по тому месту, которое занимал как *главный* военачальник, ассоциировался и ассоциируется в сознании россиян с образом гения и спасителя Отечества, хотя по совокупности своих дарований и возможностей он был все же ниже собственной репутации.

Я ставлю своей задачей не опровергнуть бытующее у нас представление о Кутузове как о национальном герое, а скорректировать его, высвободить из-под камуфляжа прикрас, умолчаний, домыслов и, таким образом, уточнить *истинный масштаб* личности фельдмаршала.

Михаил Илларионович конечно же был замечательным полководцем — не менее талантливым, чем П.С. Салтыков, М.Ф. Каменский или М.Б. Барклай-де-Толли, хотя до П.А. Румянцева и тем более до А.В. Суворова ему далеко. До того как на последнем году жизни у Кутузова блистательно сложилась кампания 1812 г., он (как, впрочем, и Каменский) проявлял себя полководчески успешно лишь в войнах с относительно слабой Турцией, причем и над турками столь славных побед, как румянцевские при Ларге и Кагуле или суворовские при Рымнике и под Измаилом, в активе у Кутузова не было.

Вместе с тем Кутузов проявил себя и как выдающийся дипломат: его несколько дипломатических миссий, и в особенно-

<sup>1</sup> Советская Россия. 2000. 30 декабря. С. 5.

сти переговоры с турками в 1812 году, приведшие к заключению Бухарестского мира, — блестящий образец дипломатического искусства, и все мы вправе восхищаться им.

В самой личности Кутузова, при всех упреках ему морального свойства, было много симпатичных и ярких черт: высокий интеллект, европейское образование, знание шести иностранных языков, джентльменские манеры, живописная речь, обостренное чувство патриотизма. Многоопытный и всеведущий, мудрый и пронизательный, светски воспитанный, Кутузов мог быть равно обаятельным в общении и с монархами, и с «нижними чинами». По отзыву А.И. Михайловского-Данилевского, он обладал «искусством всеми родами очарования владычествовать над сердцами»<sup>1</sup>, хотя, как мы увидим, не все поддавались такому его искусству.

В исторических трудах последних десятилетий о Кутузове много умолчаний, относящихся к слабым сторонам его личности или допущенных им ошибках. Имели место и фальсификации с целью приукрасить те или иные моменты его биографии.

Например, Кутузов как военный мыслитель не создал ничего равного «Обряду службы» или «Мысли» П.А. Румянцева<sup>2</sup> и «Науке побеждать» или «Полковому учреждению» А.В. Суворова<sup>3</sup>. Единственный военно-теоретический труд Кутузова «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно» (1786)<sup>4</sup> информативен тактически, но для теории малозначим, уступая в этом не только трудам Суворова и Румянцева, но и таким документам М.Б. Барклай-де-Толли, как «Воинский устав о пехотной службе» и «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения»<sup>5</sup>. Характерно, что в 45-страничной (на редкость

<sup>1</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Полн. собр. соч. СПб., 1850. Т. 5. С. 481.

<sup>2</sup> См.: П.А. Румянцев. Документы. М., 1953. Т. 2. Док. № 14, 120.

<sup>3</sup> См.: А.В. Суворов. Сб. документов. М., 1949. Т. 1. С. 73—151; М., 1952. Т. 3. С. 501—508.

<sup>4</sup> Опубликован Ю.Н. Яблочкиным в 1955 г. с предисловием А.Г. Бескровного.

<sup>5</sup> См. о них: Богданов Л.П. Русская армия в 1812 г. М., 1979. С. 126—131.

бессодержательной и трескучей) главе под названием «Военный теоретик» книги П.А. Жилина «Фельдмаршал М.И. Кутузов» «Примечания...» даже не упомянуты. Жилин отметил здесь только, что «Кутузов имел возможность глубоко изучить петровский «Устав воинский», румянцевский «Обряд службы» и суворовскую «Науку побеждать»<sup>1</sup>. В военно-теоретическом наследии Кутузова историк не нашел ничего более ценного, чем его «положение о том, что «резервы должны быть берегаемы сколько можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден». Наполеон придерживался иного мнения»<sup>2</sup>. Здесь Жилин «забыл» или просто «не подумал» о том, что при Бородине именно Наполеон сберег мощный резерв (и Старую, и Молодую гвардию), тогда как Кутузов все свои резервы израсходовал, по его собственному признанию, «до последнего».

В некоторых значимых отношениях Кутузов как военачальник явно проигрывал в сравнении и с предшественниками, и с современниками. Так, в противоположность суворовскому правилу «Каждый воин должен *понимать* свой маневр»<sup>3</sup>, Кутузов приучал подчиненных к слепому повиновению. «Не тот истинно храбр, — говорил он, — кто по произволу своему мечется в опасность, а тот, кто повинуется»<sup>4</sup>. Неудивительно, что, в отличие от М.Б. Барклая-де-Толли, который настойчиво предлагал Александру I умерить разгул жесткой дисциплины, пока патриотизм русских солдат «не угас в результате плохого обращения и палочных ударов»<sup>5</sup>, Кутузов *никогда* не позволял себе *ничего* подобного. Трудно даже представить, как Михаил Илларионович осмелился бы на такие демарши перед самодержцем.

<sup>1</sup> Ж и л и н П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность. М., 1988. С. 286.

<sup>2</sup> Там же. С. 307.

<sup>3</sup> А.В. Суворов. Т. 4. С. 20. (Здесь и далее курсив, как правило, мой. — Н. Т.)

<sup>4</sup> Б а н т ы ш - К а м е н с к и й Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 3. С. 155.

<sup>5</sup> Внешняя политика России XIX — начала XX в. Сер. I. М., 1962. Т. 6. С. 270; Д у б р о в и н Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1901. № 12. С. 481.

Истинный масштаб личности Кутузова меньше той *видимости*, которую он обретает (благодаря совокупным усилиям наших, в основном советских, историков и литераторов) как главнокомандующий всеми русскими армиями в триумфальные для России дни 1812 г. Вопреки русской поговорке «Не место красит человека, а человек — место», здесь перед нами скорее классический пример того, как и место в определенной мере красило человека.

Кутузов победоносно и в нужный момент завершил войну с Турцией, но он не имел отношения ни к подготовке войны 1812 г., ни к ее смертельно опасному для России началу. Не будь случая с назначением его главнокомандующим, он мог бы остаться в нашей военной истории всего лишь одним из первого ряда генералов (не фельдмаршалов!), ибо к 1812 г. ничем особо выдающимся и эпохальным себя не проявил. Не зря он после изгнания французов из России откровенно признавался Ермолову, что «паюнул бы в рожу» тому, кто два-три года назад предсказал бы ему славу победителя Наполеона.

Однако эта слава состоялась. Она живет до сих пор и будет жить, пока существует Россия, ибо, в конце концов, Кутузов достаточно велик и без жилинских ходул.

Замечательный военный историк А.А. Свечин был прав, полагая, что «солдатам в их лагере нужны Боги и нужны скрижали завета». Кутузов, несомненно, относился к таким символам, причем как в дореволюционное, так и в советское время. Но уже почти 210 лет отделяют нас от триумфа Кутузова в 1812 г. и более 50 — со времени знаменитого «приговора» Сталина Кутузову. Приговора, давшего старт неприличной аполетике в адрес Кутузова, унижавшей и память Кутузова, и нашу историческую науку.

Свободные ныне от необходимости подновлять *политический* глянец на фигуре М.И. Кутузова, мы можем наконец приглядеться повнимательнее к его личности и оценить по возможности объективно.

Славы Кутузова как национального героя от этого не убудет.



Памяти героя Великой Отечествен-  
ной войны 1941—1945 гг.  
Петра Тимофеевича К о н а к о в а...



**ФЕЛЬДМАРШАЛ  
КУТУЗОВ:  
МИФЫ И ФАКТЫ**





## Глава I

### БЫЛИ-НЕБЫЛИ, ИЛИ КАК ИЗУЧАЛСЯ М.И. КУТУЗОВ

Польза наша заставляет каждого представить его свыше обыкновенного.

А.П. Ермолов

За всю историю России не было другого военачальника, посмертная слава которого настолько превосходила бы истинную его значимость, как у генерал-фельдмаршала и светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского<sup>1</sup>. Еще в 10-е годы XIX в. герой всех войн России с Наполеоном А.П. Ермолов, подчеркнув отсутствие у Кутузова таких дарований, которые «могли бы оправдать случайную его знаменитость», утверждал: «Никто из людей, описывающих жизнь его, не скажет сей истины. *Польза наша* заставляет каждого представить его свыше обыкновенного. История мира поместит его в числе героев, летописи Отечества — между избавителей. Неужели кто из соотечественников дерзнет рассеять мечту, раскрыть *истину?*»<sup>2</sup> С тех пор и донныне в оценках Кутузова «польза наша» довлеет над истинной. Только к его 250-летнему юбилею появилась возможность не просто восславить юбиляра, а «раскрыть истину», то есть разобраться в том, как легенда об его «знаменитости» соотносится с реальностью.

<sup>1</sup> Прижизненную славу Кутузов успел вкусить лишь в последние 6 месяцев своей 67-летней жизни.

<sup>2</sup> Ермолов А.П. Характеристика полководцев 1812 г. / Публ. Н.А. Троицкого // Родина. 1994. № 1. С. 57, 58.

В 1995 г. был опубликован мой доклад на научной конференции в Малоярославце «М.И. Кутузов. Факты. Версии. Мифы»<sup>1</sup>. Переработанный и значительно (в 4 раза) расширенный, он лег в основу брошюры «Фельдмаршал М.И. Кутузов: легенда и реальность» (Саратов, 1998), которая теперь — после новой доработки и пятикратного расширения — издается как обобщающая научно-популярная или просветительная монография.

\*\*\*

Первые биографы Кутузова под впечатлением грандиозной победы россиян над непобедимым дотолем «антихристом» Наполеоном, естественно, возвеличивали Михаила Илларионовича как «Спасителя Отечества», замалчивая всё (или почти всё), что могло говорить не в его пользу. Все это началось сразу после смерти Кутузова под впечатлением его ухода из земной в загробную жизнь. Уже в 1813 г. были изданы пять книг, авторы которых славили его — в первую очередь в научно-исторических произведениях. Первым из них задал панегирический тон военный чиновник Ф.М. Синельников, служивший при Кутузове в бытность его киевским генерал-губернатором (1806—1807). Он провозгласил Кутузова «величайшим российским полководцем» и «молниеносным Перуном Севера», который, мол, «совершил в краткое время знаменитые деяния Цезаря, Ганнибала и Сципиона» (вместе взятые); например, одержал «совершенную победу над французами» при Бородине — французы к концу битвы «обратились в бегство», потеряв 53 тыс. человек (русские же — лишь «до 18 тыс.»)<sup>2</sup>. Столь же монументально, как «Спаситель Отечества и вся Европа», победивший, между прочим,

<sup>1</sup> Троицкий Н.А. М.И. Кутузов. Факты. Версии. Мифы // М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 г. Материалы научной конференции, посвященной 250-летию со дня рождения М.И. Кутузова. Малоярославец, 1995.

<sup>2</sup> Синельников Ф.М. Жизнь, военные и политические деяния Его Светлости ген.-фельдм. кн. М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813. Ч. 1. С. 1; Ч. 3. С. 3, 47—48; Ч. 4. С. 59.

и при Бородине, представлен Кутузов и в других изданиях 1813 г. научно-популярного жанра<sup>1</sup>.

От историков решили не отставать писатели. Самый авторитетный тогда в России поэт Г.Р. Державин восславил Кутузова в «Гимне лироэпическом на прогнание французов из отечества» 1812—1813 гг. («великий ум», «превысил Фабия»)<sup>2</sup> и, особенно, в стихотворении 1813 г. «Князь Кутузов-Смоленский», где Михаил Илларионович — уже не только «Спаситель Отечества», но и «защитник полсвета»<sup>3</sup>. Второй по значению русский поэт того времени, В.А. Жуковский, посвятил восторженные строки Кутузову как «Родины спасителю» в двух стихотворениях, написанных еще до окончания войны 1812 г. и опубликованных в 1813 г., — «Певец во стане русских воинов» и «Вождю победителей»<sup>4</sup>. М.В. Милонов в стихотворении 1813 г. «Мысли при гробе князя Кутузова-Смоленского» горевал: «Где ты, спасение, надежда россиян?»<sup>5</sup> А.Ф. Воейков тогда же в поэтическом обращении «Князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому» поднял восхваление Кутузова октавой выше: «Ты не отечества — вселенная спаситель!»<sup>6</sup>

Любовь всех россиян,  
Вселенной удивленья!—

восклидал в стихотворении 1813 г. «На кончину генерал-фельдмаршала князя М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского»

<sup>1</sup> Картина жизни, военных и политических деяний Его Светлости кн. М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. М., 1813. Кн. 1. С. 6; Кн. 2. С. 58—59; Жизнь и военные подвиги ген.-фельдм. светлейшего кн. М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813. С. 177, 318; Жизнь и военные деяния ген.-фельдм. светлейшего кн. М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813. Ч. 2. С. 63; Ч. 4. С. 55; Исторические записки о жизни и военных подвигах ген.-фельдм. светлейшего кн. М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813. С. 6.

<sup>2</sup> И славили отчизну меч и слово. 1812 год глазами очевидцев. Поэзия и проза. М., 1987. С. 99.

<sup>3</sup> Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 358—359.

<sup>4</sup> Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 153, 170.

<sup>5</sup> Марин С.Н., Милонов М.В. Стихотворения. Воронеж, 1983. С. 227.

<sup>6</sup> И славили отчизну меч и слово. С. 38.



популярный поэт-баснописец А.Е. Измайлов<sup>1</sup>. А в стихотворении Н.Ф. Грамматина «На смерть князя Голенищева-Кутузова-Смоленского» (1813) Михаил Илларионович — уже «полубог»<sup>2</sup>.

Иные из перечисленных авторов успели презентовать «полубогу» свои произведения. Среди них была и поэтесса А.П. Бунина — из старинного дворянского рода, который дал России В.А. Жуковского, И.А. Бунина, академика П.П. Семёнова-Тян-Шанского (поэтесса доводилась академику двоюродной бабушкой). Ода Буниной «На истребление французов, нагло в сердце России вторгнувшихся» не понравилась Кутузову. «Тут и ода, — написал он о ней жене 31 декабря 1812 г., — которая, однако же, всех других слабее»<sup>3</sup>. Тем не менее фельдмаршал позаботился о том, чтобы Буниной «государь умножил пенсию»<sup>4</sup>.

В 1814—1815 гг. и в ряде последующих лет русское общество, отвлеченное другими заботами (заграничные походы россиян, внутренние российские проблемы), мало интересовалось Кутузовым. Первая подлинно научная монография о войне 1812 г., которую опубликовал в 1819 г. генерал-майор Д.И. Ахшарумов (в 1812 г. — герой Бородина, адъютант П.П. Коновницына), характеризует фельдмаршала как первого среди равных<sup>5</sup>. Еще более сдержанно судил о Кутузове ныне забытый, но в первой трети XIX в. авторитетный историк, писатель, искусствовед, член Российской Академии наук и почетный член Академии художеств, генерал-майор

<sup>1</sup> Измайлов А.Е. Сочинения. СПб., 1849. Т. 1. С. 211.

<sup>2</sup> И славили отчизну меч и слово. С. 119—120.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Сб. документов. М., 1955. Т. 4, ч. 2. С. 649. Текст оды см.: Бунина А.П. Собрание стихотворений. СПб., 1819. С. 19.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Сб. документов. М., 1956. Т. 5. С. 282 (письмо Кутузова жене от 15 февраля 1813 г.).

<sup>5</sup> Ахшарумов Д.И. Описание войны 1812 г. СПб., 1819. С. 294. Генерал Д.И. Ахшарумов был отцом четырех известных в России братьев-литераторов Ахшарумовых — поэта Владимира Дмитриевича, прозаиков Иосифа и Николая Дмитриевичей, мемуариста Дмитрия Дмитриевича (приговоренного к смертной казни за участие в кружке петрашевцев, но помилованного и окончившего жизнь известным врачом-гигиенистом в чине действительного статского советника).

А.А. Писарев (двоюродный дед Дмитрия Ивановича Писарева). К первому тому его 2-томных «Военных записок и замечаний...» приложен своеобразный рейтинг российских военачальников конца XVIII — начала XIX в. с начислением баллов каждому из них по разным статьям полководческого искусства:

	Стратегия	Тактика	Предприимчивость	Хладнокровие	Личная храбрость	Итого
1. А.В. Суворов	12	12	12	9	12	57
2. П.А. Румянцев	11	11	8	12	10	52
3. О.А. Вейсман	9	11	11	10	11	52
4. М.И. Кутузов	10	10	7	10	10	47
5. И.Е. Ферзен	9	10	11	7	10	47
6. П.И. Багратион	5	8	10	11	11	45

(Рано погибшего в бою с турками генерал-майора О.А. Вейсмана фон Вейсенштейна (1729—1773) очень высоко ценили Румянцев и Суворов.)

В писаревской публикации этого «рейтинга» не назван М.Б. Барклай-де-Толли (вероятно, потому, что он тогда был еще жив). Но в 1912 г. «рейтинг» был вновь опубликован в качестве приложения к военно-исторической записке Барклая «Изображение военных действий 1812 г.» — уже с баллами самого Барклая (соответственно 9, 10, 7, 11, 11 = 48), которые ставят его выше Кутузова<sup>1</sup>.

Начало новой, растянувшейся почти на полвека кампании возвеличения Кутузова положила «круглая» дата — 10 лет со дня его смерти. По этому случаю было издано «похвальное слово» фельдмаршалу как «Спасителю Отечества», одержавшему, к стати, и победу при Бородине. Сочинил это задушевное

<sup>1</sup> Ср.: Писарев А.А. Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 г. и последующим. М., 1817. Ч. 1. С. 487; Барклай-де-Толли М.Б. Изображение военных действий 1812 г. СПб., 1912. С. 43. Всего в «рейтинговом» перечне — 15 фамилий. Закрывает его с 30 баллами фельдмаршал А.А. Прозоровский.

«слово» литератор (поэт, прозаик, мемуарист) В.И. Панаев<sup>1</sup> — дядя известного писателя и журналиста, издателя (вместе с Н.А. Некрасовым) журнала «Современник» И.И. Панаева. Главное же, именно в 1823 г. увидел свет — одновременно в Петербурге на русском и в Париже на французском языках — 1-й том монографии Д.П. Бутурлина<sup>2</sup>, написанной по «Высочайшему повелению» Императора Александра I, что означало рождение, назовем ее так, *официально-дворянской* концепции в историографии «Двенадцатого года».

Дмитрий Петрович Бутурлин (1790—1849) — участник войны 1812 г., адъютант начальника Главного штаба князя П.М. Волконского и флигель-адъютант Императора Александра I, впоследствии генерал-майор — стал основоположником и первым классиком официальной концепции. Именно Бутурлин «научно» обосновал ее краеугольные тезисы — о «единении сословий вокруг престола» и об Александре I как главном герое войны 1812 г. Но если у Бутурлина царь только *объявлен* на словах спасителем России, ему «наиболее принадлежит слава» победы над Наполеоном (Ч. 2. С. 344), то Кутузов *изображен* таковым на деле. «Действия фельдмаршала, — писал Бутурлин о Кутузове, — были столь превосходны, что могут выдержать исследование строжайшей критики <...>. Глубокой и постоянной мудрости его поступков Россия обязана скорым избавлением своим» (Ч. 2. С. 345).

Еще громче восславил Кутузова самый авторитетный в императорской России XIX в. из официальных историков войны 1812 г. Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1790—1848) — бывший адъютант фельдмаршала; при Александре I, как и Бутурлин, флигель-адъютант государя, а при Николае I — генерал-лейтенант и академик. Его перу принадлежит 4-томное «Описание Отечественной войны в 1812 г.», также составленное «по Высочайшему повелению»<sup>3</sup>. Объявив,

<sup>1</sup> Панаев В.И. Историческое похвальное слово светлейшему кн. Голицыну-Кутузову-Смоленскому. СПб., 1823. С. 2, 32.

<sup>2</sup> Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1823—1824. Ч. 1—2.

<sup>3</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 г.: В 4 т. СПб., 1839.

что называется по долгу службы, главным героем войны, «лучезарным светилом, которое все грело и оживляло» (Т. 1. С. XIII; Т. 4. С. 340), Императора Александра I, Михайловский-Данилевский гораздо больше, чем о царе, повествовал в самых высоких тонах о Кутузове как избавителе и России и Европы от Наполеона. Имя Кутузова «судеб исполнено», — возглашал этот, по мнению многих современников, «Гомер русской Илиады», — мало того, что «вся Россия следовала мысленно за каждым шагом Кутузова <...>, именуя его своим избавителем»; он «в четыре месяца одержал совершеннейшее торжество, о каком летописи когда-либо упоминали, промчал славу русского оружия в отдаленнейшие пределы света и приготовил избавление Европы» (Т. 3. С. 142; Т. 4. С. 347, 394).

Вершину официальной историографии 1812 г. представил собой 3-томный труд ее третьего классика, профессора Военной академии, генерал-лейтенанта Модеста Ивановича Богдановича (1805—1882)<sup>1</sup>. Богданович тоже назвал «главным руководителем Отечественной войны» Александра I (Т. 3. С. 145—146), но фактический спаситель России в его изображении — Кутузов. «Один лишь Кутузов, — читаем у Богдановича, — мог решиться на неравный бой при Бородине и на оставление столицы», «мы чтим в Кутузове полководца, освободившего Россию от чужеземного нашествия, благовоим к его памяти и вовсе не занимаемся вопросом, возможно ли было исполнить лучше то, что так хорошо совершил Кутузов» (Т. 2. С. 14).

Если Михайловский-Данилевский вообще не смел упрекнуть Кутузова в чем бы то ни было, а Бутурлин позволял себе лишь почтительно указать на мелкие промахи фельдмаршала, пристававшие из его «системы медления»<sup>2</sup>, то Богданович, надо отдать ему должное, смело критиковал «Спасителя Отечества» за ошибки при Бородине и Тарутине, под Красным и на Березине (Т. 2. С. 224, 485; Т. 3. С. 144, 289) и даже дерзнул уличить его в подлоге, а именно в том, что Кутузов, оставив при Бородине

<sup>1</sup> Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам: В 3 т. СПб., 1859—1860.

<sup>2</sup> Бутурлин Д.П. Указ. соч. Ч. 2. С. 49, 111, 125.

все свои позиции, рапортовал царю: «кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли» (Т. 2. С. 229, 230). Этот «грех» Богдановича и Бутурлина впоследствии «классики» советской официальной науки будут квалифицировать как «приращение» и «затушевание» Кутузова<sup>1</sup>. Впрочем, советские официозы усмотрят (сквозь лупу предвзятости) такое «затушевание» даже у Михайловского-Данилевского<sup>2</sup>.

В русле официальной историографии, как Бутурлин и Михайловский-Данилевский, с частым цитированием этих двух авторов, составил обширный биографический очерк о Кутузове Д.Н. Бантыш-Каменский<sup>3</sup> — историк и литератор, тайный советник, служивший губернатором в Тобольске и Вильне, автор 8-томного «Словаря достопамятных людей русской земли», сын историка, почетного академика Н.Н. Бантыш-Каменского. С другой стороны, еще один герой 1812 г., полковник Н.А. Окунев, в своем «Рассуждении...», хотя и следовал преимущественно по официальной стезе, не восхвалял без нужды ни Кутузова, ни самого Александра I<sup>4</sup>.

Не могли не отдать дань традиции поклонения Кутузову как «Спасителю Отечества» такие трезвые умы, как А.С. Пушкин и В.Г. Белинский. Одну и ту же сакраментальную мысль Белинский выразил в прозе («Кутузов — спаситель России»<sup>5</sup>), а Пушкин — в стихах, обращенных к «гробнице святой» фельдмаршала:

Когда народной веры глас  
Возвал к святой твоей седине:  
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Б е с к р о в н ы й Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 14—15, 34—35; Ж и л и н П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность. М., 1988. С. 342—344.

<sup>2</sup> Б е с к р о в н ы й Л.Г. Указ. соч. С. 25; Ж и л и н П.А. Указ. соч. С. 343.

<sup>3</sup> Б а н т ы ш - К а м е н с к и й Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 3. С. 26—158.

<sup>4</sup> О к у н е в Н.А. Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 г. СПб., 1833. 262 с.

<sup>5</sup> Б е л и н с к и й В.Г. Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. 10. С. 37.

<sup>6</sup> П у ш к и н А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 2. С. 204.

Правда, Александр Сергеевич в 1835 г. написал стихотворение «Полководец» о М.Б. Барклае-де-Толли. В нем есть такие строки:

Вотще! Соперник твой стяжал успех, сокрытый  
В главе твоей; а ты, оставленный, забытый  
Виновник торжества, почил — и в смертный час  
С презреньем, может быть, вспоминал о нас.

Но эти четыре строки Пушкин даже не стал предъявлять в цензуру, настолько они были тогда «непроходимыми». Сохранились они в беловом автографе поэта<sup>1</sup>.

Тем не менее «Полководец» Пушкина и без этих четырех строк вызвал болезненную реакцию у почетного академика Л.И. Голенищева-Кутузова (родственника фельдмаршала), который воспринял «Полководца» как антикутузовскую акцию и выступил с «опровержением» в виде брошюры, приложенной к «Санкт-Петербургским ведомостям» от 8 ноября 1836 г.<sup>2</sup> Пушкин ответил на брошюру «Объяснением», которое он опубликовал в 4-й книге своего журнала «Современник» (декабрь 1836 г.). Здесь поэт как бы извинялся за то, что его смогли заподозрить в принижении Кутузова. Он подчеркивал «превосходство военного гения» Кутузова перед Барклаем и мессианскую роль «светлейшего» («его титло: спаситель России»). Раньше Михайловского-Данилевского и Богдановича он выдвинул коронный тезис официальной историографии, что «один Кутузов мог предложить Бородинское сражение, один Кутузов мог отдать Москву неприятелю»<sup>3</sup>.

Вскоре после этого в газете «Северная пчела» за 11 января 1837 г. литературный оппонент и личный недруг Пушкина Ф.В. Булгарин упрекнул поэта в том, что он «почти отрекся от прежнего», сопоставляя Кутузова и Барклая. Тот же упрек

<sup>1</sup> Подробно об этом см.: Т р о ф и м о в И.Т. Поиски и находки в московских архивах. 3-е изд. М., 1987. С. 86—91. Пушкинский автограф «Полководца» из альбома вел. кн. Елены Павловны воспроизведен здесь на с. 87—88, фотокопия с него — на с. 200.

<sup>2</sup> См.: Ч е р е й с к и й Л.А. К стихотворению Пушкина «Полководец» // Временник пушкинской комиссии. М.; Л., 1966. С. 56—58.

<sup>3</sup> П у ш к и н А.С. Указ. собр. соч. Т.6. С. 299—301.

поэту (с оговоркой: «Так Пушкин писал. Но вряд ли так он думал») уже в наше время повторил В.В. Пугачев<sup>1</sup>. Думается, ближе к истине здесь точка зрения А.Г. Тартаковского: «Ведь примерно тем же временем, когда «Объяснение» вышло из печати, датируется и «альбомный» автограф «Полководца» с откровенно резкой характеристикой Кутузова как «соперника» Барклая. Умолчание в «Объяснении» этого щепетильного обстоятельства <...> надо, видимо, расценивать как тактическую уступку» со стороны Пушкина официальным взглядам<sup>2</sup>.

С выходом в свет трех томов «Истории Отечественной войны 1812 г.» М.И. Богдановича фактически закончилась полувекковая страда канонизации Кутузова в отечественной историографии<sup>3</sup>. Даже труды, написанные с официальных позиций, становятся менее алилуийными и более объективными по отношению к Кутузову. Таковы книги популярного донныне историка и литератора Н.А. Полевого и давно забытого журналиста, отставного штабс-капитана, участника антинаполеоновских войн И.Г. Бутовского (двоюродного брата «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой)<sup>4</sup>. В 1860 г. автор пространной (больше 5 печатных листов!) рецензии о 3-томнике Богдановича, укрывшийся под инициалами А.Б., не только упрекнул Михайловского-Данилевского за его «постоянную заботу поставить князя Кутузова безмерно выше всех современных ему генералов Отечественной войны», но и усилил,

<sup>1</sup> Пугачев В.В. Пушкин и 1812 год (к истолкованию «Полководца») // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. Саратов, 1984. С. 179.

<sup>2</sup> Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 36.

<sup>3</sup> В 1869 — 1871 гг. М.И. Богданович издал 6-томную «Историю царствования императора Александра I и России в его время», где Кутузов (как, впрочем, и Александр I) обрисован уже с меньшим пафосом. Как частный рецидив поклонения Кутузову можно рассматривать сочинение Н.Ф. Проценко «Светлейший кн. М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский, спаситель Отечества в 1812 г.» (М., 1864).

<sup>4</sup> Полевой Н.А. Русские полководцы, или Жизнь и подвиги российских полководцев от времени имп. Петра Великого до царствования имп. Николая I. СПб., 1845; Бутовский И.Г. Фельдмаршал кн. Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. СПб., 1858.

по сравнению с Богдановичем, критику действий Кутузова при Бородине: «Участие Кутузова в распоряжениях почти не заметно, его самого нигде не видно между войсками»<sup>1</sup>.

Суждения А.Б. (по резонному предположению В.А. Дьякова, это был профессор Академии Генштаба генерал-лейтенант А.И. Беренс)<sup>2</sup> были уже характерными для новой историографии, условно назовем ее *либерально-буржуазной*, которая отвергла постулаты о единении сословий вокруг престола и об Александре I как главном герое «Двенадцатого года», а заодно опустила с заоблачных высот на землю и репутацию Кутузова. Правда, ниспровергатель предыдущей концепции и основоположник либерально-буржуазной концепции Александр Николаевич Попов (1820—1877) — тоже дворянин, чиновник, член знаменитых Редакционных комиссий 1859—1860 гг., — хотя и «преодолевал культ личности» Александра I, по старинке превозносил Кутузова, «которому одному (?! — Н. Т.) Россия обязана своим спасением»<sup>3</sup>. Но это был уже последний в XIX в. аккорд чрезмерного восхваления фельдмаршала.

Кстати, вслед за А.И. Беренсом (?) подверг критическому разбору 3-томник Богдановича генерал-майор И.П. Липранди (участник войны 1812 г., военный историк, мемуарист, в молодости «добрый приятель» А.С. Пушкина)<sup>4</sup>. Он без особого пиетета к Кутузову первым вменил ему в вину то, о чем позднее будут писать многие критики фельдмаршала: «Кутузов всегда будет почитаться виновником выпуска из России Наполеона с ничтожными остатками его полчищ»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> А.Б. История Отечественной войны 1812 г. // Военный сб. 1860. № 6. С. 470, 481.

<sup>2</sup> Дьяков В.А. Об особенностях развития русской военно-исторической мысли в предреформенное тридцатилетие // Вопросы военной истории России (XVIII и первая половина XIX в.). М., 1969. С. 90.

<sup>3</sup> Попов А.Н. Отечественная война 1812 г. От Малоярославца до Березины. СПб., 1877. С. 64.

<sup>4</sup> Пушкин А.С. Указ. собр. соч. Т. 9. С. 89 (письмо к П.А. Вяземскому от 2 января 1822 г.).

<sup>5</sup> Липранди И.П. Война 1812 г. Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам» М.И. Богдановича. М., 1869. С. 42.

После М.И. Богдановича вплоть до 1940-х годов почти все отечественные историки (кроме таких единиц, как А.Н. Попов и Н.Ф. Проценко) держались трезвой, уважительно критической либо даже критически заостренной оценки Кутузова — без преувеличенных славословий. Сдержанно писал о Кутузове великий российский историк С.М. Соловьев<sup>1</sup> (великий В.О. Ключевский о фельдмаршале вообще ничего не написал). Такие корифеи либерально-буржуазной военной историографии, как начальник Академии Генштаба генерал от инфантерии Г.А. Леер, профессор той же академии генерал от инфантерии П.А. Гейсман, генерал-лейтенант А.К. Биллов и генерал-майор А.Н. Витмер (учитель легендарного М.Д. Скобелева), признавали Кутузова выдающимся полководцем и дипломатом, но в ранг «гения» и «Спасителя России» его не возводили<sup>2</sup>.

Показателен для либерально-буржуазной историографии труд одного из лучших знатоков рассматриваемой эпохи генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Харкевича (1856—1906) «Березина». Здесь впервые капитально, с учетом всей совокупности источников, и беспристрастно проанализированы действия трех лиц, ответственных за Березинскую операцию: П.Х. Витгенштейн медлил, П.В. Чичагов путал, а Кутузов оставался «простым свидетелем совершающихся событий» далеко в стороне от них<sup>3</sup>.

Поворот с 1860-х годов от лицеприятного прославления к объективной оценке Кутузова с неперемными элементами критики в историографии отразился и на художественной ли-

тературе. В романах Л.Н. Толстого, Д.Л. Мордовцева, Г.П. Данилевского фельдмаршал изображен как «дряхлый телом, но бодрый духом старый вождь», мудрый, хотя уже и безынициативный<sup>1</sup>.

Уважительно-критический взгляд отечественных историков на Кутузова был закреплен в эпоху Николая II к 100-летию юбилею войны 1812 г. в 7-томнике «Отечественная война и русское общество». Это, бесспорно, высшее достижение всей дореволюционной историографии «Двенадцатого года» было издано в 1911—1912 гг. под редакцией А.К. Джигелева, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты с участием В.И. Семевского, Н.И. Кареева, Ю.В. Готье, И.В. Лучицкого, А.А. Кизеветтера, Е.В. Тарле, М.В. Довнар-Запольского, М.И. Туган-Барановского и др. Кутузову здесь посвящена специальная глава, которая открывает 4-й том. Ее автор профессор С.А. Князьков, отдав должное «исключительному уму», колоссальному опыту, расчетливости и осторожности Кутузова, заключал: «Но потом (в 1812 г. — Н. Т.) эта осторожность старого вождя в соединении с некоторой старческой неподвижностью, болезненностью и усталостью сказала для нашей армии и с отрицательной стороны». Князьков признавал, что «Кутузов не был полководцем, равным Наполеону». Он готов был даже признать, что справедливы нелестные отзывы современников о чисто человеческих, нравственных качествах «Спасителя Отечества»: «куртизан», «придворный человек», «везде уживется», — говорили про Кутузова те, кто ему завидовал. И тут было кое-что справедливое<sup>2</sup>.

К 100-летию войны 1812 г. издавалась разная литература, в том числе ряд книг о Бородинской битве таких квалифицированных военных историков, как профессор Академии Генштаба генерал-лейтенант Б.М. Колюбакин, генерал от ин-

<sup>1</sup> Соловьев С.М. Император Александр I. Политика. Дипломатия // Соч.: В 18 кн. М., 1996. Кн. 17. С. 408, 411 и др.

<sup>2</sup> Леер Г.А. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб., 1885; Он же. Война 1805 г. Аустерлицкая операция. СПб., 1888; Гейсман П.А. М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский // Рус. биографический словарь / Под набл. А.А. Половцова. Т. 9. СПб., 1903; Биллов А.К. Курс истории русского военного искусства. СПб., 1913. Вып. 7; Витмер А.Н. 1812 год в «Войне и мире». СПб., 1869; Он же. Бородинский бой // Военно-исторический сб. 1912. № 3; Он же. Бородино в очерках наших современников // Там же. 1913. № 1.

<sup>3</sup> Харкевич В.И. 1812 год. Березина. СПб., 1893. С. 208.

<sup>1</sup> Толстой Л.Н. Война и мир // Собр. соч.: В 14 т. М., 1951. Т. 6. С. 252; Т. 7. С. 79, 207; Мордовцев Д.Л. Двенадцатый год // Гроза двенадцатого года. М., 1991. С. 433, 434; Данилевский Г.П. Со- жженная Москва. М., 1968. С. 73, 210.

<sup>2</sup> Отечественная война и русское общество: Юбилейн. изд. М., 1912. Т. 4. С. 3, 4—5.

фантерии А.П. Скугаревский, член редколлегии «Военной энциклопедии» полковник А.В. Геруа. Все они, высоко оценивая Кутузова как военачальника, старались отмечать, не вдаваясь в подробности, и достоинства его и недостатки (Геруа, например, заметил, что фельдмаршал отличался «способностями недюжинными, но и феноменальной леностью»<sup>1</sup>). Так же судили о Кутузове известные военные историки — генерал от инфантерии Н.П. Михневич в 3-м томе 14-томной «Истории русской армии и флота» (М., 1911) и полковник П.А. Ниве в его 5-томном компилятивном труде «Отечественная война» (М., 1911).

Умеренно хвалебная оценка Кутузова сохранялась и в советское время до середины 1940-х годов, хотя и не без крайностей в ту или другую сторону. Так, признанный лидер первого поколения советских историков академик Михаил Николаевич Покровский (1868—1932) проявлял чрезмерную строгость в критике фельдмаршала, полагая, что тот «оказался слишком стар для каких бы то ни было решительных действий» и что «с назначением Кутузова — и до конца кампании, в сущности, — армия лишилась всякого центрального руководства: события развивались совершенно стихийным путем»<sup>2</sup>. Над стратегией Кутузова перед Бородинской битвой Покровский откровенно иронизировал: «Став во главе армии, Кутузов сообразил, что и ему придется отступить. Но в то же время ему хотелось удовлетворить и тех, которые требовали сражения. В этом желании убить двух зайцев, бегущих притом в разные стороны, сказала натура истинно русского генерала»<sup>3</sup>. Покровский не без оснований считал русскую позицию при Бородине «крайне неудачно выбранной и еще хуже укрепленной», подметив, что Наполеон «брал наши батареи кавалерийскими атаками», но его вывод о том, что

<sup>1</sup> Геруа А.В. Бородино (по новым данным). СПб., 1912. С. 9.

<sup>2</sup> Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: Сб. статей. М., 1923. С. 54.

<sup>3</sup> Н.Н. Война 1812 г. // Правда (№ 1—204). 1912. Вып. 4. (№ 80—105). М., 1934. С. 285. По содержанию и даже по литературному стилю этой статьи видно, что написал ее М.Н. Покровский.

Кутузов в Бородинском сражении «достиг только того, что не был разбит наголову»<sup>1</sup>, конечно же несправедлив.

Точка зрения Покровского на Кутузова и вообще на войну 1812 г. превалировала, хотя и в смягченной форме, почти до конца 1930-х годов в общих курсах русской истории<sup>2</sup>, сводных военно-исторических трудах<sup>3</sup> и в первой за советское время специальной монографии о «Двенадцатом годе», автором которой был начальник кафедры истории военного искусства Военной академии им. М.В. Фрунзе комбриг М.С. Свечников<sup>4</sup>. Остаточное воздействие концепции Покровского сказались и на второй советской книге о войне 1812 г. (автор — профессор Академии Генштаба РККА комбриг Н.А. Левицкий<sup>5</sup>), и на первой из советских биографий Кутузова<sup>6</sup>, хотя здесь уже начата полемика с Покровским.

По-сталински разгромная критика «школы» Покровского, которая развернулась к концу 1930-х годов, затронула, естественно, и взгляды историка на 1812 г., на Кутузова. Специально подготовленная для сборника «Против исторической концепции М.Н. Покровского» (М., 1939. Ч.1) статья В.И. Пичеты называлась еще спокойно: «М.Н. Покровский о войне 1812 г.», а статья А.А. Попова во 2-й части того же сборника имела название: «Внешняя политика самодержавия в XIX веке в кривом зеркале М.Н. Покровского». Да и сам сборник был переозаглавлен: «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» (М.; Л., 1940. Ч. 2).

<sup>1</sup> Покровский М.Н. Указ. соч. С. 54, 55.

<sup>2</sup> См.: Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Л.; М., 1924. Т. 10; Понтоковский С.А. Очерки истории России в XIX и XX вв. Курс лекций. Харьков, 1930; Ваняг Н.Н. Краткий очерк истории народов СССР. М.; Л., 1932. Ч. 1.

<sup>3</sup> См.: Верховский А.И. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. М., 1921, 1922; Свечин А.А. История военного искусства. М., 1922—1923. Ч. 1—3; Сухов В.Г. Краткий очерк истории военного искусства. М.; Л., 1929.

<sup>4</sup> Свечников М.С. Война 1812 г. Бородино. М., 1937.

<sup>5</sup> Левицкий Н.А. Война 1812 г. М., 1938.

<sup>6</sup> Борисов С.Б. Кутузов. М., 1938.

Белорусский академик (с 1946 г. — действительный член АН СССР) В.И. Пичета замалчивал то, что многие считали сильными сторонами концепции Покровского, а критикуя его ошибки, впадал в противоположную крайность: упрекая Покровского в стремлении «обелить Наполеона», сам приравнял взгляд Покровского на 1812 г. и на Кутузова к взглядам «троцкистско-бухаринских контрреволюционеров и врагов народа»<sup>1</sup>. При этом статья Пичеты изобиловала, наряду с хулой по адресу Покровского, преувеличениями (арьергардные бои под Красным 4—6 ноября 1812 г. — «действительное генеральное сражение», «самое большое после Бородина»<sup>2</sup>), передержками («Багратион ничуть не был «ура-патриотом» и не собирался закидывать «великую армию» шапками, как характеризует его Покровский»<sup>3</sup>) и фактическими ошибками (Кутузов-де «потерял левый глаз» при штурме Измаила в 1790 г.<sup>4</sup>). Поразительно, что такую статью советские историки даже полвека спустя ценили как «обстоятельную и тщательно аргументированную»<sup>5</sup>.

Что касается А.А. Попова, то он изложил на двух страницах всю концепцию Покровского «по поводу войны 1812 г.», крайне утрируя ее. Так, второй этап войны у Покровского — это, мол, «своеобразный кросс», в котором «Наполеон вышел победителем: он первый прибежал к границе. Деморализованный Кутузов, растеряв по дороге армию, прибежал последним»<sup>6</sup> (то и другое типично советское опрощение и событий, и действующих лиц. — *Ред.*).

<sup>1</sup> Против исторической концепции М.Н. Покровского. Ч. 1. С. 281, 301, 302.

<sup>2</sup> Там же. С. 283, 284.

<sup>3</sup> Там же. С. 284. Документы свидетельствуют, что П.И. Багратион в июле 1812 г. требовал от М.Б. Барклая-де-Толли: «Наступайте! Ей-богу, шапками их закидаем» (ЧОИДР. 1862. Кн. 1. Отд. 5. С. 194).

<sup>4</sup> Против исторической концепции М.Н. Покровского. Ч. 1. С. 283. В действительности Кутузов потерял глаз не в 1790-м, а в 1774 г., не под Измаилом, а под Алуштой, и не левый, а правый.

<sup>5</sup> А б а л и х и н Б.С., Д у н а е в с к и й В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков (1917—1987). М., 1990. С. 49.

<sup>6</sup> Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Ч. 2. С. 238—239.

Критика взглядов М.Н. Покровского существенно не повлияла на то, как оценивали Кутузова советские историки.

В замечательной книге академика Евгения Викторовича Тарле (1874—1955) «Нашествие Наполеона на Россию», впервые опубликованной в 1938 г., а затем многократно переизданной (в 1939-м, 1940-м, 1941 гг. и т. д.)<sup>1</sup>, Кутузов представлен выдающимся полководцем. Тарле отметил его «большой ум, очень крупные военные дарования», «громкие стратегические способности», но не идеализировал, не возводил его до мифологема «Спаситель Отечества», как это делали в XIX в. российские, а после 1947 г. — советские официозы. Более того, Тарле не умалчивал о склонности Кутузова к придворным, военным «и всяким иным интригам», об его «лукавстве и умении играть людьми», «подъедать так, как подъедает червь дерево» (по выражению генерала С.И. Маевского), «тех, которых он подозревал в разделении славы его»<sup>2</sup>. Со всей определенностью историк высказал свое представление о Кутузове в письме к литератору С.Т. Григорьеву от 20 июля 1940 г.: «...замечательный полководец, <...> умный, осторожный генерал, сумевший сыграть громадную моральную роль народного вождя в труднейший момент русской истории», который, однако, «по своим стратегическим и тактическим дарованиям, просто по размерам этих дарований не равен Суворову и подавно не равен Наполеону»<sup>3</sup>.

Даже в годы Великой Отечественной войны при всем благоговении к «мужественным образам наших великих предков», в числе которых И.В. Сталин 7 ноября 1941 г. с трибуны ленинского мавзолея назвал и Кутузова<sup>4</sup>, — даже тогда наши

<sup>1</sup> Уже к 1962 г. эта книга (лучшая из всех написанных о войне 1812 г.) издавалась 21 раз на 12 языках мира и переиздается поныне.

<sup>2</sup> Т а р л е Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т.7. С. 555, 556. Тот же взгляд на Кутузова Тарле проводил и в книге «Наполеон», изданной годом ранее, — самой популярной из всех его книг (к 1962 г. она была переиздана 42 раза на 20 языках обоих полушарий Земли).

<sup>3</sup> Из литературного наследия акад. Е.В. Тарле. М., 1981. С. 241.

<sup>4</sup> В одном ряду с Александром Невским, Дмитрием Донским. К.З. Мининим, Д.М. Пожарским и А.В. Суворовым: С т а л и н И.В. О Великой Отечественной войне. М., 1942. С. 32.

историки воздерживались от чрезмерного возвеличивания фельдмаршала и не шли ради него на вымыслы и подлоги, как это стало свойственно им (в абсолютном их большинстве) после 1947 г. В книгах о Кутузове Е.В. Тарле, М.В. Нечкиной, Г.Г. Писаревского, К. Осипова (И.М. Осипова-Купермана), Н.Е. Подорожного, М.Г. Брагина, В.Н. Лебедева<sup>1</sup>, а также в самой крупной из тех, что появились за годы войны, монографии о «Двенадцатом годе» И.Б. Берхина<sup>2</sup> Кутузов, разумеется, прославлялся, но не приукрашивался. Лишь в редких случаях высказывались тезисы о Кутузове как о «народном избраннике», которого выдвинул в главнокомандующие «голос народа»<sup>3</sup>, или о том, что при Бородине «цель Кутузова заключалась в отражении неприятельских сил. Русский полководец достиг своей цели»<sup>4</sup>, — тезисы, подхваченные и развитые после 1947 г. П.А. Жилиным, Н.Ф. Гарничем, А.Г. Бескровным и др. Зато говорилось и о просчетах фельдмаршала (например, о доле его вины за «провал Березинской операции»<sup>5</sup>).

Вслед за историками так же почтительно, но без преувеличений, изображали Кутузова в предвоенные и военные годы писатели СССР<sup>6</sup>.

Окончание войны совпало с очень «круглым» (200 лет со дня рождения) юбилеем Кутузова. По этому случаю СНК СССР 8 сентября 1945 г. принял специальное постановление, а Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) издало юби-

лейно-установочную брошюру<sup>1</sup>. Здесь уже обозначилась тенденция к идеализации Кутузова. Впервые в XX в., и притом на «руководящем» уровне, был высказан сакраментальный тезис: «Полководческое искусство Кутузова превзошло полководческое искусство Наполеона»<sup>2</sup>, — тезис, который с тех пор подхватят и впредь, веруя в указание ЦК, как истинный христианин верует в слово Христово, будут долго держаться его советские историки. Впрочем, 1945 г. был еще не началом массивной идеализации Кутузова, а как бы подступом к ней. «Процесс пошел» через два года.

Да, тотальная, целенаправленная и управляемая идеализация Кутузова началась, как по команде, с того февральского дня 1947 г., когда журнал ЦК ВКП(б) «Большевик» опубликовал ответ генералиссимуса Сталина на письмо полковника Е.А. Разина. Там было изречено: «Наш гениальный полководец Кутузов <...> загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления». И еще: «Энгельс говорил как-то, что из русских полководцев периода 1812 г. генерал Барклай-де-Толли является единственным полководцем, заслуживающим внимания»<sup>3</sup>. Энгельс, конечно, ошибался, ибо Кутузов как полководец был бесспорно двумя головами выше Барклая-де-Толли<sup>4</sup>.

С того дня почти вся советская историография войны 1812 г. стала концентрироваться вокруг личности Кутузова, а сама эта личность обрела у историков и писателей<sup>5</sup> мистические разме-

<sup>1</sup> Тарле Е.В. Михаил Кутузов. М., 1941, 1942; Писаревский Г.Г. М.И. Кутузов. Баку, 1942; Осипов К. Михаил Кутузов. Молотов, 1942; Подорожный Н.Е. Кутузов. М., 1942; Брагин М.Г. Фельдмаршал Кутузов. М., 1942; Лебедев В.Н. Великий русский полководец М.И. Кутузов. Саранск, 1942; Нечкина М.В. Михаил Кутузов. М., 1944.

<sup>2</sup> Берхин И.Б. Отечественная война 1812 г. Молотов, 1942.

<sup>3</sup> Берков Е.А. Битва за Бородино. М., 1943. С. 22.

<sup>4</sup> Кац Б.А. О замысле Кутузова в Бородинском сражении // Историк-марксист. 1941. № 3. С. 114.

<sup>5</sup> Подорожный Н.Е. Указ. соч. С. 218.

<sup>6</sup> См.: Соловьев В.А. Фельдмаршал Кутузов. Историческая хроника [1939 г.] // Соловьев В. Исторические драмы. М., 1956; Григорьев С.Т. Двенадцатый год. М.; Л., 1941; Голубов С.Н. Багратион. Слава и честь 1812 г. М., 1943; Тренев К.А. Полководец: Пьеса [1944 г.] // Тренев К.А. Пьесы. Статьи. Речи. М., 1980.

<sup>1</sup> Михаил Илларионович Кутузов: к 200-летней годовщине со дня рождения. М., 1945 (переизд. в 1946 и 1947 гг.).

<sup>2</sup> Указ. брошюра (М., 1945). С. 32.

<sup>3</sup> Не «единственным полководцем...», а «лучшим генералом» Александра I назвали Барклая К. Маркс и Ф. Энгельс в их совместной работе «Барклай-де-Толли» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 94).

<sup>4</sup> Ответ тов. Сталина на письмо тов. Разина // Большевик. 1947. № 3. С. 7—8.

<sup>5</sup> Вот наиболее пылкие «фанаты» Кутузова: П.А. Жилин и Н.Ф. Гарнич, А.Г. Бескровный и С.Б. Окунь, В.В. Прунцов и А.Н. Пунин, М.Г. Брагин и И.И. Ростунов, В.Д. Мелентьев и О.В. Орлик, Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский, Л.А. Ивченко и Н.И. Рязанов, И.А. Андрианова и А.В. Шишов, Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев, А.И. Раковский и О.Н. Михайлов, Н.И. Рыленков и Л.В. Рубинштейн. Впрочем, несть им числа.



ры непогрешимого, полубожественного Спасителя, по адресу которого не должно быть ни слова критики в какой бы то ни было связи и форме. Иначе говоря, отечественное представление о Кутузове было отброшено назад, к временам Филиппа Синельникова и Владимира Панаева.

Среди тех историков, которые добровольно и ревностно приравнивались к сталинскому персту в оценке Кутузова, самыми инициативными пионерами выступили Павел Андреевич Жилин (1913—1987) и Любомир Григорьевич Бескровный (1905—1980). Показательны в этом смысле их первые книги<sup>1</sup>, задуманные и выполненные как иллюстрации к сталинскому тезису о «контрнаступлении Кутузова», что было подчеркнуто даже в названиях книг. И Жилин и Бескровный не преминули объявить, что они создавали свои труды, «руководствуясь указаниями товарища Сталина»<sup>2</sup>. «Величайший вождь и полководец И.В. Сталин, в совершенстве изучивший многовековую борьбу русского народа за свою независимость, первый указал на исключительно важную роль полководческой деятельности Кутузова — так определил основу для своей концепции Жилин»<sup>3</sup>.

Известный советский писатель В.В. Карпов, учившийся вместе с Жилиным в Военной академии им. М.В. Фрунзе, свидетельствует, что о «контрнаступлении Кутузова» Жилин написал сначала дипломную работу, где доказывал, будто «Сталин по примеру Кутузова специально заманил под Москву гитлеровцев, а не они загнали нашу армию к столице», затем (в том же духе) — кандидатскую диссертацию и, наконец, монографию. «Книга попала на глаза Сталину. Он остался очень доволен тем, что так хорошо, по-научному, снимаются наши беды 41-го года и его личные промахи и ошибки», и наградил Жилина Сталинской премией<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Ж и л и н П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., 1950; Б е с к р о в н ы й Л.Г. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. М., 1951.

<sup>2</sup> Ж и л и н П.А. Указ. соч. С. 29; Б е с к р о в н ы й Л.Г. Указ. соч. С. 6.

<sup>3</sup> Ж и л и н П.А. Указ. соч. С. 191.

<sup>4</sup> К а р п о в В.В. Маршал Жуков, его соратники и противники в дни войны и мира. М., 1992. С. 423.

Историографическая культура Жилина выразилась в том, что он счел *всю* русскую дореволюционную историографию 1812 года «буржуазной» и объявил, что вся она «в течение целого века искажала и принижала военные заслуги» Кутузова<sup>1</sup>. Авторитетнейший из зарубежных военных историков Карл фон Клаузевиц (как и вообще все «иностранцы»), по разумению Жилина, — «ярый фальсификатор», а его замечательная книга «1812 год» — «фальшивка», «клеветническая писанина»<sup>2</sup>.

Видимо, из «патриотических» побуждений Жилин намеренно игнорировал зарубежные источники, кроме трех-четырех в русском переводе, и обругал книгу Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию» за то, что она «в значительной ее части основана на иностранных источниках»<sup>3</sup>. Войну 1812 г. Жилин представил как своеобразный бенефис Кутузова, личность которого под пером Жилина заслонила собой всех и вся. Например, М.Б. Барклай-де-Толли здесь «бездеятельный и нерешительный» «иностранец, не умевший даже говорить по-русски»<sup>4</sup>. Кутузов же — избранник и любимец народа, конфликтующий с «царским самодержавием»; военный гений, который всегда — при Малоярославце, под Вязьмой и Красным, на Березине — действовал безукоризненно, а в Бородинской битве «одержал крупнейшую победу»<sup>5</sup>.

Книга Л.Г. Бескровного принципиально не отличалась от жилинской, хотя частные вопросы темы Бескровный решал точнее (он, к примеру, не путал буржуазную историографию 1812 г. с дворянской) либо, напротив, еще алогичнее. Так, по Бескровному, при Бородине «Кутузов не позволил Наполеону не только осуществить какой-либо маневр, но и одержать хотя бы частный успех»<sup>6</sup>. Русскую дореволюционную историографию 1812 г. Бескровный охаивал по-жилински: дескать, вся

<sup>1</sup> Ж и л и н П.А. Указ. соч. С. 7.

<sup>2</sup> Там же. С. 10, 28.

<sup>3</sup> Там же. С. 28.

<sup>4</sup> Там же. С. 34—38, 42, 43.

<sup>5</sup> Там же. С. 44, 58, 60.

<sup>6</sup> Б е с к р о в н ы й Л.Г. Указ. соч. С. 66.

она «извращала и принижала роль Кутузова как полководца», старалась даже «заставить забыть о нем»<sup>1</sup>.

П.А. Жилин и Л.Г. Бескровный заложили в советской историографии 1812 г. особую, квазипатриотическую традицию, смысл которой в том, чтобы возвеличить и приукрасить все «наше», русское (с Кутузовым как надклассовым и непогрешимым феноменом во главе), а все «чужое», враждебное, в данном случае особенно французское, разоблачить и принизить. Впрочем, стоит отметить, что Россия того времени была представлена в сочинениях советских историков, включая даже *поздние* труды Жилина и Бескровного, державой, которая «шла по пути прогрессивного развития» и отстаивала «независимость», «неприкосновенность» других держав<sup>2</sup> в борьбе против буржуазной Франции с ее «жесточайшим режимом», «наполеоновской тиранией»<sup>3</sup>.

Крайним выражением этой традиции стала книга генерал-майора Н.Ф. Гарнича «1812 год», впервые изданная в 1952 г. (2-е изд. — 1956 г.). Гарнич написал ее в ухарском стиле, подменяя, утрируя, извращая очевидные факты: договорился, например, до того, что русские после Бородина будто бы 11 верст преследовали французов<sup>4</sup>; выходило, что Кутузов начал вдруг отступать к Москве после того, как он 11 верст гнался за разбитым Наполеоном. Вообще, Кутузов у Гарнича поднят (по сталинскому рецепту) «двумя головами выше» Барклая-де-Толли и других русских военачальников, не говоря уже о «ничтожных французах с их бездарью» — Наполеоном во главе. Хлестаковский опус Гарнича выдержал два издания и был выдвинут на соискание Ленинской премии, но затем, к чести нашей сатиры, высмеян журналом «Крокодил»<sup>5</sup>, что, впрочем, не помешало П.А. Жилину и Л.Г. Бес-

<sup>1</sup> Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 5—6.

<sup>2</sup> Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 27; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 594.

<sup>3</sup> Жилин П.А. Указ. соч. С. 333; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 593.

<sup>4</sup> Гарнич Н.Ф. 1812 год. М., 1956. С. 181.

<sup>5</sup> Семенов М.Г. Тайны ремесла // Крокодил. 1959. № 7.

кровному вновь и вновь рекомендовать его в числе достижений отечественной науки<sup>1</sup>.

С 1947 г. до середины 1950-х годов вся советская литература о Кутузове и о войне 1812 г. теснилась в том русле, которое контурно обозначил Сталин и проложили по сталинскому контуру Жилин, Бескровный, Гарнич<sup>2</sup>. При этом советские историки надзирали друг за другом, чтобы никто из них не вышел из заданного русла. Сегодня как анекдот воспринимается действительный случай, когда на заседании ученого совета историков Ленинградского университета один из профессоров упрекнул докладчика профессора С.Б. Окуня: «Товарищ Сталин показал нам, что Кутузов был на две головы выше Барклая-де-Толли, а у вас получается — только на одну»<sup>3</sup>.

К «неподдающимся», хотя бы и мировой значимости, ученым применялись оскорбительно-жесткие меры воздействия: против них власть «спускала» с трибун, недоступных для ответной критики, своих оруженосцев — порою случайных, в научном отношении никчемных, но религиозно преданных «верхам». Так, против Е.В. Тарле был спущен С.И. Кожухов — в то время директор Бородинского музея. Его статью «К вопросу об оценке М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г.» опубликовал в 1951 году журнал «Большевик». Формально директор Бородинского музея, а фактически журнал ЦК ВКП(б), обвинил Тарле в том, что он на страницах своего классического труда «Нашествие Наполеона на Россию» (который, кстати, с 1938-го по

<sup>1</sup> Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 65—66; Жилин П.А. Указ. соч. С. 13, 434.

<sup>2</sup> См.: М.И. Кутузов. Материалы юбилейной сессии военных академий Красной армии, посвященной 200-летию со дня рождения М.И. Кутузова. М., 1947; Прунцов В.В. Бородинское сражение. М., 1947; Жилин П.А., Ярославцев А.В. Бородинское сражение. М., 1952; Червяков Д.Е. Партизанское движение в период подготовки и проведения Кутузовым контрнаступления в 1812 г. М., 1953; Полководец Кутузов: Сб. статей. М., 1955 и др.

<sup>3</sup> См.: Пугачев В.В., Динес В.А. Историки, избравшие путь Галилея: Статьи. Очерки. Саратов, 1995. С. 137. В 1952 г. П.А. Жилин упрекал Н.Ф. Гарнича в том, что он не сумел «показать, почему Барклая-де-Толли как полководец был на две головы ниже Кутузова» (Кутузов был выше двумя головами... // Родина. 1992. № 6—7. С. 172).

1945 г. издавался в СССР и за рубежом *ежегодно*) изобразил войну 1812 г. якобы «в кривом зеркале» и «не осветил того главного факта, что Кутузов как стратег и тактик выше Наполеона»<sup>1</sup>. Вслед за статьей Кожухова и в ее духе прошли обсуждения книги Тарле на ученых советах Института истории АН СССР, Московского и Ленинградского университетов.

Тарле подготовил ответ на статью Кожухова и 15 сентября 1951 г. послал его Сталину. «Для меня ясно, — писал Евгений Викторович «хозяину» партии и страны, — что без Вашего содействия это, очень краткое, чисто деловое мое письмо в редакцию журнала «Большевик» напечатано там не будет»<sup>2</sup>. Сталин такое содействие оказал. «Большевик» напечатал ответ Тарле, где на конкретных примерах показана необъективность Кожухова («систематически умалчивает о том, что я говорю, но приписывает мне то, что я и не думаю утверждать, и затем победоносно опровергает это»<sup>3</sup>). Вместе с тем Тарле признал, что в его книге есть известная недооценка Кутузова, и обещал «приступить к пересмотру недочетов, ошибок и вообще прежних сложившихся мнений» о Кутузове<sup>4</sup>.

Редакция «Большевика» сопроводила ответ Тарле специальным заявлением, в котором историку было строго указано на то, что он «не пересмотрел еще до конца своих ошибочных взглядов» и настаивает на своем, «вопреки фактам и документальным свидетельствам, приведенным в статье тов. Кожухова». Заявление кончалось жесткой директивой: «Редакция полагает, что академик Тарле выполнит свое обещание и даст советскому читателю новые исследования, написанные с учетом тех справедливых критических замечаний, которые были высказаны в нашей печати».

<sup>1</sup> К о ж у х о в С.И. К вопросу об оценке М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г. // Большевик. 1951. № 15. С. 24.

<sup>2</sup> АРАН. Ф. 627 (Е.В. Тарле), оп. 4, д. 145, л. 1 (копия). Подлинник этого письма Тарле с пометой Сталина «м.б. напечатано» обнаружил в РЦХИДНИ Е.И. Чапкевич (См.: Чапкевич Е.И. Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность акад. Е.В. Тарле. Орел, 1994. С. 165, 189).

<sup>3</sup> Т а р л е Е. Письмо в редакцию журнала «Большевик» // Большевик. 1951. № 19. С. 76.

<sup>4</sup> Там же.

Такое заявление редакция журнала «Большевик» сделала конечно же с ведома, а может быть, и по прямому указанию Сталина, который к тому времени уже мог разочароваться в былых надеждах на Тарле как на своего придворного историка<sup>1</sup>. Академик Тарле был тогда уже стар (77 лет) и болен, а главное, хорошо понимал (отчасти по собственному опыту начала 1930-х годов<sup>2</sup>), сколь опасно для ученого в СССР инакомыслие и непослушание. Поэтому он уступил. Уже в мартовском номере журнала «Вопросы истории» за 1952 г. появилась его статья «Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат». В ней Тарле, следуя духу времени и букве указаний ЦК, очень идеализировал Кутузова, хотя и провозгласил, как это делал прежде, истинным победителем Наполеона русский *народ*, который «нашел в Кутузове достойного представителя»<sup>3</sup>.

Еще большие уступки конъюнктуре были сделаны в статье Е.В. Тарле «Бородино», написанной тоже в 1952 г., но при жизни автора не напечатанной (вероятно, сам Евгений Викторович находил ее конъюнктурной сверх меры). Статья была опубликована лишь в 1962 г. Здесь Тарле, вопреки своему обыкновению, подгонял факты и аргументы под заданную схему: например, чтобы представить Бородино безоговорочной, не только моральной, но и «стратегической, тактической победой русской армии и ее полководца», он утверждал, будто при Бородине «целью Кутузова было отражение наполеоновских сил и сохранение русской армии»<sup>4</sup>, умалчивая о том, что сам Кутузов ставил целью «спасение Москвы»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> О том, как Сталин в 30—40-е годы «ухаживал» за Тарле («пожаловал» ему роскошные квартиры в Ленинграде и Москве, восстановил в звании академика, консультировался у него), см.: Чапкевич Е.И. Указ. соч. С. 95—97, 104—105, 145, 147, 158. Тарле, однако, в противоположность жилиным, гарничам и др., ни в одном из своих печатных трудов ни разу не восславил Сталина.

<sup>2</sup> Об аресте Тарле по т. н. «академическому делу», его исключении из АН СССР и двухлетней ссылке в Казахстан подробно см.: Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению акад. Е.В. Тарле. Ч. 1—2. СПб., 1998.

<sup>3</sup> Т а р л е Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 7. С. 817.

<sup>4</sup> Там же. Т. 12. С. 423, 455.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1. С. 106, 113, 119, 120, 130.

Итак, Е.В. Тарле уступил сталинскому воззрению на Кутузова. Уступил вынужденно, в разладе с самим собой<sup>1</sup>. Лишь с позиции черного юмора можно заключить, что он тогда «творчески пересмотрел свои старые взгляды»<sup>2</sup>. Но даже это научное покаяние не спасло Тарле от нападок сталинистов. В 1952 г. П.А. Жилин выступил с брошюрой «Великий русский полководец Кутузов», где по-кожуховски хулил суждения Тарле о Кутузове. Евгений Викторович вынужден был обратиться с просьбой защитить его от травли к секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Суслову. «Он, — писал Тарле о Жилине, — подло, лживо, сознательно клеветнически плетет что-то о том, что я следую за фальсификаторами истории. И это после моей статьи, о которой Вы хорошо знаете. Эта гнусная выходка — часть кампании клеветы и забрасывания меня грязью, ведомой кожуховыми и жилиными»<sup>3</sup>. Сулов, видимо, посчитал, что «кожуховы и жилины» поработали более чем достаточно, и поручил своим чиновникам успокоить Евгения Викторовича<sup>4</sup>. Разумеется, вся эта двухлетняя травля великого историка отравила последние годы его жизни и ускорила его конец.

В дальнейшем — при всех (впрочем, не принципиальных) переменах в политической конъюнктуре от хрущевской «оттепели» до брежневского «застоя» — идеализация Кутузова продолжалась, а нагнетали ее главным образом те же историки-сталинисты во главе с П.А. Жилиным и Л.Г. Бескровным (Н.Ф. Гарнич в 1961 г. умер). Высшим, официально признанным авторитетом среди них стал энтузиаст клеветнической кампании против Е.В. Тарле генерал-лейтенант Жилин, увенчанный лаврами члена-корреспондента АН СССР, лауреата Ленинской премии, начальника Института военной истории Министерства

<sup>1</sup> По воспоминаниям В.Г. Сироткина, Тарле в лекциях перед студентами 1953 г. резко критиковал свои поздние работы // Историографический сб. Саратов, 1977. Вып. 6. С. 171—172.

<sup>2</sup> А б а л и х и н Б.С., Д у н а е в с к и й В.А. Указ. соч. С. 110.

<sup>3</sup> Цит. по: Ч а п к е в и ч Е.И. Указ. соч. С. 167. Трагикомично, что Жилин был бы вправе усмотреть «фальсификацию» именно в статьях Тарле 1952 г., написанных под давлением сверху, а вместо этого объявил «фальсификаторскими» подлинно научные труды Евгения Викторовича 30-х годов.

<sup>4</sup> См.: Ч а п к е в и ч Е.И. Указ. соч. С. 167.

обороны СССР. Его конъюнктурная поделка 1950 г. «Контрнаступление Кутузова в 1812 г.» переиздавалась четырежды, разбухая в объеме и меняя названия<sup>1</sup>, но сохраняя и даже утрируя сталинскую концепцию (конечно, уже без ссылок на самого Сталина). Жилин и в поздних своих трудах повторял такие вздорные мифы, как выдуманный им «конфликт между Кутузовым и царским правительством»<sup>2</sup> или тезис о том, что в 1805 г. на полях Баварии Кутузов «возглавлял борьбу русского народа против наполеоновской агрессии»<sup>3</sup>.

Не отставал от генерала Жилина и полковник Бескровный. Задавшись целью показать, что Кутузов как полководец превосходил Наполеона, Бескровный попытался даже определить меру этого превосходства: «Кутузов был выше Барклая-де-Толли двумя головами», но «Барклай был выше любого из французских маршалов и мог тягаться с Наполеоном»<sup>4</sup>. Вывод отсюда напрашивался сам собой: Кутузов выше и Наполеона — тоже на две головы.

В качестве одного из доказательств превосходства Кутузова над Наполеоном у нас с 50-х годов широчайше распространилась версия, будто Наполеон «всегда (в 1812 г. тоже. — Н. Т.) стремился решать исход войны в одном генеральном сражении», отличаясь тем самым (разумеется, невыгодно) от Кутузова, который понимал, что «исход войны решается не одним, а несколькими сражениями»<sup>5</sup>. Оплошность этой версии столь очевидна, что доверие к ней сонма историков кажется неве-

<sup>1</sup> Контрнаступление русской армии в 1812 г. (1953); Гибель наполеоновской армии в России (1968, 1974); Отечественная война 1812 г. (1988).

<sup>2</sup> Ж и л и н П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 40; О н ж е. Отечественная война 1812 г. С. 33.

<sup>3</sup> Ж и л и н П.А. О войне и военной истории. М., 1984. С. 503, 504.

<sup>4</sup> Кутузов был выше двумя головами... // Родина. 1992. № 6—7. С. 171.

<sup>5</sup> Г а р н и ч Н.Ф. 1812 год. М., 1956. С. 119—120; 1812 год: Сб. статей. М., 1962. С. 95; Б е с к р о в н ы й Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 398, 597; История военного искусства. М., 1963. Т.1. С. 179; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 4. С. 122; О к у н ь С.Б. История СССР: Лекции. Л., 1978. Ч. 2. С. 6; Ж и л и н П.А. О войне и военной истории. М., 1984. С. 501; О н ж е. Фельдмаршал М.И. Кутузов. М., 1988. С. 297; Р я з а н о в Н.И. М.И. Кутузов и его письма // Кутузов М.И. Письма. Записки. М., 1989. С. 544, 553. Этот перечень можно продолжить.

роятной. Дело в том, что и до 1812 г. Наполеон *никогда* не решал исхода какой бы то ни было из своих войн в одном сражении, и в 1812 г. такой исход исключался заведомо уже потому, что перед Наполеоном (он это знал!) стояли вразброс на 800 верст три русские армии, и при всем желании он не мог встретиться с ними в одном сражении.

Труды П.А. Жилина и Л.Г. Бескровного получили в официозных кругах ярлыки фундаментальности и до смерти их авторов оставались вне критики. Впрочем, наши историки до 1990-х годов не забывали поминать добрым словом ни Н.Ф. Гарнича, ни С.И. Кожухова<sup>1</sup>.

По примеру советских официозных историков, искательно равняясь на них, идеализировали Кутузова наши писатели — прозаики, поэты, драматурги<sup>2</sup>. По-жилински представлен Кутузов и в повести Д.И. Петрова-Бирюка («весь народ» требовал в главнокомандующие «всеми любимого Кутузова»; при Бородине Кутузов «одержал крупнейшую победу»<sup>3</sup> и т. д.), и в романе Л.И. Раковского («вся страна говорила: только Кутузов может спасти Россию»<sup>4</sup>), и в драме Г.Д. Мдивани (здесь гордый князь П.И. Багратион встречает Кутузова, только что назначенного главнокомандующим, с подобострастной восторженностью: «С вами мы победим, Михаил Илларионович», а при Бородине раненный, чуть не на руках Кутузова, восклицает: «Друг мой, *хозяин мой...*»<sup>5</sup>). А поэт-орденоносец Н.И. Рыленков, развивая сталинский тезис, «подсчитал», что Кутузов как полководец был выше Барклая-де-Толли «на расстояние между Тарутином и Нижним»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> А б а л и х и н Б.С., Д у н а е в с к и й В.А. Указ. соч. С. 109, 113. Здесь (1990 год!) говорится, что Кожухов «обоснованно критиковал» ошибки Е.В. Тарле, «используя разнообразные источники, доказал» и т. д.

<sup>2</sup> Их произведения, созданные еще до распада СССР, переиздаются и ныне.

<sup>3</sup> П е т р о в (Бирюк) Д.И. Сыны степей донских. М., 1959. С. 135, 203.

<sup>4</sup> Р а к о в с к и й Л.И. Кутузов. М., 1960. С. 385.

<sup>5</sup> М д и в а н и Г.Д. Петр Багратион // Избр. произведения. М., 1974. Т. 2. С. 435, 468. Курсив мой. — Н. Т.

<sup>6</sup> Р ы л е н к о в Н.И. На Старой Смоленской дороге. М., 1969. С. 232.

Подобно П.А. Жилину в историографии, у кутузовских «фанатов» есть свой лидер и в отечественной беллетристике. Это — лауреат премии Министерства обороны СССР Олег Николаевич Михайлов, автор «исторических романов» и даже научно-популярных эссе о Кутузове и 1812 г. Он, кстати, не скрывает своей опоры на Жилина, поверхностно-конъюнктурный опус которого «Фельдмаршал М.И. Кутузов» величает «классическим трудом»<sup>1</sup>. Вслед за Жилиным Михайлов превозносит Кутузова до небес как полубожественного «Спасителя России», слепо восторгаясь его нравственными качествами: даже суворовское «Я не кланяюсь Кутузову...» рассматривает детски-простоудушно как свидетельство такой сверходаренности, масштабности своего героя, в которой Суворов не мог разобраться<sup>2</sup>. Сверхпатриотично, как Жиалин, сравнивает Михайлов Кутузова с Наполеоном: «Не впервые встречался Кутузов с Наполеоном на поле брани. И всякий раз своей стратегией прославленный русский полководец расстраивал планы Наполеона»<sup>3</sup> — *всякий раз*, включая, стало быть, и Аустерлиц, где, как известно, армия Кутузова потерпела от Наполеона одно из тяжчайших поражений за всю историю России<sup>4</sup>.

Великий О. Бальзак говорил: «Хорошо написанные исторические романы стоят лучших курсов истории». К сожалению, исторические романы советских писателей о войне 1812 г. и о Кутузове после 1947 г. все — за исключением романа Б.Ш. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» (1985) — имитируют худшие курсы истории.

Идеализация Кутузова доходила в СССР до абсурда. Характерный пример — изданная в 1976—1980 гг. 8-томная Советская военная энциклопедия под редакцией П.А. Жилина и др. Статья о Кутузове здесь в 6,5 раза (!) больше статьи о Барклае-

<sup>1</sup> М и х а й л о в О.Н. Кутузов. М., 1988. С. 452.

<sup>2</sup> Там же. С. 432, 438.

<sup>3</sup> М и х а й л о в О.Н. Бородино. М., 1982. С. 56.

<sup>4</sup> Подробно о сочинениях О.Н. Михайлова и других советских беллетристов на «кутузовскую» тему см.: Т р о и ц к и й Н.А. Небываемое бывает? Война 1812 г. в изображении советских писателей // Родина. 1994. № 9; О н ж е. Дилетантизм профессионалов (письмо в редакцию журнала «Родина») // Освободительное движение в России. Саратов, 1997. Вып. 16.

де-Толли (а Л.И. Брежневу, кстати, отведено больше текста, чем любому из величайших полководцев всемирной истории, включая Александра Македонского, Цезаря, Наполеона и Суворова). Шло время, слабел партийный диктат, началась горбачевская «перестройка», а в любом из обобщающих трудов о войне 1812 г., не говоря уже о биографиях Кутузова, фельдмаршал непременно по-сталински («двумя головами!») возвышался над Барклаем и вообще над всеми, не только российскими, полководцами своего времени.

Первой в потоке «перестроечной» литературы о Кутузове и 1812 г. увидела свет книга военного историка В.Д. Мелентьева<sup>1</sup>. Кутузов здесь представлен как безукоризненный народный герой, второй Суворов. Прославляя его, Мелентьев повторяет надуманные штампы официальной — дореволюционной и советской — историографии: одержал «несомненную победу» при Бородине, «решиться оставить Москву мог только Кутузов» (С. 148, 150), а чтобы оправдать Кутузова в катастрофе под Аустерлицем, заявляет, что там «русскими войсками распоряжались иностранцы: Вейротер, Гогенлоэ, Лихтенштейн, Вимпфен, Буксгевден, Ланжерон и другие» (С. 115). О том, что все эти «иностранцы» были тогда *в подчинении* у Кутузова, Мелентьев умолчал.

В 1987—1989 гг., к 175-летию Отечественной войны 1812 г., хлынула на книжный рынок юбилейная литература, где Кутузов, естественно, был главным героем. Это, в первую очередь, изданная 100-тысячным тиражом монография Ольги Васильевны Орлик (1930—1998)<sup>2</sup> — первой и пока единственной в отечественной историографии женщины, рискнувшей написать специально обобщающее исследование *о войне*. Монография сориентирована строго «по Жилину», хотя и обставлена — довольно неуклюже — внешними приметами «перестройки»:

<sup>1</sup> Мелентьев В.Д. Кутузов в Петербурге. Л., 1986; См.: Троицкий и Н.А. Народ хотел Кутузова... (О кн. В.Д. Мелентьева) // В мире книг. 1987. № 10.

<sup>2</sup> Орлик О.В. Гроза двенадцатого года... М., 1987; См. об этой кн.: Троицкий Н.А. Кладезь ошибок // В мире книг. 1988. № 4; Почтовая дуэль // Там же. 1988. № 11.

Орлик открыла и закрыла ее цитатами из решений «перестроечного» XXVII съезда КПСС, а в указатель имен, между М.Б. Барклаем-де-Толли и М.И. Кутузовым, поместила М.С. Горбачева. Кутузов смотрится под пером Орлик величайшим полководцем: «Военный гений Кутузова оказался выше военного гения Наполеона» (С. 105), безупречно действует при Бородине и даже на Березине (С. 52, 104), наносит «поражение» Наполеону при Малоярославце (С. 77), а что касается Тарутинского боя между войсками Кутузова и французским авангардом И. Мюрата 6 октября 1812 г., то Ольга Васильевна приравняла его по значению к битве на Куликовом поле 1380 г. (С. 75).

В старом, «жилинском» ключе выдержаны брошюра И.И. Ростунова<sup>1</sup>: Кутузов здесь как полководец превосходит Наполеона и везде — от Бородина до Березины — действует идеально (С. 27, 57—59) и, особенно, пространное (почти 40 с.) послесловие Н.И. Рязанова к сборнику писем и записок Кутузова<sup>2</sup>. Рязанов даже отступил от Жилина к Н.Ф. Гарничу, которого он часто (впережку с Лениным и Жилиным) цитирует и вслед за которым повторяет небылицы о том, что Кутузов в 1805 г. «шел от успеха к успеху» (С. 541)<sup>3</sup>, а при Бородине «одержал полную стратегическую и тактическую победу» и гнал Наполеона 11 верст от Бородина (С. 554).

Это сравнительно недавнее сочинение Рязанова сегодня выглядит анахронизмом. Впрочем, как анахронизм воспринимаются и изданные в 1988 г. (посмертно) две последние книги П.А. Жилина<sup>4</sup>, поскольку они повторяют — часто вопреки фактам и документам — все сказанное Жилиным ранее: русская армия к 1812 г. была «значительно выше армий стран Западной Европы», включая французскую; Кутузов как полко-

<sup>1</sup> Ростунов И.И. Отечественная война 1812 г. М., 1987.

<sup>2</sup> Рязанов Н.И. М.И. Кутузов и его письма // Кутузов М.И. Письма, записки. М., 1989.

<sup>3</sup> Поскольку Кутузов в 1805 г. до Аустерлица успешно бежал от Наполеона, а под Аустерлицем был разбит, похвала Н.И. Рязанова здесь звучит двусмысленно.

<sup>4</sup> Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. М., 1988; Он же. Фельдмаршал М.И. Кутузов. Жизнь и деятельность. М., 1988.

водец — выше Наполеона, а военное искусство России — самое передовое в мире и т. д.<sup>1</sup>

Отчасти переходный характер в потоке юбилейной литературы о Кутузове и 1812 г. носят обобщающие труды В.Г. Сироткина и творческого дуэта Б.С. Абалихин — В.А. Дунаевский. В первом из них<sup>2</sup> уже нет «патриотических» гипербола и подлогов, столь характерных для Н.Ф. Гарнича, Л.Г. Бескровного, П.А. Жилина, но читателя шокируют фактическими несообразностями<sup>3</sup> и, главное, идеализацией Кутузова как безупречного полководца и даже (в кричащем противоречии с массой широко известных источников) «верного мужа» (С. 169, 185, 232 и др.). Что касается монографии Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского — по теме и самому названию очень масштабной<sup>4</sup>, — то она, при всем желании авторов прорваться сквозь толщу догматических наслоений к научной критике, сохраняет на себе печать сталинской школы. Таковы их попытки представить доказанное (Москву сожгли россияне) спорным, а недоказуемое (Кутузов как полководец «превосходил Наполеона») — доказанным (С. 79, 112—113)<sup>5</sup>.

После 1947 г. лишь некоторые из советских историков в исследованиях по *частным* вопросам истории Отечественной войны 1812 г. строго держались научной объективности в любой политической конъюнктуре, не поддаваясь никаким призывам к идеализации Кутузова (и вообще кого бы то ни было). Таковы

<sup>1</sup> Подробно об этом см.: Троицкий Н.А. Повторение пройденного // Вопросы истории. 1989. № 2.

<sup>2</sup> Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1988.

<sup>3</sup> Войну 1806—1807 гг. В.Г. Сироткин считает «первой русско-французской» (С. 41—42), тогда как она была второй. Генералы Ю. Понятовский, А. Жюно, Ж. Лористон «ходят» у него в маршалах (С. 35, 64, 125, 203). Перепутаны генералы А.А. и Н.А. Тучковы, и вдова первого из них «приписана» ко второму (С. 124). Перечень таких ошибок в книге Сироткина можно продолжать очень долго.

<sup>4</sup> Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917—1987. М., 1990.

<sup>5</sup> Подробно см. в моей рецензии об этой книге (Отечественная история. 1992. № 2. С. 195—198) и в реплике «Как спорят историки» (Там же. 1993. № 3).

были в 1940-е годы диссертации В.В. Пугачева и В.И. Вяликова<sup>1</sup>, в 60-е — монография А.Г. Тартаковского<sup>2</sup> и очень смелые статьи А.Н. Кочеткова и В.М. Холодковского<sup>3</sup>, где впервые после сталинских указаний 1947 г. прозвучала критика (хотя и весьма осторожная) Кутузова-полководца. В 70-е годы порадовали специалистов научной объективностью статья И.Т. Трофимова о «Полководце» А.С. Пушкина, книга Л.П. Богданова и новая монография А.Г. Тартаковского<sup>4</sup>. С 80-х годов в условиях «перестройки» таких исследований стало больше, но и теперь они касались частных вопросов. С одной стороны, продолжали исследовать «Двенадцатый год» «ветераны» В.В. Пугачев и А.Г. Тартаковский<sup>5</sup>, а с другой — публиковали свои первые труды историки нового поколения<sup>6</sup>, которые будут все громче заявлять о себе уже в постсоветское время.

Опыт обобщающего исследования войны 1812 г. и роли в ней Кутузова с пересмотром мифотворчества Жилина и К° был предпринят мною в книге «1812 год»<sup>7</sup>. Воспринят он был неоднозначно. Наряду с положительными рецензиями в ряде из-

<sup>1</sup> Пугачев В.В. Подготовка России к Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1947; Вяликов В.И. Первая Смоленская операция русских войск в 1812 г. М., 1947.

<sup>2</sup> Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 г. М., 1967.

<sup>3</sup> Кочетков А.Н. О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // Военно-исторический журнал. 1963. № 12; Холодковский В.М. Наполеон ли поджег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4.

<sup>4</sup> Трофимов И.Т. «Полководец» // Прометей. 1975. Т. 10; Богданов Л.П. Русская армия в 1812 г. Организация, управление, вооружение. М., 1979; Тартаковский А.Г. 1812 г. и русская мемуаристика. М., 1980.

<sup>5</sup> Тартаковский А.Г. К изучению текста «Писем русского офицера» Ф.Н. Глинки // Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982; Пугачев В.В. Пушкин и 1812 г. (К истолкованию «Полководца») // Проблемы истории, культуры, литературы, социально-экономической мысли. Саратов, 1984.

<sup>6</sup> Тотфалушин В.П. М.Б. Барклай-де-Толли в Отечественной войне 1812 г.: советская историография темы // Историографический сб. Саратов, 1984. Вып. 11; Он же. М.Б. Барклай-де-Толли в дворянской историографии Отечественной войны 1812 г. // Там же. Саратов, 1989. Вып. 14; Шведов С.В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 г. // История СССР. 1987. № 4.

<sup>7</sup> Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988.

даний СССР и США<sup>1</sup>, хранители жилинских традиций обрушились на мою книгу с гневом и желчью<sup>2</sup>.

Здесь уместно сказать о том, что еще в 1963 г. я подготовил для журнала «Вопросы истории» статью с пересмотром официозных оценок 1812 г. (особенно вульгарной идеализации М.И. Кутузова). Редакция «Вопросов истории» отшатнулась от статьи. Тогда я переслал ее в Отделение истории АН СССР и в Идеологическую комиссию (была такая!) ЦК КПСС. Комиссия предложила историкам обсудить статью. Руководство Отделения засуетилось. У меня хранятся три письма ко мне за подписью академика-секретаря Отделения истории Е.М. Жукова от 13 июля и 3 сентября 1964 г. и вновь 13 июля уже 1966 г. о том, что обсуждение моей статьи запланировано, перенесено и, когда хрущевскую «оттепель» сменил брежневский «застой», отменено. Вместо обсуждения мне был прислан «развернутый отзыв» о статье, подписанный Л.В. Черепнинным и И.В. Бестужевым. Жонглируя цитатами из Маркса и Ленина (все ссылки в «развернутом» отзыве сделаны только на эти две фамилии!), авторы отзыва разъясняли мне, что Ленин «называл Клаузевица, Гнейзенау, Шарнгорста, Блюхера «лучшими людьми Пруссии», а поэтому и «Кутузов вполне заслуживает столь же высокой оценки». Все мои суждения были перечеркнуты в отзыве как «бездоказательные».

Я понял тогда, что тема «Двенадцатого года» для меня закрыта, и на два десятилетия, до перестроечных времен, отошел от работы над ней.

В постсоветской России ни о войне 1812 г., ни о Кутузове историки и писатели не забывают. В 1995 г. журнал «Родина» организовал даже «круглый стол» историков специально о Кутузове<sup>3</sup>. Свободны от «патриотических» домыслов 40—80-х годов книги В.П. Тотфалушина о М.Б. Барклае-де-Толли и (в мень-

<sup>1</sup> См.: Новый мир. 1989. № 9. С. 258—262; Знамя. 1989. № 10. С. 218—220; История СССР. 1990. № 2. С. 187—189; The Russian Review. 1991. № 50. P. 220—221.

<sup>2</sup> См.: Галактионов И.В., Соколов Ю.Ф. Великий год России // Военно-исторический журнал. 1990. № 7.

<sup>3</sup> Спаситель Отечества. Кутузов — без хрестоматийного глянца // Родина. 1995. № 9.

шей степени) В.Н. Балязина<sup>1</sup>. Тот же Балязин избегает чрезмерных прикрас и в своих трудах о Кутузове<sup>2</sup>. Новаторскими и строго документированными выглядят книги В.Н. Земцова и А.И. Попова о Бородинском и А.А. Васильева о Малоярославецком сражении<sup>3</sup>. Много и творчески занимаются историей «Двенадцатого года» В.М. Безотосный, А.М. Горшман, С.А. Малышкин, А.А. Смирнов, А.И. Ульянов, С.В. Шведов. Но тяга «к Жилину» довлечет еще над историками и сегодня. «Последний из могикан» сталинской школы В.А. Дунаевский в 1997 г. опубликовал очередной панегирик Кутузову как «Спасителю России»<sup>4</sup>, отметив здесь, что Сталин Кутузова лишь «вроде бы почитал» (С. 29), то есть, по Дунаевскому, недохвалил. Как Жилин, представляют себе Кутузова и некоторые постсоветские историки — например, А.В. Шишов<sup>5</sup> и, особенно, Л.А. Ивченко — та, которая за «круглым столом» в журнале «Родина» утверждала, что критиковать Кутузова могли только обидчивые и завистливые «недоброжелатели»<sup>6</sup>. Статьи Ивченко очень амбициозны. К примеру, она объявила суждения А.Г. Тартаковского и В.В. Пугачева «беспольными» и «смехотворными», а меня «отчитала» за то, что я (по ее наитию) «никогда не был на Бородинском поле»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> См.: Тотфалушин В.П. М.Б. Барклае-де-Толли в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1991; Балязин В.Н. Фельдмаршал М.Б. Барклае-де-Толли. Жизнь и полководческая деятельность. М., 1990.

<sup>2</sup> См.: Балязин В.Н. Верный друг Михаила Г. — К. // Октябрь. 1987. № 8—9; Он же. Михаил Кутузов. М., 1991.

<sup>3</sup> Васильев А.А. Сражение при Малоярославце 12 октября 1812 г. // Малоярославец. Очерки по истории города. Малоярославец, 1992. С. 16—87; Попов А.И. Бородинское сражение. Самара, 1995; Земцов В.Н. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999.

<sup>4</sup> Дунаевский В.А. Генерал-фельдмаршал, светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов в социокультурном контексте (Переизд. в сб.: В.А. Дунаевский. К 80-летию со дня рождения. М., 2000).

<sup>5</sup> См.: Шишов А.В. Особенности полководческого искусства генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова в Отечественной войне 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997.

<sup>6</sup> Спаситель Отечества. Кутузов — без хрестоматийного глянца. С. 65—66.

<sup>7</sup> Ивченко Л.А. М.И. Кутузов в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 16; Она же. «Полководец» А.С. Пушкина: поэтический образ и исторические реалии // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск — Терра, 2000. С. 92, 96.



Наиболее показательна для современных оценок Кутузова новейшая биография фельдмаршала, которую составили Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев к 250-летию кутузовскому юбилею<sup>1</sup>. В ней есть приметы нового, более научного подхода к теме, по сравнению с трудами П.А. Жилина: отвергнут жилинский вымысел о «конфликте между Кутузовым и царским правительством», без «патриотических» гипербола рассмотрены итоги Бородина и причины пожара Москвы, разысканы новые данные о самом Кутузове и его времени. Но большей частью новая биография Кутузова повторяет официально-советскую трактовку темы с характерным для нее прикрасами, умолчаниями и домыслами. Успехи Кутузова (и, вообще, россиян) преувеличиваются, а неудачи умаляются — с опорой «на цифирь», даже устаревшую и опровергнутую, лишь бы она была «в нашу пользу». Главное же, Кутузов и здесь идеализируется как «Спаситель Отечества» (это его титло вынесено в название основной главы о войне 1812 г.), а критические высказывания о нем его соратников и современников, включая генералиссимуса А.В. Суворова и канцлера А.А. Безбородко, адмирала А.С. Шишкова, генералов Н.Н. Раевского и П.И. Багратиона, объясняются, в основном, «недопониманием масштабности полководца».

Не вышла из плена старых, слишком апологетических по отношению к Кутузову мифологем и последняя по времени его биография (рассчитанная на учащихся школ, гимназий, лицеев и написанная, надо признать, очень ярко)<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов. М., 1995. Подробно об этой кн. см.: Троицкий Н.А. Новая биография М.И. Кутузова // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 1997. Вып. 2; Он же. Домыслы вместо правды (ответ Ю.Н. Гуляеву) // От Москвы до Парижа (1812—1814). Малоярославец, 1998.

<sup>2</sup> Андрианова И.А. Спаситель отечества: Жизнеописание М.И. Голенищева-Кутузова. М.; Смоленск, 1999. Что касается изданного в Калмыкии (посмертно) сб. трудов Б.С. Абаихина «1812 год: актуальные проблемы истории» (Элиста, 2000), то он повторяет все прежние (вплоть до курьезных) попытки автора доказать, что «Кутузов как полководец превзошел Наполеона», с опорой на А.И. Михайловского-Данилевского, П.А. Жилина и даже на брошюру ЦК ВКП(б) о Кутузове 1945 г. (С. 10, 58—59, 114, 115 и др.).

В художественной литературе постсоветского времени о войне 1812 г. (главным образом, это — биографические романы о современниках и соратниках Кутузова) процесс освобождения из-под груза сталинских догм идет заметнее, чем в историографии<sup>1</sup>.

Пожалуй, для науки важнее всех, имеющихся на сегодня, биографий о Кутузове 6-томное собрание его документов<sup>2</sup>. Личный архив фельдмаршала, о котором канцелярия военного министра князя А.И. Чернышева еще в январе 1843 г. сообщала: «Где ныне находится, неизвестно»<sup>3</sup>, так и не разыскан до сих пор. Но в разное время, с 1870-го до 1950 года, в различных изданиях печатались многочисленные документы самого Кутузова и о Кутузове, извлеченные из других архивов. Почти все они были собраны, дополнены вновь открытыми материалами и опубликованы в 6-томнике 1950—1956 гг. Для биографов этот 6-томник бесценен. И все-таки полагать, что «в нем представлены документы, отражающие всю многогранную деятельность фельдмаршала»<sup>4</sup>, неверно. Во-первых, совершенно отсутствуют в нем (намеренно не включены, дабы не бросить тень на репутацию Кутузова) документы о карательных акциях, по его приказам, против крестьянских бунтов и волнений, неоднократно публиковавшиеся до 1917 г.<sup>5</sup>. Во-вторых, иные документы печатались с купюрами: изымались тексты, «порочащие» Кутузова, — например, отзыв Александра I в его письме к сестре принцессе Ольденбургской Екатерине Павловне 18 сентября 1812 г. о Кутузове,

<sup>1</sup> См.: Балаян В.Н. Верность и терпение. Исторический роман-хроника о жизни Барклая-де-Толли. М., 1996; Когин Ю.И. Бограти он. Роман. М., 1997; Куранов Ю.Н. Дело генерала Раевского. М., 1997; Цветков С.Э. Александр I. Беллетризованная биография. М., 1999.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Сб. документов / Под ред. А.Г. Бескровного. М., 1950—1956. Т. 1—5 (4-й том — в 2 кн.).

<sup>3</sup> РГВИА. Ф. ВУА, д. 3112, л. 1 (цит. по: Подорожный Н.Е. Кутузов. М., 1942. С. 7).

<sup>4</sup> Абаихин Б.С., Дунаевский В.А. Указ. соч. С. 99. Курсив мой. — Н.Т.

<sup>5</sup> ВУА. Т. 19. С. 13, 126; Труды МО ИРВИО. М., 1912. Т. 2. С. 118; Бумаги П.И. Шукина. Т. 8. С. 314.

Барклае-де-Толли и Багратионе как «одинаково мало способных быть главнокомандующими»<sup>1</sup>.

В зарубежной литературе Кутузов явно (что действительно обидно для нас) недооценивается. Разумеется, это не значит, что вся она, как утверждали П.А. Жилин, А.Г. Бескровный, Н.Ф. Гарнич, только и делала, что «стремилась извратить исторические факты», а в особенности «чудовищным образом извращала» роль и деятельность Кутузова<sup>2</sup>. Французские историки, от Жоржа де Шамбре до Анри Труайя, признавали отдельные достоинства Кутузова как военачальника, — главным образом, «хитрость и терпение», — но преувеличивали его дряхлость и безынициативность<sup>3</sup>. Несколько выше ставили Кутузова английские исследователи: Вальтер Скотт считал его «опытным воином», «упорным полководцем»<sup>4</sup>, а Дэвид Чандлер, хотя и полагает, что «военные способности Кутузова были не так выражены, как у Барклая», отдает должное его «опыту в политических и военных сферах, который, вероятно, не знал себе равных»<sup>5</sup>. По мнению же Алана Пальмера, Кутузов к 1812 г. уже прошел путь «от романтического военного героя до скандального развратника»<sup>6</sup>.

Из немецких историков наиболее профессионально судил о Кутузове Карл фон Клаузевиц (1780—1831), сам в 1812 г. служивший в русской армии и лично наблюдавший за поведением Кутузова при Бородине. Клаузевиц — общепризнан-

ный классик мировой военной науки и, наряду с А. Жомини, самый авторитетный знаток и критик наполеоновских походов. В СССР его репутация менялась в зависимости от партийно-политической конъюнктуры: если, например, в 1947 г. А.Г. Бескровный клеймил Клаузевица по-сталински за «махрово-реакционную сущность» взглядов и «ограниченность мышления»<sup>1</sup>, то после смерти Сталина, уже в 1956 г., тот же Бескровный стал писать так: «В оценке теоретического наследства Клаузевица мы руководствуемся указаниями В.И. Ленина, который видел в лице Клаузевица одного «из самых глубоких писателей по военным вопросам»<sup>2</sup>.

Клаузевиц точно подметил, что «относительно боевой репутации Кутузова в русской армии не имелось единодушного мнения: наряду с партией, считавшей его выдающимся полководцем, существовала другая, отрицавшая его военные таланты; все, однако, сходилось на том, что дельный русский человек, ученик Суворова, лучше, чем «иностранец». Сам Клаузевиц считал, что Кутузов «по природным дарованиям, безусловно, превосходил Барклая» и, хотя в дееспособности «представлял меньшую величину, чем Барклай», в целом все-таки был для россиян «гораздо большей ценностью»<sup>3</sup>.

Другие немецкие историки — консерватор Теодор Бернгарди, либерал Фридрих Кристоф Шлоссер и левый социал-демократ, марксист Франц Меринг — не находили у Кутузова больших способностей<sup>4</sup>, а в капитальном труде знаменитого Ганса Дельбрюка<sup>5</sup> Кутузов даже не упомянут.

<sup>1</sup> Ср.: Переписка Имп. Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 87; М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. 4, ч. 1. С. 74—75.

<sup>2</sup> Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. С. 8—14; Бескровный А.Г. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. С. 5; Гарнич Н.Ф. 1812 год. С. 4—5.

<sup>3</sup> Шамбре Ж. Histoire de l'expédition de Russie. Paris, 1825. V. 2. P. 29, 64; V. 3. P. 46—47, 77—78; Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1856. V. 14. P. 297; Madelin L. La catastrophe de Russie. Paris, 1949. P. 199; Труайя А. La campagne de Russie. Paris, 1969. P. 126; Труайя А. Александр I, или Северный Сфинкс. М., 1997. С. 156.

<sup>4</sup> Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 1. С. 426; Т. 2. С. 120.

<sup>5</sup> Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 460, 486.

<sup>6</sup> Пальмер А. Napoléon in Russia. New-York, 1967. P. 93—94.

<sup>1</sup> Бескровный А.Г. Об исторических работах Клаузевица // Труды Военной академии им. М.В. Фрунзе. М., 1947. Сб. 14. С. 75, 86.

<sup>2</sup> Бескровный А.Г. [Предисл. к изд.]: Фабиян Ф. Перо и меч. Карл Клаузевиц и его время. М., 1956. С. 13.

<sup>3</sup> Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 77, 79—80.

<sup>4</sup> Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Kaiserl.-russ. Generals von der Infanterie Carl Friedrich Grafen von Toll von Theodor von Bernhardt. Leipzig, 1856. Bd. 2. K. 1—6; Шлоссер Ф. Всемирная история. СПб., 1869. Т. 18. С. 285 и сл. (Кутузов у Шлоссера — «75-летний (?! — Н. Т.) старик»); Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. Изд. 6. М., 1956. С. 320.

<sup>5</sup> Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1938 (текст о войне 1812 г. — в т. 4).

Польский историк Мариан Кукель и американцы Леопольд Страховский (поляк, эмигрировавший в США) и Виллиан Слоон ценили у Кутузова «многолетний опыт», но порицали его за «хитрость», «хвастовство» и «робость»<sup>1</sup>.

Резкое исключение в зарубежной литературе о войне 1812 г. и о Кутузове представила собой книга английского военного историка Роджера Паркинсона «Лисица Севера. Жизнь Кутузова, генерала войны и мира». Паркинсон осудил бытующее на Западе принижение роли и личности российского фельдмаршала и поставил его как стратега выше Наполеона<sup>2</sup>.

Итак, зарубежная историография в целом уделяет Кутузову мало внимания и недооценивает его. Что же касается историографии отечественной, то она большей частью (исключая время с 1870-х до 1940-х гг.) идеализировала Кутузова, причем эта идеализация с 1947 г. до конца 80-х гг. переживала расцвет и проявлялась главным образом в трех разновидностях, которые отчасти практикуются донныне: 1) лакируется, *приукрашивается* быль, выгодно характеризующая Кутузова; 2) *замалчиваются* факты, невыгодные для его репутации; 3) *измышляется* небыль (версии или даже мифы) с заведомой целью поднять Кутузова в наших глазах «все выше и выше и выше...» его истинного уровня.

Давно пора написать биографию Кутузова с учетом всей совокупности данных о нем (его личности, жизни и деятельности) без прикрас, умолчаний, вымыслов. Книга, которую вы держите в руках, задумана как первый опыт именно такой биографии фельдмаршала.

Удался ли этот опыт — судить читателю.

<sup>1</sup> K u k i e l M. Wojna 1812 roku. Krakow, 1937. T. 2. S. 365, 374; S t r a k h o v s k y L. Alexander I of Russia. The Man who defeated Napoleon. New-York, 1947. P. 138; С л о о н В. Новое жизнеописание Наполеона I. М., 1997. Т. 2. С. 407, 415.

<sup>2</sup> P a r k i n s o n R. Fox of the North. Life of Kutuzov, General of War and Peace. London, 1976. P. 235.



## Глава II

### «СЕЙ ОСТАЛЬНОЙ ИЗ СТАИ СЛАВНОЙ...»

Должно полагать, что судьба назначает Кутузова к чему-нибудь великому, ибо он остался жив после двух ран, смертельных по всем правилам медицинской науки.

Главный хирург русской армии  
о М.И. Кутузове в 1788 г.

#### 1. ВОСХОЖДЕНИЕ. НА СЛУЖБЕ У ТРЕХ МОНАРХОВ

Сей остальной из стаи славной  
Екатерининских орлов... —

так написал о Кутузове А.С. Пушкин в величальном стихотворении «Перед гробницею святой»<sup>1</sup>. Да, верноподданный пяти монархов (начал военную службу при Императрице Елизавете Петровне и отслужил затем полвека Петру III, Екатерине II, Павлу I и Александру I), Кутузов сформировался как личность и выдвинулся на передний план как военачальник и дипломат «орлиного полета» именно при Екатерине II. Впрочем, каждый из трех последних монархов, которым служил Кутузов (даже лично не расположенный к нему Александр I), доверяли ему ответственные поручения...

В биографии Кутузова, столь насыщенной дискуссионными моментами, вызывает споры уже самый день его рождения. Метрическая запись о появлении на свет будущего «Спасителя Отечества» до сих пор не обнаружена. Традиционно, от первых его биографов, считается, что родился он в Петербурге

<sup>1</sup> П у ш к и н А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 2. С. 204.

5 сентября 1745 г.<sup>1</sup>, хотя происхождение этой даты точно пока не установлено. Во всяком случае, публикаторы той части кутузовского архива, которой владел правнук фельдмаршала Ф.К. Опочинин, считали датой рождения Кутузова именно 5 сентября 1745 г.<sup>2</sup> Эта дата была засвидетельствована во всех дореволюционных и советских энциклопедиях.

В 1950 г. составители 6-томника кутузовских документов заметили, что по данным формулярных списков можно считать датой рождения Кутузова 1747-й или даже 1748 г.<sup>3</sup> В 1962 г. Н.П. Муньков, ссылаясь на «документы, выявленные в архивах Ленинграда»<sup>4</sup>, и на «хроникальные заметки» в № 2 «Вопросов истории» за 1961 г., уже вполне определенно перенес дату рождения Кутузова на 5 сентября 1747 г.<sup>5</sup> В новейших биографиях Кутузова эта новая дата принята как доказанная<sup>6</sup>. Между тем доказательства ее достоверности не выдерживают критики. Наиболее подробно суммировали их Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев. Они, вслед за Ю.Н. Яблочкиным, оперируют такими документами, как «доношения», рапорты, формулярные

<sup>1</sup> Жизнь и военные подвиги ген.-фельдм. светлейшего кн. М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813. С. 10; Картина жизни, военных и политических деяний Его Светлости кн. М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. М., 1813. С. 13; Жизнь и военные деяния ген.-фельдм. светлейшего кн. М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813. Ч. 1. С. XXIII; Исторические записки о жизни и воинских подвигах ген.-фельдм. светлейшего кн. М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813. С. 10.

Все даты событий в России называются по старому, в Европе — по новому стилю (в датах международных договоров приводятся оба стиля).

<sup>2</sup> Архив кн. М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского, ныне принадлежащий правнуку его Ф.К. Опочинину // Русская старина. 1870. № 11. С. 994.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Сб. документов. М., 1950. Т. 1. С. 3.

<sup>4</sup> См.: Яблочкин Ю.Н. О вновь выявленных документах к биографии М.И. Кутузова // Ленинградский Дом ученых им. М. Горького. Сб. докладов военно-исторической секции. Л., 1957. № 1.

<sup>5</sup> Муньков Н.П. М.И. Кутузов-дипломат. М., 1962. С. 12.

<sup>6</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов. М., 1995. С. 19; Андрианова И.А. Спаситель отечества. Жизнеописание М.И. Голенищева-Кутузова. М.; Смоленск, 1999. С. 8. В моей статье о Кутузове для энциклопедии «Отечественная история с древнейших времен до наших дней» (М., 2001. Т. 3) была названа традиционная дата рождения фельдмаршала. По заданию редакции статью расширил А.А. Смирнов, который записан ко мне (без моего ведома) соавтором. Он и «отменил» мою дату, «омолодив» Кутузова на два года (С. 246).

списки, где говорится (без даты рождения), что Кутузову в таком-то году столько-то лет. Эти документы якобы и «неопровержимо» свидетельствуют, что М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский родился 5 (16) сентября 1747 года<sup>1</sup>. Однако, во-первых, Гуляев и Соглаев игнорировали другие документы того же рода, даже опубликованные в приложениях к их собственной книге, а именно рапорты Артиллерийской и Инженерной школы за 1760 г., где сказано, что учащемуся этой школы Кутузову 14 (в двух рапортах) и 15 (в третьем рапорте) лет<sup>2</sup>, а также строевой рапорт Кутузова за 1774 г. (здесь Кутузову — 28 лет)<sup>3</sup>. По этим документам можно считать, что Кутузов родился и в 1746-м и в 1745-м, но никак не в 1747 г. Во-вторых, и это главное, такие документы (повторяю: без даты рождения!) не могут заменить метрическую запись. Только метрика позволила бы передатировать рождение Кутузова. Вполне вероятно, что первые биографы «светлейшего» и его правнук, готовивший публикацию кутузовских документов для «Русской старины» в 1870 г., располагали метрикой. Ведь они называли точную дату рождения Кутузова — с указанием месяца и числа, а желающие «омолодить» фельдмаршала лишь повторяют те же число и месяц, не задумываясь над тем, откуда они взялись.

Михаил Илларионович был отпрыском одного из древнейших дворянских родов, уходившего корнями в середину XIII в. Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев, сопоставив генеалогические данные, установили, что основоположником рода Голенищевых-Кутузовых был некий славяно-русс Гавриил, прибывший на Русь из сегодняшней Пруссии в 1263 г., — возможно, еще при жизни Александра Невского. Он не имел ничего общего со знаменитым дружинником Александра Невского и героем

<sup>1</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 18—19. Курсив мой. — Н. Т. С таким же успехом можно сослаться и на старинную запись о том, что дядя Кутузова в 1754 г. «предъявил к первому смотру племянника своего родного, недоросля Михаила Ларионова сына Голенищева-Кутузова и показал от роду ему седьмой год» (Тихонов И.С. Первый смотр недоросля Михаила Кутузова // Отечественные архивы. 1995. № 4. С. 89).

<sup>2</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 462—463.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Сб. документов. М., 1956. Т. 5. С. 601.

Невской битвы 1240 г. Гаврилой Олексичем, которого почти все биографы Кутузова, начиная с Ф.М. Синельникова и кончая П.А. Жилиным и В.Н. Балязиным, считали родоначальником Голенищевых-Кутузовых, творя, таким образом, «красивую легенду»<sup>1</sup>.

Правнук Гавриила Федор имел прозвище Кутуз, а племянник Федора Василий Ананьевич (в 1471 г. — посадник в Новгороде) был прозван Голенищем — от него и пошли Голенищевы-Кутузовы<sup>2</sup> (согласно буклету-плакату «Род Голенищевых-Кутузовых», издания ГИМ 1995 г., прозвище Кутуз первым носил правнук Гавриила Александр, а упомянутый Федор, сын Александра, был, следовательно, его праправнуком. — *Ред.*). В 1554 г. Иван Грозный выдал замуж Марию Андреевну Голенищеву-Кутузову за последнего казанского хана Симеона-Едигера, плененного при взятии Казани двумя годами ранее<sup>3</sup>.

Отец будущего фельдмаршала Илларион (Ларион) Матвеевич Голенищев-Кутузов (1718—1784) был на виду в России времен Императрицы Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II как один из образованнейших дворян по прозвищу «Разумная книга». Инженер-генерал-майор, строитель Екатерининского канала в Петербурге, герой русско-турецкой войны 1768—1774 гг., отличившийся в битвах при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле под командованием генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева, он после отставки с военной службы стал сенатором, а в 1777 г. был избран первым предводителем дворянства Псковской губернии. К концу жизни он пользовался известностью и как состоятельный помещик: владел землями в Великолукском, Опочечком и Пусторжевском (Новоржевском) уездах на Псковщине<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С.14.

<sup>2</sup> Подробно см. там же. С. 10—15 (с родословной таблицей).

<sup>3</sup> См.: Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 3. С. 26; Исторические записки о жизни и воинских подвигах... М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. С. 8.

<sup>4</sup> См.: Макеев А.Н. Голенищевы-Кутузовы на Псковщине. М.И. Голенищев-Кутузов // Материалы научной конференции «М.И. Голенищев-Кутузов». СПб., 1993. С. 89.

Тем удивительнее, что о жене его (матери Михаила Илларионовича) нет почти никаких сведений. Известно лишь, что она была из старинного дворянского рода Беклемишевых, который дал России Евфросинью Федоровну Беклемишеву — мать знаменитого князя Дмитрия Михайловича Пожарского<sup>1</sup> (родство по женской линии Кутузова и освободителя Москвы от поляков в 1612 г. Пожарского выявил еще в 1855 г. П.В. Долгоруков, хотя биографы фельдмаршала до Ю.Н. Гуляева и В.Т. Соглаева не обращали на это внимания<sup>2</sup>). Но, кроме фамилии, мы не знаем о матери Кутузова фактически ничего — даже имени ее и отчества. Неизвестны и годы ее жизни. Первые биографы фельдмаршала отмечали только, что она умерла рано: Михаил Илларионович «лишился матери в младенчестве»<sup>3</sup>. Автор новейшей биографии Кутузова резонно удивляется: «Почему история не сохранила нам ее имя? Отчего упорно молчат о ней семейные предания? Будто и не было ее вовсе. Тут разыгрывается фантазия, одно предположение оседлывает другое»<sup>4</sup> (в упоминавшемся буклете-плакате оставлен открытым и вопрос о фамилии матери М.И. Голенищева-Кутузова; его авторы полагают, что, кроме фамилии Беклемишева, она могла также носить фамилии Беклешова, или Бедринская, или Костюрина. — *Ред.*).

Судя по всему, отец Кутузова второй раз не женился и воспитывал сына сам, с помощью своего двоюродного брата Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова (1729—1802) — адмирала, наставника Великого князя Павла Петровича (будущего Императора Павла I), с 1798 г. президента Адмиралтейств-коллегии. Юный Миша Кутузов какое-то время после смерти матери жил в доме Ивана Логиновича, пользуясь его богатейшей библиотекой, а с сыном адмирала Логином Ивановичем (будущим почетным академиком) был очень дружен до конца своей жизни.

<sup>1</sup> См. о ней: Савелов А.М. Князя Пожарские. М., 1906. С. 22, 24.

<sup>2</sup> См.: Российская родословная книга, издаваемая кн. Петром Долгоруковым. СПб., 1855. Ч. 2. С. 251; Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 17.

<sup>3</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 18.

<sup>4</sup> Андрианова И.А. Указ. соч. С. 19. О «фантазиях» самой Андриановой на эту тему см. здесь с. 19—21.

Иван Логинович помог устроить «недоросля» Михаила Кутузова в привилегированную Соединенную Артиллерийскую и инженерную дворянскую школу в Петербурге, на артиллерийское отделение. Здесь юный Кутузов учился с октября 1759-го по февраль 1761 г.<sup>1</sup> Куратором школы был тогда генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал («арап Петра Великого», прадед А.С. Пушкина по материнской линии), а к чтению лекций по физике ее «недорослям» привлекался академик Михаил Васильевич Ломоносов. Судя по выпускному аттестату, учился Кутузов отлично.

Окончив школу в чине инженера-прапорщика, 16-летний (по версии тех, кто «омолодил» Михаила Илларионовича на два года, всего лишь 14-летний!) Кутузов был направлен служить в Инженерный корпус, а через год, 1 марта 1762 г., Император Петр III назначил его адъютантом к свежее испеченному генерал-фельдмаршалу<sup>2</sup> принцу П.А. Ф. Голштейн-Бекскому. Есть версия (может быть, и легенда) о том, что Петр III сделал это по совету своей жены, Императрицы Екатерины Алексеевны (будущей Екатерины II), которая уже тогда обратила внимание на служебную «расторопность» Кутузова в день осмотра войск столичного гарнизона<sup>3</sup>. Впрочем, адъютантствовал Кутузов недолго: 21 августа того же 1762 г., через два месяца после воцарения Екатерины II, он был произведен в капитаны и назначен командиром роты в Астраханский пехотный полк, расквартированный под Петербургом. Через 10 дней, 31 августа, в командование Астраханским полком вступил полковник Александр Васильевич Суворов. Так Кутузов начал служить под начальством Суворова.

Эта их совместная служба была короткой — семь месяцев. В апреле 1763 г. Суворов был назначен командиром Суздальского пехотного полка, и они с Кутузовым расстались на

<sup>1</sup> Подробно см.: Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 22—30.

<sup>2</sup> Петр Август Фридрих принц Голштейн-Бекский (1698—1775), крестник Петра I, был пожалован в генерал-фельдмаршалы Петром III 9 января 1762 г.

<sup>3</sup> Синельников Ф.М. Указ. соч. Ч. 1. С. 3.

24 года до новых служебных встреч. Перед расставанием, однако, Суворов успел дать первую из своих характеристик Кутузова: «По усердной его службе к повышению чина быть достоин»<sup>1</sup>.

Из Астраханского полка капитан Кутузов дважды отлучался в ответственные и очень разные командировки: ровно год, с 1 марта 1864-го по 1 марта 1865 г., он прослужил волонтером в Польше, где получил боевое крещение, сражаясь с мятежниками, восставшими против избрания на польский престол сторонника России Станислава Понятовского, а в июле 1767 г. был откомандирован в Уложенную комиссию Екатерины II. Эта комиссия — седьмая по счету с 1700 г. — была созвана по указу Императрицы с целью подготовить новый, вместо старого Соборного уложения 1649 г., свод законов<sup>2</sup>. В комиссию входили «выборные» от всех сословий (кроме крепостных и некоторых других категорий крестьян). Среди «выборных» были выдающиеся государственные и военные деятели эпохи (Г.А. Потемкин, З.Г. Чернышев, П.И. Панин), фавориты Императрицы Григорий и Алексей Орловы, ученые-историки Г.Ф. Миллер и князь М.М. Щербатов, знаменитый впоследствии просветитель Н.И. Новиков, а председателем («маршалом») комиссии был избран близкий ко двору военачальник (с 1771 г. генерал-аншеф) Александр Ильич Бибииков — родной брат будущей жены Кутузова.

Молодой (22-летний) капитан Кутузов был в числе офицеров, специально отобранных для работы в секретариатах комиссии. Астраханский полк тогда периодически нес караульную службу в царском дворце, и Михаилу Илларионовичу случалось попадаться на глаза Императрице, которая, по данным его биографов, замечала его все больше, настолько он был тогда хорош собой, старателен, пунктуален и умел, что называется, себя показать. Работа комиссии, возможно, и «сыграла большую роль в расширении общего кругозора мо-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 5. С. 597.

<sup>2</sup> См.: Д и т я т и н И.И. Екатерининская комиссия 1767 г. «О сочинении проекта нового Уложения». Ростов н/Д., 1905.

лодого Кутузова»<sup>1</sup>, но законченного законодательства стране не дала. Узнав о том, что ряд «выборных» (в том числе из дворян — Я.П. Козельский, Г.С. Коробьин) выступают с критикой крепостных порядков, а также в связи началом новой русско-турецкой войны Екатерина II в январе 1769 г. распустила комиссию.

Кутузов вернулся было в свой полк, но уже в феврале 1769 г. он вновь оказался в Польше. Прикомандированный к отдельному корпусу генерал-майора И.И. Веймарна, капитан Кутузов отличился в боях с отрядами так называемой Барской конфедерации<sup>2</sup>, проявив при этом и талант командира, и личную храбрость<sup>3</sup>. Сам он, однако, не обольщался теми успехами, говоря, что «тогда он еще не понимал войны, и это настоящее понятие о ней в нем развил только герой Ларги и Кагула»<sup>4</sup>, то есть великий Петр Александрович Румянцев. Именно к Румянцеву в начале 1770 г. прибыл капитан Кутузов из Польши в качестве третьего по старшинству офицера Смоленского пехотного полка<sup>5</sup>.

В то время, с 1768-го по 1774 г., шла русско-турецкая война: Россия добивалась свободного выхода к Черному морю, Турция ей в этом препятствовала. Генерал-аншеф Румянцев командовал 1-й русской армией. Под его знаменами Кутузов с отличием проявил себя (кстати, вместе с отцом, Илларионом Матвеевичем) в победоносных для России сражениях 1770 г. при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле. «По обращении неприятеля в бегство» при Кагуле Кутузов «преследовал его вместе с подполковником графом Воронцовым на великое рас-

<sup>1</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 37; Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. М., 1988. С. 20.

<sup>2</sup> Барская конфедерация — союз польской шляхты для вооруженной борьбы против короля Станислава Понятовского как ставленника России. Создана 29 февраля 1768 г. в г. Бар. Разгром ее в 1772 г. подготовил почву для первого из трех разделов Польши между Россией, Австрией и Пруссией.

<sup>3</sup> См.: Синельников Ф.М. Указ. соч. Ч. 1. С. 12—13.

<sup>4</sup> Цит. по: Петров А.Н. К биографии светлейшего кн. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Военный сб. 1900. № 3. С. 5.

<sup>5</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 1. С. 2.

стояние»<sup>1</sup>. Румянцев после этих побед был произведен в генерал-фельдмаршала. Капитан Кутузов тоже не остался без награды: по представлению Румянцева, он получил чин «обер-квартирмейстера премьер-майорского ранга»<sup>2</sup>. Вскоре, осенью того же 1770 г., Кутузов оказался во 2-й армии генерал-аншефа графа П.И. Панина.

Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев предположили, что Кутузов мог отбыть от Румянцева к Панину в числе офицеров-добровольцев, «пожелавших принять участие в штурме Бендер»<sup>3</sup> (2-я армия осаждала эту крепость без видимого успеха с июля 1770 г.). Так или иначе, Кутузов принял участие в штурме Бендер в ночь с 15-го на 16 сентября 1770 г., отличился при этом и был награжден следующим чином премьер-майора<sup>4</sup>, после чего вернулся в 1-ю армию. В кампании 1771 г. он вновь отлично проявил себя в сражении при Попештах (близ Бухареста), где, по реляции его начальства, «напрашивался на все опасные случаи»<sup>5</sup>, и 8 декабря был произведен в подполковники<sup>6</sup>.

Однако с 1772 г. Кутузов вновь оказался во 2-й армии, которую принял от П.И. Панина генерал-аншеф В.М. Долгоруков (будущий Крымский). Ни П.А. Жилин, ни Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев никак не объясняют перевод Кутузова от Румянцева к Долгорукову. Между тем еще Михайловский-Данилевский, а затем П.А. Гейсман излагали документально засвидетельствованную версию, разъясняющую не только этот перевод, но и последовавшие за ним перемены в характере и поведении Кутузова. «С веселым нравом он, — читаем у Гейсмана о Кутузове, — соединял искусство подражать любому человеку

<sup>1</sup> Синельников Ф.М. Указ. соч. Ч. 1. С. 24. Воронцов Семен Романович (1744—1832) — граф, генерал от инфантерии (1797), сын генерал-аншефа Р.И. Воронцова, брат государственного канцлера А.Р. Воронцова и Е.Р. Дашковой (первой и единственной за всю историю России женщины — президента Академии наук), племянник еще одного государственного канцлера М.И. Воронцова, отец генерал-фельдмаршала М.С. Воронцова.

<sup>2</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 1. С. 11.

<sup>3</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 56.

<sup>4</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 1. С. 11.

<sup>5</sup> Цит. по: Синельников Ф.М. Указ. соч. Ч. 1. С. 29.

<sup>6</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 1. С. 12.

в походе, выговоре, ухватках и т. п., что очень нравилось товарищам. Однажды на какой-то пирушке он не пощадил и главнокомандующего, которого также передразнил. Кто-то из присутствующих донес об этом: граф Румянцев разгневался, и Кутузов был переведен во 2-ю армию <...>. С этого времени Кутузов сделался очень сдержанным, в его характере развились скрытность и недоверчивость»<sup>1</sup>.

Служба во 2-й армии едва не закончилась для Кутузова трагически. Уже после того, как был подписан (10 июля 1774 г.) Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией, по которому Россия получила наконец свободный выход к Черному морю, десант турок, преступно нарушив договор, высадился близ Алушты. В бою с ним 24 июля Кутузов был тяжело ранен. «Сей штаб-офицер, — доносил о нем В.М. Долгоруков Екатерине II, — получил рану пулею, которая, ударивши его между глазу и виска, вышла напролет в том же месте на другой стороне лица»<sup>2</sup>. Об этой ране Кутузова «говорили все врачи Европы»<sup>3</sup>. Казалось чудом, что Кутузов не только выжил, но даже не потерял правого глаза, возле которого пуля прошла сквозь его голову. Хотя современники с тех пор привычно называли его «кривым», «одноглазым», первые биографы уточняли: «Пуля вышла у правого глаза, по беспримерному счастью не лишив его оно», что подтвердили и результаты новейшего медицинского исследования раны Михаила Илларионовича<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Русский биографический словарь / Под набл. А.А. Половцова. СПб., 1903. Т. 9. С. 630. О том же: Михайловский-Данилевский А.И. Александр I и его сподвижники. СПб., 1846. Т. 3. Вып. 53. Тетр. 1. С. 4. В наше время эту версию приняли И.А. Андрианова (Указ. соч. С. 49—50) и В.Д. Мелентьев (Кутузов в Петербурге. Л., 1986. С. 16).

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 14.

<sup>3</sup> Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1987. С. 296.

<sup>4</sup> Синельников Ф.М. Указ. соч. Ч. 1. С. 33; Тюрин М.В., Мефодовский А.Ф. О ранениях М.И. Кутузова // М.И. Голенищев-Кутузов. Материалы научной конференции, посвященной памяти полководца. СПб., 1993. С. 44—47. На месте ранения Кутузова у д. Шумы (ныне Кутузовка), в 9 км от Алушты, с 20-х годов XIX в. стоит памятник в виде фонтана, «Кутузовский фонтан», с барельефом Кутузова и надписью: «Близ сего места в сражении против турок Михаил Илларионович Кутузов, что после был фельдмаршалом и князем Смоленским, ранен в глаз» (Юргенсон Е.И. Алушта. Путеводитель. Симферополь, 1967. С. 5).

Почти целый год Кутузов лечился от страшной раны, а затем испросил еще «годовой отпуск для завершения лечения» за границей. Екатерина II пожаловала ему орден Сятого Георгия 4-го класса и повелела «уволить его для излечения ран к теплым водам, считая с 1 января будущего 1776 г., на год без вычета жалованья»<sup>1</sup>. При этом Императрица будто бы говорила: «Надобно беречь Кутузова, он будет у меня великим генералом» — и с тех пор «называла его всегда: «Мой генерал Кутузов»<sup>2</sup>.

За границей Кутузов не только лечился на «теплых водах», но и путешествовал (побывал в Австрии, Германии, Англии, Голландии, Италии), встречался с выдающимися людьми того времени: с прусским королем Фридрихом Великим, его соперниками по Семилетней войне австрийскими фельдмаршалами Г.Э. Лаудоном и Ф.-М. Ласси. В Голландии, между прочим, Кутузов осрамил тамошнюю медицинскую знаменитость. «Он мне рассказывал, — со слов Кутузова вспоминал близко знавший его генерал от инфантерии граф А.Ф. Ланжерон, — что во время своего путешествия в Голландию он узнал, что один знаменитый профессор хирургии и анатомии должен был защищать диссертацию относительно ран и доказать, что рана, которую будто бы, как говорили, получил Кутузов, есть не что иное, как сказка, потому что с такой раной трудно остаться в живых и уже невозможно сохранить зрение. Кутузов отправился его слушать и после лекции профессора встал и сказал ему перед всей аудиторией: «Господин профессор, вот я здесь и вас вижу»<sup>3</sup>.

По возвращении из-за границы, 28 июня 1777 г., Кутузов был произведен в полковники, а затем, в мирное время, между двумя русско-турецкими войнами 1768—1774-го и 1787—1791 гг., получил два следующих чина — бригадира (1782) и

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 14—15, 18.

<sup>2</sup> Анекдоты или достопамятные сказания о Его Светлости генерале-фельдмаршале кн. М.И. Голенищеве-Кутузове-Смоленском. СПб., 1814. Ч. 1. С. 37.

<sup>3</sup> Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 328.



генерал-майора (1784)<sup>1</sup>. В то же межвоенное время он устроил и свою семейную жизнь: 27 апреля 1778 г. вступил в брак с Екатериной Ильиничной Бибиковой.

Супруга Кутузова была родовитой дворянкой. Ее отец, генерал-поручик Илья Андреевич Бибилов (1698—1784), и старший брат, генерал-аншеф Александр Ильич Бибилов (1729—1774), служили российскому престолу верой и правдой. Александр Ильич, как мы уже писали, руководил в 1767—1769 гг. работой знаменитой Уложенной комиссии Екатерины II. С конца 1773 г. он был главнокомандующим войсками, направленными против крестьянского восстания под предводительством Е.И. Пугачева (на этой последней своей службе он и умер скоропостижно, от холеры).

Екатерина Ильинична родилась 5 ноября 1754 г.<sup>2</sup> Кутузов познакомился с ней, когда она была еще подростком и жила в доме Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова, который был женат на ее старшей сестре Евдокии (Авдотье). Брак Михаила Илларионовича и Екатерины Ильиничны казался внешне счастливым. Они прожили вместе 35 лет, до смерти фельдмаршала. Екатерина Ильинична пережила мужа на 11 лет, скончалась 23 июня 1824 г. и погребена в Александро-Невской лавре. Детей у них было шестеро: пять дочерей и сын Николай, умерший от оспы в ноябре 1790 г., на первом году от рождения.

Судьба дочерей фельдмаршала сложилась схоже: все они вышли замуж за крупных государственных чиновников и военных: одна — за сенатора, другая — за члена Государственного совета, а трое остальных — за генералов. Старшая дочь Кутузова Прасковья Михайловна, по данным многих источников, родилась 11 января 1777 г., то есть за 15 месяцев до свадьбы родителей, как ее датируют те же источники. Странно, что ни один из биографов Кутузова не отметил столь кричащий

<sup>1</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 1. С. 19, 23, 26.

<sup>2</sup> Архив кн. М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1870. № 11. С. 500. В некоторых изданиях год рождения Е.И. Бибиловой указан неверно: 1743-й (М.И. Кутузов. Т. 1. С. 705; Т. 2. С. 554; Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 497).

разлад в датах и не объяснил, в чем дело: ошибка ли здесь в дате рождения Прасковьи Михайловны, или она родилась почти за полтора года до вступления родителей в брак?

Итак, Прасковья Михайловна (1777(?)—1844) стала женой сенатора М.Ф. Толстого и родила ему десятерых детей (восемь сыновей и две дочери). Их сын, с 1866 г. граф, Иван Матвеевич Толстой (1806—1867) был гофмаршалом царского двора и членом Государственного совета; внук граф Иван Иванович (1856—1916) — министром просвещения, почетным членом Российской Академии наук и вице-президентом Академии художеств, а правнук, тоже Иван Иванович (1880—1954), — академик АН СССР.

Вторая по старшинству дочь Кутузова Анна Михайловна (1782—1846) вышла замуж за генерал-майора Н.З. Хитрово; четвертая дочь Екатерина Михайловна (1787—1826) — за генерал-майора, князя Н.Д. Кудашева, а после его гибели в «Битве народов» при Лейпциге 6 октября 1813 г. — за генерал-майора И.С. Сарачинского; пятая дочь Дарья Михайловна (1788—1854) была замужем за членом Государственного совета Ф.П. Опочининым. Из троих детей Дарьи Михайловны для историка наиболее интересен флигель-адъютант полковник Константин Федорович Опочинин (1808—1848) — добрый знакомый А.С. Пушкина и друг М.Ю. Лермонтова<sup>1</sup>, женатый на генеральской дочери В.И. Скобелевой, племянником которой был легендарный «белый генерал», герой русско-турецкой войны 1877—1878 гг., генерал от инфантерии М.Д. Скобелев.

Особого внимания заслуживает и третья по старшинству дочь Кутузова, его любимица Елизавета Михайловна (1783—1839) — в первом браке (с 1802 г.) за флигель-адъютантом Александра I графом Ф.И. Тизенгаузеном, погибшим в битве при Аустерлице 2 декабря 1805 г., во втором (с 1811 г.) — за генерал-майором Н.Ф. Хитрово, дальним родственником супруга

<sup>1</sup> Версия Ю.Н. Гуляева и В.Т. Соглаева (Указ. соч. С. 447) о том, что Лермонтов именно с Опочинина «писал образ Печорина», безосновательна. В образе Печорина Михаил Юрьевич «соединил характерные черты многих современников — А.П. Шувалова, Ал. Н. Карамзина и др., а также свои собственные» (Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 451).

Анны Михайловны Кутузовой. От Тизенгаузена Елизавета Михайловна имела двух дочерей — Екатерину (1803—1888) и Дарью (1804—1863). Дарья Федоровна (Долли) в 1821 г. вышла замуж за австрийского дипломата, будущего министра иностранных дел Австрии графа Ш.-Л. Фикельмона. Обе дочери Елизаветы Михайловны и, в особенности, она сама были близко знакомы с А.С. Пушкиным. Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев полагают даже, что «их отношения вскоре переросли в глубокую дружбу, сохранившуюся вплоть до гибели поэта. Образ красавицы Долли Пушкин вывел в незаконченной повести «Египетские ночи», в наброске «Мы проводили вечер на даче» и в «Евгении Онегине», списав с нее черты великосветской Татьяны»<sup>1</sup>.

В этом тексте, по-видимому, много преувеличений. Начну с того, что такой знаток пушкинского «Онегина», как Ю.М. Лотман, критически оценивал обилие «применений» образа Татьяны к реальным лицам, назвав А.П. Керн, Е.Н. Вульф, Е.К. Воронцову, Н.Д. Фонвизину, но даже не упомянув Долли<sup>2</sup>. По данным пушкиниста Л.А. Черейского, Долли Фикельмон — лишь «одна из прототипов наброска Пушкина «Мы проводили вечер на даче» (1828)»<sup>3</sup>. Что касается «глубокой дружбы» Елизаветы Михайловны с Пушкиным, то при всей искренности ее восторженных чувств к нему нельзя умолчать о более чем ироническом отношении к ней с его стороны. В письмах к друзьям Пушкин называл ее «Лизой голенькой», потешаясь над ее страстью к оголению своих увядающих форм<sup>4</sup>, а в одном из писем к П.А. Вяземскому из Москвы в Петербург (март 1830 г.) просил: «Если ты можешь влюбить в себя Елизу, то сделай мне эту божескую милость <...>. Она преследует меня и здесь письмами и посылками. Избавь меня от Пентефрейхи»<sup>5</sup>. Не случайно

<sup>1</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 77.

<sup>2</sup> Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С. 25—31.

<sup>3</sup> Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1989. С. 465.

<sup>4</sup> Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. С. 320; Т. 10. С. 6, 42.

<sup>5</sup> Там же. Т. 9. С. 320. «Пентефрейха» — жена начальника фараоновой стражи в Египте Пентефрия (Потифара), пытавшаяся соблазнить Иосифа (Библ.).

иные мемуаристы<sup>1</sup> приписывали именно Пушкину хлесткую эпиграмму на Елизавету Михайловну:

Лиза в городе жила  
С дочкой Долинькой.  
Лиза в городе слыла  
Лизой голенькой...<sup>2</sup>

Кроме шестерых детей, супружеская чета Кутузовых обзавелась в общей сложности 21 внуками и внучками (10 — от Прасковьи, 3 — от Анны, 2 — от Елизаветы, 5 — от Екатерины, 1 — от Дарьи).

Тем временем воинская служба Кутузова продолжалась. Летом 1777 г. он был назначен командиром Луганского *пикинерного* полка (легкой кавалерии, вооруженной карабинами, саблями и пиками). Мастерски отладив боевую выучку пикинеров, Кутузов довел свой полк, как сказано в реляции его начальства генерал-аншефу Г.А. Потемкину, «до такого состояния, которого только желать можно от конных полков»<sup>3</sup>.

В биографиях Кутузова разных авторов — от Ф.М. Синельникова до П.А. Жилина — обычно говорится о тесном служебном взаимодействии Михаила Илларионовича с А.В. Суворовым на протяжении 1777—1783 гг.<sup>4</sup>

Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев, сопоставив послужные списки Суворова и Кутузова за те годы, установили, что эта «весьма привлекательная версия <...> оказалась неверной»<sup>5</sup>. Два будущих фельдмаршала вновь, после 24-летнего разобщения, начали служить вместе лишь с весны 1787 г., когда генерал-аншеф Суворов и генерал-майор Кутузов приняли участие в апрельском смотре войск перед Екатериной II в Кременчуге и 8 июля в маневрах под Полтавой, воссоздавших ход Полтавской бит-

<sup>1</sup> См.: Соллогуб В.А. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 299; Смирнова А.О. Записки. Л., 1929. С. 175.

<sup>2</sup> Русская эпиграмма (XVIII — начало XX в.). Л., 1988. С. 369. Кстати, эпиграмму на Е.М. Хитрово («Пугает большей наготою своих старушечьих плечей...») сочинил Е.А. Баратынский (Там же. С. 269).

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 24.

<sup>4</sup> См.: Синельников Ф.М. Указ. соч. Ч. 1. С. 36—37; Жилин П.А. Указ. соч. С. 24.

<sup>5</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 89.

вы 1709 г. После тех маневров Императрица сказала Кутузову: «Благодарю вас, господин генерал. Отселе вы у меня считаетесь между лучшими людьми и в числе отличнейших генералов»<sup>1</sup>.

В сентябре 1787 г. началась очередная русско-турецкая война. Дело в том, что Россия в 1783 г. присоединила к себе Крым, ранее вассально зависимый от Турции. С тех пор Турция не теряла надежды вернуть его под свой контроль и теперь попыталась сделать это силой. Главнокомандующий русскими войсками, в то время уже генерал-фельдмаршал и светлейший князь Г.А. Потемкин, поручил Суворову защитить от вторжения турок крепость Кинбурн. В распоряжение Суворова Потемкин отправил и большой отряд (два полка легкой кавалерии и три егерских батальона) во главе с Кутузовым.

Под командованием Суворова Кутузов участвовал в сражении под Кинбурном 1 октября 1787 г., когда был почти полностью истреблен 5-тысячный турецкий десант, и (с июля 1788 г.) в осаде Очакова. 18 августа при вылазке турок из осажденной крепости Кутузов вновь был тяжело ранен пулей в голову. Оказавшийся в тот момент рядом с ним австрийский принц Ш.Ж. де Линь на следующий день написал о нем императору Австрии Иосифу II: «Этот генерал вчера опять получил рану в голову, и если не нынче, то, верно, завтра умрет»<sup>2</sup>.

Первый биограф Кутузова Ф.М. Синельников так описывал его вторую после 1774 г. и вновь, казалось, смертельную рану: «Пуля прошла навывлет из виска в висок позади обоих глаз. Сей опасный сквозной порыв нежнейших частей и самых важных по положению височных костей, глазных мышц, зрительных нервов, мимо которых на волосок чаятельно расстоянием прошла пуля и мимо самого мозга», причем «один (правый. — Н. Т.) глаз лишь несколько искосило»<sup>3</sup>. Уже в наши дни специалисты Военно-медицинской академии, тщательно исследо-

<sup>1</sup> Анекдоты или достопамятные сказания... С. 51.

<sup>2</sup> Линь Ш.Ж. де. Письма, мысли и избранные произведения. М., 1809. Т. 2. С. 40.

<sup>3</sup> Синельников Ф.М. Указ. соч. Ч. 1. С. 51—52.

вав все данные, подтвердили характер второй раны Кутузова<sup>1</sup>. Можно понять, как был изумлен главный хирург русской армии Массо (Massot), который, без сомнения, знал о первой ране Кутузова и обследовал под Очаковым его вторую рану. «Должно полагать, — заявил потрясенный хирург, — что судьба назначает Кутузова к чему-нибудь великому, ибо он остался жив после двух ран, смертельных по всем правилам медицинской науки»<sup>2</sup>.

Самое удивительное в случае со второй раной Кутузова то, что и на этот раз, по данным Ф.М. Синельникова, подтвержденным современными экспертами, Михаил Илларионович не потерял зрения, хотя его правый глаз, возможно, стал видеть еще хуже.

Екатерина II, уже благоволившая к Кутузову, после его очаковской раны обеспокоенно и неоднократно спрашивалась о нем у Г.А. Потемкина: «Отпиши, каков Кутузов и как он ранен, и от меня прикажи наведываться» (31 августа 1788 г.); «Пошли от меня наведываться, каков генерал-майор Кутузов, я весьма жалею о его ранах» (18 сентября); «Отпиши ко мне, каков генерал Кутузов» (7 ноября 1788 г.)<sup>3</sup>. За отличие в боях под Очаковым Императрица 21 апреля 1789 г. наградила Кутузова орденом Святой Анны 1-й степени, а затем, в июне, еще и орденом Святого Владимира 2-й степени<sup>4</sup>.

От второй раны Кутузов излечился гораздо быстрее, чем от первой. Уже через 6 месяцев он был в строю и 21 января 1789 г. получил от Г.А. Потемкина очередное назначение: принять командование Бугским егерским корпусом. Во главе этого корпуса Кутузов осенью 1790 г. присоединился к войскам, которые осадили мощную турецкую крепость Измаил. Командовал ими Суворов. Главнокомандующий Потемкин, не уверенный в том, что Измаил можно взять штурмом, писал Суворову:

<sup>1</sup> См.: Тюрин М.В., Мефодовский А.Ф. Указ. соч. С. 46.

<sup>2</sup> Полевой Н.А. Русские полководцы, или Жизнь и подвиги российских полководцев от времени Петра Великого до царствования Императора Николая I. СПб., 1845. С. 203.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 75.

<sup>4</sup> Там же. С. 85, 89.

«Моя надежда на Бога и на Вашу храбрость <...>. Рибас будет Вам во всем на пользу по предприимчивости и усердию. Будешь доволен и Кутузовым...»<sup>1</sup>

На военном совете перед штурмом Измаила Суворов поставил вопрос: «Что делать?» Младший из командиров М.И. Платов (впоследствии герой Отечественной войны 1812 г., атаман Войска Донского) высказался первым: «Штурмовать» Де Рибас заявил, что главную роль при этом должна сыграть его морская артиллерия. «Если вы согласитесь с Рибасом, — сказал Кутузов Суворову, — вся слава взятия Измаила будет принадлежать ему». Суворов, оценив столь изощренную мысль, заметил: «Кутузова и Рибас не обманет»<sup>2</sup> Это замечание Суворова стало историческим, и его при случае цитировали расширительно-обобщающе: «Кутузова никто не обманет»<sup>3</sup>

Штурм Измаила в ночь с 11-го на 12 декабря 1790 г. стал классическим в истории войн образцом ночного штурма. Кутузов командовал одной из штурмующих колонн. Его батальоны преодолели ров перед крепостным валом, взобрались на вал, овладели бастионом, но подоспевшие к туркам резервы сбросили их обратно в ров. Кутузов доложил Суворову, что надо отступать. Суворов ответил: «Я донес уже в Петербург о покорении Измаила, а Кутузова назначаю измаильским комендантом»<sup>4</sup>. Тогда Кутузов, взяв подкрепление, снова пошел на приступ, ворвался в крепость и штыковыми атаками рассеивал всех ее защитников, пока они не сдались.

«Век не увижу такого дела. Волосы дыбом становятся, — писал Кутузов жене на следующий день после штурма Измаила. — Кого в лагере ни спрошу, либо умер, либо умирает. Сердце у меня облилось кровью, и залился слезами»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. С. 113. Адмирал Осип (Иосиф) Михайлович де Рибас (Дерибас) (1749—1800) командовал тогда Черноморской гребной флотилией. Основатель г. Одессы, где центральная улица (Дерибасовская) доселе носит его имя.

<sup>2</sup> Петров А.Н. Указ. соч. // Военный сб. 1900. № 3. С. 10, 11.

<sup>3</sup> См., например: Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 4. С. 4; Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 7. С. 555.

<sup>4</sup> Петров А.Н. Указ. соч. // Военный сб. 1900. № 4. С. 233.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 114.

Вступив в должность коменданта Измаила, Кутузов спросил Суворова, что означало объявление его комендантом задолго до взятия крепости. «Ничего! — таков был ответ Суворова. — Кутузов знает Суворова, а Суворов знает Кутузова. Если бы не взяли Измаил, Суворов бы умер под его стенами, и Кутузов тоже!»<sup>1</sup>

В списке представленных к наградам за взятие Измаила Суворов против фамилии Кутузова собственноручно приписал: «Генерал Кутузов шел у меня на левом крыле, но был правою моею рукою»<sup>2</sup>. По представлению Суворова, 25 марта 1791 г. Екатерина II пожаловала Кутузову звание генерал-поручика и орден Святого Георгия 3-го класса<sup>3</sup>. Так Кутузов на деле постигал суворовскую «науку побеждать».

1791 г. — последний в четвертой за XVIII в. русско-турецкой войне — принес Кутузову лавры новых побед. 4 июня, командуя отдельным отрядом в армии генерал-аншефа князя Н.В. Репнина, Кутузов разбил при Бабадаге 22-тысячный турецко-татарский корпус сераскера (главнокомандующего) Решиды Ахмед-паши — своего будущего друга и противника в русско-турецкой войне 1806—1812 гг.

28 июля 1791 г. «за дело Бабадагское» он был награжден орденом Святого Александра Невского<sup>4</sup>. Но прежде, чем Кутузов узнал об этой награде, он совершил еще большее «дело». 28 июня того же года в битве при Мачине корпус Кутузова, составлявший левое крыло армии Репнина, решающим образом повлиял на разгром 80-тысячного войска Юсуф-паши — великого визиря Турции. После битвы Репнин докладывал Екатерине II: «Расторопность и сообразительность генерала Кутузова превосходят всякую мою похвалу»<sup>5</sup>. За отличие в битве при Мачине Кутузов 18 марта 1792 г. был награжден орденом Святого Георгия 2-го класса<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Петров А.Н. Указ. соч. // Военный сб. 1900. № 4. С. 233.

<sup>2</sup> Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 3. С. 34.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 132. Генерал-поручиков с 1797 г. стали называть генерал-лейтенантами.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 149.

<sup>5</sup> Петров А.Н. Указ. соч. // Военный сб. 1900. № 4. С. 235.

<sup>6</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 156.

Кстати, задержка с этой наградой была вызвана тем, что Г.А. Потемкин, от которого зависело представление Кутузова к награде, 6 октября 1791 г. скоропостижно умер. Кутузов в письме к начальнику канцелярии «светлейшего» В.С. Попову от 12 ноября напомнил о себе: «Уверен будучи покойным князем, что наградят труды мои по окончании войны, но потеряв чрез кончину его надежду сию, уповаю, что Вы, известны будучи о службе моей, не оставите при случае отдать мне справедливость»<sup>1</sup>. Попов, а затем и Екатерина II «не оставили» отдать Кутузову справедливость.

Разгром турок при Мачине и почти синхронная с ним победа адмирала Ф.Ф. Ушакова над турецким флотом при Калиакрии (31 июля 1791 г.) положили конец войне. Турция запросила мира. Тогда же начались мирные переговоры, приведшие к заключению Ясского договора 29 декабря 1791 г. Договор узаконил присоединение Крыма к России.

Итак, генерал-поручик, кавалер шести орденов (Святого Георгия 3-х степеней, Святого Александра Невского, Святого Владимира 2-й степени и Святой Анны 1-й степени) Михаил Илларионович Кутузов к 1792 г. имел репутацию одного из лучших боевых генералов русской армии, «правой руки» самого Суворова. Он подтвердил это и в очередной (уже третьей с 1764 г.) командировке в Польшу. Там против конституции, принятой 3 мая 1791 г. польским сеймом, выступила часть польских магнатов. Они создали в мае 1792 г. так называемую Тарговицкую конфедерацию и призвали войска России и Пруссии оккупировать Польшу. Король Станислав Понятовский поддержал конфедерацию, отрекся от престола и как частное лицо уехал жить в Россию, а Польша в 1793 г. вторично была разделена между Россией и Пруссией. Кутузов командовал передовым корпусом русских оккупационных войск с мая по ноябрь 1792 г., подавляя сопротивление защитников конституции. Судя по докладу главнокомандующего оккупационными войсками России в Польше генерал-аншефа М.В. Каховского Екатерине II, Михаил Илларионович и здесь «исправлял

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 155.

всегда порученное ему с таким усердием и ревностью, как долготребовал»<sup>1</sup>. Тем большей неожиданностью стало для всех, кто хорошо его знал, назначение Кутузова в 1792 г. чрезвычайным и полномочным послом в Константинополь («Никто не ожидал подобного выбора», — удивлялся В.П. Кочубей, будущий граф и князь, в письме к графу С.Р. Воронцову)<sup>2</sup>.

Дело в том, что Екатерина II давно присматривалась к Кутузову и могла оценить не только (а может быть, и не столько) его воинский, сколько дипломатический дар — тонкость ума, предусмотрительность, обходительность, хитрость. Возможно, она имела при этом в виду, что герой Измаила, Бабадага и Мачина будет для турок живым напоминанием о мощи Российской империи. В ноябре 1792 г. Императрица дала несколько аудиенций Кутузову, долго беседовала с ним на политические темы и убедилась в правильности своего выбора<sup>3</sup>.

Весной 1793 г. во главе многолюдного (650 человек) посольства Кутузов отбыл в Константинополь. За время пребывания в турецкой столице (до февраля 1794 г.) он сумел очаровать и сераскера Ахмед-пашу, и султана Селима III, и весь его двор, удивлявшийся тому, как человек, «столь ужасный в баталиях, мог быть столь любезен в обществе»<sup>4</sup>. «Султан на аудиенции делал мне учтивости, каких ни один посол не видал», — написал Кутузов жене<sup>5</sup>. Поставив себя при султанском дворе таким образом, Михаил Илларионович блестяще исполнил наказ Екатерины II. Он не только предотвратил вмешательство Турции в польские дела при втором разделе Польши, но и нейтрализовал французское влияние на Турцию и тем самым фактически подготовил вступление Турецкой империи в союз с Россией и Англией против революционной Франции.

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 186.

<sup>2</sup> Там же. С. 189.

<sup>3</sup> См. об этом: Синельников Ф.М. Указ. соч. Ч. 2. С. 14.

<sup>4</sup> Подробно об этом см.: Муньков Н.П. Кутузов-дипломат. М., 1962. С. 28—41.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 244.

Сам Михаил Илларионович получил видимое удовлетворение от своего дебюта в качестве дипломата. «Дипломатическая карьера, — писал он жене из Константинополя, — сколь ни плутовата, но, ей-богу, не так мудрена, как военная, ежели ее делать как надобно...»<sup>1</sup> Чтобы не задержалась опять награда, Кутузов заблаговременно, 9 августа 1793 г., обратился к фавориту из фаворитов Екатерины II П.А. Зубову с напоминанием о своих заслугах и желательности *материального* поощрения: «Осмелюсь по единому праву щедрот Всемилостивейшей Монархини и моего недостатка с многочисленною семьею препоручить себя покровительству Вашего Сиятельства»<sup>2</sup>. Реакция Императрицы была скорой и щедрой: 2 сентября того же года она пожаловала Кутузову «за службу его в вечное и потомственное владение 2 тыс. душ»<sup>3</sup>. Еще через два года, 18 августа 1795 г., Екатерина II добавила к этой награде секвестированные у польских мятежников 9 фольварков в Волянской губернии (Зубовщинский, Шершневский, Кропивный, Волянский, Селянщинский, Сколобовский, Краевщинский, Могилянский, Немеровский) и местечко Райгородок, где Кутузов получил, «вместе с землями и угодьями», в общей сложности 2667 ревизских душ крепостного люда<sup>4</sup>.

Дипломатических дел впереди у Кутузова было еще немало, а пока его ждала очередная *неожиданность*: 15 сентября 1794 г. он был назначен главным директором Сухопутного шляхетского кадетского корпуса.

Надо отдать должное проницательности Екатерины II. Она хорошо разглядела в Кутузове не только воина и дипломата, но еще и педагога. Поэтому, когда в мае 1794 г. скончался главный директор шляхетского корпуса генерал-адъютант граф Ф.Е. Ангальт, Императрица, обдумав все возможные кандида-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. С. 274.

<sup>2</sup> Там же. С. 221.

<sup>3</sup> Там же. С. 227.

<sup>4</sup> Там же. С. 382. *Фольварк* — помещичье хозяйство, усадьба или хутор (польск.). Под *ревизскими душами* подразумевались тогда крепостные мужского пола. У любого из них в семьях могли быть женщины. Сколько всего крепостных получил Кутузов в 1793—1795 гг., неизвестно.

туры, избрала его преемником Кутузова. Корпус был тогда престижнейшим военно-учебным заведением. В нем получили образование ставшие потом генерал-фельдмаршалами П.А. Румянцев, М.Ф. Каменский, А.А. Прозоровский. Екатерина II называла его «рассадником великих людей»<sup>1</sup>. Для нее важно было доверить руководство таким «рассадником» авторитетному и разностороннему специалисту «из стаи славной екатерининских орлов», каким и был Кутузов.

Михаил Илларионович директорствовал в корпусе около трех лет — последний год уже при Павле I. За это время он улучшил финансовое состояние корпуса, подтянул дисциплину кадетов, а главное, переориентировал учебный процесс с теории на практику: кадеты стали больше учиться владеть оружием, отрабатывать тактические приемы, ориентироваться на местности, постигать тайны фортификации и артиллерии. В то же время Кутузов не забывал учить кадетов и военной истории, даже сам читал им военно-исторические лекции<sup>2</sup>. Среди воспитанников кадетского корпуса «кутузовской» поры оказались будущие герои войн с Наполеоном — генералы К.Ф. Толь, А.А. Писарев, М.Е. Храповицкий, Я.А. Потемкин, Ф.В. Сазонов, А.К. Ридингер, А.В. Богдановский, первый ополченец 1812 г. С.Н. Глинка.

Кстати, Сергей Николаевич Глинка (брат поэта-декабриста Ф.Н. Глинки, журналист и цензор) оставил яркие воспоминания о директорстве Кутузова. Наряду с мудростью и педагогическим даром он уже тогда заметил в Кутузове черту, которую резко осуждали очень многие и разные современники Михаила Илларионовича и о которой его панегиристы по-малкивали. Речь идет об угодливости перед сильными мира, перераставшей в раболепие. Кадеты знали, что Кутузов «каждый вечер ездил на поклон» к Платону Зубову, а Глинка сам видел, как герой Измаила и Мачина «смирненно», *часами* ждал в приемной Зубова, когда тот выйдет к нему или пригласит к себе<sup>3</sup>. Однажды, когда Кутузов садился в карету и «слуга ска-

<sup>1</sup> Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 3. С. 41.

<sup>2</sup> Подробно см.: Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. Гл. 6.

<sup>3</sup> Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895. С. 122, 125.

зал, куда ехать», наблюдавшие за своим директором кадеты вслед ему закричали: «Подлец, хвост Зубова»<sup>1</sup>

О том, что Кутузов был «во всеижайших слугах» у Зубова, свидетельствовал и екатерининский вельможа и государственный деятель А.А. Безбородко<sup>2</sup>. Многие знали, что Кутузов, заслуженный, поседевший в боях, 50-летний генерал, собственноручно готовил по утрам и подавал в постель 27-летнему фавориту горячий кофе<sup>3</sup>. А.С. Пушкин в «Заметках по русской истории XVIII века» называл «кофейник Кутузова» в ряду самых показательных символов унижения дворянского духа<sup>4</sup>. Можно представить себе, с каким раболепием держался Кутузов перед самой Императрицей Екатериной, если он так прислуживал ее фавориту.

Впрочем, Екатерина II (в отличие от ее нелюбимого сына Павла I и любимого внука Александра I) принимала лесть и поклонение с удовольствием. Кутузов (вероятно, не без протекции П.А. Зубова) вошел в узкий круг самых приближенных к государыне лиц. Официальный биограф фельдмаршала Д.Н. Бантыш-Каменский подчеркивал: «Екатерина ежедневно приглашала его в свое общество, составленное из приближенных ее. Он провел с государыней и последний вечер пред ее кончиною»<sup>5</sup>.

Последний выход Екатерины II ко двору состоялся в воскресенье 2 ноября 1796 г. Императрица отслужила обедню и затем, «как это было принято по воскресеньям», дала праздничный обед за большим столом избранным гостям. Присутствовали Великие князья Александр и Константин с женами, неприменный Платон Зубов (возможно, с братом Николаем — зятем А.В. Суворова) и самые близкие к Императрице сановники<sup>6</sup>. Среди них был и Кутузов.

<sup>1</sup> Г л и н к а С.Н. Указ. соч. С. 122.

<sup>2</sup> А.А. Безбородко — С.Р. Воронцову 18 октября 1794 г. // Архив кн. Воронцова. М., 1879. Кн. 13. С. 315.

<sup>3</sup> См.: В а л и ш е в с к и й К.Ф. Сын великой Екатерины. Император Павел I. М., 1990. С. 107.

<sup>4</sup> П у ш к и н А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. С. 275—276.

<sup>5</sup> Б а н т ы ш-К а м е н с к и й Д.Н. Указ. соч. Ч. 3. С. 41. Курсив мой. — Н. Т.

<sup>6</sup> Ш и л ь д е р Н.К. Император Павел Первый. М., 1996. С. 258.

В следующие два дня Екатерина II не выходила из своих апартаментов, а 5 ноября ее сразил «апоплексический удар» (как называли тогда инсульт), от которого она после 36-часовой агонии скончалась.

## 2. ОПАСНОЕ РАВНОВЕСИЕ. СЛУЖБА У ПАВЛА I

С утра 6 ноября, после того как врачи объявили, что «надежды больше нет», в Зимнем дворце дежурили, с одной стороны, екатерининские сановники — оба Зубовых (третий брат — Валериан — был тогда в Персидском походе), Безбородко, Алексей Орлов, а с другой стороны, приближенные наследника престола Павла Петровича — А.А. Аракчеев, Ф.В. Ростопчин, Н.П. Архаров<sup>1</sup>. Кутузов не был замечен ни среди тех, ни среди других.

Положение было критическое. В Екатеринин день, 24 ноября, Императрица собиралась всенародно объявить манифест, который лишал Павла Петровича прав на престол и передавал их Александру Павловичу<sup>2</sup>. Случившийся с нею «апоплексический удар», к счастью для Павла Петровича, сразу и навсегда лишил ее речи, хотя она прожила еще больше полутора суток. Екатерина II была еще жива, когда Павел велел опечатать ее бумаги. По преданию, Безбородко выдал ему тайну хранения манифеста, и Павел швырнул манифест в камин<sup>3</sup>. Екатерина II скончалась вечером 6 ноября, и буквально с первого же дня правления Императора Павла Петровича Зимний дворец, а следом за ним весь Петербург приняли иной вид. «Перемена сия, — вспоминал адмирал А.С. Шишков, — была так велика, что не иначе показалась мне как бы неприятельским нашествием <...> в один час все так переменялось, что казалось, настал иной век, иная жизнь, иное бытие»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> См.: В а л и ш е в с к и й К.Ф. Указ. соч. С. 104—109.

<sup>2</sup> См.: Ш и л ь д е р Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 1. С. 132.

<sup>3</sup> См.: Ш и л ь д е р Н.К. Император Павел Первый. С. 265.

<sup>4</sup> Ш и ш к о в А.С. Записки, мнения и переписка. Berlin, 1870. Т. 1. С. 9—10.

Прежде всего Павел I разогнал с насиженных мест в «верхах» приближенных Екатерины. Алексея Орлова (младшего из двух братьев Орловых, которые в 1762 г. возвели Екатерину на престол через труп ее мужа)<sup>1</sup> он страшно унизил, затеяв одновременно с похоронами Екатерины торжественное перезахоронение рядом с ней Петра III и повелев, чтобы гроб Петра III несли первым и чтобы за гробом шел Алексей Орлов с короной Петра в руках<sup>2</sup>. С другой стороны, Павел Петрович осыпал наградами преданных ему людей, а Безбородко (явно за выдачу екатерининского манифеста) озолотил и пожаловал ему титул светлейшего князя, чин канцлера, 30 тыс. десятин земли и 6 тыс. крепостных душ<sup>3</sup>. Кутузова вновь не оказалось ни в числе первых, ни среди последних. В первые месяцы правления Павла Петровича он, по-видимому, хотел и сумел остаться не отмеченным — ни поощрением, ни наказанием.

Не коснулась Кутузова и волна репрессий против военных. Если Екатерина II покровительствовала национальной школе военного искусства, первыми корифеями которой были Румянцев и Суворов, то Павел (в пику Екатерине II и по примеру Петра III) пытался реформировать армию на прусский лад, по модели Фридриха Великого. Недовольных его реформой («Русские прусских всегда бивали, что тут перенять» — возмущался Суворов) Павел изгонял, невзирая на их чины и заслуги. Он уволил 7 генерал-фельдмаршалов (включая Румянцева и Суворова), 333 генерала и 2260 офицеров, иных — в оскорбительной форме. Будущий генерал-фельдмаршал, а в то время прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка И.И. Дибич удостоился такого приказа: «Сего безобразного карлу уволить немедленно за физиономию, навещающую уныние на всю гвардию»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Старший из них — Григорий — умер в 1783 г. Еще три брата Орловых (Владимир, Иван и Федор) прямого участия в перевороте 1762 г. и в умерщвлении Петра III не принимали.

<sup>2</sup> См.: Шишков А.С. Указ. соч. Т. 1. С. 14.

<sup>3</sup> Шильдер Н.К. Император Павел Первый. Приложение XI. С. 518—519.

<sup>4</sup> Валишевский К.Ф. Указ. соч. С. 268.

По словам П.А. Жилина, Кутузов «в мрачные годы павловского режима мужественно защищал прогрессивные идеи в военном искусстве, настойчиво внедрял их в практику обучения и воспитания войск»<sup>1</sup>. Эта версия ни на чем не основана. Нет никаких данных о том, что Кутузов «мужественно» и «настойчиво» делал хоть что-нибудь неудобное Павлу I. Напротив, он в те «мрачные годы» был, что называется, тише воды ниже травы. Зато если в первый год своего царствования Павел I, по-видимому, не доверял Кутузову как «екатерининскому орду», то уже с конца 1797 г. стал благоволить к Михаилу Илларионовичу, убедившись в его лояльности и верноподданническом прилежании.

14 декабря 1797 г. Павел доверил Кутузову первое из ответственных поручений, которые с тех пор он будет давать регулярно: Кутузов должен был поехать в Берлин с поздравлениями от имени Павла I королю Пруссии Фридриху-Вильгельму III по случаю его восшествия на престол. Предполагалось, что в ходе этого визита Кутузов попытается склонить Пруссию к участию в антифранцузской коалиции. Задача была трудной, но Кутузов решил ее блестяще<sup>2</sup>. Он очаровал прусского короля не менее, чем когда-то турецкого султана, расположил к себе и генерал-фельдмаршала В. Меллендорфа — боевого соратника Фридриха Великого — и в результате подтолкнул Пруссию к подписанию 16 июля 1800 г. союзного договора с Россией и к участию в борьбе с Французской республикой на стороне России.

Берлинская миссия сразу поставила Кутузова в ряд самых доверенных лиц Павла I. Еще до того, как он вернулся из Пруссии, 4 января 1798 г., Павел пожаловал ему чин генерала от инфантерии<sup>3</sup>, освободил его от директорства в кадетском корпусе и назначил командующим сухопутными войсками в Финляндии<sup>4</sup>. Последнее назначение было важно тем, что на-

<sup>1</sup> Жилин П.А. Указ. соч. С. 65—66.

<sup>2</sup> См. об этом: Муньков Н.П. Кутузов-дипломат. С. 42—46.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 399.

<sup>4</sup> Финляндия была тогда еще составной частью Шведского королевства, но юго-восточная ее часть с городами Фридрихсгам, Вильманстранд, Нейшлот по Абоскому мирному договору 1743 г. уже отошла к России.



зревала очередная война со Швецией и поэтому требовалось привести русские войска у шведской границы в полную боевую готовность, не демонстрируя, однако, при этом враждебности к Швеции. Кутузов справился и с этой задачей.

К тому времени Михаил Илларионович стал уже знаковой фигурой при царском дворе. В 1798 г. ему исполнилось 53 года. Он был овеян славой воина и дипломата, импонировал двору своей родовитостью и состоятельностью, поскольку к тем 600 душ «мужеска полу», которыми обладал его отец<sup>1</sup>, прибавил еще 4667 душ, полученных в 1793-м и 1795 гг. от Екатерины II. Две его раны, каждая из которых считалась по всем нормам медицины смертельной, придавали его репутации легендарный ореол.

Внешне Кутузов заметно, при его среднем росте, потучнел, потерял былую живость в движениях, стал округло медлителен, что, впрочем, только прибавляло ему (при дворе — не на поле боя) великосветской вальяжности. Уже тогда впечатляло в нем сочетание природной изысканности манер с такими достоинствами, как ум, образованность, рассудительность, красноречие. «Умнейший, тончайший, просвещеннейший и любезнейший» — таким он запомнился Денису Давыдову<sup>2</sup>. Он мог пронизательно, как немногие, вкрасься в душу любого собеседника, а свою душу не открыть никому. Окружающие удивлялись богатству и разнообразию его познаний. П.А. Гейсман писал о нем: «Он отлично знал математику, фортификацию, инженерное дело, был знаком с богословием и философией, отлично знал историю, словесность русскую и немецкую, интересовался науками юридическими и общественными, отлично владел языками французским, немецким, польским, мог объясняться на шведском, английском и даже турецком языках, знал несколько и латинский»<sup>3</sup>.

«В кругу своих, — вспоминал о Кутузове Федор Глинка, — он был веселонравен, шутлив, даже при самых затруднитель-

<sup>1</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 5. С. 596.

<sup>2</sup> Давыдов Д.В. Соч. СПб., 1893. Т. 2. С. 294.

<sup>3</sup> Русский биографический словарь / Под набл. А.А. Половцова. Т. 9. С. 628.

ных обстоятельствах. К числу прочих талантов его неоспоримо принадлежало искусство говорить. Он рассказывал с таким пленительным мастерством, особенно оживленный присутствием прекрасного пола, что слушатели всякий раз между собой говорили: «Можно ли быть любезнее его?»<sup>1</sup> «Необыкновенный дар слова» отмечал в ряду достоинств Кутузова и Денис Давыдов<sup>2</sup>. А генерал С.И. Маевский вспоминал об этом кутузовском даре в таких выражениях: «Можно сказать, что Кутузов не говорил, но играл языком. Это был другой Моцарт или Россини, обвораживающий слух разговорным своим смычком»<sup>3</sup>. «Мудрый, как Фабий, пронизательный, как Филипп Македонский», — заключал характеристику достоинств Кутузова Д.П. Бутурлин<sup>4</sup>.

При всем этом уже тогда современники (не только недруги, но и доброжелатели Кутузова) отмечали в нем черты неприятные, даже отталкивающие. Прежде всего они осуждали его как царедворца — «величайшего»<sup>5</sup>, «всегда первенствующего, непреодолимого»<sup>6</sup> в придворных интригах, «низкого»<sup>7</sup>, с «угодливостью, доходящей до раболепства по отношению к вышестоящим»<sup>8</sup>, «из-за фавора» которых «он все переносил, всем жертвовал»<sup>9</sup>. Симпатизировавший в общем Михаилу Илларионовичу адмирал А.С. Шишков свидетельствовал: «Кутузов,

<sup>1</sup> Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1987. С. 296.

<sup>2</sup> Давыдов Д.В. Соч. М., 1962. С. 543. Правда, здесь же Давыдов замечает, что Кутузов «не умел, однако, хорошо излагать на бумаге свои мысли» (курсив мой. — Н. Т.).

<sup>3</sup> Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8. С. 153.

<sup>4</sup> Бутурлин Д.П. История нашего императора Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1823. Т. 1. С. 253.

<sup>5</sup> Записки А.И. Михайловского-Данилевского // Исторический вестник. 1890. № 10. С. 159.

<sup>6</sup> Ермолов А.П. Записки (1798—1826). М., 1991. С. 261.

<sup>7</sup> «Низким царедворцем» считал Кутузова М.А. Милорадович. Из воспоминаний А.И. Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1897. № 6. С. 467.

<sup>8</sup> Ланжерон А.Ф. Записки // Русская старина. 1907. № 9. С. 569—570.

<sup>9</sup> Ростопчин Ф.В. Записки // Пожар Москвы. М., 1911. Ч. 2. С. 54.

искусный и храбрый перед неприятелем полководец, был робок и слаб перед царем»<sup>1</sup>, будь то Павел или Александр I. Мнение об избытке «придворной выправки» у Кутузова, о «двуличности придворного», «скорее куртизана, чем генерала», устойчиво сохранялось в течение XIX в., как об этом напоминали министры А.А. Чарторыйский и К.В. Нессельроде, мемуарист правовед Н.И. Тургенев, художник В.В. Верещагин<sup>2</sup>.

Вторая черта в характере и поведении Кутузова, которая вызывала отторжение у современников, включая его соратников, — гипертрофированное женолюбие, за что Александр I называл его «одноглазым старым сатиром». Если А.И. Михайловский-Данилевский только констатировал, что Кутузов «был обожателем женского пола»<sup>3</sup>, то граф А.Ф. Ланжерон свое мнение о Кутузове-ловеласе («Не может существовать без того, чтобы иметь около себя трех-четырёх женщин, хвастаясь этим богатством») иллюстрировал примерами. Об одном из них, а именно о том, как Кутузов сделал своей «владычицей» 14-летнюю молдавскую боярышню Гуниани, знали не только в Молдавии, но и в Петербурге<sup>4</sup>. До последних месяцев жизни, даже в кампании 1812 г., Кутузов держал при себе наложниц (о чем еще будет сказано), и об этом тоже знали царь и министры. Знала, должно быть, и жена Кутузова Екатерина Ильинична, которой «верный друг Михайла», как он подписывался в письмах к ней, 30 октября 1812 г. писал с шутовой прямоотой, что фортуна, «эта капризная женщина», так скажет о нем: «Вот старик, который всегда обожал наш пол, боготворит его и сейчас, <...> всегда любил угождать женщинам»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Шишков А.С. Записки. Т. 1. С. 169.

<sup>2</sup> Русский двор в конце XVIII и начале XIX столетия. Из записок кн. А. Чарторыйского (1795—1805). СПб., 1908. С. 158; Воспоминания К.В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 520; Тургенев Н.И. Россия и русские // Русские мемуары. 1800—1825. М., 1989. С. 270; Верещагин В.В. Наполеон I в России. 1812. Тверь, 1993. С. 112.

<sup>3</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Записки о походе 1813 г. СПб., 1834. С. 67.

<sup>4</sup> Ланжерон А.Ф. Записки // Русская старина. 1910. № 7. С. 167—168; Местр Ж. де. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 206.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Т. 4. Ч. 2. С. 253.

О моральных качествах Кутузова наши историки стараются не рассуждать. Лишь изредка кто-нибудь из самых пылких его «фанатов» может воскликнуть, что в нем «счастливы сочетались лучшие черты русского характера»<sup>1</sup>. Дело в том, что очень уж негативно отзывались о чертах характера Михаила Илларионовича люди, которые хорошо знали его, причем люди *разные*. Почитатели Кутузова донныне считают, что «отрицательные оценки» его человеческих качеств — это всего лишь инсинуации «недоброжелателей» фельдмаршала<sup>2</sup>. Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев называют трех лиц (Л.А. Беннигсена, А.Ф. Ланжерона, А.П. Ермолова), позволивших себе высказаться о «так называемых (! — Н. Т.) негативных качествах Кутузова», и заключают, что такие высказывания «связаны в основном либо с недопониманием масштабов полководца, либо с личными обидами, возникшими в результате строгой оценки Кутузовым промахов по службе, имевших место в ходе войны, с завистью, а иногда и с чрезмерным тщеславием указанных лиц. Ведь кроме этих авторов, совсем другие оценки деятельности Кутузова мы встречаем в воспоминаниях К.Ф. Толя, Н.Н. Раевского, братьев Глинка, И.П. Липранди и других»<sup>3</sup>.

Заключение — удивительное по предвзятости (или невеждению?). Во-первых, и Сергей Глинка, как мы видели, осуждал лакейство Кутузова перед временщиком Zubовым; и Раевский ставил фельдмаршала «ни в духе, ни в талантах» не выше «ничтожества»<sup>4</sup>; и Липранди считал Кутузова «виновным выпуска из России Наполеона»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> История России. С начала XVIII до конца XIX в. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1996. С. 318.

<sup>2</sup> Спаситель Отечества. Кутузов — без хрестоматийного глянца // Родина. 1995. № 9. С. 65—66.

<sup>3</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 451. Курсив мой. — Н. Т.

<sup>4</sup> 1812—1814. М., 1992. С. 226. См. также уничижительный отзыв Н.Н. Раевского о Кутузове в кн.: Батюшков К.Н. Соч. СПб., 1887. С. 388.

<sup>5</sup> Липранди И.П. Война 1812 г. Замечания на кн. «История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам г.-м. М.И. Богдановича. М., 1869 (замечания на 3-й том. С. 42).

Главное же, о «негативных качествах» Кутузова свидетельствовали еще очень многие авторитетные современники. Конечно, Федор Ростопчин, считавший Кутузова «интриганом» и «лгуном»<sup>1</sup>, или Жозеф де Местр, клеймивший «двуличие, себьялюбие, развратную жизнь» Кутузова<sup>2</sup>, как явные его зложелатели не могли судить его беспристрастно. Но ведь и канцлер А.А. Безбородко уличал Михаила Илларионовича в придворной угодливости (вспомним «кофейник Кутузова»!), и генералиссимус А.В. Суворов говорил: «Я не кланяюсь Кутузову; он поклонится раз, а обманет десять раз»<sup>3</sup>. Это же имел в виду А.П. Ермолов, говоря о «низком малодушии» и «неразлучных интригах» Кутузова<sup>4</sup>, а М.А. Милорадович считал, что Кутузов вообще «был человек подлого нрава»<sup>5</sup>. К «малодушным людям» относил Кутузова Д.С. Дохтуров<sup>6</sup>, к «интриганам» — П.И. Багратион<sup>7</sup>. Что — все они (включая Суворова) завидовали Кутузову и «недопонимали» его «масштабность»?

Одна из самых «кутузовских» черт, которую современники воспринимали негативно, вполне может быть расценена как достоинство: Кутузов был «хитрейшим из людей»<sup>8</sup>. Хитрость его — житейская, дипломатическая, военная — обрастала легендами. Вот два разительных примера. На войсковых маневрах 1800 г. под Петербургом одним корпусом командовал П.А. Пален, другим — Кутузов. Павел I был при штабе Палена. Заметив в подзорную трубу, что Кутузов стоит вдалеке от войск, почти без охраны, Павел I решил взять его «в плен». Во главе эскадрона гусар Император скрытно под-

<sup>1</sup> Ростопчин Ф.В. Записки. С. 54.

<sup>2</sup> Местр Ж. де. Указ. соч. С. 237.

<sup>3</sup> Цит. по: Глинка С.Н. Записки о 1812 г. СПб., 1836. С. 181.

<sup>4</sup> Ермолов А.П. Характеристика полководцев 1812 г. // Родина. 1994. № 1. С. 58; Он же. Записки. С. 260, 261.

<sup>5</sup> Из воспоминаний А.И. Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1897. № 6. С. 467.

<sup>6</sup> Письма Д.С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 1. С. 1098.

<sup>7</sup> Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 101.

<sup>8</sup> Местр Ж. де. Указ. соч. С. 238.

ступил к тому месту, где стоял Кутузов, как вдруг был сам окружен со всех сторон и принужден «сдаться». Оказалось, что Кутузов заметил маневр Павла и, вызвав «огонь» на себя, приготовил ему засаду. Император был и расстроен, и восхищен. После маневров он обнял Кутузова со словами: «Обнимаю одного из величайших полководцев нашего времени!»<sup>1</sup>

Другой пример относится к 1812 г., но для полноты впечатления о хитрости Кутузова приведу его здесь. Вот как Кутузов опроверг слух в армии о том, что он плохо видит. Отправив заблаговременно и тайно казачий надзор в ту сторону, откуда мог бы появиться и неприятель, за версту от большой дороги, по которой он ехал со своим штабом, Кутузов вдруг остановился, стал смотреть на едва различимых всадников у далекой лесной опушки и спросил: «Кто бы это мог быть?» Цитирую дальше очевидца, А.Н. Муравьева (будущего декабриста): «Приближенные начали уверять его, что это неприятельские разъезды, но он, пристально посмотрев, отвечал: *«Нет, это казаки, пошлите справиться»* — и продолжал спокойно путь свой. Вскоре посланные адъютанты воротились, удостоверив, что это действительно казаки, а не французы, и с этого времени сомнение о слабости зрения главнокомандующего исчезло»<sup>2</sup>.

Вернемся теперь к службе Кутузова у Павла I. С 1799 г. он выполняет ряд поручений — одно ответственнее другого. 27 сентября Павел I назначил его командующим русским экспедиционным корпусом в Голландии вместо генерала от инфантерии И.И. Германа, который был разбит французами при Бергене и взят в плен. Кутузов выехал в Голландию, чтобы принять там корпус и действовать против французов совместно с английскими войсками. Император напутствовал его очередной наградой — орденом Святого Иоанна Иерусалимского. Но доехал Михаил Илларионович только до Гамбурга. Поскольку главнокомандующий союзным воинством в

<sup>1</sup> [Карабанов П.Ф.] М.И. Голенищев-Кутузов. Исторические рассказы и анекдоты о деятелях и событиях 1797—1801 гг. // Русская старина. 1874. № 11. С. 581—582.

<sup>2</sup> Муравьев А.Н. Соч. и письма. Иркутск, 1986. С. 108.

Голландии английский герцог Ф. Йорк договорился с французами о прекращении боевых действий, Павел I отозвал Кутузова обратно в Россию. Здесь, с 26 октября 1799 г., Михаил Илларионович вступил в должность литовского военного губернатора<sup>1</sup>. Вместе с тем он был назначен командующим одной из трех армий, которые должны были составить резерв поддержки А.В. Суворова, отправленного в итальянский поход, и, «если бы французы <...> угрожали низвержением римского императора<sup>2</sup>, тогда идти помогать и спасать его»<sup>3</sup>.

Тем временем Павел I охладил к своим партнерам по анти-французской коалиции: к Австрии — за то, что она предательски оставила Суворова без обещанной помощи, к Англии — из-за того, что в перехваченной депеше английского посла Ч. Уитворта от 21 февраля 1800 г. Павел прочел о себе: «Император буквально не в своем уме»<sup>4</sup>. В этот момент Наполеон Бонапарт, только что возглавивший Францию, сделал первый шаг навстречу Павлу — шаг, равно эффектный и эффективный. Он предложил из уважения к «храбрым войскам» России возвратиться на родину безвозмездно и без всяких условий всех русских пленных числом в 6732, включая 134 генералов и штаб-офицеров, причем выказал невиданную в истории войн любезность, повелев, чтоб им не только вернули оружие, но и выдали новенькие мундиры, сшитые за счет французской казны по форме их частей<sup>5</sup>.

Павел I был пленен рыцарским жестом Бонапарта, которого он еще недавно называл «корсиканским узурпатором», и тотчас из врага обратился в его поклонника. Главы Французской республики и Российской империи вступили в деловую переписку, согласовывая друг с другом свои шаги не только к миру, но и к

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 495.

<sup>2</sup> Т. е. императора Австрии Франца I, который до 1806 г. формально считался еще императором т. н. Священной Римской империи.

<sup>3</sup> Павел I — А.В. Суворову 20 ноября 1799 г. // М.И. Кутузов. Т. 1. С. 501.

<sup>4</sup> Цит. по: В а л и ш е в с к и й К.Ф. Указ. соч. С. 439. См. также: Э й д е л ь м а н Н.Я. Грань веков. М., 1986. С. 189.

<sup>5</sup> В а л и ш е в с к и й К.Ф. Указ. соч. С. 458, 480—481.

союзу. Павел I одобрял каждый шаг Бонапарта и сам делал встречные предложения, иногда даже сверх ожиданий партнера. 12 января 1801 г. он предписал атаману Войска Донского В.П. Орлову: «Имеете вы идти и завоевать Индию»<sup>1</sup> — а через два дня в личном письме к Бонапарту спрашивая, «нельзя ли предпринять что-нибудь на берегах Англии»<sup>2</sup>. К началу 1801 г. союз между Францией и Россией фактически стал уже делом решенным и мог быть оформлен в ближайшие недели.

Судя по делам и словам Бонапарта («Франция и Россия созданы географически, чтобы быть тесно связаны между собой»<sup>3</sup>), вполне можно согласиться с таким знатоком истории и русско-французских отношений, как А.З. Манфред, в том, что «Бонапарт был первым из французских государственных деятелей, кто сумел понять во всем значении важность для Франции союза с Россией»<sup>4</sup>. С российской стороны это можно сказать и о Павле I. Разумеется, если бы заговорщикам не удалось цареубийство 11 марта 1801 г. и Павел Петрович остался бы жив и заключил союз с Бонапартом, то история России и Франции в начале XIX в. определилась бы совсем по-иному, и Кутузову пришлось бы действовать не против Наполеона, а вместе с ним.

А пока Кутузов включился в подготовку русских войск к войне с главным врагом Наполеона — Англией. Летом 1800 г. по приказу Павла I у западных границ России начали формироваться две армии: в Литве — под командованием генерала от кавалерии, петербургского военного губернатора графа П.А. Палена (в то время одного из самых близких к царю сановников) и на Волыни — под командованием Кутузова. 2 сентября последовал приказ Павла I: «Армии генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова быть готовой к выступлению в поход в 24 часа по получении повеления»<sup>1</sup>. Для проверки бо-

<sup>1</sup> Ш и л ь д е р Н.К. Император Павел Первый. С. 400.

<sup>2</sup> Там же. С. 403.

<sup>3</sup> Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I / Под ред. А.С. Трачевского. СПб., 1890. Т. 1. XXVI.

<sup>4</sup> М а н ф р е д А.З. Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М., 1980. С. 364.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 582.

евых качеств обеих армий 4-го, 6-го и 8 сентября в окрестностях Гатчины были проведены маневры войск (по одному корпусу от каждой армии) с личным участием Палена, Кутузова и самого Императора.

Император так остался доволен маневрами, что в день их окончания, 8 сентября, самолично вручил Палену орден Святого Иоанна Иерусалимского, а Кутузову — высший орден Российской империи, Святого Андрея Первозванного<sup>1</sup>.

В октябре 1800 г. Кутузов, выполняя поручение Павла I, распределял по войскам «возвращающихся из Франции российских военнопленных»<sup>2</sup>. Тем самым Михаил Илларионович вступил в первый (пока заочный, вполне мирный, почти союзыный) контакт с Наполеоном.

Наращивая подготовку войны с Англией, Павел I 14 декабря 1800 г. повелел формировать еще третью армию — под командованием генерал-фельдмаршала И.П. Салтыкова<sup>3</sup>. В то же время он, по договоренности с Бонапартом, сколачивал антианглийскую коалицию из Пруссии, Дании и Швеции, которые были недовольны претензиями «владычицы морей» на гегемонию в Европе и на хозяйственный контроль за морской торговлей вокруг Европы. По поручению Павла Петровича Кутузов в декабре 1800 г. встретил у границы и проводил в Петербург шведского короля Густава IV Адольфа<sup>4</sup>, который подписал с Павлом I договор о совместных действиях против Англии в защиту свободной морской торговли.

В то время Кутузов стал уже одним из самых доверенных лиц в окружении Павла I. Версию ряда биографов Кутузова о «неровном отношении» к нему со стороны Императора<sup>5</sup> трудно принять всерьез. Да, случалось Михаилу Илларионовичу, как на это указывают Гуляев, Соглаев и др., получать *выговоры* от

<sup>1</sup> См.: Шильдер Н.К. Император Павел Первый. С. 421.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 599.

<sup>3</sup> См. там же. С. 607.

<sup>4</sup> См. там же. С. 606.

<sup>5</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 179; Жилин П.А. Указ. соч. С. 66—68; Мелентьев В.Д. Кутузов в Петербурге. Л., 1986. С. 97.

Павла I. Такие же и еще большие взыскания, вплоть до ареста и ссылки, получали тогда *все* (едва ли хоть с одним исключением) из приближенных царя — и П.А. Пален, и Ф.В. Ростопчин, и А.А. Аракчеев, и сам цесаревич Александр Павлович<sup>1</sup>. Надо видеть *главное*: при Павле и от Павла Кутузов получил звание генерала от инфантерии (1798), ордена Святого Иоанна Иерусалимского (1799) и Святого Андрея Первозванного (1800), очередное — после двух екатерининских — пожалование 1 тыс. ревизских крепостных душ<sup>2</sup>. Вспомним, какие ответственные военные и дипломатические поручения доверял Кутузову Павел I. «С таким генералом можно ручаться за спокойствие империи» — так говорил Павел о Кутузове<sup>3</sup>. Личное расположение к Михаилу Илларионовичу Павел выразил тем, что крестил двух его внуков (от старшей дочери Кутузова Прасковьи Михайловны), двум дочерям — Прасковье и Анне — пожаловал звания фрейлин царского двора, а жену его, Екатерину Ильиничну, определил в статс-дамы<sup>4</sup>.

Наконец, вот разительный факт. В декабре 1800 г. Павел I носился с мыслью, «чтобы положить конец войне» в Европе, устроить рыцарские поединки между европейскими государями, которые могли бы «сразиться на определенном поле, имея при себе в качестве оруженосцев, секундантов и герольдов своих самых просвещенных министров и самых сведущих генералов, как Тугут, Питт, Бернсторф». Для себя Павел I выбрал секундантами графа П.А. Палена и... М.И. Кутузова<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> См., например: Шильдер Н.К. Император Павел Первый. С. 385—386; Валишевский К.Ф. Указ. соч. С. 547, 587—588; Эйдельман Н.Я. Указ. соч. С. 238.

<sup>2</sup> 1 тыс. душ Павел I пожаловал Кутузову 26 октября 1799 г. (см.: Михайловский-Данилевский А.И. Александр I и его сподвижники. Т. 3. Вып. 53. С. 11).

<sup>3</sup> Цит. по: Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. Ч. 3. С. 42.

<sup>4</sup> См.: Мелентьев В.Д. Указ. соч. С. 86, 97.

<sup>5</sup> Валишевский К.Ф. Указ. соч. С. 500. Тугут Франц де Паула (1736—1818) — барон, министр иностранных дел Австрийской империи 1793—1800 гг.; Питт Уильям Младший (1759—1806) — премьер-министр Англии 1783—1801-го и 1804—1806 гг.; Бернсторф Кристиан Гюнтер (1769—1835) — министр иностранных дел Дании 1797—1810 гг.

Генерал от кавалерии граф Петр Алексеевич фон дер Пален по своему влиянию и могуществу был тогда фактически вторым лицом в государстве. Он и возглавил заговор против *первого лица*, вполне ему доверявшего. Причины заговора, как внутренние, так и внешние, были очевидны уже для современников. Заговор — типично *дворцовый*. Устроили его дворянские верхи. Для них Павел I был нетерпим не только и даже не столько потому, что он мог непредсказуемо, под горячую руку, арестовать, сослать, разжаловать, унижить любого из них, отчего они и жили тогда «как во время холеры, прожили день — и слава Богу!»<sup>1</sup> В конце концов, для многих из них царь часто менял гнев на милость. Но почти все они отвергали самый курс политики Павла — и внутренней, и внешней.

Внутри страны дворянская оппозиция была против любых послаблений крестьянству, вроде указа 1797 г. о трехдневной (не более) барщине, и, особенно, против ограничений ее собственных вольностей, против «разжалования» (как выразился Н.Я. Эйдельман) екатерининской Жалованной грамоты дворянству 1785 г. Грамота одаривала дворян 92 привилегиями, с которыми Павел мало считался, объявив: «Дворянин в России — лишь тот, с кем я говорю и пока я с ним говорю». Во внешней же политике совсем не устраивал дворян разрыв с Англией и тем более союз с Францией, которая, как «исчадие революции», подавляющему большинству из них, естественно, была ненавистна.

В заговоре приняли участие с десятков генералов и полсотни офицеров из самых привилегированных гвардейских полков<sup>2</sup>. Главными, наряду с Паленом, заговорщиками были генерал-лейтенант барон А.А. Беннигсен и бывший фаворит Екатерины II светлейший князь Платон Зубов с братьями графами Валерианом и Николаем, а также будущие генерал-адъютанты Александра I князь П.М. Волконский и Ф.П. Уваров. Полага-

<sup>1</sup> Г р е ч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 163.

<sup>2</sup> Подробно о заговоре и убийстве Павла I см.: Цареубийство 11 марта 1801 г. 2-е изд. СПб., 1908; Э й д е л ь м а н Н.Я. Указ. соч. Ч. 2.

ют, что субсидировал заговорщиков английский посол Ч. Уитворт, который поддерживал сношения с ними через свою любовницу, молодую генеральскую вдову и светскую львицу О.А. Жеребцову (родную сестру Зубовых).

Весь заговор был затеян в пользу наследника престола Великого князя Александра Павловича и в расчете на его согласие. Граф Пален, рискуя собой, откровенно рассказал Александру о намерении заговорщиков низложить его отца. Александр дал согласие и просил только не убивать Павла. Пален обещал это, хотя не верил сам и считал, что Александр Павлович тоже не верит в такую возможность: уж слишком суровым был нрав Павла I, чтобы можно было заставить его, *не убивая*, отказаться от власти<sup>1</sup>.

Итак, к февралю 1801 г. заговор против Павла I созрел. Помогала заговорщикам сама атмосфера в Михайловском замке, где с 1 февраля пребывали семья Императора и двор. Она была для Павла злоедей. Ф.В. Ростопчин, возможно не без преувеличения, обрисовал ее такими словами: «Великий князь Александр ненавидит отца; Великий князь Константин его боится; дочери, *воспитанные матерью*, смотрят на него с отвращением, и все это улыбается ему и желало бы видеть его обращенным в прах»<sup>2</sup>.

Как же вел себя при дворе в такой атмосфере М.И. Кутузов? Имел ли он какое-либо отношение к заговору против Павла I, и если имел, то какое? Есть версия о том, что Михаил Илларионович «как злостный масон играл видную роль в убийстве Павла, знал об этом убийстве и помогал убийцам — как лично сам, так и его жена и дочь»<sup>3</sup>. Из всего, что здесь сказано, верно только одно: Кутузов был масоном. По совокупности данных о нем, он еще в 1777 г., будучи за границей, вступил в ложу Братства (Ордена) Вольных Каменщиков

<sup>1</sup> См. об этом: В а л и ш е в с к и й К.Ф. Указ. соч. С. 565—567; Э й д е л ь м а н Н.Я. Указ. соч. С. 259—261.

<sup>2</sup> Письма гр. Ф.В. Ростопчина к гр. С.Р. Воронцову // Архив кн. Воронцова. М., 1880. Кн. 24. С. 274.

<sup>3</sup> И в а н о в В.Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра I до наших дней. М., 1997. С. 234.

в Регенсбурге, затем был принят в ложи Франкфурта и Берлина, а по возвращении в Россию с 1783 г. стал членом еще нескольких масонских лож, включая шведский союз «Духовных рыцарей», где «проник в тайны высоких степеней» и получил «орденское знамя «Зеленеющий лавр»<sup>1</sup>. Однако ни В.Ф. Иванов, ни другие авторы не приводят ни одного доказательства не только «видной роли» Кутузова в заговоре против Павла I или хотя бы его причастности к заговору, но и вообще какого бы то ни было влияния масонства на его служебную карьеру.

Факты свидетельствуют, что к началу 1801 г. Кутузов входил в узкий круг ближайших к Павлу I лиц. С января 1801 г. он регулярно приглашался на обеды к Императору в числе строго избранных гостей<sup>2</sup>. В последний день жизни Павла Петровича, 11 марта 1801 г., Кутузов у него и пообедал и поужинал, став, в итоге, единственным — не из царской семьи — лицом, проводившим последние вечера и с Екатериной II (перед смертью ее) и с Павлом I (за полтора часа до его убийства). Сохранились рассказы самого Кутузова о вечере 11 марта в пересказе И.М. Муравьева-Апостола и графа А.Ф. Ланжерона.

Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (1762—1851) — тайный советник, почетный член Академии наук, литератор (прозаик, поэт, переводчик) и дипломат, отец трех будущих декабристов — при Екатерине II был воспитателем Великих князей Александра и Константина, при Павле I — вице-президентом Иностранной коллегии, а при Александре I — послом в Мадриде. По свидетельству его старшего сына Матвея, Кутузов « всю свою жизнь был в дружеских отношениях » с Иваном Матвеевичем<sup>3</sup> и, вероятно, рассказывал ему, а тот —

<sup>1</sup> Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. М., 1915. Ч. 2. С. 194—195. См. также: Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778—1822). Пг., 1916. С. 47; В е д ь м и н О.П. Масоны в России. 1730—1825. Кемерово, 1998. С. 138.

<sup>2</sup> См.: Камер-фурьерский церемониальный журнал (январь—июнь 1801 г.). СПб., 1901. С. 12, 14, 16, 30, 32—35 и сл.

<sup>3</sup> Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Апостола // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 167.

сыну, о пережитом 11 марта 1801 г. Что касается генерала от инфантерии графа А.Ф. Ланжерона (эмигранта из Франции на русской службе, героя войн России с Наполеоном 1805—1814 гг., ближайшего помощника Кутузова в турецкой кампании 1811—1812 гг.), то он сам слышал от Михаила Илларионовича и записал его рассказ об 11 марта. При этом Ланжерон с уверенностью констатировал: «Кутузов не был посвящен в заговор»<sup>1</sup>.

Вот, в передаче Ланжерона, рассказ Кутузова: «Мы ужинали вместе с Императором. Нас было 20 человек за столом<sup>2</sup>. Государь был очень весел и много шутил с моей старшей дочерью (Прасковьей Михайловной. — Н. Т.), которая в качестве фрейлины присутствовала за ужином и сидела против Императора. После ужина он говорил со мною...»<sup>3</sup> О чем говорил Павел I с Кутузовым, поведали нам и Ланжерон, и Муравьев-Апостол. «Вот как Кутузов мне рассказывал, — читаем у Ланжерона. — «После ужина Император взглянул на себя в зеркало, имевшее недостаток и делавшее лица кривыми. Он посмеялся над этим и сказал мне: «Посмотрите, какое смешное зеркало, я вижу себя в нем с шеей на сторону». Это было за полтора часа до его кончины»<sup>4</sup>.

Другую, столь же зловещую подробность предсмертного разговора Павла I с Кутузовым запомнил Муравьев-Апостол: «Наконец, между ними разговор зашел о смерти. «На тот свет иттить — не котомки шить», — были прощальными словами Павла I Кутузову»<sup>5</sup>. В связи с этой подробностью Н.Я. Эйдельман очень выразительно представил Кутузова заговорщиком: «Беседа была о смерти. Павел предчувствовал: Кутузов знал. После разговора царь отправился к себе — «на тот свет иттить», а Кутузов пошел играть в карты с генера-

<sup>1</sup> Цареубийство 11 марта 1801 г. С. 195.

<sup>2</sup> Среди них — Великие князья Александр и Константин Павловичи с женами, Великая княжна Мария Павловна, жена главного заговорщика статс-дама графиня Ю.И. Пален с дочерью. См.: Камер-фурьерский церемониальный журнал (январь—июнь 1801 г.). С. 221—222.

<sup>3</sup> Цареубийство 11 марта 1801 г. С. 195.

<sup>4</sup> Там же. С. 151.

<sup>5</sup> Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Апостола. С. 170.

лом Кологривовым, который сохранял верность Императору. Ночью, посреди партии, Кутузов открыл часы, понял, что дело сделано, и объявил Кологривова арестованным»<sup>1</sup>.

Здесь Натан Яковлевич ошибся. Он отнес к Михаилу Илларионовичу воспоминание Н.А. Саблукова о другом Кутузове. То был генерал-майор Павел Васильевич Голенищев-Кутузов (дальний родственник Михаила Илларионовича, впоследствии тоже крупный сановник, генерал-адъютант, петербургский генерал-губернатор, граф), который ни на обедах, ни на ужинах у Павла I никогда не бывал. Он действительно участвовал в заговоре против Павла и в ночь царевубийства именно он арестовал своего начальника, генерал-лейтенанта Андрея Семеновича Кологривова<sup>2</sup>.

Случилась за ужином у Павла I 11 марта еще одна сцена, подспудно жуткий смысл которой могли осознать только заговорщики (из всех присутствовавших на ужине — лишь Великий князь Александр Павлович). В какой-то момент за столом Александр чихнул, и Павел ласково сказал ему: «За исполнение всех ваших желаний!»<sup>3</sup> Можно представить себе, как при этом содрогнулся цесаревич, уже *знавший*, судя по ряду источников<sup>4</sup>, о намеченном именно на ту ночь низложении царя с риском (фактически стопроцентным) его убийства...

А вот Кутузов такое пожелание отца сыну мог воспринять просто как само собой разумеющееся. Он отбыл к себе после ужина, простившись с Государем — живым, здоровым и веселым. По всей вероятности, он и спал в ту ночь спокойно.

Проснулся же Михаил Илларионович наутро 12 марта уже в новое царствование, где ждали его и обидные падения, и наивысший взлет, и посмертная слава.

<sup>1</sup> Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. М., 1975. С. 46; 2-е изд. М., 1980. С. 43—44.

<sup>2</sup> См. об этом: Сафонов М.М. Генерал Кутузов и убийство Павла I // Русская литература. 1982. № 2. С. 189—190.

<sup>3</sup> Шидлер Н.К. Император Александр I. Т. 1. С. 426. Курсив мой. — Н. Т.

<sup>4</sup> См.: Царевубийство 11 марта 1801 г. С. 184.

### 3. ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ. КУТУЗОВ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I

Император Павел I в полночь с 11-го на 12 марта 1801 г. был убит придворными заговорщиками<sup>1</sup>, разделив таким образом участь своего отца Петра III, тоже убитого в результате заговора за 40 лет перед тем. Так был содеян шестой, с 1725 г., и последний в России дворцовый переворот. Он завершил собою историю российской государственности XVIII в., определяемой, по словам маркиза А. де Кюстина, как «абсолютная монархия, умеряемая убийством»<sup>2</sup>.

Скоропостижную смерть Павла I (якобы от «апоплексического удара») дворяне, не знавшие истинных причин «апоплексии», чуть ли не повсеместно встречали с восторгом. «Низы» не проявляли столько эмоций, но многие из них, как и «верхи», связывали с новым царем надежды на лучшее.

Александр I во всем, вплоть до внешности (высокий, стройный, ангельски красивый, с джентльменскими манерами), выгодно отличался от своего отца. Заняв престол, он тотчас, к радости дворянского окружения, стал исправлять «вред» от деяний Павла I: объявил, что будет править «по законам и сердцу бабки нашей Екатерины Великой», торжественно подтвердил екатерининскую Жалованную грамоту дворянству и уволил отовсюду самых, как считалось, одиозных приближенных Павла — П.Х. Оболянинова, И.П. Кутайсова, Н.П. Архарова, Ф.Ф. Эртеля, места которых заняли либо уволенные Павлом старые екатерининские вельможи, либо «молодые друзья» нового Императора. Что же касается заговорщиков, *царевубийц*, то Александр I удалил П.А. Палена и братьев Зубовых в их собственные поместья (можно ли назвать это карой за царевубийство?), а А.Л. Беннигсена, хотя лично и сторонился,

<sup>1</sup> Согласно наиболее достоверной из версий, Павел I упал от удара золотой табакеркой Николая Зубова, а потом был задушен шарфом А.Л. Беннигсена или штабс-капитана Я.Ф. Скарятина (см.: Эйдельман Н.Я. Грань веков. С. 321, 322, 326).

<sup>2</sup> Кюстин А. де. Николаевская Россия. М., 1990. С. 85. За 1725—1801 гг. в России были свергнуты три царя, два временщика и одна «правительница», причем все трое царей (Иван VI, Петр III и Павел I) были убиты.



держал в чести как крупного военачальника. Близкий друг Александра Павловича князь А.А. Чарторыйский объяснил это так: «Он не считал себя вправе карать их, ибо почитал себя столь же виновным, как и они»<sup>1</sup>. Вместе с бременем власти Александр I воспринял жуткую долю осознания, что после двух сыноубийц (Ивана IV и Петра I) и мужеубийцы Екатерины II на российском троне оказался еще фактически и отцеубийца, и именно в его лице. Эта неизлечимая душевная рана совести, как заметит позже его внучатный племянник Великий князь Николай Михайлович, «испортила всю последующую его жизнь на земле»<sup>2</sup>.

М.И. Кутузов в первые месяцы царствования Александра I оставался в стороне от всех увольнений и выдвигений, точно так же, как это было при воцарении Павла I. Но 18 июня 1801 г. Михаил Илларионович был назначен на высокий пост петербургского военного губернатора вместо удаленного Палена<sup>3</sup>. Сам факт такого назначения заключал в себе тройкий смысл: Император Александр Павлович не считал Кутузова ни скомпрометированным в павловских прегрешениях, ни в грехе заговора против Павла и ценил его как многоопытного саванника, военачальника и администратора. Не случайно Император ввел Михаила Илларионовича в состав влиятельной Военской комиссии, которая была учреждена 24 июня 1801 г. под председательством Великого князя Константина Павловича для проверки и пересчета государственных расходов на армию.

Однако пробыв Кутузов в «паленской» должности недолго — чуть больше года. Биографы Михаила Илларионовича о причинах этой его отставки говорят по-разному. Редакция 6-томника документов «М.И. Кутузов» в 1950 г. констатировала: «Действительную причину отставки Кутузова установить не удалось»<sup>4</sup>. В наши дни Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев сочли

<sup>1</sup> Цареубийство 11 марта 1801 г. С. 287—288.

<sup>2</sup> Вел. кн. Николай Михайлович. Император Александр I. СПб., 1912. Т. 1. С. 10.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 615.

<sup>4</sup> Там же. С. 636.

такой причиной «скрытое нерасположение» Александра I к Кутузову и поддержали версию, с которой уже выступали П.А. Жилин и В.Д. Мелентьев: «Александр I, догадываясь об осведомленности Кутузова (в том, что Александр был причастен к заговору против своего отца. — Н. Т.), не захотел, чтобы тот своим присутствием напоминал ему об ужасной мартовской ночи 1801 г., и поспешил (? — Н. Т.) удалить его из столицы»<sup>1</sup>.

Такая версия не выдерживает критики. Спрашивается, почему Александр I назначил Кутузова на место Палена, если «не хотел», чтобы тот ему «напоминал» об 11 марта? И почему из-за этого «удалил из столицы» Кутузова, если оставил в ней Беннигсена, а таких очевидных заговорщиков, как П.М. Волконский и Ф.П. Уваров, даже приблизил к себе — ведь они знали и «своим присутствием напоминали» царю о стократ большем, нежели мог знать Кутузов. Все было гораздо проще.

Судя по указанию Александра I Кутузову 11 июля 1801 г. и по воспоминаниям графа Е.Ф. Комаровского, Император был «весьма недоволен действиями петербургской полиции» (картежная игра, вопреки царскому запрету, продолжалась, как и дуэли, грабежи, разбой, жертвой которого стал брат воспитателя Великих князей Николая и Михаила Павловичей, и т. д.)<sup>2</sup>. Поскольку же Кутузов не устроил Александра I как хозяин столицы, царь дал волю и чувству «нерасположения» к нему, которое имеет свои причины. Чрезвычайно осведомленный в закулисных делах петербургского двора граф Ж. де Местр считал: «Император <...> недолюбливает его (Кутузова. — Н. Т.), возможно, из-за слишком уж большой угодливости. Государь этого не переносит; я, например, знаю, как однажды он сказал с презрительной гримасой про некоего министра: «Этот человек ни разу не возразил мне»<sup>3</sup>. Александр I, продолжает де Местр, «ставил ему в вину, по крайней мере в собственных

<sup>1</sup> Жилин П.А. Указ. соч. С. 71; Мелентьев В.Д. Указ. соч. С. 109; Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 188.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 618; Комаровский Е.Ф. Записки. М., 1990. С. 78.

<sup>3</sup> Местр Ж. де. Указ. соч. С. 218—219.

своих глазах, двуличие, себялюбие, развратную жизнь и пр.»<sup>1</sup>. Сказано резко, не без преувеличений, но в принципе верно. Александр Павлович, конечно, знал и о «кофейнике Кутузова», и о других фактах его угодливости, о двуличии и волокитстве «одноглазого сатира». Гиперболичная (как ни у кого, кроме А.А. Аракчеева) почтительность Михаила Илларионовича к самому Александру I<sup>2</sup> могла вызвать у царя при всем том, что он знал о Кутузове, только «нерасположение» к нему.

Итак, 20 августа 1802 г. Кутузов был освобожден от должности петербургского военного губернатора, а еще через неделю уволен «за болезнью в отпуск на год»<sup>3</sup>. В отпуске Михаил Илларионович провел не один, а два года. Он уехал в свое родовое имение Горошки на Волини, где занимался хозяйственными делами. Лишь в августе 1804 г. Александр I вызвал его в Петербург и поручил ему командование корпусом на маневрах, присматриваясь к нему как к военачальнику. Маневры удались. 14 августа царь объявил Кутузову, как, впрочем, и другим командирам, благодарность<sup>4</sup>.

Тем временем надвигалась война России с наполеоновской Францией. Молодой генерал Французской революции Наполеон Бонапарт первую же свою, в качестве главнокомандующего, кампанию (итальянскую 1796—1797 гг.) провел так, — разгромив четыре австрийские армии во главе с тремя фельдмаршалами и эрцгерцогом, будущим генералиссимусом, — что сразу был признан военным гением. А.В. Суворов под впечатлением именно той кампании определил тройку величайших полководцев мира: Цезарь, Ганнибал, Бонапарт<sup>5</sup>. 18 брюмера

<sup>1</sup> М е с т р Ж. де. Указ. соч. С. 237.

<sup>2</sup> «С благоговением повергаю себя к августейшим стопам Вашего Императорского Величества...», «Там, где имя Ваше, государь, там не надобно мне гласа отечества...» и т. п.: Сб. исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1898. Вып. 10. С. 68; Г о р я и н о в С.М. 1812 г. Документы Государственного и Петербургского главного архивов. СПб., 1912. Ч. 2. С. 30.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 1. С. 636—638.

<sup>4</sup> Там же. С. 640, 641.

<sup>5</sup> Суворов в сообщениях профессоров Николаевской Академии Генерального штаба. СПб., 1900. Кн. 1. С. 20.



Генерал-фельдмаршал  
князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский.  
Художник П. Борель



Памятник Кутузову  
в Санкт-Петербурге.  
Скульптор Б.И. Орловский



Памятник Кутузову  
в Москве.  
Скульптор Н.В. Томский



Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов.  
Художник Дж. Доу



Герб рода Голенищевых-Кутузовых



Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова, урожденная Бибикова.  
Миниатюра Э. Виж-Лебрэн



М.И. Голенищев-Кутузов в 1770-х годах.  
Неизвестный художник



Императрица Елизавета Петровна



Императрица Екатерина II



Император Павел I



Генерал-фельдмаршал  
граф П.А. Румянцев-Задунайский



Генерал-фельдмаршал  
принц П. Голштейн-Бек.  
Литография Тюлева  
по рисунку П. Иванова



Генерал-фельдмаршал граф  
А.В. Суворов-Рымникский,  
князь Итальянский.  
Художник К. Штейбен



Генерал-фельдмаршал  
князь Н.В. Репин.  
Художник А. Ивашкевич  
(копия с картины Д.Г. Левицкого)



Граф Л.Л. Беннигсен.  
Художник Л. де Сент-Обен



Император Александр I.  
Художник Дж. Доу



Император Наполеон I.  
Художник М. Лавине

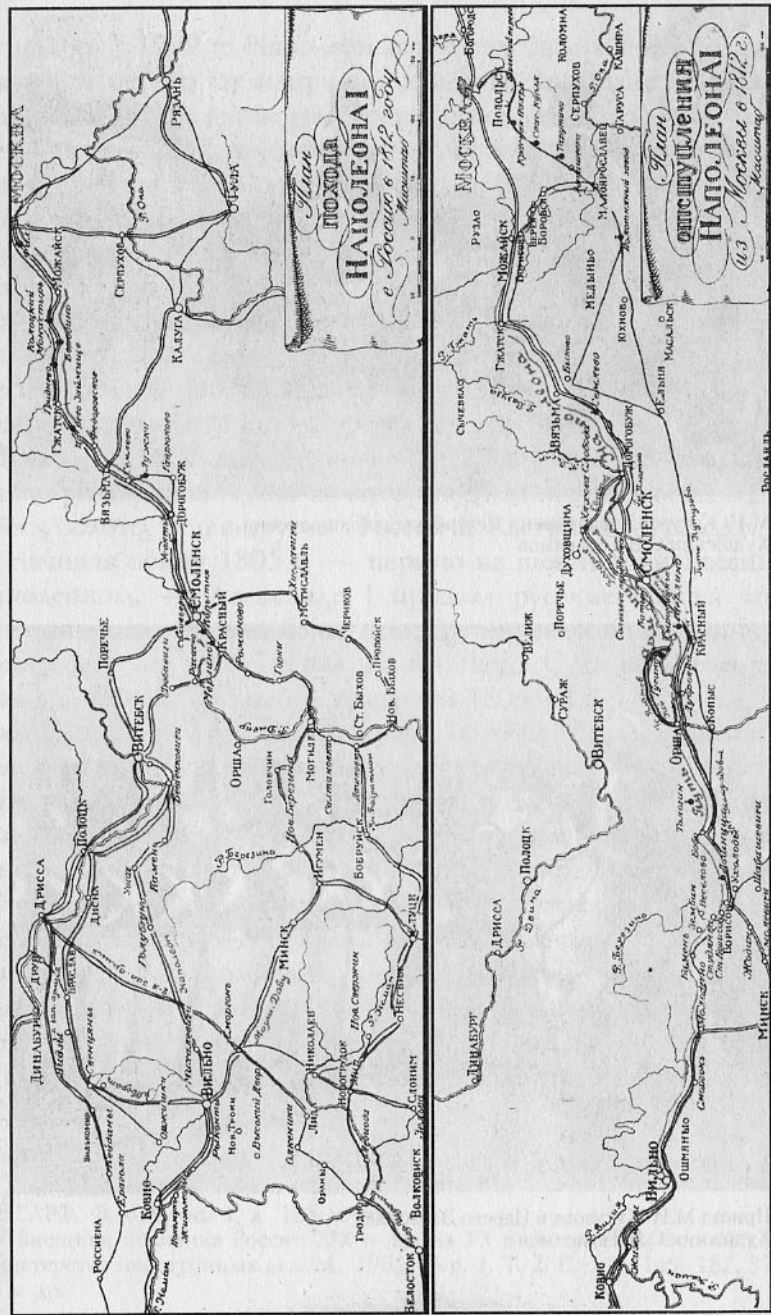


Генерал-фельдмаршал князь Барклай-де-Толли.  
Художник Дж. Доу



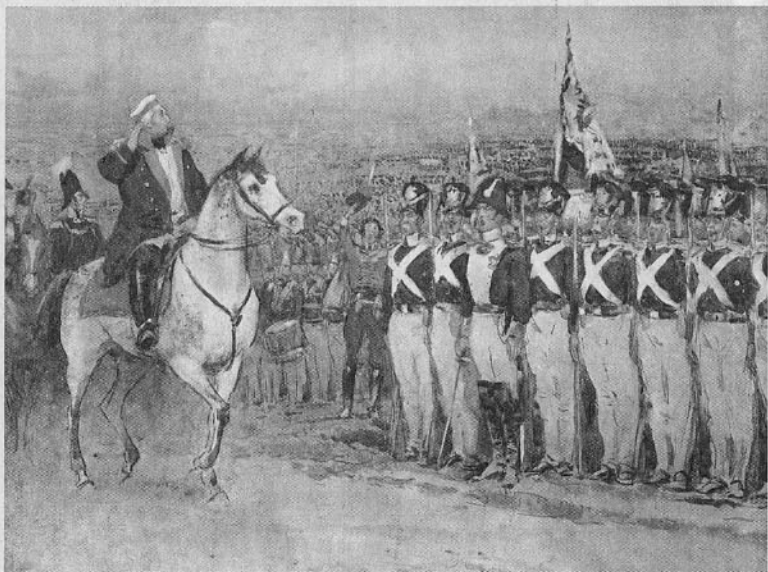


Генерал от инфантерии князь П.И. Багратион.  
Неизвестный художник





М.И. Кутузов — начальник Петербургского ополчения.  
Художник С.В. Герасимов



Приезд М.И. Кутузова в Царево Займище.  
Художник С.В. Герасимов

(9 ноября) 1799 г. Наполеон совершил бескровный государственный переворот и пришел к власти во Франции. За два года он, сам рожденный из «революционного хаоса», «упорядочил этот хаос»<sup>1</sup> и установил во Франции антифеодальную диктатуру, восстановив против себя все монаршие дворы Европы. После того как 20 марта 1804 г. был расстрелян член королевской династии Бурбонов герцог Энгиенский (по недокazanному обвинению в организации заговора против Наполеона), а 21 марта обнародован Кодекс Наполеона (Code Napoléon), узаконивший все основные завоевания революции, европейские монархи стали сколачивать очередную, 3-ю антифранцузскую коалицию (две предыдущие Наполеон разгромил в 1797-м и 1800 гг.). Главными участниками 3-й коалиции стали три державы, одна из которых (Англия) поставляла для войны золото, а две другие (Россия и Австрия) — солдат.

Начиная войну 1805 г. — первую из шести войн России с Наполеоном, — Александр I призвал русские войска «потщиться возвысить еще более приобретенную и поддержанную ими славу»<sup>2</sup>, но не объяснил, во имя чего. Судя по договорам между Англией, Россией и Австрией 1804—1805 гг., цель 3-й коалиции, как и двух предыдущих и четырех последующих, была двойкой: во-первых, обуздать «узурпатора» Наполеона, «предупредить захваты» с его стороны и обеспечить гегемонию коалиционных держав в Европе, а во-вторых, «поддержать законные правительства, которые до сего времени избежали косы революции», и «восстановить свергнутых государей в их прежних владениях»<sup>3</sup>, откуда они были изгнаны Французской революцией и Наполеоном.

Александр I к тому же имел для войны с Наполеоном и личный мотив, который, по мнению многих историков, отныне и навсегда стал движущей силой многих его поступков. Дело

<sup>1</sup> Соловьев Н.А. Юность Наполеона и начало его карьеры. М., 1912. С. 5.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 679, оп. 1, д. 105, л. 69.

<sup>3</sup> Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1961. Сер. 1. Т. 2. С. 147, 149, 182, 370, 374 и др.

в том, что герцог Энгийенский был арестован жандармами Наполеона на территории германского княжества Баден (в 4 км от французской границы), доставлен во Францию и там осужден. Александр I тогда же, в марте 1804 г., заявил Наполеону гневный протест против расправы над герцогом. Наполеон прислал Александру I свой знаменитый ответ, который так оскорбил царя, как его никогда и ничто более не оскорбляло за всю его жизнь. Собственно, ответ был дан в форме вопроса: если бы Александр знал, что убийцы его отца находятся в 4 км от русской границы, неужели он не приказал бы схватить их?<sup>1</sup> Более ядовито назвать царя перед лицом всей Европы отцеубийцей было невозможно. Ведь Европа знала, что Павла убили Николай Зубов и Леонтий Беннигсен со своими людьми и что Александр Павлович не стал почему-то трогать их после своего воцарения, хотя и жили они не «в 4 км от русской границы», а в центре России, запросто бывали в Петербурге и даже в царском дворце. С той минуты, когда Александр I прочел этот ответ на ноту его протеста, он стал считать Наполеона своим *личным* врагом.

3 августа 1805 г. Наполеон прибыл в порт Булонь на берегу Ла-Манша, где в 29 км от Англии была сосредоточена его 120-тысячная «La Grande Armée» — «Великая армия» (а не «Большая», как часто у нас переводят), впервые названная так именно тогда, в Булонском лагере, «по чрезвычайной *значимости* кадрового состава»<sup>2</sup>. Над Англией нависла смертельная опасность. Английское правительство возвало к своим союзникам о помощи. Те откликнулись без промедления. Первой открыла кампанию 1805 г. австрийская армия генерала (будущего фельдмаршала) К. Макка, вторгнувшаяся в Баварию. На соединение с ней поспешили две русские армии — Подольская и Волынская.

Кутузов после летних маневров 1804 г. вернулся к себе в Горошки. Теперь Александр I вызвал его из Горошек (как в

<sup>1</sup> T a t i s c h e f f S. Alexandre I et Napoléon d'après leur correspondance inéédite (1801—1812). Paris, 1891. P. 79.

<sup>2</sup> Napoléon Bonaparte. Oeuvres littéraires et écrits militaires. Paris, 1968. V. 3. P. 259. Курсив мой. — Н. Т.

свое время Павел I — А.В. Суворова из Кончанского) и назначил его командующим 1-й, Подольской, армией численностью в 49 357 человек при 327 орудиях<sup>1</sup>. Армия была разделена на шесть колонн, которыми командовали будущие герои 1812 г. — князь П.И. Багратион, Д.С. Дохтуров, М.А. Милорадович, граф А.Ф. Ланжерон и др. Командующим 2-й, Волынской, армией был назначен генерал от инфантерии граф Ф.Ф. Буксгевден, подчиненный Кутузову как главнокомандующему.

Сам царь впервые после Петра I лично отбыл на войну. Настроение не только военных, но и гражданских кругов России было тогда самое боевое. Наполеона россияне не боялись и даже (вопреки мнению Суворова, или просто не зная о нем) не считали «узурпатора» зело талантливим полководцем; ведь он еще не встречался ни с «орлаами» Фридриха Великого, ни с «чудобогатырями» великого Суворова! «Трудно представить, — вспоминал гвардейский офицер И.С. Жиркевич, — какой дух одушевлял тогда всех нас, русских воинов <...>. Нам казалось, что мы идем прямо в Париж»<sup>2</sup>. Княгиня Е.Р. Дашкова, сестра государственного канцлера графа А.Р. Воронцова и сподвижница Екатерины II, провозжая на войну один из полков, просила доставить Бонапарта в Москву пленником. Офицеры отвечали ей: «Дайте нам только добраться до него, а об остальном не беспокойтесь!»<sup>3</sup>

Тем не менее Александр I не очень полагался на своих генералов и решил пригласить «на русскую службу полным генералом» аж из Соединенных Штатов Америки французского генерала Ж.-В. Моро, изгнанного французами за причастность к заговору против Наполеона. Царь при этом ссылался на пример Петра I, который перед вторжением в Россию Карла XII приглашал командовать русскими войсками знаменитого английского полководца герцога Д. Мальборо. Однако, прежде чем посланец Александра I (камергер граф Ф.П. Пален) встретил-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 2. С. 39.

<sup>2</sup> Ж и р к е в и ч И.С. Записки // Русская старина. 1874. № 2. С. 218.

<sup>3</sup> Д а ш к о в а Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 349.

ся с Моро, он узнал об Аустерлице и «возвратился с пути»<sup>1</sup>. В результате первым из русских генералов сразиться с Наполеоном довелось Кутузову.

Едва ли Кутузов в 1805 г. (как и Суворов в 1799-м) раздумывал о целях этой войны. Он просто выполнял волю своего Государя (который олицетворял в его глазах Отечество), что, собственно, и составляло смысла всей его деятельности и самой жизни.

25 августа армия Кутузова вступила в пределы Австрии. Сам Михаил Илларионович догнал ее 21 сентября в местечке Мысленице<sup>2</sup>. С ним ехал на фронт и его любимый зять, муж Елизаветы Михайловны Кутузовой, флигель-адъютант Императора граф Ф.И. Тизенгаузен. Приняв армию, Кутузов повел ее дальше на запад — к Браунау, для соединения с армией Макка. Но в Браунау к Кутузову явился сам Макк — один, без армии, — и рассказал подробности катастрофы, которую он пережил и о которой до русского штаба доходили лишь смутные толки.

Оказалось, что Наполеон, узнав о наступлении австрийских и русских войск, радикально изменил план кампании. «Если через 15 дней я не буду в Лондоне, то должен быть к середине ноября в Вене!» — воскликнул он, просчитав различные варианты<sup>3</sup>. За несколько дней он поднял громадный Булонский лагерь и «с волшебною быстротой»<sup>4</sup> начал переброску войск с Ла-Манша на Дунай. Стратеги 3-й коалиции с циркулями в руках подсчитали, что Наполеону потребуется для такой переброски 64 дня. Наполеон сделал это за 35 дней. Маневрируя семью корпусами своих войск так же легко, как он передвигал флажки на полевой карте, Наполеон разрезал армию Макка пополам, одну ее часть отбросил на юг, где она стала жертвой наполеоновских маршалов, а другую — во главе с самим Макком — запер в крепости Ульм, моментально обложил крепость со всех сторон, взял

<sup>1</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844. С. 22, 23.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 2. С. 49.

<sup>3</sup> Гарле Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 7. С. 149.

<sup>4</sup> Ланжерон А.Ф. Записки // Военный сб. 1900. № 8. Прил. С. 5.

господствовавшие над крепостью высоты и предложил Макку капитулировать под угрозой штурма и гибели. 20 октября 1805 г. Карл фон Макк, 17 его генералов и больше 30 тыс. солдат капитулировали<sup>1</sup>.

Наполеон отправил пленных во Францию, но самого Макка отпустил «домой», чтобы он лично известил союзников об ульмском разгроме. Шок, вызванный этим известием в лагере 3-й коалиции, был отчасти компенсирован другой новостью: на следующий день после капитуляции Макка, 21 октября, у мыса Трафальгар возле испанского города Кадис эскадра английского адмирала Г. Нельсона уничтожила объединенный франко-испанский флот, хотя сам Нельсон и погиб. Так Наполеон лишился флота и (по крайней мере, надолго) возможности вторжения в Англию. Но на суше война шла по ульмскому, а не трафальгарскому сценарию.

15 ноября, осуществляя с математической точностью свой план, составленный тремя месяцами ранее в Булони, Наполеон занял Вену, которая до тех пор никогда не сдавалась врагу. Император Франц I едва успел бежать из собственной столицы на север, в Ольмюц (Оломоуц), куда спешил из Берлина и Александр I. Резервная русская армия Ф.Ф. Буксгевдена тоже прибыла в Ольмюц. Собирались там и остатки австрийских войск. Но главной ударной силой коалиции — армии Кутузова — грозила гибель.

Кутузов после капитуляции Макка начал отступать с 25 октября от Браунау к Ольмюцу, на соединение с Буксгевденом. Наполеон, продвигаясь к Вене, отрезал ему кратчайшие пути на Ольмюц. У Кутузова было меньше 45 тыс. воинов. Наполеон, имея почти 100 тыс.<sup>2</sup>, готовил ему судьбу Макка. С невероятными усилиями и тяжкими потерями, прикрываясь,

<sup>1</sup> Подробно об этом см.: Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 251—255.

<sup>2</sup> См.: Гарле Е.В. Соч. Т. 7. С. 156. П.А. Жилин безосновательно увеличивал численность войск Наполеона до 150 тыс., Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев — до 200 тыс., а Л.Г. Бескровный — до 220 тыс. человек (Жилин П.А. Указ. соч. С. 99; Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 205; Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 28).

словно щитом, арьергардом П.И. Багратиона, Кутузов успевал вырваться из французских клещей, прежде чем они смыкались вокруг него. Наполеоновские маршалы И. Мюрат и Э.-А. Мортье преследовали его по пятам. 31 октября у Ламбаха и 6 ноября под Амштеттенем Кутузов отразил кавалерийские атаки Мюрата и продолжил отступление к мостам через Дунай у Кремса и Маутерна. Наполеон спешно переправил на левый берег Дуная 8-тысячный корпус Мортье, а Мюрату приказал усиленно преследовать русских на правом берегу, что должно было поставить армию Кутузова между двух огней. Мюрат, однако, затеял лишний марш к Вене, позволив Кутузову беспрепятственно форсировать Дунай у Кремса и сжечь за собой оба моста. Мало того, теперь корпус Мортье на левом берегу Дуная оказался один против всей армии Кутузова.

Наполеон объявил Мюрату, что тот — «отъявленный дурак»<sup>1</sup>, но уже не мог исправить его оплошности, которую отлично использовал Кутузов. В яростном бою у Кремса 11 ноября он разбил корпус Мортье, почти полностью истребив дивизию генерала А. Газана. Лишь подоспевший генерал П.-А. Дюпон помог Мортье отступить к Дунаю и на речных судах уйти на правый берег, к основным силам Наполеона. В этом бою отличился молодой граф Тизенгаузен. Он отважно водил солдат в атаки и контратаки. Кутузов после боя написал о нем своей дочери Елизавете Михайловне Тизенгаузен: «Ежели бы быть у меня сыну, то не хотел бы иметь другого, как Фердинанда»<sup>2</sup>. Русские потери под Кремсом Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев определяют в 2 тыс. человек, Д. Чандлер — в 4 тыс.; французы потеряли, по Гуляеву и Соглаеву, около 5 тыс., по Чандлеру — 3 тыс. человек<sup>3</sup>.

Бой под Кремсом конечно же делает честь Кутузову как бесспорная победа его армии над корпусом Мортье. Попытки не только французских, но и даже английских историков пред-

<sup>1</sup> Napoléon I. Correspondance. Paris, 1864. V. 11. P. 392.

<sup>2</sup> Голенищев-Кутузов-Смоленский М.И. Письма к дочери гр. Е.М. Тизенгаузен // Русская старина. 1874. № 6. С. 339.

<sup>3</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 211—212; Чандлер Д. Указ. соч. С. 258.

ставить Кремс победой французов<sup>1</sup> несостоятельны. С другой стороны, П.А. Жилин, который объявил Кремс «блестящей победой» Кутузова над самим Наполеоном<sup>2</sup>, а также Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев, в изображении которых эта победа имела важное значение «для всей Европы», ибо, мол, ею Кутузов «полностью реализовал свои стратегические замыслы»<sup>3</sup>, мягко говоря, грешат преувеличениями.

На пути от Кремса до Ольмюца ждали Кутузова еще новые, не менее опасные, испытания, прежде чем он реализовал главный из «своих стратегических замыслов» — спасти от разгрома вверенную ему армию. Французы захватили центральный — Таборский — мост через Дунай, и Мюрат с кавалерией вновь настиг Кутузова и стал наседать на него. Поскольку сил у Мюрата пока не хватало, он пошел на хитрость: чтобы выиграть время для подхода к нему подкреплений и, вместе с тем, не позволить Кутузову уйти, предложил заключить перемирие. Кутузов согласился и прислал к Мюрату генерал-адъютанта Ф.Ф. Винценгероде, который подписал с начальником штаба Мюрата предварительный текст договора о перемирии. Однако Михаил Илларионович задержал ратификацию договора на 20 часов, «не думая нисколько оной принять»<sup>4</sup>, оставил у д. Шенграбен 6-тысячный заслон во главе с Багратионом, а сам с главными силами ускорил отступательный марш к Ольмюцу. «Хотя я и видел неминуемую гибель, которой подвергался корпус князя Багратиона, — доносил Кутузов царю, — не менее того я должен был считать себя счастливым спасти пожертвованием одного *армию*»<sup>5</sup>.

Мюрат почти сутки бездействовал (хотя к нему и подходили дополнительные войска). Он был уверен, что перед ним

<sup>1</sup> См.: Чандлер Д. Указ. соч. С. 258. Вальтер Скотт в кн. «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов» (М., 1995. Т. 1. С. 422) утверждал, что армия Кутузова за все время отступления из Браунау к Ольмюцу ни на одной позиции «не могла дать успешный отпор».

<sup>2</sup> Жилин П.А. Указ. соч. С. 95, 367.

<sup>3</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 212.

<sup>4</sup> Рапорт М.И. Кутузова Александру I 19 ноября 1805 г. // М.И. Кутузов. Т. 2. С. 171.

<sup>5</sup> Там же. Курсив мой. — Н. Т.

стоит не один отряд Багратиона, а вся армия Кутузова. Лишь гневный выговор Наполеона («У меня нет слов, чтобы выразить свое возмущение. Вы всего лишь командир моего авангарда и не вправе заключать перемирие без моего согласия»<sup>1</sup>) — лишь этот выговор заставил Мюрата встrepенуться. Он обрушил все свои 30 тыс. штыков и сабель на заслон Багратиона, но не сумел ни окружить, ни уничтожить его. После ожесточенного боя, который кипел весь день 16 ноября (остановила его только ночь), Багратион, потеряв половину своих солдат, заведомых смертников, все же спас остальных и вместе с ними присоединился к основным силам Подольской армии. Александр I за этот подвиг наградил Багратиона орденом Святого Георгия 2-го класса.

Теперь Кутузов мог считать свою армию спасенной. Уже 19 ноября в Вишау он встретил первую колонну 2-й армии Буксгевдена, а 22 ноября прибыл в Ольмюц, где собрались основные силы 2-й армии и куда, еще через три дня, подспела русская гвардия во главе с Великим князем Константином Павловичем.

Таким образом, за 29 дней, с 25 октября по 22 ноября 1805 г., армия Кутузова прошла с боями от Браунау до Ольмюца 417 км, избежав окружения и разгрома. Промахи французских маршалов, стойкость русских солдат и полководческое искусство Кутузова привели к тому, что союзные русско-австрийские войска, сосредоточившиеся в Ольмюце, получили численное превосходство над «Великой армией» Наполеона. Историки справедливо признают кутузовскую «ретираду» 1805 г. «одним из замечательнейших образцов стратегического маршманевра»<sup>2</sup>. Д.Н. Бантыш-Каменский уподобил ее знаменитому в истории войн (описанному в «Анабасисе» Ксенофонта) отступлению 10 тысяч греков во главе с Ксенофонтом через всю Малую Азию от Вавилона к Трапезунду в 401 году до н. э.<sup>3</sup> Александр I не сразу, но отдал должное Кутузову, наградив его

<sup>1</sup> N a p o l é o n I. Correspondance. V. 11. P. 15.

<sup>2</sup> Ж и л и н П.А. Указ. соч. С. 99.

<sup>3</sup> Б а н т ы ш - К а м е н с к и й Д.Н. Указ. соч. Ч. 3. С. 44.

24 февраля 1806 г. за «ретираду от Браунау» орденом Святого Владимира 1-й степени<sup>1</sup>.

Все это делает честь таланту и репутации Кутузова как выдающегося полководца. Но нельзя при этом забывать и другое. Во-первых, то была хоть и героическая, но все-таки *ретирада*, временами похожая на бегство (в иные дни — по 30 и более верст в день<sup>2</sup>) от врага. Во-вторых, только в насмешку над фактами можно утверждать, как это делал П.А. Жилин, что в 1805 г. на дорогах Баварии Кутузов «возглавлял борьбу русского народа против наполеоновской агрессии»<sup>3</sup>.

Итак, к 25 ноября союзные, русские и австрийские войска собрались в Ольмюце. Там радостно встретили армию Кутузова два императора — русский и австрийский. Третий император — французский — остановил свою «Великую армию» у городка Брюнна (Брно). В 25 км от Брюнна и в 70 км от Ольмюца находилась деревня Аустерлиц (ныне г. Славков в Чехии), где трем императорам предстояло сразиться в одной из величайших битв мировой истории.

Соотношение сил перед битвой при Аустерлице специалисты определяют разноречиво, но чаще всего приводят такие цифры: у Наполеона — от 73 до 75 тыс. человек и 250 орудий, у союзников — от 84 до 86 тыс. человек (из них — 70 тыс. русских) и 330 орудий<sup>4</sup>. При таком соотношении Наполеон не сомневался в победе. Но скоро оно могло стать для него угрожающим. Часть своих войск он уже отрядил против австрийского эрцгерцога Карла на север Италии. Между тем из России шли резервные корпуса Л.А. Беннигсена и И.Н. Эссена. Главная же опасность исходила от Пруссии. Наполеон знал, что к нему

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 2. С. 338.

<sup>2</sup> См.: Б у т о в с к и й И.Г. Фельдмаршал кн. Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. СПб., 1858. С. 18. Верста — 1,067 км.

<sup>3</sup> Ж и л и н П.А. О войне и военной истории. М., 1984. С. 503, 504.

<sup>4</sup> Г.А. Леер насчитывал 73—74 тыс. французов и 84,5 тыс. союзников, А.З. Манфред — соответственно 73 и 85 тыс., Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев — 74 и 84,5 тыс., Д. Чандлер — 66,8 и 90,4 тыс. (П.А. Жилин, по-видимому, от нежелания признать тот факт, что Кутузов при Аустерлице имел численное преимущество перед Наполеоном, вообще не приводит никаких цифр.)

едет из Берлина прусский министр иностранных дел Х.-А. Гаугвиц с ультиматумом, заведомо неприемлемым для него, и что, как только он отвергнет ультиматум, Пруссия ударит ему в тыл. Нужно было спешить: навязать союзникам битву и выиграть ее, пока к ним не присоединились пруссаки и русские резервы.

В течение недели до битвы Наполеон день за днем виртуозно разыгрывал перед союзниками видимость своих колебаний и опасений. Он прислал в Ольмюц к Александру I своего генерал-адъютанта Р. Савари «поздравить Его Величество с прибытием в армию» и просить его о перемирии и свидании, причем Савари притворился, что боится атаки союзников, и таковым же представил самого Наполеона<sup>1</sup>. Александр I повидаться с Наполеоном не захотел, но прислал к нему своего любимца, 27-летнего генерал-адъютанта князя П.П. Долгорукова, который высокомерно потребовал, чтобы французский император отказался от всех своих завоеваний («Этот шалун <...> разговаривал со мной, как с боярином, которого ссылают в Сибирь», — вспоминал позднее Наполеон<sup>2</sup>). Выслушав князя, Наполеон с тревогой вздохнул: «Значит, будем драться?» Долгоруков вернулся в боевом настроении: «Наш успех несомненен!»<sup>3</sup>

В союзном штабе только один человек был против генерального сражения с Наполеоном — главнокомандующий М.И. Кутузов. Он предлагал отступить к Карпатам до соединения с войсками Л.А. Беннигсена и И.Н. Эссена и возможного наступления Пруссии. «Чем далее завлечем Наполеона, тем будет он слабее, отдалятся от своих резервов, — говорил Михаил Илларионович, — и там, в глубине Галиции, я погребу кости французов!»<sup>4</sup> Мнение Кутузова поддержали только «молодые друзья» царя, находившиеся тогда в его свите, — Н.Н. Новосильцев и А.А. Чарторыйский<sup>5</sup> (этот польский князь

<sup>1</sup> Шильдер Н.К. Император Александр I. Т. 2. С. 135.

<sup>2</sup> Napoleon I. Correspondance. V. 11. P. 455.

<sup>3</sup> Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 2. С. 136.

<sup>4</sup> Бутовский И.Г. Указ. соч. С. 37.

<sup>5</sup> См.: Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. А., 1957. С. 233.

из Гедиминовичей, троюродный племянник последнего короля Польши, занимал в то время пост министра иностранных дел России).

Здесь важно подчеркнуть, что бытующие в нашей литературе утверждения таких авторитетов, как С.Б. Окунь, А.З. Манфред и даже Е.В. Тарле, будто Кутузов «настаивал» не давать Наполеону сражения<sup>1</sup>, голословны. Все источники, как один, свидетельствуют, что главнокомандующий союзной армией, напротив, не проявил ни твердости, ни смелости, чтобы настоять на своем мнении. «Я был молод и неопытен, — сокрушался потом Александр I. — Кутузов говорил мне, что надобно было действовать иначе, но ему следовало быть настойчивее!»<sup>2</sup> Перед самым сражением Кутузов попыткам было воздействовать на царя через обер-гофмаршала графа Н.А. Толстого: «Уговорите Государя не давать сражения. Мы его проиграем». Толстой резонно возразил: «Мое дело — соусы да жаркое. Война — ваше дело»<sup>3</sup>. После этого Кутузов ни перед кем и ни на чем не настаивал и ничего не требовал. А.С. Шишков, А.А. Чарторыйский и Ж. де Местр были убеждены, что только «придворная выправка» и «робость» перед царем помешали Кутузову оспорить очевидное для него желание царя сразиться с Наполеоном<sup>4</sup>. Такого же мнения был герой Аустерлица, будущий генерал и декабрист М.А. Фонвизин: «Наш главнокомандующий из человекоугодничества согласился приводить в исполнение чужие мысли, которые в душе своей не одобрял»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 7. С. 774—775; Окунь Б.С. Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX в. А., 1956. С. 152; Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. С. 472. О том же: Нечкина М.В. Михаил Кутузов. М., 1944. С. 13; Брагин М.Г. Кутузов. М., 1975. С. 84. Если верить А.Г. Бескровному, Кутузов даже «всеми силами боролся» за свою точку зрения (М.И. Кутузов. Т. 1. С. XIII).

<sup>2</sup> Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869. Т. 2. С. 82.

<sup>3</sup> Соловьев С.М. Император Александр I. Политика, дипломатия. М., 1995. С. 104.

<sup>4</sup> Шишков А.С. Записки... Т. 1. С. 168—169; Местр Ж. де. Петербургские письма. С. 63; Русский двор в конце XVIII и начале XIX ст. Из записок кн. А. Чарторыйского. С. 158.

<sup>5</sup> Фонвизин М.А. Соч. и письма. Иркутск, 1982. Ч. 2. С. 153.

Спустя семь лет, в последние дни Отечественной войны 1812 г., Кутузов, увидев отбитое у врага знамя с надписью «За победу под Аустерлицем», скажет своим офицерам: «После всего, что совершается теперь перед нашими глазами, одной победой или одной неудачей больше или меньше, все равно для моей славы, но запомните: я не виноват в Аустерлицком сражении»<sup>1</sup>. Да, с чисто военной точки зрения Кутузов в аустерлицком разгроме не виноват, как *полководец* он сделал тогда все возможное на его месте. Но, по мнению авторитетных военных историков Г.А. Леера и П.А. Гейсмана, очевидна вина Кутузова под Аустерлицем «не военная, а гражданская: недостаток гражданского мужества высказать всю правду юному императору». Не сделав этого, Кутузов тем самым «допустил исполнение плана, приведшего к гибели армию»<sup>2</sup>.

План битвы при Аустерлице со стороны союзников подготовил генерал-квартирмейстер Франц фон Вейротер — ученик знаменитого австрийского фельдмаршала Ф.М. Ласси, ранее бывший начальником штаба у фельдмаршала Д.С. Вурмзера в 1796 г. и состоявший при штабе у генералиссимуса А.В. Суворова в 1799 г. Смысл плана заключался в том, чтобы усиленным левым крылом из трех русских колонн<sup>3</sup> обойти ослабленное (как показала рекогносцировка) правое крыло Наполеона и разбить его ударом во фланг и тыл. Императоры Александр и Франц в принципе одобрили план, после чего в полночь с 1-го на 2 декабря Вейротер доложил его на совете у главнокомандующего. Кутузов, открыв заседание совета, вскоре заснул, «в чем и выразилась, — по словам Н.К. Шильдера, — вся его оппозиция плану»<sup>4</sup>. Собравшиеся на совет генералы хотя и бодрствовали, но отмалчивались. Только А.Ф. Ланжерон полюбопытствовал: «Что

<sup>1</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Александр I и его сподвижники. Т. 3. Вып. 53. С. 22—23.

<sup>2</sup> Леер Г.А. Подробный конспект. Война 1805 г. Аустерлицкая операция. СПб., 1888. С. 34; Гейсман П.А. М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский // Русский биографический словарь / Под набл. А.А. Половцова. Т. 9. С. 652.

<sup>3</sup> Они соответствовали корпусам, которые будут введены в русской армии (по примеру французской) лишь в 1810 г.

<sup>4</sup> Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 2. С. 137—138.

будем делать, если Наполеон атакует нас первым?» Вейротер такой вариант исключил: «Если бы он считал это возможным, то давно уже атаковал бы!» В этот момент (было уже 3 часа утра) Кутузов проснулся и отпустил генералов, сказав: «В 7 часов атакуем неприятеля в занимаемой им позиции»<sup>1</sup>.

С рассветом 2 декабря союзные войска изготвились к бою в таком порядке. Три первые русские колонны генерал-лейтенантов Д.С. Дохтурова, А.Ф. Ланжерона и И.Я. Пржибышевского составляли левое крыло под общим командованием генерала от инфантерии Ф.Ф. Буксгевдена; 4-я русско-австрийская колонна генерал-лейтенантов И.К. Коловрата и М.А. Милорадовича — центр, непосредственно подчиненный Кутузову; 5-я колонна генерал-лейтенанта П.И. Багратиона и австрийского князя И. Лихтенштейна — правое крыло, которым командовал Багратион. Гвардейский резерв за 4-й колонной был под начальством Великого князя Константина Павловича. Оба императора и главнокомандующий Кутузов находились при 4-й колонне. Александр I появился перед войсками под гром приветствий. «Ну что, Михайло Ларионович, — обратился он к Кутузову, — как вы полагаете, дело пойдет хорошо?» Кутузов поклонился с улыбкой: «Кто может сомневаться в победе под предводительством вашего величества!» — «Нет, нет, — возразил Император, — командуете вы. Я только зритель». Кутузов вновь поклонился — уже без улыбки<sup>2</sup>.

Царь был в приподнятом настроении, как, впрочем, и вся русская армия (чего нельзя сказать об австрийцах, переживших позор Ульма). Опасения Кутузова казались преувеличенными. Ведь на стороне союзников было численное превосходство — и в людях, и в орудиях. Боевые качества русских солдат даже в отступательных боях Кутузова под Амштеттенем, Кремсом, Шенграбенем проявились с блеском. Репутация русской армии за 100 лет, со времени Петра I, не проигравшей ни одного генерального сражения, была высочайшей в мире. Не потому ли Наполеон выглядел явно оробевшим? В союзном

<sup>1</sup> Богданович М.И. Указ соч. Т. 2. С. 57, 58.

<sup>2</sup> Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 2. С. 139.



штабе у всех на устах были слова князя П.П. Долгорукова как очевидца: «Наполеон боится сражения!» В такой ситуации такому воинству во главе с двумя императорами вдруг повернуться спиной к противнику и отступить значило бы непоправимо унижить себя перед Отечеством и Европой. Все это побуждало царя и весь союзный генералитет отнести пораженческий синдром Кутузова за счет его возраста (ему тогда уже пошел седьмой десяток) и желания перестраховаться. «Многие, — свидетельствует очевидец, — шептались и болтали даже, что Кутузов помешался на ретирадах»<sup>1</sup>.

Беликий С.М. Соловьев приводил еще один довод против кутузовского предложения отказаться от сражения с Наполеоном и отступить. «Уклониться от решительной битвы, когда такой полководец, как Наполеон, ее хотел, трудно, невозможно. Надобно отступить, но для этого надо иметь план отступления, надо знать, куда отступить, с какими средствами и какие средства можно найти в стране, куда будет направлено отступление. Отступать в Венгрию: но что такое Венгрия? Не надобно забывать, что русский главнокомандующий был в чужой стране, ходил ощупью, впотьмах»<sup>2</sup>.

Существует расхожее мнение советских историков, заимствованное у А.И. Михайловского-Данилевского, о том, что Александр I якобы «отстранил» Кутузова и сам «руководил» битвой при Аустерлице<sup>3</sup>. Утрируя это мнение, В.Д. Мелентьев объявил даже, что в той битве «русскими войсками распоряжались иностранцы: генералы и полковники Вейротер, Гогенлоэ, Лихтенштейн, Вимпфен, Буксгевден, Ланжерон и другие»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Бутовский И.Г. Указ. соч. С. 37.

<sup>2</sup> Соловьев С.М. Указ. соч. С. 105.

<sup>3</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Полн. собр. соч. СПб., 1849. Т. 1. С. 140; Подорожный Н.Е. Кутузов. М., 1942. С. 64; Полководец Кутузов: Сб. статей. М., 1955. С. 82; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 33; Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. С. 100; Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 76. Есть и оригинальная постсоветская версия о Кутузове при Аустерлице: «Его просто-напросто заставили командовать заранее проигранным сражением» (Андрянова И.А. Спаситель отечества. С. 169).

<sup>4</sup> Мелентьев В.Д. Кутузов в Петербурге. С. 115.

Мало того что Мелентьев «забыл» здесь о таких русских генералах (не говоря уж о полковниках), как П.И. Багратион, Д.С. Дохтуров, М.А. Милорадович, Ф.П. Уваров, А.С. Кологривов, П.П. Долгоруков, Н.М. и С.М. Каменские и много других, — он не учел, что все перечисленные им «иностранцы» (равно как и россияне) находились в распоряжении Кутузова, причем ни Гогенлоэ, ни Лихтенштейн к русским войскам прямого отношения не имели, они командовали союзными, австрийскими войсками.

Главное же, Александр I не только не отстранял главнокомандующего Кутузова, но и не вмешивался в его распоряжения, а лишь в самом начале битвы поторопил его с атакой. Когда три колонны левого крыла союзников уже шли в наступление, 4-я колонна все еще задерживалась на командных Праценских высотах. Александр I осведомился у Кутузова: «Михайло Ларионович! Почему не идете вперед?» Кутузов ответил: «Я поджидаю, чтобы все войска колонны пособрались». Теперь улыбнулся Император: «Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки». «Государь, — возразил Кутузов, — потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете!..» Далее и у А.И. Михайловского-Данилевского, и у Н.К. Шильдера следует одна и та же фраза: «Приказание было отдано»<sup>1</sup>. Так оба придворных историка подчеркнули, не называя имени того, кто отдал приказание, *согласованную* волю Государя и его военачальника.

Центральная, 4-я, колонна союзников с главнокомандующим и двумя императорами пошла вперед, оставляя Праценские высоты и не зная, что этого момента очень ждал и теперь с удовольствием зафиксировал третий император — Наполеон. Он с той минуты, когда проводил «шалуна» Долгорукова, был уверен, что союзники его атакуют, и приготовился нанести встречный удар по центру союзной армии. Такой удар су-

<sup>1</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра... С. 182; Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 2. С. 140.

лил ему наибольший успех в том случае, если бы войска союзного центра спустились с Праценских высот. Все так и произошло.

Удар Наполеона по 4-й колонне был страшной силы. По воспоминаниям А.Ф. Ланжерона, «колонна была раздавлена и рассеяна меньше чем в полчаса»<sup>1</sup>. Александр I, Франц I и Кутузов сразу потеряли друг друга из виду. Франц, увлеченный потоком бегущих австрийских солдат, умчался с поля сражения на лихом коне. Александр I своих солдат пытался остановить, кричал им: «Стой! Я с вами! Я подвергаюсь той же опасности!»<sup>2</sup> Его не слушали. Кто-то доложил ему, что Кутузов ранен. Царь послал к главнокомандующему своего лейб-медика Я.В. Виллие.

«Поблагодари государя! — воскликнул Кутузов, отправляя врача обратно. — Доложи ему, что моя рана не опасна, но смертельная рана — вот где!» Жестом отчаяния главнокомандующий показал на своих бегущих солдат. Только что у него на глазах его любимый зять, герой Кремса, флигель-адъютант граф Ф.И. Тизенгаузен со знаменем в руках повел их в контратаку и «пал, пронзенный насквозь пулею»<sup>3</sup>. Сам Михаил Илларионович едва не попал в плен.

Тем временем союзная армия была расчленена на три части и, как это спланировал Наполеон, уничтожалась по частям. Русские солдаты дрались храбро, но не могли устоять перед натиском французов, резервы которых Наполеон искусно направлял в решающие пункты сражения. Кутузов успел отправить Буксгевдену приказ о всеобщем отступлении и потерял управление войсками<sup>4</sup>. Александр I рассылал казаков во все стороны разыскивать его, но увиделся с ним уже после битвы у местечка Годвежицы<sup>5</sup>. Только колонны Багратиона и Лихтен-

штейна отступали без паники. Войска всех прочих колонн бежали. Отброшенные к полузамерзшим прудам, они пытались спастись по льду и тонули там целыми полками, ибо Наполеон, державший в руках все нити боя, приказал своей артиллерии бить ядрами в лед<sup>1</sup>.

Смятение, охватившее союзный олимп, было так велико, что вся свита Александра I рассеялась в разные стороны и присоединилась к нему только ночью и даже наутро. В первые же часы после катастрофы царь скакал несколько верст лишь с врачом, берейтором, конюшим и двумя лейб-гусарами, а когда при нем остался один лейб-гусар, Александр I, по рассказу этого гусара, «слез с лошади, сел под дерево и горько плакал»<sup>2</sup>.

Архив Военного министерства Франции хранит следующие данные о потерях сторон при Аустерлице: союзники — 15 тыс. убитых и раненых, 20 тыс. пленных (среди них 8 генералов), 180 орудий, 45 знамен; французы — 1290 убитых и 6943 раненых<sup>3</sup>. В России с этими данными соглашался только Е.В. Тарле<sup>4</sup>. Все остальные наши историки — и дореволюционные, и советские — подсчеты французов взяли под сомнение и в большинстве своем оперировали цифрами А.И. Михайловского-Данилевского: потери союзников — 27 тыс. человек убитых, раненых и пленных (в том числе 21 тыс. русских), 158 орудий (русских — 133), 30 знамен; потери французов — до 12 тыс. человек. Все 8 пленных генералов (известных поименно) — русские. Среди них был начальник 3-й колонны генерал-лейтенант И.Я. Пржибышевский. Лишь в постсоветское время Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев избрали оптимальную методику исчисления потерь при Аустерлице: русских — по русским ведомостям, французских — по французским<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Подробно о битве при Аустерлице, кроме уже названных здесь источников, см.: Slovak A. Die Schlacht bei Austerlitz. Brunn, 1898; Thyrgu J. Ulm, Trafalgar, Austerlitz. Paris, 1962; Бешанов В.В. Шестидесят сражений Наполеона. Минск, 2000. С. 144—163.

<sup>2</sup> Из рассказов старого лейб-гусара // Русский архив. 1887. № 3. С. 193.

<sup>3</sup> T r a n i é J., S a k m i g n i a n i J. Napoléon et la Russie. Paris, 1980. V. 1. P. 123.

<sup>4</sup> См.: Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 7. С. 160.

<sup>5</sup> См.: Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 228.

<sup>1</sup> Л а н ж е р о н А.Ф. Записки // Военный сб. 1900. № 11. Прил. С. 35.

<sup>2</sup> Там же. С. 35—36.

<sup>3</sup> М и х а й л о в с к и й - Д а н и л е в с к и й А.И. Описание первой войны императора Александра... С. 184.

<sup>4</sup> См.: Леев Г.А. Указ. соч. С. 43.

<sup>5</sup> См.: М и х а й л о в с к и й - Д а н и л е в с к и й А.И. Указ. соч. С. 188—189.

Некоторые из наших историков (П.А. Жилин, Л.Г. Бескровный, Н.Ф. Шамагонов) пытаются преуменьшить масштабы аустерлицкого разгрома союзников, цитируя при этом репликацию М.И. Кутузова царю, где сказано, что «российские войска <...> почти до самой полночи *стояли* (?! — Н. Т.) в виду неприятеля, который не дерзал уже более возобновить своих нападений», и что урон русской армии «не доходит до 12 000», тогда как у французов «простирается до 18 000»<sup>1</sup>. Тот факт, что Александр I после Аустерлица повелел Кутузову «прислать две репликации: одну, в коей по чистой совести и совершенной справедливости были бы изложены действия <...>, а другую — для опубликования», предан гласности еще в 1869 г. М.И. Богдановичем<sup>2</sup>. Кутузов выполнил это повеление. С тех пор и доныне наши «патриоты» рассуждают об Аустерлице не «по совести и справедливости», а «для опубликования», опираясь на кутузовскую репликацию для текущего момента<sup>3</sup>.

В действительности же аустерлицкий разгром был для России и Австрии ужасающим. Официальный Петербург воспринял его тем больше, что за 100 последних лет привык к непрерывным победам русского оружия над любыми врагами и что при Аустерлице впервые после Петра I возглавлял русскую армию сам царь. «Здесь действие Аустерлицкой баталии на общественное мнение подобно волшебству, — писал Ж. де

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 2. С. 257—259. Курсив мой. — Н. Т. См.: Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 37; Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. С. 102; Шамагонов Н.Ф. Кому служил барон? // Дорогами тысячелетий. М., 1989. Кн. 3. С. 197.

<sup>2</sup> Богданович М.И. История царствования императора Александра I. Т. 2. С. 105.

<sup>3</sup> В новейшем издании к 250-летию со дня рождения Кутузова эта фальшивка еще раз перепечатана (Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания / Отв. составитель А.М. Валькович. М., 1995. С. 90—93). Показательно, что «фанаты» Кутузова любят цитировать сказанное им перед собственной свитой (что называется, «на публику»): «Я не виноват в Аустерлицком сражении», но игнорируют его признание в откровенном разговоре с фельдмаршалом А.А. Прозоровским: «Я проиграл Аустерлицкое сражение, да не плакал» (Из записок фельдмаршала кн. И.Ф. Паскевича // Русский архив. 1889. Кн. 1. С. 412). Один из таких «фанатов» (Ю.Н. Леонов) сопроводил портрет-плакат Кутузова из серии «Отчизны верные сыны» (М., 1987) текстом: «В своей жизни он не проиграл ни одного сражения».

Местр из Петербурга в Лондон 4 января 1806 г. — Все генералы просят об отставке и кажется, будто поражение в одной битве парализовало целую империю»<sup>1</sup>.

Впрочем, «битва трех императоров» имела значение, далеко выходящее за рамки интересов Франции, России и Австрии. «Она потрясла современников, а затем вошла в летописи истории не потому, что один император взял верх над двумя другими, — справедливо заключил А.З. Манфред. — Современники видели в Аустерлицкой битве <...> решающий поединок нового и старого миров»<sup>2</sup>.

2 декабря 1805 г. на поле Аустерлица столкнулись не просто три императора, три армии, три державы, а именно *два мира* — только что утвердившийся буржуазный и ветшающий старый, еще не готовый к новым преобразованиям.

Аустерлиц обозначил собою конец 3-й коалиции. Император Австрии Франц I уже через день после битвы сам явился к Наполеону с повинной: Австрия вышла из войны. Вслед за тем предстал перед Наполеоном и Х.-А. Гаугвиц, который три недели ехал от Берлина до Вены и теперь, вместо того чтобы вручить ультиматум, запятанный подальше, поздравил Наполеона с победой. Наполеон ответил усмешкой: «Ваши поздравления предназначались другим. Фортуна переменяла их адрес»<sup>3</sup>. Так Пруссия отпала от 3-й коалиции, не успев вступить в нее.

Тяжело переживала аустерлицкую катастрофу Англия. Премьер-министр У. Питт 23 января 1806 г. умер, как полагали, с горя, сохраняя до смертного часа тот подавленный вид, который его министры называли «взглядом Аустерлица»<sup>4</sup>. Кстати, тогда же в Австрии умер «от горя и злости»<sup>5</sup> Ф. Вейротер, а в России — князь П.П. Долгоруков. Но это все было лишь отголосками главной кончины: умерла 3-я коалиция.

<sup>1</sup> Местр Ж. де. Указ. соч. С. 61.

<sup>2</sup> Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. С. 478.

<sup>3</sup> Lefebvre A. Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire. Paris, 1900. V. 2. P. 232.

<sup>4</sup> Лависс Э., Рамбо А. История XIX в. М., 1905. Т. 1. С. 67.

<sup>5</sup> Ланжерон А.Ф. Записки // Военный сб. 1900. № 9. Прил. С. 18.

Александр I пережил Аустерлиц не только как поражение своей армии и державы, но и как самое сильное за всю его жизнь, после царубийства 11 марта 1801 г., *личное* потрясение. Все свидетели его аустерлицкого конфуза стали ему неприятны, Кутузов (несимпатичный и ранее) — в особенности. Тем не менее Император вовсе не обижал Михаила Илларионовича своей немилостью. В феврале 1806 г. он пожаловал Кутузову упоминавшийся орден Святого Владимира 1-й степени и назначил его командующим войсками трех дивизий (Д.С. Дохтурова, Д.М. Волконского и П.К. Эссена), которые готовились к новой войне с Францией<sup>1</sup>. В то же время Кутузов заседал как член Военного совета при Императоре вместе с двумя генерал-фельдмаршалами (М.Ф. Каменским и Н.И. Салтыковым), генералами от инфантерии С.К. Вязмитиновым, Б.П. Ласси и др. с той же целью подготовки к новой войне<sup>2</sup>. 19 сентября 1806 г. Александр I пожаловал Кутузову 50 тыс. рублей «для оплаты долгов, по службе нажитых»<sup>3</sup>, а 28 сентября назначил его киевским военным губернатором<sup>4</sup>.

Советские и постсоветские биографы Кутузова дружно рассматривают это назначение как «опалу»<sup>5</sup>, в лучшем случае — как «почетную ссылку»<sup>6</sup>. Опалы здесь не видно, а если это и ссылка, то уж очень почетная. Пост киевского военного губернатора всегда занимали военачальники в самых высоких чинах: например, до Кутузова — генерал от инфантерии (с 1807 г. генерал-фельдмаршал) И.В. Гудович и генерал от кавалерии (тоже будущий генерал-фельдмаршал) И.П. Салтыков. По мнению Ю.Н. Гуляева и В.Т. Соглаева, Александр I выразил свою «неприятность» к Михаилу Илларионовичу тем, что «не за-

<sup>1</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 2. С. 338, 358—361.

<sup>2</sup> См. там же. С. 396—397.

<sup>3</sup> Там же. С. 409—410. О реальной цене этих денег можно судить по тому, что годовое содержание сына Ж. де Местра (офицера самого аристократического Кавалергардского полка) обходилось тогда в 4 тыс. рублей (см.: Местр Ж. де. Указ. соч. С. 135).

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 2. С. 423.

<sup>5</sup> Жилин П.А. Указ. соч. С. 103; Мелентьев В.Д. Указ. соч. С. 116; Андрианова И.А. Указ. соч. С. 170.

<sup>6</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 233.

хотел» поставить его во главе армии для новой войны с Наполеоном: «генерал от инфантерии, равного которому по военному дарованию, боевому опыту и заслугам в России тогда не было», оставался в стороне от главного командования<sup>1</sup>. Мнение спорное. Во-первых, «по боевому опыту и заслугам» Кутузов тогда едва ли превосходил генерала от инфантерии Гудовича и явно уступал фельдмаршалу М.Ф. Каменскому, который «имел счастье нести в общем мнении и в мнении самого Суворова высокую честь единственного его соперника»<sup>2</sup> (что свидетельствовало, кстати, и о «военном даровании» Каменского). Во-вторых, после Аустерлица Император, естественно, выбрал главнокомандующего на вторую войну против Наполеона с учетом исхода первой войны, а не вследствие только личной «неприятности» к Кутузову.

Итак, сколь ни тяжел был удар по иллюзиям Александра I при Аустерлице, царь все еще тешил себя мыслью о вековой непобедимости русской армии и считал возможным скорый реванш за Аустерлиц, особенно в союзе с армией Фридриха Великого, силу которой Наполеон еще не испытал на себе. 15 сентября 1806 г. Россия, Англия и Пруссия оформили новую, 4-ю коалицию против Наполеона, к которой присоединилась и Швеция<sup>3</sup>. На этот раз коалиционеры особенно много ждали от Пруссии как хранительницы мощи и славы Фридриха Великого.

Ожидания не оправдались. Пруссаки самонадеянно выступили, прежде чем подоспели к ним на помощь русские войска. И случилось ужасное (для коалиционеров): почти все вооруженные силы Пруссии, сосредоточенные в двух армиях численностью до 150 тыс. бойцов во главе с Его Величеством королем, тремя Высочествами — племянниками Фридриха Великого — и четырьмя фельдмаршалами были разгромлены в один и тот же день, 14 октября, сразу в двух генеральных сражениях — под Йеной самим Наполеоном и при Ауэр-

<sup>1</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 233.

<sup>2</sup> Давыдов Д.В. Соч. М., 1962. С. 187.

<sup>3</sup> См.: Манфред А.З. Указ. соч. С. 497.

штедте маршалом А.Н. Даву. По словам Генриха Гейне, «Наполеон дунул на Пруссию, и ее не стало».

Таким образом, вторую войну с Наполеоном русским войскам пришлось начинать фактически без союзников. Король Пруссии Фридрих-Вильгельм III смог присоединить к ним лишь «единственный уцелевший остаток своей армии» — 14-тысячный корпус генерала А.-В. Лестока<sup>1</sup>. Александр I послал на помощь Пруссии две армии — А.А. Беннигсена и Ф.Ф. Буксгевдена. Главнокомандующим царь назначил самого популярного из сохранившихся «екатерининских орлов» Михаила Федотовича Каменского. Этот «последний меч Екатерины», как о нем говорили, был уже стар и болен, а главное, «с придурью»<sup>2</sup>, которая сказала в том, что он прибыл к армии, учинил в ней хаос путаными распоряжениями, а через шесть дней бросил ее и уехал к себе в деревню, приказав перед отъездом: «Отступить, кто как может, в пределы России»<sup>3</sup>. В такой скандальной ситуации неожиданно проявил себя с лучшей стороны Леонтий Леонтьевич Беннигсен, барон, генерал от кавалерии, он же один из главных участников заговора против Павла I.

Беннигсен отказался выполнить приказ Каменского об отступлении в Россию и продолжал боевые действия. Фигурально говоря, он сыграл вничью 26 декабря 1806 г. при Пултуске с лучшим из маршалов Наполеона — Ж. Ланном (имея, правда, более чем двойное превосходство в силах), а 8 февраля 1807 г. под Прейсиш-Эйлау — с самим Наполеоном, причем на этот раз уступая противнику численно. Разумеется, и в том и в другом случае Беннигсен рапортовал в Петербург царю о своей победе. Благодарный Александр I после Пултуски объявил его главнокомандующим, а за Эйлау пожаловал ему высший орден Российской империи — Святого Андрея Первозванного. «На вашу долю, — гласило приветствие царя барону, — выпала слава победить того, кто еще никогда не был побежден»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 2. С. 155.

<sup>2</sup> Воспоминания гр. К.В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 7—8. С. 507.

<sup>3</sup> Полевой Н.А. История Наполеона. СПб., 1846. Т. 3. С. 145.

<sup>4</sup> Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 164.

Кутузов из Киева внимательно следил за ходом военных действий в Пруссии. Узнав о сражении под Эйлау, он так написал жене: «Мы получили известие о победе над Бонапартом. Дай Бог! Я нынче себя узнал, что независтлив»<sup>1</sup>. Но Бог не дал россиянам победы и в этой войне. 14 июня 1807 г. в битве под Фридрихсландом Наполеон вновь разгромил русскую армию. Фридрихсланд означал конец 4-й коалиции.

Александр I был вынужден просить Наполеона о мире. Наполеон предложил заключить не только мир, но и союз. Оба императора встретились в Тильзите и 25 июня (7 июля) 1807 г. подписали исторический договор. Два главных его условия Наполеон навязал Александру I как победитель. Во-первых, Россия признавала все завоевания Наполеона, а его самого императором и вступала в союз с Францией. Во-вторых, Россия обязалась порвать с Англией и присоединиться к континентальной блокаде<sup>2</sup>. Если первое задевало престиж России и самолюбие царя, который даже официально называл Наполеона «узурпатором и тираном» (Русская Православная Церковь — даже «антихристом»<sup>3</sup>), а теперь вынужден был обращаться к нему по форме, принятой у монархов: «государь, брат мой», то второе условие ударяло по жизненным интересам России, разрывая ее традиционные взаимовыгодные экономические связи с Англией. Ведь Наполеон своим декретом о континентальной блокаде 21 ноября 1806 г. запрещал всем странам Европы какие бы то ни было, даже почтовые, сношения с Британскими островами<sup>4</sup>.

Правда, Тильзитский договор предоставлял России свободу действий против Швеции (что вскоре будет использовано для завоевания Финляндии) и почти на два года остановил начатую в 1806 г. войну между Россией и Турцией — войну, ко-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 2. С. 433.

<sup>2</sup> Текст договора см.: Внешняя политика России XIX и начала XX в. Сер. I. Т. 3. С. 631—646.

<sup>3</sup> Там же. Т. 3. С. 367; Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1898. № 12. С. 493.

<sup>4</sup> Текст декрета см.: Napoleon I. Correspondance. V. 13. P. 555—557.

торая отнимет у Кутузова два года жизни и дополнительно прославит его. Россия и Турция по инициативе и при посредничестве Наполеона начали в августе 1807 г. мирные переговоры, но договориться к взаимной выгоде не смогли: Россия требовала уступить ей Дунайские княжества (Молдавию и Валахию), вассально зависимые от Турции, а Турция как их сюзерен не соглашалась на это. В марте 1809 г. русско-турецкая война — первая из четырех войн России и Турции только в XIX в. — возобновилась.

К тому времени Кутузов уже целый год (с 4 марта 1808 г.<sup>1</sup>) служил в Молдавской армии генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского, командуя ее Главным корпусом. В донесении Александру I от 9 декабря 1808 г. Прозоровский высоко оценил Кутузова: «Совершенно им доволен <...>. Признаю его в искусстве военном из лучших генералов Государя императора»<sup>2</sup>.

Главный корпус Кутузова играл основную роль в ночном штурме с 19-го на 20 апреля 1809 г. турецкой крепости Браилов на Дунае. Штурм был отбит. Удрученный неудачей Прозоровский в донесении царю признал, что «атака произведена дурно», но всю вину за это переложил на «частных начальников», включая Кутузова<sup>3</sup>. Михаил Илларионович считал, однако, причиной браиловской неудачи слабую подготовку и недостаток сил (штурм «делали малою частью»<sup>4</sup>) — по вине Прозоровского. Отношения Кутузова с Прозоровским испортились настолько, что фельдмаршал с согласия царя удалил своего «лучшего генерала» из армии. По указу Александра I Кутузов 16 июня 1809 г. сдал Главный корпус генерал-лейтенанту П.К. Эссену и отбыл в Вильно, где 1 августа вступил опять в должность литовского военного губернатора<sup>5</sup>, которую он уже занимал в 1799—1800 гг.

Тем временем на турецком фронте началась, а точнее, продолжилась командная чехарда. Фельдмаршал Прозоровский,

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 2. С. 492.

<sup>2</sup> Там же. Т. 3. С. 90.

<sup>3</sup> Там же. С. 183—185.

<sup>4</sup> Там же. С. 177 (М.И. Кутузов — жене 21 апреля 1809 г.).

<sup>5</sup> См. там же. С. 225.

возглавивший Молдавскую армию летом 1807 г. после смерти генерала от кавалерии И.И. Михельсона, умер 9 августа 1809 г. в своем лагере на Дунае. Новым главнокомандующим Молдавской армией был назначен генерал от инфантерии П.И. Багратион, но результаты его кампании 1809 г. не удовлетворили Александра I: Император торопился закончить войну с турками до возможного нашествия Наполеона на Россию. Поэтому вместо Багратиона он в феврале 1810 г. поставил во главе Молдавской армии генерала от инфантерии графа Н.М. Каменского (младшего сына генерал-фельдмаршала<sup>1</sup>). Тот принялся за дело по-суворовски<sup>2</sup>, взял с боем Русук, Никополь, Силистрию и готовил поход на Балканы, на Константинополь, но к весне 1811 г. тяжело заболел лихорадкой, сдал командование армией генерал-лейтенанту А.Ф. Ланжерону и выехал на лечение в Одессу, где вскоре (4 мая) умер, не прожив и 35 лет.

Александр I очень ценил Каменского. Узнав о его болезни, царь 7 марта 1811 г. направил ему рескрипт о своем намерении употребить «блистательные способности» Николая Михайловича «к важнейшему начальству» над 2-й Западной армией, а пока, «до излечения» его, назначил временно исполняющим обязанности главнокомандующего Молдавской армией Кутузова<sup>3</sup>. После смерти Каменского с мая 1811 г. Михаил Илларионович стал полноправным главнокомандующим.

Чуть ранее, в апреле того же года, великим визирем Турции стал Ахмед Решид-паша — тот самый, кого Михаил Илларионович победил в бою при Бабадаге летом 1791 г. и с кем близко познакомился (почти подружился) в 1793—1794 гг., будучи послом в Константинополе. Теперь, 20 апреля 1811 г., Кутузов буквально сердечно поздравил Ахмед-пашу с высоким

<sup>1</sup> Фельдмаршал М.Ф. Каменский 12 августа 1809 г. был убит (зарублен топором) собственным крепостным.

<sup>2</sup> Н.М. Каменский отличился еще в Швейцарском походе Суворова 1799 г., взял Чертов мост, после чего Суворов дал ему, полковнику, прозвище «Чертов генерал» и представил его к генеральскому званию.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 3. С. 291—292.

назначением<sup>1</sup>, а затем приступил к боевым действиям против него.

Ахмед-паша во главе 60-тысячной армии подступил к Рущуку с целью вернуть его себе и остановился не далее 8 км от него в укрепленном лагере. Кутузов хорошо знал по опыту прошлого не только личные качества своего друга-врага, но и весь, довольно бедный, арсенал тактических средств турецкой армии вообще. «Против турок, — считал он, — не должно действовать как против европейских войск <...>. Всякое неожиданное или новое действие приводит их всегда в такое смятение, что не можно предположить, в какие впадутся они ошибки и сколь велик будет наш успех»<sup>2</sup>. Кажущейся пассивностью («скромным поведением», как выразился сам Михаил Илларионович<sup>3</sup>) «искренний друг» Ахмеда-паши выманил своего «благороднейшего и прославленного друга» на равнину в 4 км перед Рущуком, где россияне могли использовать свое превосходство в искусстве маневра. Здесь с раннего утра 22 июня 1811 г. разгорелось сражение — одно из самых крупных за всю войну.

Кутузов имел в тот день всего 15 тыс. воинов против 60 тыс. у Ахмеда-паши. Но образцовый порядок, стойкость и четкое взаимодействие отдельных соединений, которыми командовали граф А.Ф. Ланжерон и П.К. Эссен, взяли верх над хаотическими атаками турецкой конницы. К полудню Ахмед-паша признал себя побежденным и вернулся в свой укрепленный лагерь, потеряв убитыми и ранеными до 4 тыс. человек. «Наш урон, — докладывал Кутузов Александру I, — не простирается до 500 человек»<sup>4</sup>.

Александр I назвал победу Кутузова под Рущуком «знаменитым подвигом» и наградил его особо: «Возлагаю на вас пор-

<sup>1</sup> Полный текст этого приветствия Кутузова с обращением к Ахмед-паше «Благороднейший и прославленный друг» и с концовкой «Ваш искренний друг» см.: Там же. С. 336—337.

<sup>2</sup> Там же. С. 351, 352 (М.И. Кутузов — военному министру М.Б. Барклаю-де-Толли 26 апреля 1811 г.).

<sup>3</sup> Там же. С. 386 (М.И. Кутузов — М.Б. Барклаю-де-Толли 20 мая 1811 г.).

<sup>4</sup> Там же. С. 468.

tret мой»<sup>1</sup>. Ланжерон получил звание генерала от инфантерии, а Эссен — орден Святого Александра Невского.

Между тем Кутузов, к удивлению собственных генералов, не только отказался атаковать Ахмеда-пашу в его лагере, но, напротив, приказал оставить Рущук, причем вывести из крепости «жителей, артиллерию, снаряды, словом — все, и, подорвав некоторые места цитадели»<sup>2</sup>, уйти на левый берег Дуная. Расчет Михаила Илларионовича заключался в том, чтобы внушить Ахмеду-паше мысль о слабости русских войск, спровоцировать его на активные действия с переправой через Дунай и здесь, на левом берегу, разгромить в полевом сражении. Этот расчет оправдался как нельзя лучше, хотя и не скоро.

Ахмед-паша вошел в Рущук и просидел там два месяца, получив за это время подкрепление. Теперь у него стало почти 70 тыс. бойцов. Кутузов, тоже получивший дополнительно две дивизии из Ясс и Хотина, имел 25 тыс. В ночь на 9 сентября великий визирь начал переправу через Дунай<sup>3</sup>. За три дня он перевел на левый берег около 40 тыс. человек, которые закрепились на позиции с тремя редутами. На правом берегу, в лагере у Рущука, оставалось еще больше 25 тыс. турок. Тогда Кутузов скрытно переправил корпус генерал-лейтенанта Е.И. Маркова в 7,5 тыс. штыков и сабель на правый берег в тыл рущукскому лагерю. Внезапной атакой Марков захватил лагерь и прогнал остатки его защитников в Рущук. Основная же группировка Ахмеда-паши на левом берегу Дуная оказалась в кольце русских войск и под огнем не только с суши, но и со стороны подоспевшей Дунайской флотилии.

Сам Ахмед-паша ночью ускользнул из окружения на лодке через Дунай в Рущук, что только обрадовало его «искреннего друга» Кутузова. «Если бы визирь не ушел, — рассудил Миха-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 3. С. 502.

<sup>2</sup> Там же. С. 481. (М.И. Кутузов — М.Б. Барклаю-де-Толли 2 июля 1811 г.).

<sup>3</sup> Подробно об этом см.: Петров А.Н. Война России с Турцией 1806—1812 гг. СПб., 1887. С. 304—309.

ид Илларионович, — то некому было бы известить султана о положении, в какое мы поставили его армию»<sup>1</sup>.

Положение турецкой армии, окруженной у Слободзеи и с воды и с суши, становилось все более безысходным. Редуты ее были разрушены, орудия сбиты, боеприпасы израсходованы. В лагере турок начался голод, свирепствовали болезни. «Нет нации, которая бы такие бедствия перенести могла, — уведомляя об этом Кутузов военного министра М.Б. Барклая-де-Толли. — Прежде питались они лошадиным мясом без соли, но, будучи всякой день более стесняемы, наконец, лишились всех лошадей. Потом питались некоторое время травяными кореньями, но и сей способ истощился. Не имея дров и будучи почти наги, умирали по несколько сот ежедневно»<sup>2</sup>.

В критический момент, когда турки под Слободзеей были уже на краю гибели, Кутузов предложил Ахмеду-паше заключить бессрочное перемирие и отдать россиянам остатки турецкой армии «на сохранение». Этот термин означал, что турки будут разоружены, но их оружие сохранится под общим контролем, а сами они «не должны рассматриваться как военнопленные; <...> они должны считаться «муссатирами» (гостями) до тех пор, пока мир окончательно не будет установлен»<sup>3</sup>. 26 ноября 1811 г. «благороднейший и прославленный друг» Михаила Илларионовича подписал с ним соглашение на столь необычных условиях. К тому времени из окруженных под Слободзеей примерно 36 тыс. турок в живых оставалось «тысяч до 12»<sup>4</sup>.

За отличия в боевых действиях под Руцуком и Слободзеей Кутузову и потомству его Александр I пожаловал «графское Российской империи достоинство»<sup>5</sup>.

Тем временем мирные переговоры Кутузова с заместителем великого визиря М. Галибом-эфенди затягивались. Французский поверенный в делах Турции Ж.-П. Латур-Мобур, по данным

<sup>1</sup> Петров А.Н. Указ. соч. С. 309.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 3. С. 752.

<sup>3</sup> Там же. С. 722.

<sup>4</sup> Там же. С. 707 (М.И. Кутузов — Александру I 26 ноября 1811 г.).

<sup>5</sup> Там же. С. 694.

русской дипломатической агентуры, «пытался внушить султану, что ввиду близящейся войны России с Францией Турции не следует заключать мир, поскольку Франция вернет ей завоеванные уже Россией территории»<sup>1</sup>. Время шло — месяц за месяцем, — а турки все уклонялись от согласования мирного договора. Вдруг, уже в марте 1812 г., из Петербурга в Бухарест, где Кутузов вел переговоры с Галибом-эфенди, примчался нарочный с письмом государственного канцлера графа Н.П. Румянцева от 5 марта — секретным и сенсационным.

Оказалось, что русский посол в Париже князь А.Б. Куракин обратил внимание Александра I «на несомнительный способ, по дошедшим до него верным сведениям, к прекращению всех с Францией распрей: сей способ есть раздел Оттоманской империи...»<sup>2</sup>. Александр I «повелед немедленно известить» об этом Кутузова. «Е[го] В[еличеству] угодно, — говорилось в письме Румянцева, — чтобы В[аше] С[иятельство] тотчас позвали к себе Галиб-эфендия и, требуя от него непроницаемой тайны, известили бы его именем Е[го] И[мператорско-го] В[еличества], что государь император, невзирая на войну между Россией и Оттоманскою портою, <...> находит ее существование необходимо нужным в общем составе Европы». Поэтому император «предлагает султану от искреннего сердца превратить войну, ныне существующую, в теснейшую дружбу». В случае же отказа Турции, «не остается ничего другого делать Е[го] В[еличеству], как с сокрушенным сердцем согласиться на предложение Франции и силами своими содействовать тогда к падению Турецкой империи»<sup>3</sup>.

Кутузов без промедления передал все это Галибу-эфенди. Тот обещал информировать о таком повороте дел султана. Александр I между тем нервничал и торопил Кутузова. «Величайшую услугу вы окажете России поспешным заключением мира с Портою, — писал он Михаилу Илларионовичу 22 марта 1812 г. — Убедительнейше вас вызываю любовью к своему

<sup>1</sup> Внешняя политика России XIX и начала XX в. Сер. I. Т. 6. С. 719.

<sup>2</sup> Там же. С. 306.

<sup>3</sup> Там же. С. 306—307.



отечеству обратить все внимание и усилия ваши к достижению сей цели. Слава вам будет вечная»<sup>1</sup>.

Переговоры в Бухаресте продолжались... Недовольный их затянутостью, Александр I решил заменить Кутузова. Он назначил главнокомандующим Молдавской армией бывшего военно-морского министра адмирала П.В. Чичагова и вручил ему два рескрипта на имя Кутузова: один (от 5 апреля) — к случаю, если договор еще не подписан; другой (от 9 апреля) — на случай, если договор подписан. Первым рескриптом Кутузов просто отзывался в Петербург, чтобы там «заседать в Государственном совете», а второй рескрипт приглашал Михаила Илларионовича в столицу для «награждения за все знаменитые заслуги» его перед царем и отечеством<sup>2</sup>. Приехав в Бухарест 6 мая, Чичагов узнал, что накануне, 5 мая, Кутузов добился подписания предварительных статей мирного договора. Поэтому адмирал вручил генералу царский рескрипт от 9 апреля.

Султан, однако, еще потянул время (с оглядкой на Францию), не позволяя Галибу-эфенди подписать уже согласованный договор. В этот момент к Александру I, который в ожидании третьей войны с Наполеоном уже находился при армии, в Вильно, приехал генерал-адъютант Наполеона граф Л. Нарбонн (внебрачный сын Людовика XV и последний военный министр Людовика XVI), — приехал с целью выяснить, насколько Россия готова к войне. В царской ставке Нарбонн провел три дня, с 7-го по 9 мая. Кутузов тут же изобразил перед дипломатами султана вояж Нарбонна как миссию дружбы и убедил султана в том, что если уж непобедимый Наполеон ищет дружбы с Россией, то ему, побежденному султану, сам Аллах велит делать то же<sup>3</sup>. Султан согласился и разрешил Галибу-эфенди подписать 16 (28) мая 1812 г. Бухарестский мирный договор между Россией и Турцией<sup>4</sup>. Кутузов, уже сло-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 3. С. 851.

<sup>2</sup> Там же. С. 867 (полный текст обоих рескриптов).

<sup>3</sup> См.: Внешняя политика России XIX и начала XX в. Сер. I. Т. 6. С. 403; Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 7. С. 466.

<sup>4</sup> Текст договора см.: Внешняя политика России XIX и начала XX в. Сер. I. Т. 6. С. 406—417.

живший с себя командование Молдавской армией, утвердил текст договора в качестве «главного уполномоченного» от России на бухарестских переговорах. После этого осталось только ратифицировать договор турецкому султану и российскому Императору.

Хотя Молдавия и Валахия были оставлены под контролем Турции, Кутузов одержал в Бухаресте очень важную дипломатическую победу: Россия присоединила к себе Бессарабию, а главное, высвободила для борьбы с нашествием Наполеона 52-тысячную Молдавскую армию. Не зря Наполеон, узнав о Бухарестском договоре, так негодовал на турок, что «истощил весь словарь французских ругательств» по их адресу<sup>1</sup>.

Зато Александр I был доволен как нельзя более. Хотя и с некоторой задержкой (выждав, когда Бухарестский договор будет ратифицирован султаном), Император 29 июля 1812 г. возвел Кутузова — именно за победоносное окончание войны с Турцией и «заключение полезного мира» — «в княжеское Российской империи достоинство» с присвоением ему титула *светлости*<sup>2</sup>. То есть Кутузов стал светлейшим князем.

Но к тому времени Россия уже напрягала все свои силы в борьбе с полчищами Наполеона.

Кутузов был в Петербурге и ждал своего звездного часа. В жизни его (за 8 месяцев до смерти!) начинало отсчет время главного триумфа и наивысшей славы.

<sup>1</sup> Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 7. С. 780.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 47—48.



### Глава III

## ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ: «НЕ ПОБЕДИТЬ, ТАК ОБМАНУТЬ...»

Я бы ничего так не желал, как обмануть Наполеона.

*М.И. Кутузов перед отъездом  
в армию 10 августа 1812 г.*

### 1. НАЗНАЧЕНИЕ

Заклучив мир с турками, генерал от инфантерии граф М.И. Голенищев-Кутузов, еще не удостоенный княжеского титула и в ожидании обещанных наград за содеянное, отбыл из Бухареста в Петербург, но по пути заглянул к себе в родовое имение Горошки на Волыни, чтобы собраться с силами. Турецкая кампания переутомила его. «Признаюсь, что в мои лета служба в поле тяжела, и не знаю, что делать, — писал он жене еще в марте 1812 г. из Бухареста. — Впрочем, мне уже не удастся сделать и в десять лет такой кампании, как турецкая»<sup>1</sup>.

В Горошках и застала Михаила Илларионовича весть о нашествии Наполеона на Россию. Он сразу перестал думать о старости и усталости и стал быстро собираться в столицу. Уже 26 июня он был в Петербурге<sup>2</sup> с надеждой на любое назначение, лишь бы в это грозное время не остаться в стороне и еще послужить Отечеству...

«Гроза двенадцатого года» оказалась неотвратимой. Все, за исключением М.Н. Покровского, официозные (и дореволюционные, и советские) и даже иные из постсоветских историков

<sup>1</sup> Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 152.

<sup>2</sup> См.: «К чести России». Из частной переписки 1812 г. М., 1988. С. 44.

объясняли ее по такой схеме: «В самом Наполеоне, в алчности его к завоеваниям должно искать причины к войне с Россией»; все время после Тильзита Наполеон готовился «к нападению» на Россию, а Россия — «к обороне»<sup>1</sup>. М.Н. Покровский, а также почти все французские исследователи (от А. Тьера до Л. Мадлена) развивали противоположную точку зрения, а именно: нашествие Наполеона на Россию представляло собой вынужденный «акт необходимой самообороны»<sup>2</sup>.

И тот и другой подход к вопросу о причинах войны 1812 г. упрощает истину. Завоевательная «алчность» Наполеона — это очевидная, но не единственная причина войны, сплетенная с рядом других причин, включая и российские интересы. Россия вовсе не была тогда лишь объектом и жертвой наполеоновской агрессии. Она тоже, как и Наполеон, стремилась к повышению своей роли в европейской политике и приложила для этого много усилий в коалиционных войнах 1799 — 1807 гг. — с участием А.В. Суворова и М.И. Кутузова. Проиграв эти войны, подписав унижительный для себя Тильзитский мир, Император Александр I никогда не оставлял мысли о реванше<sup>3</sup>. Перед войной 1812 г., а затем в ходе ее он формировал

<sup>1</sup> Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1823. Ч. 1. С. 17, 79; Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 г. СПб., 1839. Т. 1. С. 36; Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 1. С. 39; История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 481—485; Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963. С. 57—63; Бескровный А.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1968. С. 7—8; Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 71—84, 90—93; Орлик О.В. «Гроза двенадцатого года...» М., 1987. С. 16—17; Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 11—13, 33—34; Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов. М., 1995. С. 278—282; История России. С начала XVIII до конца XIX в. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2000. С. 308.

<sup>2</sup> Покровский М.Н. Избр. произв.: В 4 кн. М., 1965. Кн. 2. С. 217.

<sup>3</sup> См., например, поразительное по откровенности письмо Александра I к его матери, императрице Марии Федоровне, в сентябре 1808 г. о том, что Россия должна под прикрытием союзного договора готовиться к борьбе «с этим врагом» Наполеоном, когда достаточно и среди «глубочайшей тишины» «увеличит свои средства и силы» (Накануне Эрфуртского свидания 1808 г. // Русская старина. 1899. № 4. С. 18—20).

6-ю антифранцузскую коалицию<sup>1</sup>, чтобы вновь учинить «своего рода крестовый поход» против Франции с той же, что и в 1799 — 1807 гг., целью — «возврата к старым правилам» международных отношений<sup>2</sup>.

Столкновение гегемонистских претензий Франции, с одной стороны, и России с ее партнерами по антифранцузским коалициям, с другой стороны, делало очередную, третью русско-французскую войну *вероятной*. Конфликт между Россией и Францией из-за континентальной блокады сделал ее *неизбежной*. Разрыв традиционных и выгодных хозяйственных связей с Англией неотвратимо вел к расстройству экономики и финансов России. Уже в 1809 г. бюджетный дефицит вырос по сравнению с 1801 г. с 12,2 млн до 157,5 млн руб., т. е. в 13 раз: «дело шло к финансовому краху»<sup>3</sup>. В таких условиях Александр I смотрел, разумеется, сквозь пальцы на нарушения блокады торговли с Англией, а Наполеон, зная об этом, требовал от Александра I соблюдения тильзитских обязательств, на что Александр I отвечал, что он их «соблюдает» и что вообще Россия в союзе с Францией ведет себя «честно и целомудренно, как девственница»<sup>4</sup>. Этот экономический конфликт между Россией и Францией породил войну 1812 г. Противоречия между ними в политических вопросах (польском, германском, ближневосточном)<sup>5</sup> только *ускорили* ее начало.

Наполеон не хотел этой войны. С момента своего прихода к власти он стремился к миру и союзу с Россией. Ни в 1805-м, ни в 1806—1807 гг. он не поднимал меч против нее первым.

<sup>1</sup> 5-ю коалицию в составе Англии, Австрии, Испании Наполеон разгромил в 1809 г.

<sup>2</sup> Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1962. Сер. I. Т. 6. С. 373, 425, 426. Курсив мой. — Н. Т.

<sup>3</sup> З л о т н и к о в М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966. С. 339.

<sup>4</sup> T a t i s c h e f f S. Alexandre I et Napoléon d'après leur correspondance inédite. Paris, 1891. P. 541—543, 547—552 etc.

<sup>5</sup> Подробно о них см.: Т р о и ц к и й Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 30—31.

Теперь же воевать с Россией было для него еще труднее и опаснее. С 1808 г. он мог вести новую войну как бы одной рукой; другая была занята в Испании, отвлекавшей на себя до 400 тыс. его солдат. Учитывал он и пространства России, равные почти 50 Испаниям, тяготы ее климата, бездорожья, социальной отсталости (крепостных крестьян он прямо называл «рабами»<sup>1</sup>). Уже перед отъездом в поход на Россию Наполеон признался своему министру полиции Р. Савари: «Тот, кто освободил бы меня от этой войны, оказал бы мне большую услугу»<sup>2</sup>.

Что же заставляло его идти на такую войну (оказавшуюся для него роковой) против собственного желания? Сила обстоятельств, столкновение интересов французской буржуазии и российского помещичьего дворянства. У Наполеона была *idée fixe* — континентальная блокада. Только она могла обеспечить ему победу над Англией и, следовательно, европейскую гегемонию. Препятствовала же осуществлению блокады только Россия, нарушавшая при этом подписанный ею Тильзитский договор. Переговоры с ней (даже на высшем уровне) ничего не дают. Значит, по логике Наполеона, надо принудить Россию к соблюдению блокады силой.

С начала 1810 г. Наполеон развернул подготовку к войне с Россией. Военный бюджет Франции рос таким образом: 1810 г. — 389 млн франков, 1811 г. — 506 млн, 1812 г. — 556 млн<sup>3</sup>. К концу 1811 г. общая численность ее войск, разбросанных по всей Европе, достигала 986,5 тыс. человек<sup>4</sup>. Около половины из них готовились к нашествию на Россию.

Александр I тоже не хотел войны с Францией, опасаясь после Аустерлица и Фриланда главным образом самого Наполеона. 25 марта 1811 г. он так и написал Наполеону: «Величайший военный гений, который я признаю за Вашим Величеством, не оставляет мне никаких иллюзий относительно

<sup>1</sup> N a p o l é o n I. Correspondance. Paris, 1868. V. 24. P. 342.

<sup>2</sup> М а н ф р е д А.З. Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М., 1980. С. 661.

<sup>3</sup> См.: М о л о к А.И. Империя Наполеона накануне войны 1812 г. // Учен. зап. ЛГУ. 1938. № 19. Т. 4. С. 69.

<sup>4</sup> См.: ВУА. Т. 2. С. 116; Т. 6. С. 2—42.

трудностей борьбы, которая может возникнуть между нами»<sup>1</sup>. Но уступить Наполеону, склониться под ярмо континентальной блокады (хотя Россия и обязалась сделать это в Тильзите) Александр I не мог, если бы даже захотел. Он понимал, что российское дворянство, плоть от плоти которого он был сам, ориентируется на Англию против Франции и не позволит ему переориентировать Россию, как не позволило этого Павлу I. Значит, войны с Наполеоном не избежать.

Гонку вооружений Россия начала одновременно с Францией. 1 февраля 1810 г. вместо А.А. Аракчеева Александр I назначил военным министром менее симпатичного ему, но более компетентного М.Б. Барклая-де-Толли. Именно Барклай возглавил всю подготовку к войне. С 1810 г. резко пошла вверх кривая военных расходов России: 1807 г. — 43 млн руб., 1808 — 53 млн, 1809 — 64,7 млн, 1810 — 92 млн, 1811 г. — 113,7 млн руб. только на сухопутные войска<sup>2</sup>. Так же быстро росла и численность войск. «Армия усилилась почти вдвое», — писал позже Барклай о 1810—1812 гг.<sup>3</sup> К 1812 г. он довел численный состав вооруженных сил, включая занятых в войнах с Ираном и Турцией, до 975 тыс. человек<sup>4</sup>.

Барклай-де-Толли разработал и самый обстоятельный из русских планов войны с Наполеоном. В основе его плана<sup>5</sup> лежала «скифская» идея, которую Барклай впервые высказал еще весной 1807 г. в разговоре с выдающимся немецким историком Б.Г. Нибуром: «В случае вторжения его (Наполеона. — Н. Т.) в Россию следует искусным отступлением заставить неприятеля удалиться от операционного базиса, утомить его мелкими предприятиями и завлечь вовнутрь страны, а затем, с сохраненными войсками и с помощью климата, подготовить ему, хотя бы за Москвой, новую Полтаву». Нибур запомнил эти слова и в 1812 г., когда Барклай стал главнокомандующим,

<sup>1</sup> Tatischeff S. Op. cit. P. 551.

<sup>2</sup> См.: Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий. М., 1966. С. 142 (по архивным данным).

<sup>3</sup> Записка М.Б. Барклая-де-Толли // Военный журнал. 1859. № 1. С. 2.

<sup>4</sup> Столетие Военного министерства. СПб., 1902. Т. 1. С. 203—204.

<sup>5</sup> См.: ВУА. Т. 1, ч. 2. С. 1—6.

сообщил их генерал-интенданту «Великой армии» М. Дюма для передачи Наполеону<sup>1</sup>.

Военных планов в России перед 1812 г. было много: и планы наступательной войны (П.И. Багратиона, А.Л. Беннигсена, А.П. Ермолова, Э.Ф. Сен-При, принца А. Вюртембергского), и скандально знаменитый план главного в то время военного советника Императора, прусского генерала Карла фон Фуля (он предусматривал сложный маневр с отступлением 1-й русской армии к укрепленному лагерю в г. Дриссе, где она должна была принять на себя удар Наполеона, тогда как 2-я армия ударила бы в тыл противнику, с последующим переходом в контрнаступление)<sup>2</sup>. Российские власти в 1811 г. настроены были весьма активно, можно даже сказать, агрессивно. Об этом свидетельствуют обнародованные еще в 1904 г. факты, о которых все советские историки (исключая М.Н. Покровского) и постсоветские биографы Кутузова красноречиво молчат.

Дело в том, что на протяжении 1811 г. Александр I дважды приготавливался «сразить чудовище» (так он говорил о Наполеоне<sup>3</sup>) превентивным ударом. В январе—феврале он планировал начать войну с захвата Великого герцогства Варшавского<sup>4</sup>. Когда же эта попытка сорвалась<sup>5</sup>, Александр I к осени 1811 г. договорился о совместном выступлении с Пруссией. И 24-го, 27-го и 29 октября последовали «Высочайшие повеления» Александра I командующим пятью корпусами на западной границе П.И. Багратиону, Д.С. Дохтурову, П.Х. Витгенштейну, И.Н. Эссену и К.Ф. Багговуту приготовиться к походу<sup>6</sup>. Россия могла начать войну со дня на день — об этом

<sup>1</sup> Dumais M. Souvenirs. Paris, 1839. V. 3. P. 416—417.

<sup>2</sup> См.: Пугачев В.В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 г. // 1812 год: Сб. статей. М., 1962. С. 34—39.

<sup>3</sup> Внешняя политика России... Сер. I. Т. 6. С. 503.

<sup>4</sup> Это зависимое от Франции государство было создано по Тильзитскому договору из польских земель, которыми после трех разделов Польши владела Пруссия.

<sup>5</sup> Подробно о ней см.: Вандаль А. Наполеон и Александр I. СПб., 1913. Т. 3. С. 140—142.

<sup>6</sup> ВУА. Т. 5. С. 268—270, 302—304, 313—315.

прямо свидетельствовали М.Б. Барклай-де-Толли и А.П. Ермолов<sup>1</sup>.

Но в этот критический момент струсил, заколебался и вильнул к Наполеону король Пруссии Фридрих-Вильгельм III. Он не ратифицировал русско-прусскую военную конвенцию, а затем послушно вступил в союз с Наполеоном. Раздосадованный Александр I написал 1 марта 1812 г. письмо королю Пруссии: «Лучше все-таки славный конец, чем жизнь в рабстве»<sup>2</sup>

Вероломство Пруссии помешало Александру I начать и третью войну против Франции *первым* — на этот раз Наполеон опередил его.

Вторжение «Великой армии» Наполеона в Россию началось 12 июня 1812 г. возле Ковно (ныне — Каунас в Литве). Четыре дня и четыре ночи, с 12-го по 15 июня, по четырем мостам шли через пограничную реку Неман на русскую землю 448 тыс. завоевателей (еще 200 тыс. прибывали к ним с июня по ноябрь в качестве подкреплений)<sup>3</sup>.

Россия в начале войны смогла противопоставить 448-тысячному воинству Наполеона 317 тыс. бойцов<sup>4</sup>, которые были разделены на три армии и три отдельных корпуса. Численность русских войск указывается в литературе (включая энциклопедии и учебники) с поразительным разноречием. Между тем в архиве А.А. Аракчеева среди бумаг Александра I хранятся ведомости о численности 1-й и 2-й армий к началу войны 1812 г.<sup>5</sup>, а такие же ведомости 3-й армии и резервных корпусов даже опубликованы почти 100 лет назад<sup>6</sup>, но до сих пор остаются вне поля зрения наших историков.

<sup>1</sup> См.: Записка М.Б. Барклая-де-Толли. С. 2; Ермолов А.П. Записки 1798—1826 гг. М., 1991. С. 123—124.

<sup>2</sup> Внешняя политика России... Сер. I. Т. 6. С. 306. Напомню читателю, что крепостное право, сохранявшееся в России до 1861 г., и в Пруссии ликвидировалось лишь с 1807 г., постепенно и долго.

<sup>3</sup> Роспись всех соединений «Великой армии» к началу войны см.: С h a m b e r g у G. Histoire de l'expédition de Russie. Paris, 1838. V. 1 (прил. 2).

<sup>4</sup> В советской и постсоветской литературе все цифры в диапазоне от 210 тыс. (Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев, В.Г. Сироткин) до 240 тыс. человек (О.В. Орлик, И.А. Андрианова) занижены.

<sup>5</sup> См.: РГВИА. Ф. 154, оп. 1, д. 84, л. 3—6, 13—16 об.

<sup>6</sup> См.: ВУА. Т. 13. С. 160—163; Т. 17. С. 61, 65, 352—353.

Итак, 1-я армия под командованием военного министра, генерала от инфантерии М.Б. Барклая-де-Толли стояла в районе Вильно, прикрывая петербургское направление, и насчитывала 120 210 человек; 2-я армия генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона — возле Белостока, на московском направлении, — 49 423 человека; 3-я армия генерала от кавалерии А.П. Тормасова — у Луцка, на киевском направлении, — 44 180 человек. Кроме того, на первой линии отпора французам стоял под Ригой корпус генерал-лейтенанта И.Н. Эссена (38 077 человек), а вторую линию составляли два резервных корпуса: 1-й — генерал-адъютанта Е.И. Меллера-Закомельского (27 473 человек) — у Гропца; 2-й — генерал-лейтенанта Ф.Ф. Эртеля (37 539 человек) — у Мозыря. Фланги обеих линий прикрывали: с севера — 19-тысячный корпус генерал-лейтенанта Ф.Ф. Штейнгейля в Финляндии и с юга — Молдавская армия адмирала П.В. Чичагова (57 526 человек) в Валахии. Войска Штейнгейля и Чичагова в начале войны бездействовали. Поэтому русские численно уступали французам в зоне вторжения почти в 1,5 раза (но не в 3, как считали почти все советские историки).

С какой же целью Наполеон шел войной на Россию? Утверждения советских и постсоветских ученых, от П.А. Жилина и Л.Г. Бескровного до В.Г. Сироткина и П.Н. Зырянова, о том, что он вознамеривался «захватить Россию», «поработить» и «расчленил» ее, даже «превратить русский народ в своих рабов»<sup>1</sup>, надуманны и несерьезны. Наполеон в 1812 г. ставил перед собой гораздо более реальную цель: разгромить вооруженные силы России на русской земле, «наказать» таким образом Россию за несоблюдение континентальной блокады и заставить ее идти в фарватере его политики, как младший партнер идет за старшим. Сам он выразился так: «Я принудил бы Россию заключить мир, отвечающий интересам Франции»<sup>2</sup>. Е.В. Тарле и А.З. Манфред

<sup>1</sup> Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 152, 593; Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. С. 72, 89; Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 г. С. 35; История России. С начала XVIII до конца XIX в. С. 308 (автор главы — П.Н. Зырянов).

<sup>2</sup> О'М е а г а В. Napoleon in Exile. London, 1822. V. 1. P. 195.

с фактами в руках доказали, что Наполеон «строил все планы, все расчеты на последующем соглашении с царем»; он потому и не отменил крепостное право в России, не попытался даже поднять против царя «инородцев», не стал восстанавливать Польшу, что «хотел исключить все, что делало бы невозможным последующее примирение с русской монархией»<sup>1</sup>.

Разумеется, при всем этом нашествие Наполеона угрожало не только престижу, но и суверенитету России, несло ей и унижение, и разорение, и внешнеполитическую зависимость от Франции.

Оперативный план Наполеона в начале войны был таков: разбить русские армии порознь уже в приграничных сражениях. Углубляться в бескрайние пространства России он не хотел<sup>2</sup>. Здесь надо отбросить ходячую версию, будто Наполеон с самого начала войны предполагал идти на Москву<sup>3</sup>. Установлено, что в переписке Наполеона мысль идти на Москву впервые была высказана лишь на 15-й день войны, и еще не в форме приказа, а как одно из предположений, наряду с мыслью о походе на Петербург<sup>4</sup>.

Чтобы разобщить и разгромить по частям русские войска, Наполеон клинообразно выдвинул от Немана на восток три большие группы «Великой армии»: одну (220 тыс. человек) — он повел сам против М.Б. Барклая-де-Толли, другую (65 тыс.) — под командованием вестфальского короля Жерома Бонапарт (младшего из братьев Наполеона) — направил против П.И. Багратиона, а вице-король Италии, пасынок Наполеона Евгений Богарне, во главе третьей группы войск (70 тыс.) «дол-

<sup>1</sup> Т а р л е Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 7. С. 257, 440; М а н ф р е д А.З. Указ. соч. С. 665, 667—668.

<sup>2</sup> См.: S e g u r Ph.-P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée en 1812. Paris, 1842. Т. 1. Р. 264, 265; Ж о м и н и А.А. Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1840. Т. 5. С. 241, 274; М а н ф р е д А.З. Указ. соч. С. 664.

<sup>3</sup> Б е с к р о в н ы й А.Г. Указ. соч. С. 158; Ж и л и н П.А. Указ. соч. С. 103; Г а р н и ч Н.Ф. 1812 год. М., 1956. С. 45; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 4. С. 121.

<sup>4</sup> См. об этом: М а н ф р е д А.З. Указ. соч. С. 629; А б а л и х и н Б.С., Д у н а е в с к и й В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков (1917—1987). М., 1990. С. 155—156.

жен был броситься между армиями Барклая и Багратиона, чтобы не допустить их соединения»<sup>1</sup>. На север, против корпуса И.Н. Эссена, был выдвинут корпус маршала Ж.-Э. Макдональда; на юг, против армии А.П. Тормасова, — корпуса генералов Ж.-Л. Ренье и К.Ф. Шварценберга. Начиная эту операцию, Наполеон рассчитывал принудить 1-ю и 2-ю русские армии к сражению порознь, не дав им соединиться. «Теперь, — объявил он, — Багратион с Барклаем уже более не увидятся»<sup>2</sup>.

В таких условиях и при таком соотношении сил Барклай-де-Толли стал действовать по своему, единственно верному, *спасительному* для России «скифскому» плану. Барклай командовал 1-й армией, более многочисленной, чем 2-я и 3-я армии, вместе взятые. Как военный министр он мог давать указания Багратиону и Тормасову от своего имени и даже от имени царя, который, кстати, тоже пребывал тогда в штабе Барклая. 15 июня Барклай отправил курьера к Багратиону с директивой: отступать на Минск для взаимодействия и последующего соединения с 1-й армией, а сам повел 1-ю армию в Дрисский лагерь. Здесь, на месте, он убедил Александра I отказаться от плана Фуля, ибо местный лагерь при сравнительно малочисленности русской армии и слабости укреплений мог стать для нее только ловушкой и могилой. 2 июля Барклай оставил Дриссу и, уклоняясь от ударов Наполеона, пошел к Витебску на соединение с Багратионом.

Тем временем Багратион оказался в критическом положении. Маршал Л.Н. Даву занял Минск и отрезал ему путь на север, а с юга наперерез Багратиону шел с тремя корпусами Жером Бонапарт, который, по расчетам Наполеона, должен был замкнуть кольцо окружения вокруг 2-й армии у Несвижа. В корпусах Даву и Жерома было 110 тыс. человек, Багратион же не имел и 50 тыс. — ему грозила верная гибель. «Куда не сунусь, везде неприятель, — писал он на марше 15 июля А.П. Ермолову. — Что делать? Сзади неприятель, сбоку непри-

<sup>1</sup> Ж о м и н и А.А. Указ. соч. Т. 5. С. 274.

<sup>2</sup> Ш и л ь д е р Н.К. Император Александр I: его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 3. С. 85.

ятель <...>. Минск занят <...> и Пинск занят»<sup>1</sup>. Однако молодой (27 лет), легкомысленный и празднолюбивый брат Наполеона «загулял» на четыре дня в Гродно и опоздал к Несвижу — Багратион ушел. «Насилу вырвался из аду. Дураки меня выпустили», — написал он Ермолову 19 июля<sup>2</sup>. Наполеон был в ярости. «Все плоды моих маневров и прекраснейший случай, какой только мог представиться на войне, — отчитывал он Жерома, — потеряны вследствие этого странного забвения элементарных правил войны»<sup>3</sup>.

Наши историки — от П.А. Жилина до Ю.Н. Гуляева и В.Т. Соглаева — объясняют спасительный марш 2-й армии только «большим воинским мастерством», «искусным маневрированием» Багратиона<sup>4</sup>. Между тем сам Багратион понимал, что, если бы не гродненский «загул» Жерома («дураки меня выпустили»), никакое искусство маневра, скорее всего, не спасло бы 2-ю армию от гибели.

Кутузов следил за ходом этих событий из Петербурга. Здесь три дня кряду (15—17 июля) существенно повлияли на судьбу Михаила Илларионовича, подготовили его в общественном мнении к роли главнокомандующего. 15 июля последовал рескрипт Александра I о назначении Кутузова командующим Нарвским корпусом для защиты Петербурга<sup>5</sup>.

Этот корпус был скомплектован в большой спешке и насчитывал всего 8 тыс. человек<sup>6</sup>. В помощь ему еще более спешно стали собирать «вторую ограду» защитников Отечества, как было названо в императорском манифесте от 6 июля народное ополчение. 16-го и 17 июля в обеих столицах дворянские собрания избирали начальников ополчений. Москва сделала это первой — в присутствии Императора, которого Барклай-де-Толли вежливо попросил отбыть из армии после Дриссы, чтобы

<sup>1</sup> ЧОИДР. 1862. Кн. 1. Отд. 5. С. 193.

<sup>2</sup> Там же. С. 195.

<sup>3</sup> Наполеон I. Correspondance. V. 24. P. 20.

<sup>4</sup> Жилин П.А. Указ. соч. С. 107—108; Гуляев В.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 284.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 5.

<sup>6</sup> См. там же.

не сковывать его инициативу как командующего. Александр I поехал сначала в Москву, а затем в Петербург — поднимать столичных дворян и купцов на защиту Отечества. В Москве он и стал свидетелем победы Кутузова на выборах начальника местного народного ополчения: Михаил Илларионович получил 243 голоса делегатов дворянского собрания, генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин — 225, отставной генерал-фельдмаршал И.В. Гудович — 198 голосов<sup>1</sup>.

Прибыв в Петербург 22 июля, Государь узнал здесь о новой, поистине триумфальной победе Кутузова: 17 июля, еще не зная о результатах выбора начальника ополчения в Москве, дворянское собрание Петербурга «единодушно, с общего согласия» избрало Кутузова начальником петербургского народного ополчения<sup>2</sup>. В тот же день депутация от собрания во главе с губернским предводителем дворянства А.А. Жеребцовым навестила Кутузова в его доме и сообщила ему о своем выборе. Кутузов был растроган: «Милостивые государи! Честь, которую вы мне делаете, красит всю мою доселе службу и мои седины»<sup>3</sup>.

С приездом Александра I в Петербург Кутузов отправился к нему для представления в качестве избранного начальника и за Высочайшим утверждением. Встретил Михаила Илларионовича генерал-адъютант граф Е.Ф. Комаровский, который так рассказал об этом в своих «Записках»: «Я, увидевши сего славного генерала, подхожу к нему и говорю:

— Стало быть, дворянство обеих столиц нарекло Ваше превосходительство своим защитником и Отечества!

Михаилу Илларионовичу неизвестно еще было, что московское дворянство избрало его также начальником своего ополчения. Когда он узнал от меня о сем назначении, с полными слез глазами сказал:

— Вот лучшая для меня награда в моей жизни!

И благодарил меня за сие известие»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 6.

<sup>2</sup> Там же. С. 7—9. Курсив мой. — Н. Т.

<sup>3</sup> Цит. по: Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 228.

<sup>4</sup> Записки графа Е.Ф. Комаровского. М., 1990. С. 120.

Александр I утвердил Кутузова в должности начальника Петербургского ополчения. Поэтому от командования Московским ополчением Михаил Илларионович с благодарностью отказался<sup>1</sup>. В Петербурге же он развил кипучую деятельность, занимаясь сбором, обучением, вооружением и снаряжением ополченцев. Очевидцы вспоминали: «Глядя на него, когда он с важностью заседал в Казенной палате и комитетах ополчения и входил во все подробности формирования *бородатых воинов*, можно было подумать, что он никогда не стоял на высоких ступенях почести и славы, не бывал послом Екатерины и Павла, не предводительствовал армиями»<sup>2</sup>.

Надо знать, что деятельность Кутузова в качестве командующего Нарвским корпусом и начальника Петербургского ополчения была успешной во многом благодаря тому, что безопасность Петербурга обеспечивал 1-й корпус 1-й регулярной армии под командованием генерала П.Х. Витгенштейна, который был отряжен Барклаем-де-Толли для защиты северной столицы. 30 июля под Клястицами Витгенштейн одержал победу над авангардом французского маршала Н.Ш. Удино и с того дня не позволял французам перехватить на петербургском направлении инициативу.

Как бы то ни было, за четыре недели, пока Кутузов был начальником Петербургского ополчения, он довел численность «бородатых воинов» до 29 420 человек<sup>3</sup>. Ближайшим помощником, правой рукой Михаила Илларионовича был тайный советник Александр Александрович Бибииков — племянник жены Кутузова, сын ее родного брата Александра Ильича. Он возглавил первый отряд петербургских ратников. Тогда же Кутузов подобрал себе еще несколько помощников, которых потом возьмет с собой как главнокомандующий. Так, 26 июля он назначил дежурным при своем штабе полковни-

<sup>1</sup> Поскольку Ф.В. Ростопчин и И.В. Гудович по разным причинам тоже отказались командовать Московским ополчением, начальником его был назначен занявший на выборах 4-е место генерал-лейтенант граф И.И. Морков.

<sup>2</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 184.

<sup>3</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 291.

ка П.С. Кайсарова<sup>1</sup>, а 1 августа зачислил к себе адъютантом юного (22-летнего) титулярного советника А.И. Михайловского-Данилевского<sup>2</sup> — с ними он уже не расставался до своей смерти.

Если сам Михаил Илларионович, казалось, был вполне удовлетворен ролью ополченского начальника, то его поклонники считали, что он заслуживает гораздо большего. «Исторгли у него меч, а дают вместо того кортик», — сетовал цензор петербургского почтамта Н.П. Оденталь в письме к секретарю Ф.В. Ростопчина А.Я. Булгакову<sup>3</sup>. Постепенно вновь стал поднимать Кутузова по служебной лестнице и Александр I. Как мы писали, 29 июля, по случаю ратификации в Константинополе Бухарестского мира между Россией и Турцией, он пожаловал Михаилу Илларионовичу титул светлейшего князя<sup>4</sup>, 31 июля верил ему командование всеми морскими и сухопутными силами в Петербурге, Кронштадте и Финляндии, а 2 августа назначил его членом Государственного совета Империи<sup>5</sup>. Возможно, не зря в то время Кутузов «навещал влиятельных лиц и даже, как тогда говорили, старался заслужить благосклонность М.А. Нарышкиной, близкой к государю особы»<sup>6</sup>.

Тем временем в ходе войны происходили события, парадоксально сочетавшие торжество и унижение России. Барклай-де-Толли, уклоняясь от генерального сражения с Наполеоном, уводил свою армию все дальше в глубь страны — навстречу регулярным и ополченским резервам. И русские и французские источники свидетельствуют, что 1-я армия отступала образцово. Барклай «на пути своем не оставил позади не только ни одной пушки, но даже и ни одной телеги», — вспоминал А.П. Бутенев<sup>7</sup>. И «ни одного раненого», — добавляет А. Ко-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 39.

<sup>2</sup> Там же. С. 52.

<sup>3</sup> «К чести России». С. 54.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 47.

<sup>5</sup> Там же. С. 51—52, 53.

<sup>6</sup> Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 4. С. 2. Мария Антоновна Нарышкина (1779—1854) — многолетняя фаворитка Александра I, который имел от нее дочь Софью (1806—1824).

<sup>7</sup> Бутенев А.П. Воспоминания о 1812 г. М., 1911. С. 22.



ленкур<sup>1</sup>. В тех случаях, когда Наполеон достигал Барклая, русский главнокомандующий задерживал противника аррьергардным боем, как при Островно, или уходил от него обманным маневром, как из-под Витебска.

Тем не менее с каждым днем вынужденного, прямо-таки спасительного и превосходно организованного отступления росло недовольство против Барклая-де-Толли в собственной армии, а также во 2-й армии Багратиона и по всей стране. Багратион, сам вынужденный отступить со своей маленькой армией, считал, что виноват в этом Барклай, ибо он, располагая армией почти втрое большей, не хочет или боится пойти вперед и вместе с ним, Багратионом, ударить на врага. «Наступайте! — призывал Багратион в письме к начальнику штаба 1-й армии А.П. Ермолову. — Ей-богу, шапками их закидаем!»<sup>2</sup>

Так же «шапкозакидательски» были настроены и другие генералы 2-й армии, а главное, самый опасный для Барклая очаг оппозиции, который гнезился рядом с ним, в императорской Главной квартире (ее Александр I, уезжая из армии, оставил при Барклае). Люди, составлявшие эту квартиру (Великий князь Константин Павлович, принцы Александр Вюртембергский, Георгий Голштинский, Август Ольденбургский, князь П.М. Волконский, граф Г.М. Армфельд, барон Л.А. Беннигсен), интриговали против Барклая и жаловались на него Императору.

В такой обстановке Барклай-де-Толли 20 июля привел свою армию в Смоленск. Через два дня пришла в Смоленск и 2-я армия. Соединение двух первых русских армий в Смоленске 22 июля было их общим выдающимся успехом: они сорвали расчеты Наполеона разбить их порознь в приграничных сражениях. Наполеон на какое-то время утешился было надеждой вовлечь россиян в генеральное сражение за Смоленск как «один из священных русских городов» и разгромить сразу обе

<sup>1</sup> Коленкур А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 120.

<sup>2</sup> ЧОИДР. 1862. Кн. 1. Отд. 5. С. 194.

их армии. Но это ему тоже не удалось. Три дня, с 4-го по 6 августа, корпуса Н.Н. Раевского и Д.С. Дохтурова защищали город от подходивших один за другим трех пехотных и трех кавалерийских корпусов противника. Когда же Наполеон стянул к Смоленску все свои силы, Барклай вновь увел русские войска из-под его удара. Призрак победы, второго Аустерлица, за которым Наполеон тщетно гнался от самой границы, и на этот раз ускользнул от него.

Барклай-де-Толли понимал, что с ходом войны соотношение сил меняется в пользу России (готовятся резервы, формируется ополчение), но момент для решительного сражения еще не настал. Поэтому от Смоленска он продолжил отступление. Между тем оставление Смоленска ранило национальное самолюбие русских воинов, которые именно в Смоленске, как нигде, желали доказать свою способность противостоять врагу и защитить от него Родину. «Все в один голос роптали: «Когда бы нас разбили — другое дело, а то даром отдают Россию», — вспоминал очевидец<sup>1</sup>.

Резко обострились отношения между Барклаем-де-Толли и Багратионом. Михаил Богданович Барклай-де-Толли — потомок шотландских дворян, эмигрировавших в XVII в. в Лифляндию, сын бедного армейского поручика — не имел ни помещичьих капиталов<sup>2</sup>, ни придворных связей и титулов, а достиг должностных высот благодаря своим дарованиям, трудолюбию и доверию, которое неожиданно возымел к нему в 1807 г. и сохранял вплоть до 1812 г. Александр I. «Мужественный и хладнокровный до невероятия» воин<sup>3</sup>, дальновидный и осмотрительный стратег, «человек с самым благородным, независимым характером <...> в высшей степени честный и бескорыстный»<sup>4</sup>, Барклай внешне был слишком

<sup>1</sup> Митаревский Н.Е. Нашествие неприятеля на Россию. М., 1878. С. 53.

<sup>2</sup> В прошении на имя Императора об отставке 7 ноября 1812 г. Барклай писал: «Крестьян за собою не имею» (РГИА. Ф. 1409, оп. 1, д. 698, ч. 1, л. 12).

<sup>3</sup> Давыдов Д.В. Соч. М., 1962. С. 529.

<sup>4</sup> Фонвизин М.А. Соч. и письма. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 160.

холоден и замкнут, чтобы привлекать к себе людские (от солдат до генералов) симпатии. Зато Петр Иванович Багратион — отпрыск грузинской царской династии Багратионов, потомок Давида Строителя, правнук царя Вахтанга VI (по книге «Дворянские роды Российской империи», том 3 (М., 1996) П.И. Багратион — правнук царя Иессея и правнучатный племянник царя Вахтанга VI. — *Ред.*), любимый ученик и сподвижник Суворова, стремительный и неустрашимый, с открытой и щедрой душой — был кумиром солдат, офицеров и подчиненных ему генералов. Г.Р. Державин многозначительно «уточнил» его фамилию: «Бог — рати — он»<sup>1</sup>. Багратион не знал тогда равных себе в России как тактик, виртуоз атаки и маневра, но, даже по признанию его почитателя Дениса Давыдова, он «был весьма мало сведущ в правилах высшей военной науки»<sup>2</sup>, не понимал и отвергал дальновидную стратегию Барклая-де-Толли.

Распря между Барклаем и Багратионом обрела скандальный характер. Главнокомандующие армиями пикировались, как фельдфебели. «Ты немец! — кричал пылкий Багратион. — Тебе все русское нипочем!» — «А ты дурак, — отвечал невозмутимый Барклай, — хоть и считаешь себя русским». Ермолов в этот момент сторожил у дверей, отгоняя любопытных: «Командующие очень заняты. Совещаются между собой»<sup>3</sup>. Так оправдывался парадокс Наполеона: «Один плохой главнокомандующий лучше, чем два хороших»<sup>4</sup>.

Александр I был как нельзя более информирован о положении дел в каждой из русских армий. Перед ним отчитывались Барклай-де-Толли и Багратион, ему же писали доклады, рапорты и просто доносы оппозиционеры Барклая из Главной квартиры, а также наделенные для этого особыми полномочиями начальники штабов 1-й и 2-й армий (А.П. Ермолов и Э.Ф. Сен-При) и друг юности Императора, командующий 4-м корпусом 1-й армии генерал-адъютант граф П.А. Шувалов. Явно для царя

<sup>1</sup> Державин Г.Р. Соч. СПб., 1865. Т.2. С. 579.

<sup>2</sup> Давыдов Д.В. Соч. СПб., 1893. Т. 1. С. 133.

<sup>3</sup> Жиркевич И.С. Записки // Русская старина. 1874. № 8. С. 648.

<sup>4</sup> Napoleon I. Correspondance. V. 1. P. 279.

писал Багратион А.А. Аракчееву и Ф.В. Ростопчину о лиходеястве Барклая, причем в наиболее резкой форме: под Смоленском «подлец, мерзавец, тварь Барклай отдал даром преславную позицию»<sup>1</sup>, и вообще он «генерал не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего Отечества»<sup>2</sup>.

До последнего времени иные историки (даже такие авторитеты, как Д.П. Бутурлин и Е.В. Тарле) считали, что Александр I решился сместить Барклая-де-Толли и назначить главнокомандующим всеми русскими армиями кого-то другого под впечатлением сдачи Смоленска. Однако А.Г. Тартаковский убедительно доказал, что к такому решению Александр I пришел еще до битвы за Смоленск. Ведь донесение Барклая об оставлении Смоленска было датировано 9 августа, получено в Петербурге не ранее 11-го, а Императору вручено лишь 16 августа в г. Або (Финляндия), где он встречался тогда с правителем и наследным принцем Швеции Ж.-Б. Бернадотом<sup>3</sup>. Между тем Чрезвычайный комитет уже решал вопрос о новом главнокомандующем (по указу Александра I) 5 августа, то есть в тот самый день и в те самые часы, когда Барклай только принимал решение оставить Смоленск.

Конечно, Император был уже давно недоволен затянувшимся отступлением русских армий, но пока не собирался устранять Барклая-де-Толли и 30 июля предписал ему перейти в наступление, чтобы отбросить французов от Смоленска: «Я с нетерпением ожидаю известия о ваших наступательных движениях, которые почитаю уже теперь начатыми»<sup>4</sup>. А 5 августа в Петербург из Главной квартиры при 1-й армии прибыл князь П.М. Волконский с «пакетом донесений и писем высших военачальников», включая «наиважнейшее из них» письмо к Александру I от графа П.А. Шувалова. А.Г. Тартаковский

<sup>1</sup> Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812—1815). СПб., 1882. С. 96.

<sup>2</sup> ВУА. Т. 16. С. 225—226.

<sup>3</sup> См.: Тартаковский А.Г. Незагаданный Барклай. Легенды и быль 1812 г. М., 1996. С. 132.

<sup>4</sup> Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. 2. Прил. С. 13—15.

определил это письмо как «сгусток умонастроений враждебной Барклаю части генералитета»<sup>1</sup>. «Нужен другой главнокомандующий, — писал граф царю, — один над обеими армиями. Необходимо, чтобы Ваше Величество назначило его немедленно, иначе — погибла Россия»<sup>2</sup>. Мало того, в пакете Волконского оказалось еще и донесение Барклая-де-Толли Императору от 30 июля. В нем Михаил Богданович сообщал об отступлении уже соединившихся русских армий к Поречью, сославшись при этом (очень обидно для Александра I) на одобренный царем замысел «продолжить сколь можно кампанию, не подвергая опасности обе армии»<sup>3</sup>. Выходило, что в тот день, когда царь приказывал Барклаю *наступать*, Барклай приказал войскам *отступить*.

Далее события развивались стремительно. В течение одного дня 5 августа царь ознакомился с пакетом бумаг Волконского, высочайше повелел составить Чрезвычайный комитет «из важнейших сановников империи»<sup>4</sup> с задачей выбрать кандидата на пост главнокомандующего, утвердил состав комитета, который с 19 часов все того же дня начал работу и к 22 с половиной часам закончил ее.

Итак, в Чрезвычайный комитет вошли не просто «важнейшие», но и довереннейшие сановники Императора: председатель Государственного совета генерал-фельдмаршал граф Н.И. Салтыков (бывший воспитатель юного цесаревича Александра Павловича), члены Государственного совета светлейший князь П.В. Лопухин и граф В.П. Кочубей, петербургский генерал-губернатор генерал от инфантерии С.К. Вязмитинов и министр полиции генерал-адъютант А.Д. Балашов. Председателем комитета был назначен Салтыков. В его доме комитет провел свое первое и единственное историческое заседание. Как *alter ego* царя в заседании принял участие граф А.А. Аракчеев. Именно по его докладу было принято

<sup>1</sup> Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 132.

<sup>2</sup> Попов А.Н. От Смоленска до приезда Кутузова в армию // Русская старина. 1893. № 12. С. 515.

<sup>3</sup> Цит. по: Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 133.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 475.

решение, которое Аракчеев и подписал вместе с членами комитета<sup>1</sup>.

Перед Чрезвычайным комитетом, как и перед монархом, стоял трудный выбор. Все было бы проще, если бы не скоростная смерть в мае 1811 г. графа Н.М. Каменского, который, по мнению компетентных современников, «непременно был бы назначен» (будь он жив) главнокомандующим в 1812 г.<sup>2</sup> Герой 1812 г. и ближайший соратник Кутузова П.П. Коновницын считал, что если бы жив был и граф Ф.Ф. Буксгевден (умерший в августе 1811 г.), «то, вероятно, ему, а не Кутузову, поручено было бы предводительствовать армиями в Отечественную войну»<sup>3</sup>. Теперь же в дворянских кругах Петербурга и Москвы говорили о Кутузове как о возможном «избавителе»<sup>4</sup>. В Петербурге «вся публика кричала Кутузова послать», — писал сенатор Н.М. Лонгинов в Лондон графу С.Р. Воронцову<sup>5</sup>. Из Москвы Ф.В. Ростопчин уведомляя Александра I, что и «Москва желает, чтобы командовал Кутузов»<sup>6</sup>.

Император оказывался в затруднении. Он видел, что повторяется ситуация 1806 г. с назначением на пост главнокомандующего генерал-фельдмаршала М.Ф. Каменского. Современники свидетельствовали, что «в 1806 г. общий голос в пользу графа Каменского, тогда 69-летнего (правильно 68-летнего. — Н. Т.) старца, был почти столь же единодушен, как в Двенадцатом году в пользу Кутузова»<sup>7</sup>. Александр I старшего Каменского не любил и не ценил, но, уступив общественному мнению, назначил его главнокомандующим, что обернулось конфузом для фельдмарша-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 71—73. Показательно, что П.А. Жилин, Н.Ф. Гарнич, В.Г. Сироткин, перечисляя участников заседания 5 августа 1812 г., не называют Аракчеева, чтобы даже таким образом не бросить «тень» на Кутузова.

<sup>2</sup> Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 207.

<sup>3</sup> 1812 год. Военные дневники. М., 1990. С. 313.

<sup>4</sup> «К чести России». С. 44, 54, 59.

<sup>5</sup> Там же. С. 108.

<sup>6</sup> Письмо гр. Ф.В. Ростопчина к Императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. № 8. С. 443, 444.

<sup>7</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны Императора Александра с Наполеоном в 1806-м и 1807 г. СПб., 1846. С. 74. См. также: Давыдов Д.В. Соч. М., 1962. С. 185; Жихарев С.П. Записки современника. Л., 1989. Т. 1. С. 242.

ла, царя и России. Теперь та же «публика» требовала назначить Кутузова, 67-летнего старца (как и Каменский, «екатерининского орла»), не любимого и должным образом не ценимого Императором.

Кандидатуру Барклая-де-Толли Александр I не мог поддержать ввиду оппозиции против него и в обществе, и, главное, в армии, тем более что Барклай, по мнению царя, «делал глупость за глупостью под Смоленском»<sup>1</sup>. Что касается Багратиона, то о нем Александр I судил в принципе верно, хотя и с чрезмерным акцентом, что он «ничего не понимает в стратегии»<sup>2</sup>. Наконец, полное отторжение вызвала у Александра кандидатура графа П.А. Палена (организатора царевубийства 1801 г.), за которого «кричали немцы» в Петербурге<sup>3</sup>, хотя Александр к тому же знал, что Палена «хотят в армии». Александр, судя по его письму к его сестре Екатерине Павловне, не допускал и мысли о назначении Палена, зная «вероломный и безнравственный характер этого человека и преступления» его, тем более что он «18—20 лет не видел неприятеля»<sup>4</sup>.

Судя по всему, кандидатуры других начальников в чине *полного* генерала (А.А. Беннигсена, Д.С. Дохтурова, А.П. Тормасова) Александр I тоже не одобрял. Вот почему он еще в 1811 г. попытался вновь (после 1805 г.) пригласить на пост главнокомандующего русскими армиями французского генерала Ж.-В. Моро из США<sup>5</sup>, а затем английского герцога А. Веллингтона из Испании<sup>6</sup>, и уже в августе 1812 г., зная о выборе Чрезвычайного комитета, предложил этот пост бывшему маршалу Наполеона, а теперь наследному принцу Швеции Ж.-Б.

Бернадоту — при личном свидании с ним в Або<sup>1</sup>. Кстати, Бернадот в разговорах и переписке с Александром I советовал «избегать генерального сражения» с Наполеоном и «ограничивать военные действия маневрированием»<sup>2</sup>, что, собственно, и делал Барклай-де-Толли. Но договориться с Моро и Веллингтоном агенты Александра I не успели<sup>3</sup>, а Бернадот предложение, сделанное ему лично царем, отклонил.

Тем временем Чрезвычайный комитет определил свой выбор кандидата в главнокомандующие, основываясь, как записано в его решении, «на известных опытах в военном искусстве, отличных талантах, на доверии общем, а равно и на самом старшинстве»<sup>4</sup>. Поскольку для главнокомандующего требовалось старшинство в чине, речь шла только о «полных» генералах. Поэтому даже не обсуждалась кандидатура генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна, хотя он, как «спаситель Петрополя», котиrowался тогда «выше всех генералов, которым вверены были армии»<sup>5</sup>. С другой стороны, заведомо отпадали кандидатуры генерал-фельдмаршалов. Их тогда в России было двое, и ни один из них уже не мог командовать войсками: 76-летний Н.И. Салтыков председательствовал в различных советах, а 70-летний И.В. Гудович был уже в отставке по болезни.

Судя по совокупности данных о заседании Чрезвычайного комитета, он рассмотрел шесть кандидатур: А.А. Беннигсена, Д.С. Дохтурова, П.И. Багратиона, А.П. Тормасова, П.А. Палена и М.И. Кутузова<sup>6</sup>. Непонятно, на каком основании

<sup>1</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 168; Рогинский В.В. Швеция и Россия. Союз 1812 г. М., 1978. С. 129.

<sup>2</sup> Россия и Швеция. Документы и материалы 1809 — 1818 гг. М., 1985. С. 160.

<sup>3</sup> С Моро Александр I договорился только с третьей попытки — летом 1813 г.: Моро возглавит штаб при российском императоре и в первом же сражении против своих соотечественников, 27 августа 1812 г. под Дрезденом, находясь рядом с Александром I, будет смертельно ранен французским ядром. Похоронят его в Петербурге.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 72.

<sup>5</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 г. Т. 1. С. 425.

<sup>6</sup> См.: Шишков А.С. Записки, мнения и переписка. Berlin, 1870. Т. 1. С. 154.

<sup>1</sup> Переписка Императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 87.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> «К чести России». С. 110.

<sup>4</sup> Переписка Императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. С. 87. Последняя война, в которой участвовал Пален, была с Турцией в 1788—1791 гг.

<sup>5</sup> См.: Вандаль А. Указ. соч. Т. 3. С. 102.

<sup>6</sup> См.: Пугачев В.В. Подготовка России к войне с Наполеоном в 1810—1811 гг. // Учен. зап. Горьковского ун-та. 1864. Вып. 72. Ч. 1. С. 97.

В.Г. Сироткин добавляет к ним Ф.В. Ростопчина<sup>1</sup>, который вообще никогда, ни на какой войне не командовал войсками. Комитет работал по методу исключения. Он последовательно отверг, одну за другой, пять кандидатур, а шестую, названную последней, *единогласно* рекомендовал Императору для избрания. То была кандидатура Кутузова.

Преимущества Михаила Илларионовича перед любым из остальных кандидатов казались очевидными. Как самый старший и по возрасту, и по службе из всех «полных» генералов, «сей остальной из стаи славной екатерининских орлов», сподвижник П.А. Румянцева и А.В. Суворова, он имел за плечами полувековой опыт походов, осад, сражений, штурмов, а воспоминания о хотя и недавней катастрофе под Аустерлицем компенсировались впечатлениями от еще более недавних, совсем свежих, побед под Рущуком и Слободзеей.

Далее, что очень важно, Кутузов был исконно русский барин, из древнего русского дворянского рода. Почтенным аристократам Чрезвычайного комитета должна была импонировать и феодальная состоятельность Кутузова, в отличие от худородного Барклая. Возможно, сказались в какой-то степени и *масонские* связи Кутузова с членами комитета, хотя категорические утверждения историков масонства, будто «не подлежит сомнению, что сила сплоченного масонского братства способствовала назначению Кутузова предводителем наших вооруженных сил»<sup>2</sup>, — такие утверждения не доказаны. А.Г. Тартаковский был прав, полагая, что они «нуждаются в тщательной проверке»<sup>3</sup>.

Зато, по обоснованному мнению В.М. Безотосного, важную роль сыграл здесь синдром «титularyзации». Указ Александра I 20 июля 1812 г. о пожаловании Кутузову княжеского достоинства с присвоением ему титула светлости в известной

<sup>1</sup> Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 76.

<sup>2</sup> Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. М., 1915. Ч. 2. С. 194—195; Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М., 1999. С. 261.

<sup>3</sup> Спаситель Отечества. Кутузов — без хрестоматийного глянца // Родина. 1995. № 9. С. 63—64.

мере predetermined выбор Чрезвычайного комитета. «Новый главнокомандующий, помимо того, что он был самым старшим из всех дееспособных полных генералов империи, единственный имел титул светлейшего князя. Его титулование не только отличало из всех генералов, но и усиливало старшинство»<sup>1</sup>.

Итак, Чрезвычайный комитет отдал предпочтение Кутузову, основываясь на формально неоспоримых критериях. Единственное, что могло отклонить «комитетчиков» от такого выбора, — это личная антипатия Императора к их избраннику. Комитет, однако, не усмотрел в ней серьезного препятствия, полагаясь, должно быть, на то, что Аракчеев поддержал кандидатуру Кутузова. По воспоминаниям графа Е.Ф. Комаровского, на следующий день, 6 августа, члены комитета через своего ходатая, управляющего военным министерством князя Ал.И. Горчакова, «осмелились заявить» царю, что «Россия желает назначения генерала Кутузова, ибо в отечественную войну приличнее быть настоящему русскому главнокомандующим»<sup>2</sup>.

В результате Александр I согласился с выбором Чрезвычайного комитета и 8 августа назначил Кутузова главнокомандующим<sup>3</sup>, хотя и скрепя сердце. «Я не мог поступить иначе, — объяснил он сестре Екатерине Павловне, — как выбрать из трех генералов, *одинаково мало способных быть главнокомандующими* (царь имел в виду Барклая-де-Толли, Багратиона и Кутузова. — Н. Т.), того, на которого указывал общий голос»<sup>4</sup>. Своему генерал-адъютанту Е.Ф. Комаровскому царь сказал еще

<sup>1</sup> Безотосный В.М. Российский титулованный генералитет в 1812—1815 гг. // От Москвы до Парижа (1812—1814 гг.). Малоярославец, 1998. С. 33.

<sup>2</sup> Записки гр. Е.Ф. Комаровского. С. 120—121.

<sup>3</sup> См. рескрипт Александра I Кутузову от 8 августа 1812 г.: М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 74.

<sup>4</sup> Переписка Императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. С. 87. Советские и постсоветские историки (П.А. Жилин и Л.Г. Бескровный, О.В. Орлик и В.Г. Сироткин, Ю.Н. Гуляев, В.Т. Соглаев и Н.И. Рязанов) цитируют это письмо Александра I с неизменным *изъятием* выделенных курсивом слов.

откровеннее: «Публика желала его назначения, я его назначил. Что же касается меня, то я умываю руки»<sup>1</sup>.

Среди домыслов, идеализирующих Кутузова, бытует расхожая мысль о том, что Михаил Илларионович был назначен в 1812 г. главнокомандующим «по требованию народа»<sup>2</sup>. «Слова царя «народ хотел Кутузова — я умываю руки» сохранились в истории», — пишет, например, В.Д. Мелентьев. Таких слов в истории не сохранилось по той причине, что царь их не говорил и сказать не мог, ибо, во-первых, народ (96% которого составляли крестьяне) тогда о Кутузове не высказывался, а во-вторых, царь следовал мнению не народа, а «благородного российского дворянства», его «высокопоставленной публики». Мнение этой «публики» и выразил Чрезвычайный комитет из *высших сановников империи* с участием А.А. Аракчеева, образованный по указу царя. Другое дело, что назначение Кутузова отвечало интересам народа, поскольку Кутузов пользовался в стране гораздо большим доверием, чем Барклай-де-Толли, — прежде всего потому, что он был русский, а из русских действующих военачальников старший по возрасту, чину и опыту.

С целью подчеркнуть исключительную, воистину мессианскую роль Кутузова, советские и постсоветские историки вновь и вновь повторяют вернопопданнический домысел А.И. Михайловского-Данилевского о том, что Кутузов был назначен главнокомандующим в «кризисный момент войны», в период наибольшей, «смертельной опасности» для России<sup>3</sup>. Домысел

<sup>1</sup> Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 98.

<sup>2</sup> Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 116, 118; Орлик О.В. Указ. соч. С. 43; Полководец Кутузов: Сб. статей. М., 1955. С. 260; Мелентьев В.Д. Кутузов в Петербурге. Л., 1986. С. 143; Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. М., 1988. С. 5; Рязанов Н.И. М.И. Кутузов и его письма // Кутузов М.И. Письма. Записки. М., 1989. С. 530.

<sup>3</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 201; Бычков Л.Н. Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 г. М., 1954. С. 36; Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 103; Жилин П.А. Указ. соч. С. 6; Рязанов Н.И. Указ. соч. С. 544; Шишов А.В. Особенности полководческого искусства генерал-фельдмаршала М.И. Голенничева-Кутузова в Отечественной войне 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 168.

этот совершенно неоснователен. Еще К.Ф. Толь (кстати, ревностный почитатель Кутузова), возражая Михайловскому-Данилевскому, резонно доказывал, что самое трудное время войны к тому моменту было уже позади: с армией в Цареве-Займище «Россия имела гораздо более данных на успех, чем когда Главная квартира была при Вильне»<sup>1</sup>. Действительно, любой непредубежденный специалист понимает: после того как расчет Наполеона выиграть войну в приграничных сражениях с разрозненными русскими армиями провалился, и армии Барклая-де-Толли и Багратиона, не дав разбить себя порознь, соединились в Смоленске, — после этого шансы Наполеона на победу в войне сильно упали, а шансы России значительно возросли.

Это понимал и Наполеон. Стратегия Барклая-де-Толли приводила к тому, что война затягивалась, а этого Наполеон боялся больше всего. Растягивались его коммуникации, росли потери в боях, от дезертирства, болезней и мародерства, отставали обозы, а возможность использовать местные ресурсы сводилась к минимуму, почти к нулю, сопротивлением народа, возраставшим с тех пор, как французы вступили в коренную Россию, буквально день ото дня. Наполеон начал опасаться, что ему «предстояла новая Испания, но Испания без границ»<sup>2</sup>. Между тем не только его собственный, но и русский штаб «по удостоверению пленных» знал, что силы «Великой армии» уже «крайне изнурены и повсеместно нуждаются в продовольствии»<sup>3</sup>.

В Смоленске Наполеон долгих шесть дней и ночей размышлял, идти ли ему вперед или остановиться, и даже попытался вступить с Александром I в переговоры о мире — через пленного генерала П.А. Тучкова. Предлагая заключить мир, он угрожал на случай отказа: Москва будет непременно взята, а это обесчестит россиян, ибо «занятая неприятелем столица похожа на девку, потерявшую честь. Что хочешь потом делай, но

<sup>1</sup> Генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь в Отечественную войну. СПб., 1912. С. 195.

<sup>2</sup> Жомини А.А. Указ. соч. С. 308.

<sup>3</sup> РНБ РО. Ф. 859, к. 30, д. 30, л. 4 об.

честь уже не вернешь»<sup>1</sup> Александр I на это предложение (как и на все последующие) ничего не ответил.

Ради того чтобы лишний раз — в том или ином контексте — восславить Кутузова, наши историки дружно повторяют даже опровергнутые домыслы, не гнушаясь при случае и подтасовкой фактов. Вот два примера, связанных с назначением Кутузова главнокомандующим.

Стереотипным от частой повторяемости стал тезис о том, что первый в России в 1812 г. армейский партизанский отряд был «создан Кутузовым» под командованием Дениса Давыдова 22 августа<sup>2</sup>. Между тем еще в начале XX в. было доказано, что первый такой отряд создан М.Б. Барклаем-де-Толли под командованием генерал-майора Ф.Ф. Винценгероде 21 июля 1812 г. Действия его подробно описаны двумя офицерами отряда, жизненные пути которых после 1812 г. диаметрально разошлись, — декабристом С.Г. Волконским и шефом жандармов А.Х. Бенкендорфом<sup>3</sup>. Конечно, для русского слуха сочетание «Кутузов и Давыдов» звучит приятнее, «патриотичнее», чем «Барклай-де-Толли и Винценгероде», но только ради этого исказить очевидные факты недопустимо, тем более что истинное начало партизанских действий на месяц раньше, чем это изображается в нашей литературе, делает честь России.

<sup>1</sup> Тучков П.А. Мои воспоминания о 1812 г. // Русский архив. 1873. № 10. С. 1963.

<sup>2</sup> Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 125; Киняпина Н.С. Указ. соч. С. 81; Жилин П.А. Указ. соч. С. 254—255; История военного искусства / Под ред. Е.А. Разина. М., 1956. Т. 1. С. 211; Вершигора П.П. Военное творчество народных масс. М., 1961. С. 400; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 479; Строков А.А. История военного искусства. М., 1965. Т. 2. С. 177; Окунь С.Б. История СССР. Лекции. А., 1978. Ч. 2. С. 23—24; Серебряков Г.В. Денис Давыдов. М., 1985. С. 235; Беляев Ю.А. Свидания через века. М., 1988. С. 219; Андрианова И.А. Спаситель Отечества: Жизнеописание М.И. Голенищева-Кутузова. М.; Смоленск, 1999. С. 272—273.

<sup>3</sup> См.: ВУА. Т. 17. С. 155, 157; Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 202—225; Бумаги П.И. Щукина. Т. 7. С. 249—256. Подробно об отряде см.: Троицкий Н.А. Первый армейский партизанский отряд в России 1812 г. (отряд Ф.Ф. Винценгероде) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 1997. Вып. 2.

Второй пример. Автор одной из последних обобщающих работ о войне 1812 г., В.Г. Сироткин, «развивая» не вполне уверенные суждения Н.Ф. Гарнича и Л.Г. Бескровного, категорично заключает: «Только после приезда М.И. Кутузова в действующую армию появились прокламации к крестьянам организовывать сопротивление захватчикам, оживилась работа походной типографии при Главной квартире, — словом, появилась патриотическая русская публицистика»<sup>1</sup>. Между тем за 20 лет до издания работы В.Г. Сироткина в специальном исследовании А.Г. Тартаковского<sup>2</sup> подробно освещена «патриотическая русская публицистика» (включая «прокламации к крестьянам»), которая создавалась при штабе Барклая-де-Толли до назначения главнокомандующим Кутузова.

Итак, 5 августа Чрезвычайный комитет постановил рекомендовать Кутузова к избранию на пост главнокомандующего всеми русскими армиями, 6-го князь А.И. Горчаков доложил Александру I об этом постановлении, а 7 августа Кутузов был приглашен в резиденцию Императора на Каменном острове. Александр I с присущей ему любезностью (которую он проявлял при необходимости даже к тем, кого терпеть не мог) принял «одноглазого старого сатира» и объявил ему о своем решении назначить его главнокомандующим. Далее последовала сцена, о которой известно со слов дежурившего в тот день на Каменном острове графа Е.Ф. Комаровского.

«Выходя из кабинета Его Величества, генерал Кутузов сказал мне:

— Дело решено, я назначен главнокомандующим армиями, но, затворяя уже дверь кабинета, я вспомнил, что у меня ни полушки нет денег на дорогу. Я воротился и сказал: «Mon maitre, je n'ai pas un sou d'argent»<sup>3</sup>. Государь пожаловал мне 10 000 рублей»<sup>4</sup>. 8 августа последовал и официальный рескрипт Александра I о назначении Кутузова.

<sup>1</sup> Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 169. Курсив мой. — Н. Т. Ср.: Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 101; М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. IX.

<sup>2</sup> Тартаковский А.Г. Военная публицистика. 1812 г. М., 1967.

<sup>3</sup> Государь, у меня нет ни копейки денег (*фр.*).

<sup>4</sup> Записки графа Е.Ф. Комаровского. С. 121.

Такова документально засвидетельствованная хронология событий с 5-го по 8 августа 1812 г. Она опровергает распространенную (от П.А. Жилина до И.А. Андриановой) версию, будто Александр I «не сразу согласился с предложением комитета. Три дня он размышлял и только после этого решился подписать указ <...>»<sup>1</sup>.

Следующие два дня Кутузов готовился к отъезду в армию. 11 августа с утра он выстоял на коленях молебен в Казанском соборе при большом стечении горожан (которые бурно его приветствовали), возложил на себя из рук протоиерея Иоанна образ Казанской Божьей Матери и в тот же день отбыл к армии<sup>2</sup>. Ехал он через Новгород, Торжок, Гжатск навстречу 1-й армии, с которой и встретился 17 августа в с. Царево-Займище между Вязьмой и Гжатском. По дороге с каждой почтовой станции новый главнокомандующий рассылал курьеров к М.Б. Барклаю-де-Толли, А.П. Тормасову, П.В. Чичагову, Ф.В. Ростопчину, командующему резервным корпусом М.А. Милорадовичу с уведомлениями о своем назначении и с запросами о подготовке, а главное, об отправке резервов в действующую армию<sup>3</sup>. В Торжке Кутузов встретил барона Л.Л. Беннигсена, которого Барклай-де-Толли только что выпроводил из армии за критиканство. Михаил Илларионович объявил Беннигсену поведение Александра I занять пост начальника Главного штаба соединенных армий и взял барона — уже в этом качестве — с собой.

Тем временем Барклай-де-Толли, еще не зная о назначении Кутузова, выбрал позицию у Царева-Займища с намерением дать Наполеону генеральное сражение. К тому моменту соотношение сил россиян и французов в ходе войны почти выровнялось. Наполеон, по данным на 13 августа, имел против армий Барклая и Багратиона 155 675 человек<sup>4</sup>, а обе русские армии, по данным на 17 августа, — 100 453 кадровых воина,

<sup>1</sup> Жилин П.А. Указ. соч. С. 152; Мелентьев В.Д. Указ. соч. С. 142; Андрианова И.А. Указ. соч. С. 201—202.

<sup>2</sup> См.: Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 296.

<sup>3</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 79—81, 83—84, 90—92, 101.

<sup>4</sup> Chamberlain G. Op. cit. V. 2. P. 18—19.

10 тыс. ополченцев и более 11 тыс. казаков<sup>1</sup>, т. е. всего 121,5 тыс. человек. К ним именно в Царево-Займище 18 августа присоединился корпус Милорадовича из 15,5 тыс. бойцов<sup>2</sup>, что доводило численность русских армий до 137 тыс. человек. Позднее Барклай напишет об этом царю: «Когда я почти довел до конца <...> свой план и был готов дать решительное сражение, князь Кутузов принял командование армией»<sup>3</sup>.

И на полупути был должен наконец  
Безмолвно уступить и лавровый венец,  
И власть, и замысел, обдуманый глубоко... —

так писал о Барклае-де-Толли А.С. Пушкин<sup>4</sup>.

По мнению Ю.Н. Гуляева и В.Т. Соглаева, позиция при Царево-Займище была однозначно «невыгодной», причем будто бы именно так считали «многие офицеры корпусного (? — Н. Т.) звена»<sup>5</sup>. В действительности известен лишь один такой отзыв офицера квартирмейстерской части А.А. Щербинина (из историков с ним соглашался П.А. Жилин). Зато герои 1812 г. А.П. Ермолов, М.А. Фонвизин, А.Н. Муравьев, а из историков — М.И. Богданович, В.И. Харкевич, Н.П. Поликарпов, А.Н. Кочетков, В.П. Тотфалушин признали позицию, избранную Барклаем-де-Толли, выгодной<sup>6</sup>. Сам Кутузов, прибыв в Царево-Займище к армии, тоже «нашел позицию выгодной и приказал ускорить работы» по ее оборудованию, но затем вдруг велел ее оставить<sup>7</sup> как невыгодную<sup>8</sup>. Внезапность такой пере-

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1263, оп. 2, д. 29, л. 270—271. 11 тыс. казаков было под Бородином (Труды МО ИРВИО. 1913. Т. 4. Ч. 1. С. 502—503, 509, 522—523) после небольших потерь в арьергардных боях с 17-го по 24 августа.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 94.

<sup>3</sup> Харкевич В.И. Переписка имп. Александра и Барклая-де-Толли в Отечественную войну // Военный сб. 1904. № 1. С. 238.

<sup>4</sup> Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 2. С. 272.

<sup>5</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 296 (без ссылки на какие-либо источники).

<sup>6</sup> Подробно об этом (со ссылками на первоисточники) см.: Тотфалушин В.П. М.Б. Барклай-де-Толли в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1991. С. 76—77; Богданович М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 119—120, 126.

<sup>7</sup> Барклай-де-Толли М.Б. Изображение военных действий 1-й армии. СПб., 1912. С. 23; Богданович М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 125.

<sup>8</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 97.



мены в кутузовских оценках Барклай раздраженно объяснял нежеланием главнокомандующего делить славу с тем, кто эту позицию выбрал<sup>1</sup>.

Впрочем, Кутузов называл и другую причину, почему он оставил позицию при Цареве-Займище: «для еще удобнейшего укомплектования» армии за счет подходивших резервов<sup>2</sup>. Именно этот тезис Кутузова, как заметил В.П. Тотфалушин, «является в исторической литературе основным и общепринятым», хотя один из самых авторитетных знатоков войны 1812 г. и почитателей Кутузова А.Н. Попов резонно полагал, что «можно было бы их (резервы. — Н. Т.) обождать и у Царева-Займища»<sup>3</sup>.

Как бы то ни было, при первой же встрече с армией в Цареве-Займище 17 августа Кутузов воскликнул (в присутствии Барклая-де-Толли): «Ну как можно отступать с такими молодцами!»<sup>4</sup> На следующий день был отдан его приказ... продолжать отступление.

Смысл этого приказа и реакцию на него солдат, офицеров и генералов можно понять только с учетом того, как встретила армия назначение и приезд Кутузова. Расхожее до сих пор мнение о том, что Кутузов был встречен «всеобщим, от солдата до генерала, ликованием»<sup>5</sup>, преувеличивает истинную картину. Русский генералитет, который хорошо знал Михаила Илларионовича не только как военачальника, но и как царедворца, просто как личность, встретил его назначение главнокомандующим по-разному. Барклай-де-Толли, хотя и был задет этим назначением больше, чем кто-либо, принял его благородно. «Счастливый ли это выбор, только Богу известно, — напи-

<sup>1</sup> Барклай-де-Толли М.Б. Указ. соч. С. 23. Это суждение Барклая целиком разделял М.А. Фонвизин (см.: Соч. и письма. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 164).

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 96.

<sup>3</sup> Тотфалушин В.П. Указ. соч. С. 77; Попов А.Н. Москва в 1812 г. // Русский архив. 1875. № 10. С. 155.

<sup>4</sup> Богданович М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 125.

<sup>5</sup> Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 82. См. также: Богданович М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 125; Бескровный А.Г. Указ. соч. С. 361; История России. С начала XVIII до конца XIX в. М., 2000. С. 312.

сал он 16 августа жене. — Что касается меня, то патриотизм исключает всякое чувство оскорбления»<sup>1</sup>.

Зато Багратион не скрывал своего недовольства. Он еще в сентябре 1811 г., перед угрозой нашествия Наполеона, уведомлял военного министра, что Кутузов «имеет особенный талант драться неудачно»<sup>2</sup>, а теперь, узнав о назначении Кутузова главнокомандующим, возмущался: «Хорош и сей гусь, который назван и князем и вождем! Если особенного он повеления не имеет, чтобы наступать, я вас уверяю, что тоже приведет (Наполеона. — Н. Т.) к вам, как и Барклай <...>. Теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабы и интриги»<sup>3</sup>. Между прочим, эти отзывы Багратиона рубят под корень модный у нас (хотя и совершенно голословный) тезис о нем как об «ученике», даже «лучшем ученике» Кутузова<sup>4</sup>. Не могут ученики (особенно лучшие) так низко ставить своих учителей!

Для Багратиона Кутузов был вторым Барклаем. «Руки связаны, как прежде, так и теперь», — жаловался он Ростопчину 22 августа с Бородинского поля<sup>5</sup>.

Неодобрительно встретили назначение Кутузова и такие герои 1812 г., как генерал от инфантерии М.А. Милорадович, считавший Михаила Илларионовича «низким царедворцем»<sup>6</sup>; генерал от инфантерии Д.С. Дохтуров, которому интриги Кутузова внушали «отвращение»<sup>7</sup>; генерал-лейтенант

<sup>1</sup> Русская старина. 1912. № 12. С. 633.

<sup>2</sup> ВУА. Т. 5. С. 74.

<sup>3</sup> Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 101 (П.И. Багратион — Ф.В. Ростопчину 16 августа 1812 г.).

<sup>4</sup> Полосин И.И. П.И. Багратион. М., 1948. С. 69; Роступов И.И. П.И. Багратион. М., 1957. С. 3, 123; Грибанов В.К. Багратион в Петербурге. Л., 1979. С. 8; Михайлов О.Н. Генерал Ермолов. М., 1983. С. 181; Рязанов Н.И. Указ. соч. С. 546.

<sup>5</sup> Дубровин Н.Ф. Указ. публ. С. 109. Если верить Ф.В. Ростопчину, Багратион в те дни называл Кутузова «мошенником, способным изменить за деньги» (Пожар Москвы. М., 1911. Т. 2. С. 53).

<sup>6</sup> Из воспоминаний А.И. Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1897. № 6. С. 467.

<sup>7</sup> Письма Д.С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 1. С. 1100.

Н.Н. Раевский («Переменив Барклая, который не великий полководец, мы и тут потеряли»<sup>1</sup>).

Кутузов, желая смягчить неприязнь к себе, по крайней мере, Барклая-де-Толли и Багратиона, сделал примирительный жест: оставил того и другого *главнокомандующими* (соответственно 1-й и 2-й армиями), в подчинении у себя как верховного главнокомандующего.

Офицеры и, особенно, солдатская масса встретили Кутузова-главнокомандующего поистине с ликованием. Солдаты не знали Кутузова-царедворца, «куртизана» и «сатира», но Кутузов-военачальник, мудрый, заботливый, с русским именем, был им хорошо знаком и симпатичен. Поэтому известие о назначении Кутузова порадовало их «не менее выигранного сражения»<sup>2</sup>. С приездом Кутузова в армию сразу родилась поговорка:

Барклая-де-Толли  
Не будет уж боле.  
Приехал Кутузов  
Бить французов<sup>3</sup>.

Впрочем, не только армия, но и вся Россия воодушевилась тогда надеждой на переход затянувшегося отступления к контрнаступлению. Кутузов со своей стороны поощрял эту надежду — с того момента, когда на аудиенции у Александра I он услышал из царских уст о своем назначении. Близкая к царю графиня Р.С. Эдлинг (урожденная Стурдза) свидетельствовала: «Прощаясь с государем, генерал Кутузов уверял его, что он скорее ляжет костью, чем допустит неприятеля к Москве (это его собственное выражение)»<sup>4</sup>. Свидетельство графини подтверждают документы самого Кутузова. В день прибытия к армии (17 августа) он написал Ростопчину: «По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России»<sup>5</sup>. Отступив 18 августа из Царева-Займища в поисках лучшей позиции и

<sup>1</sup> Личные письма ген. Н.Н. Раевского // 1812—1814. М., 1992. С. 218, 226.

<sup>2</sup> Муравьев Н.Н. Записки // Русский архив. 1885. № 10. С. 244.

<sup>3</sup> Соколова А.И. Северный сфинкс. Исторический этюд. СПб., 1912. С. 97.

<sup>4</sup> Из записок гр. Эдлинг // Русский архив. 1887. № 1. С. 217.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 90.

«для еще удобнейшего укомплектования», Кутузов уже на следующий день письменно заверил фельдмаршала Н.И. Салтыкова и самого царя в том, что он сразится с Наполеоном «для спасения Москвы»<sup>1</sup>. 20 августа Михаил Илларионович дал знать о том же командующему Молдавской (теперь она называлась Дунайской) армией адмиралу П.В. Чичагову: «Настоящий мой предмет есть спасение Москвы»<sup>2</sup>. Начальник московского ополчения И.И. Морков 24 августа (за два дня до Бородинской битвы) передал Ростопчину такое речение Кутузова: «Нельзя его (Наполеона. — Н. Т.) допустить до Москвы. Пустя его туда, вся Россия будет его»<sup>3</sup>.

Итак, с позиции в Царева-Займище Кутузов приказал отступить едва ли «в пику Барклаю-де-Толли», как считали К. Маркс и Ф. Энгельс (вслед за самим Барклаем<sup>4</sup>), а скорее все-таки с надеждами, во-первых, подыскать до Москвы еще более выгодную позицию и, во-вторых, получить к тому времени подкрепление из только что сформированных полков московского ополчения. Сражение за Москву Кутузов, судя по всему, считал обязательным и неизбежным. Более того, он допускал, что первое сражение будет проиграно, и тогда потребуются второе, но защитить Москву необходимо. «Ежели буду побежден, — писал он Ростопчину 22 августа с Бородинского поля, — то пойду к Москве и там буду оборонять столицу»<sup>5</sup>.

Допуская, что он может проиграть Наполеону одно (а может быть, и не одно) сражение, Кутузов был убежден в том, что непременно выиграет войну, ибо война со стороны России обрела уже национальный, *отечественный* характер. В такой войне, когда силы армии удваиваются от единения ее с народом, Михаил Илларионович рассчитывал одолеть Наполеона — не разбить, так обмануть. Его адъютант А.И. Михайловский-Данилевский слышал, как он говорил о Наполеоне: «Разбить он меня

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 97, 106.

<sup>2</sup> Там же. С. 113.

<sup>3</sup> Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сб. документов. М., 1962. С. 71.

<sup>4</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 93.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 126.

может, но обмануть — никогда»<sup>1</sup> Об аналогичных высказываниях Кутузова вспоминали и другие свидетели. В последний вечер перед отъездом к армии в качестве главнокомандующего он так сказал Надежде Никитичне Голенищевой-Кутузовой, жене своего племянника Л.И. Голенищева-Кутузова, в присутствии скульптора и медальера, почетного члена (будущего вице-президента) Академии художеств графа Ф.П. Толстого: «Я бы ничего так не желал, как обмануть Наполеона»<sup>2</sup>. А в самый день отъезда Михаил Илларионович «на все приветствия отвечал: «Не победить, а дай Бог обмануть Наполеона»<sup>3</sup>

Кутузов уважительно оценивал полководческий гений Наполеона (мощь которого он испытал на себе при Аустерлице). Вот характерный факт из воспоминаний А.И. Михайловского-Данилевского: «Увлеченный молодостью лет, употребил я несколько укорительных выражений против Наполеона. Кутузов остановил меня, сказав: «Молодой человек, кто дал тебе право издеваться над одним из величайших полководцев? Уничтожь неуместную брань»<sup>4</sup>. В победные для России дни 1812 г. Кутузову интересно было узнать, что думает о нем Наполеон. Бывший паж Людовика XVI, а затем наполеоновский офицер граф П.А. Боволье, взятый в плен русскими под Боровском, вспоминал о диалоге, который вел с ним Кутузов: «Какого мнения Наполеон обо мне?» — «Он вас опасается и не иначе называет, как старой лисой Севера». — «Постараюсь доказать, что он не ошибается»<sup>5</sup>.

Наполеон со своей стороны тоже интересовался Кутузовым. Не зря министр иностранных дел Франции Г.Б. Маре в апреле 1812 г. говорил русскому послу князю А.Б. Куракину, что в случае войны между Францией и Россией «император Александр будет находиться лично при войсках, имея при себе

<sup>1</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Т. 3. С. 145.

<sup>2</sup> Записки графа Ф.П. Толстого // Русская старина. 1873. № 2. С. 137.

<sup>3</sup> Глинка С.Н. Записки о 1812 г. СПб., 1836. С. 35—36.

<sup>4</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Александр I и его сподвижники в 1812 г. СПб., 1846. Т. 3. Вып. 53. Тетр. 1. С. 70.

<sup>5</sup> Записки современников о 1812 г. (граф Боволье) // Русская старина. 1893. № 1. С. 25. В указ соч. Н.К. Шильдера (Т. 3. С. 98) последняя фраза цит. иначе: «Постараюсь доказать великому полководцу, что он прав».

Кутузова»<sup>1</sup>. Сам Наполеон «расхваливал ум Кутузова» и был рад его назначению главнокомандующим, ибо «медлительный характер Барклая изводил его»; Кутузов же, по словам Наполеона, «не мог приехать для того, чтобы продолжить отступление: он, наверное, даст нам бой, проиграет его и сдаст Москву»<sup>2</sup>. Впрочем, после того, как Кутузов еще на неделю продолжил отступление, в канун Бородинской битвы Наполеон заговорил «о медлительности и нерадивости» Кутузова, удивляясь «тому, что его предпочли Беннигсену»<sup>3</sup>.

Действия Кутузова от Царева-Займища до Бородина объяснялись историками по-разному. Сегодня уже нельзя принять всерьез заключение М.Н. Покровского о том, что Кутузов равно хотел и отступать (по необходимости), и сражаться (вынужденно), т. е. «убить двух зайцев, бегущих в разные стороны»<sup>4</sup>. Трудно согласиться и с позицией П.А. Жилина, полагая (справедливо), что Кутузов предпринял Бородинское сражение «по собственной инициативе», отвергал как несостоятельные все, кроме внутреннего убеждения самого Кутузова, объяснения этой инициативы<sup>5</sup>. Между тем по крайней мере два из них настолько очевидны, что оспорить их невозможно.

Во-первых, Кутузов просто обязан был считаться с общественным мнением — сражения требовали царь и дворянство, армия и народ, вся Россия. Во-вторых, Наполеон, предвкушая скорый захват Москвы, усилил как нельзя более преследование русской армии, фактически не выпуская ее из боя. С 17-го по 25 августа аррьергарды М.И. Платова и П.П. Коновницына «ежедневно, с утра до позднего вечера, а иногда и ночью, задерживали стремительный натиск французского авангарда»<sup>6</sup>. Так, под Гжатском

<sup>1</sup> Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Полн. собр. соч. СПб., 1850. Т. 5. С. 482.

<sup>2</sup> Коленкур А. Мемуары. С. 127, 128.

<sup>3</sup> Segur Ph.-P. Op. cit. Т. 1. P. 353; Rapp J. Mémoires. Paris, 1895. P. 212.

<sup>4</sup> Н.Н. Война 1812 г. // Правда (№ 1—204). 1912. Вып. 4 (№ 80—105). М., 1934. С. 285.

<sup>5</sup> Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. С. 161—162.

<sup>6</sup> Поликарпов Н.П. К истории Отечественной войны 1812 г. По первоисточникам. М., 1911. Вып. 2. С. 3—4.

20 августа арьергард Коновницына выдержал 13-часовой бой, сменив на протяжении 17 км 8 позиций, а 23 августа у с. Гриневево 10 часов отбивал атаки врага, останавливаясь в 5 позициях<sup>1</sup>. Н.П. Поликарпов, обстоятельно, по архивным источникам исследовавший все эти бои, отметил, что даже дотошный М.И. Богданович почти ничего о них не сказал. П.А. Жилин ни об одном из них вообще не упоминает. А ведь они были существенно значимы, ибо так сближали враждебные армии, что генеральное сражение становилось неизбежным, если бы даже Кутузов не планировал его «по собственной инициативе».

22 августа русская армия остановилась и начала закрепляться на позиции возле большого селения в 124 км перед Москвой. Когда Наполеон увидел это, он спросил, как называется селение. Ему ответили: Бородино.

## 2. БОРОДИНО

«Позиция, в которой я остановился при деревне Бородино <...>, — доносил Кутузов царю 23 августа, — одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством»<sup>2</sup>.

Выбор позиции для генерального сражения всегда считался важным условием победы. Наполеон говорил, что вообще «война — это мастерство позиции»<sup>3</sup>. Русскую позицию у Бородина специалисты (начиная с участников Бородинской битвы) расценивали по-разному: например, генералы П.И. Багратион и А.П. Ермолов и такие авторитеты, как К. Маркс и Ф. Энгельс, критиковали ее<sup>4</sup>, советские историки больше хвалили<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Поликарпов Н.П. Указ. соч. С. 32, 46.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 129.

<sup>3</sup> Ralluel A. Dictionnaire de l'empereur. Paris, 1969. P. 554.

<sup>4</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 184—185; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 93, 257.

<sup>5</sup> Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 140; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 368—370; Жилин П.А. Указ. соч. С. 163—164; Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 89—90.

Здесь нет ничего удивительного. Как подметил еще К. Клаузевиц (из советских историков — Е.В. Тарле и А.Н. Кочетков; в последнее время — В.Н. Земцов), «эта позиция имела свои и выгодные и невыгодные стороны»<sup>1</sup>, тем более что долго выбирать ее под натиском французов не было времени. В тот самый день, 22 августа, когда русская армия занимала бородинскую позицию, П.И. Багратион написал Ф.В. Ростопчину: «Все выбираем места и все хуже находим»<sup>2</sup>.

Сам Кутузов в донесении царю хотя и назвал позицию у Бородина «одной из наилучших», но с оговоркой («на плоских местах»), и прямо указал на ее «слабое место». Тем не менее в целом позиция отвечала главным требованиям предстоявшей битвы. Во-первых, она изобиловала естественными укреплениями. Ее фронт справа и в центре был прикрыт высоким (более 20 м) берегом р. Колочи, правый фланг упирался в Москву-реку, а левый — в труднопроходимый Утицкий лес. Главное же, позиция позволила русской армии «осесть» обе дороги к Москве — Старую Смоленскую и Новую Смоленскую.

Слабость русской позиции заключалась прежде всего в том, что ее левый фланг был открыт для фронтального удара. Поэтому Кутузов распорядился прикрыть его инженерными сооружениями (*флешами*<sup>3</sup>) у д. Семеновская, а потом и «загнуть оный» к флешам<sup>4</sup>. Таким образом, к началу битвы левый фланг был укреплен, но зато преломилась боевая линия русской позиции, образуя в центре, у Курганной высоты, исходящий угол, что дало французам «выгоду продольных выстрелов»: их батареи, действовавшие против русского

<sup>1</sup> Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 85—88; Тарле Е.В. Соч. Т. 7. С. 563; Кочетков А.Н. О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // Военно-исторический журнал. 1963. № 12. С. 37; Земцов В.Н. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999. С. 57.

<sup>2</sup> Дубровин Н.Ф. Указ. публ. С. 109.

<sup>3</sup> Флешь (*фр. flèche* — стрела) — полевое укрепление (ров, окоп) в форме тупого угла, обращенного вершиной к противнику.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 144.

левого фланга, «поражали в тыл войска центра и правого фланга»<sup>1</sup>.

Заняв такую (с очевидными плюсами и минусами) позицию, Кутузов рассчитывал принять на ней и отразить лобовой удар противника, но сохранял за собой и возможность уклониться от боя в случае, если бы Наполеон попытался его обойти. «Желаю, — доносил он царю 23 августа, — чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе. Но ежели он, найдя мою позицию крепкою, маневрировать станет по другим дорогам, ведущим к Москве, тогда не ручаюсь, что, может быть, должен идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся»<sup>2</sup>. В любом случае Кутузов считал своей главной задачей не пустить врага к Москве. «Как бы то ни было, — писал он царю с Бородинского поля перед битвой, — Москву защищать должно»<sup>3</sup>. Тем самым он подтверждал свои (цитированные ранее) заверения в письмах от 17—20 августа к Н.И. Салтыкову, Ф.В. Ростопчину, И.И. Моркову, П.В. Чичагову и к самому царю о том, что «настоящий предмет» его — это «спасение Москвы», ибо «с потерей Москвы соединена потеря России».

При этом Михаил Илларионович учитывал возможность и успеха, и неудачи в сражении. «При счастливом отпоре неприятельских сил, — гласит его диспозиция 24 августа, — дам собственные повеления на преследование его <...>. На случай неудачного дела несколько дорог открыто, которые сообщены будут гг. главнокомандующим (Барклаю-де-Толли и Багратиону. — Н. Т.) и по коим армии должны будут *отступать*»<sup>4</sup>.

С утра 24 августа, когда русская позиция слева еще не была оборудована, французы подступили к ней. Чтобы выиграть время для инженерных работ, Кутузов приказал задержать противника у д. Шевардино. Здесь еще не был достроен пятиугольный

редут, который вначале служил частью позиции русского левого фланга, а после того как левый фланг «загнули» к флешам, стал отдельной передовой позицией. Наполеон, как только он увидел перед собой (в 3-м часу пополудни) Шевардинский редут, приказал взять его — редут мешал французской армии развернуться. Три отборные дивизии из корпуса маршала Л.Н. Даву и польская кавалерия князя Ю. Понятовского пошли на приступ.

Редут и подступы к нему защищали примерно 18 тыс. русских воинов. Командовал ими генерал-лейтенант князь Ан.И. Горчаков (брат управляющего Военным министерством Ал.И. Горчакова, племянник А.В. Суворова, отличившийся в Итальянском и Швейцарском походах своего великого дяди, в 20 лет (!) уже генерал). Штурмовали редут вдвое большие силы — до 36 тыс. французов. Бой был ожесточенным<sup>1</sup>. Редут несколько раз переходил из рук в руки. Только в 11-м часу ночи французы после ужасной резни в ночном мраке и пороховом дыму овладели редутом, потеряв за время боя 4—5 тыс. человек (русские потери В.Н. Земцов определил в 6 тыс. человек).

Шевардинский бой стал своеобразным прологом Бородинской битвы, наподобие поединков богатырей перед битвами средневековья. Каждая сторона могла быть довольной итогами этого боя и в то же время оценить силу противника. С одной стороны, Кутузов успел дооборудовать свою позицию и определить наиболее вероятное направление главного удара французов — по левому крылу русских, но и ощутил, сколь мощным будет наполеоновский удар в генеральном сражении. «Вчера, — написал он жене 25 августа, — на моем левом фланге было дело адское»<sup>2</sup>. С другой стороны, Наполеон, взяв Шевардинский редут, получил возможность развернуть свою армию перед фронтом противника и занять выгодный плацдарм для атаки русского левого фланга. При этом, однако, он увидел, какова перед генеральным сражением мощь обороны и возможного контрудара русских.

<sup>1</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 187; Ратч В.Ф. Публичные чтения, читанные гг. офицерам гвардейской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1861. № 11. С. 841.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 129.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. С. 143—144. Курсив мой. — Н. Т.

<sup>1</sup> Наиболее подробное и точное описание Шевардинского боя см. в указ. соч. В.Н. Земцова (С. 30—48).

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 146.

Весь следующий день — 25 августа — обе стороны готовились к генеральной битве. Посмотрим, каковы были силы и боевые порядки сторон на Бородинском поле.

Сведения о численности армий под Бородином крайне разноречивы. Советские историки чаще всего насчитывали в русской армии к началу сражения 120 тыс. человек (включая сюда регулярные войска, казаков и ополченцев) и 640 орудий. Эти же цифры называли почти все русские дореволюционные и некоторые зарубежные авторы (Ф.-П. Сегюр, К. Клаузевиц, К. Грюнвальд). Но приводились и другие данные: 126 тыс. (Л.Г. Бескровный), 127 800 (Е.В. Тарле), 130 тыс. (Л.П. Богданов), 132 тыс. (Д.П. Бутурлин), 133 тыс. (К. Даффи), 133 500 (Ж. Тири). Между тем столь авторитетные, совокупно еще не мобилизованные источники, как строевые рапорты, позволили мне к 1987 г. уточнить все эти подсчеты<sup>1</sup>.

1-я армия по ведомости от 24 августа насчитывала (без казаков и ополченцев) 75 541 человека<sup>2</sup>. По 2-й армии есть данные на 17 августа: 34 925 человек (тоже без ополченцев и казаков)<sup>3</sup>. 19 августа 2-я армия получила 4976 человек пополнения<sup>4</sup>, а в арьергардных боях 20—23 августа, от Гжатска до Шевардина, потеряла 140 солдат и офицеров<sup>5</sup>. Таким образом, к 24 августа в ней было 39 761 человек. Итого регулярных войск к началу Бородинской битвы или, точнее, к началу Шевардинского боя, который можно считать первым (вступительным) актом Бородина, Кутузов имел 115 302 человека.

Численность казаков все отечественные (и царские и советские) исследователи до 1987 г. определяли в 7 тыс. человек. Эта цифра взята на веру из «Описания сражения при селе Бородине...» К.Ф. Толя<sup>6</sup>, которое не заслуживает такого доверия, поскольку грешит явными ошибками в цифрах (напри-

<sup>1</sup> См.: Троицкий Н.А. День Бородина // Знамя. 1987. № 8. С. 195. Подробнее в моей кн. «1812. Великий год России» (М., 1988. С. 141—142).

<sup>2</sup> Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 75.

<sup>3</sup> Там же. С. 27.

<sup>4</sup> Там же. С. 32.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 712—713.

<sup>6</sup> Бородино. С. 320.

мер, армия Наполеона увеличена в нем до 185 тыс. человек и 1000 орудий, а русские потери уменьшены до 25 тыс. человек). Зато надежен такой источник, как составленное по войсковым ведомостям расписание казаков от 26 августа 1812 г.: в 1-й армии — Отдельный казачий корпус атамана Войска Донского и генерала от кавалерии М.И. Платова в 5 тыс. человек и «правый наблюдательно-охранительный отряд» полковника М.Г. Власова — еще 2 тыс. сабель; во 2-й армии — «левый наблюдательно-охранительный отряд» генерал-майора А.А. Карпова в 4 тыс. человек<sup>1</sup>. Выходит, казаков при Бородине было 11 тыс.

Остается выяснить, какова была численность народного ополчения. Почти все русские (как дореволюционные, так и советские) историки — от Д.П. Бутурлина до П.А. Жилина — называли одни и те же цифры: 7 тыс. ратников Московского ополчения и 3 тыс. — Смоленского, всего 10 тыс. ополченцев. Эти цифры заимствованы из того же «Описания» К.Ф. Толя. Между тем, согласно «Ведомости Московской военной силы», только московских ополченцев при Бородине было 20 748 человек, из которых «в расход» (на боевые позиции) пошли 18 124 рядовых, 303 офицера и 11 генералов<sup>2</sup>. Из Смоленского ополчения, как это засвидетельствовал еще герой 1812 г. Ф.Н. Глинка, а в 1962 г. исследовательски подтвердил В.И. Бабкин<sup>3</sup>, приняли участие в Бородинской битве не менее 10 тыс. ратников. Всего, таким образом, сражались при Бородине 28,5 тыс. ополченцев.

Подытожим полученные данные. Регулярных войск — 115 302 человека, казаков — 11 тыс., ополченцев —

<sup>1</sup> Труды МО ИРВИО. 1913. Т. 4, ч. 1. С. 502—503, 509, 522—523.

<sup>2</sup> Володин П.М. О роли и численности Московского народного ополчения 1812 г. // Исторические записки. 1962. Т. 72. С. 252—253. О числе офицеров и генералов см.: Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 86—89. П.Я. Алешкин и В.Г. Головников насчитали «в расход» под Бородином даже 19 104 ратника Московского ополчения (Вопросы истории. 1962. № 9. С. 30), но их подсчеты менее убедительны.

<sup>3</sup> Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1987. С. 312; Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962. С. 114.

28,5 тыс. человек. Сложив эти цифры, мы определим общую численность русской армии на Бородинском поле: 154,8 тыс. человек. Она имела 640 орудий (эту цифру можно считать общепринятой).

С 1987 г. и другие историки занялись пересмотром ранее «неприкасаемых» данных о численности русских войск при Бородине: С.В. Шведов насчитал по совокупности разных ведомостей 157 тыс. человек<sup>1</sup>, А.А. Васильев и А.А. Елисеев — около 150 тыс.<sup>2</sup>. По сравнению с их выкладками приверженность Ю.Н. Гуляева, В.Т. Соглаева, Б.С. Абалихина старой «бутурлинско-жилинской» цифри<sup>3</sup> сегодня выглядит архаично.

Французская армия, по мнению советских историков, имела при Бородине 130—135 тыс. человек (не более)<sup>4</sup> и 587 орудий. Русские дореволюционные исследователи были такого же мнения. Французские и некоторые другие зарубежные авторы (Ф.-П. Сегюр, А. Фэн, Ж. Пеле, Ж. Тири, Ф. Меринг, В. Скотт) чаще называют 120—126 тыс. Наиболее достоверны опубликованные Ж. Шамбре данные переключки «Великой армии» за 21 августа с указанием численности каждого корпуса, включая части, откомандированные в тот день от армии, но присоединившиеся к ней 26 августа: 133 819 человек и 587 орудий<sup>5</sup>. В.Н. Земцов полагает, что данные Шамбре надо скорректировать за счет прибывших и выбывших между 21-м и 26 августа, после чего останется цифра 126—127 тыс. бойцов<sup>6</sup>. Возможно, он прав. В любом случае оказывается, что численный перевес под Бородином был на стороне россиян. Таким образом, уточненные подсчеты свидетельствуют, что в ходе

<sup>1</sup> Шведов С.В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 г. // История СССР. 1987. № 4. С. 134.

<sup>2</sup> Васильев А.А., Елисеев А.А. Русские соединенные армии при Бородине 24—26 августа 1812 г. М., 1996. С. 44—46.

<sup>3</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 306; Абалихин и Б.С. 1812 год: актуальные проблемы истории. Элиста, 2000. С. 35.

<sup>4</sup> Только Б.С. Абалихин в его указ. соч. (С. 36) поднимал численность «Великой армии» при Бородине до 150 тыс.

<sup>5</sup> Chambray G. Op. cit. V. 2. P. 33.

<sup>6</sup> Земцов В.Н. Указ. соч. С. 58.

войны 1812 г. русское командование уже к Бородинской битве сумело изменить соотношение сил в свою пользу. Здесь важно подчеркнуть, что и артиллерия россиян количественно превосходила французскую: 640 орудий против 587.

Правда, регулярных войск у Кутузова было лишь 115,3 тыс., тогда как все 134 тыс. (или даже 126—127 тыс.) солдат Наполеона кадровые, регулярные войска. Но вся гвардия Наполеона (по разным источникам, 18,9 тыс.<sup>1</sup> или 21 тыс.<sup>2</sup> лучших, отборных солдат) не участвовала в битве<sup>3</sup>.

Кутузов, по данным своей разведки и «по расспросам пленных», насчитывал у Наполеона 165 тыс. человек, находя, впрочем, эти данные «несколько увеличенными»<sup>4</sup>. Мог он учитывать и более достоверные данные, которыми еще 8 августа располагал П.И. Багратион: «Неприятельские силы <...> должны составлять 120 или 150 тыс. Количества сего мы не имеем вовсе причины страшиться»<sup>5</sup>. Если Кутузов несколько преувеличивал силы своего противника, то Наполеон примерно в той же пропорции их преуменьшал: 120—130 тыс. человек<sup>6</sup>. Поэтому вполне оправдан наступательный характер сражения со стороны Наполеона и оборонительный — со стороны Кутузова.

Перед сражением русские войска расположились в таком порядке. Правый фланг и центр позиции — от места впадения р. Колочи в Москву-реку и до Курганной высоты включительно — заняла 1-я армия под общим командованием генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли. Центром непосредственно командовал генерал от инфантерии Д.С. Дохтуров, а правым крылом — генерал от инфантерии М.А.

<sup>1</sup> Chambray G. Op. cit. V. 2. P. 33.

<sup>2</sup> Lachouque H. The Anatomy of Glory. Napoleon and his Guard. London, 1961. P. 247.

<sup>3</sup> «У Наполеона на поле Бородинском были две армии, — писал об этом Сергей Глинка, — одна сражалась, а другая, состоявшая из блистательной гвардии, была спокойным зрителем битвы» (Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895. С. 300).

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 99 (М.И. Кутузов — Александру I 19 августа 1812 г.).

<sup>5</sup> Дубровин Н.Ф. Указ. публ. С. 88.

<sup>6</sup> Bulletins officiels de la Grande Armée. Campagne de Russie et de Saxe. Paris, 1821. P. 100.

Милорадович. Левое крыло позиции — от Курганной высоты до Утицкого леса — заняла 2-я армия под командованием генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона. Барклай все еще именовался «1-м главнокомандующим», Багратион — «2-м главнокомандующим». Каждому из них Кутузов предоставил инициативу руководства сражением. «Не в состоянии будучи находиться во время действия на всех пунктах, — писал он в диспозиции 24 августа, памятуя, может быть, о печальном уроке Аустерлица, — полагаюсь на известную опытность гг. главнокомандующих армиями и потому представляю им делать соображения действий на поражение неприятеля»<sup>1</sup>.

Большую часть войск Кутузов сосредоточил на правом фланге, поскольку считал его главным: он прикрывал «столбовую» Новую Смоленскую дорогу — кратчайший путь к Москве. Прорыв французов на эту дорогу отрезал бы русскую армию от Москвы и грозил бы ей гибелью. Поэтому сверхосторожный Кутузов даже после Шевардинского боя, когда определилось наиболее вероятное направление главного удара Наполеона, не стал менять расположение войск, хотя Багратион, Беннигсен и (наиболее рационально) Барклай-де-Толли предлагали ему перегруппировать их справа налево<sup>2</sup>. Он лишь выдвинул в резерв левого фланга 3-й корпус генерал-лейтенанта Н.А. Тучкова из армии Барклая. Ход сражения показал, что идея «трех Б» была многообещающей, а Кутузов, отвергнув ее, допустил первый из своих бородинских просчетов.

Что касается 3-го корпуса, то Кутузов поставил его скрытно, в Утицком лесу, намереваясь, если верить офицеру-квартирмейстеру А.А. Щербинину, в удобный момент ударить «во фланг и тыл» Наполеону<sup>3</sup>. Беннигсен, однако, перед началом битвы выдвинул корпус из укрытия вперед. Тем самым он, как часто пишут об этом до сих пор, будто бы сорвал замысел Кутузова поразить неприятеля во фланг и тыл «из

<sup>1</sup> Бородино. С. 83.

<sup>2</sup> См.: Барклай-де-Толли М.Б. Указ. соч. С. 28. Подробно об этом: Тотфалушин В.П. Указ. соч. С. 85—86.

<sup>3</sup> Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. 1. С. 15.

засады»<sup>1</sup>. На деле же такой замысел, если он и был у Кутузова, не мог быть реализован. Наполеон с первых же минут битвы обрушил на русское левое крыло удар такой силы, что Багратион почти сразу взял у Тучкова на подкрепление дивизию П.П. Коновницына, а кроме того, в обход Багратиона пошел и неминуемо столкнулся бы с Тучковым, если бы даже тот стоял в засаде, целый корпус Понятовского. Все это в 1963 г. отметил А.Н. Кочетков<sup>2</sup>, но еще полувеком ранее А.Н. Витмер иронизировал над верой некоторых историков «в благотворное влияние на бой наполеоновской эпохи засад в том смысле, как это было во времена печенегов», и резонно вопрошал: «Что мог сделать этот (Тучкова. — Н. Т.) корпус в смысле засады, когда по [Старой] Смоленской дороге шел на него Понятовский?»<sup>3</sup>

Протяженность всей русской позиции составляла 8 км. Во всю ее длину двумя линиями с интервалом между ними не более 200 м стояли пехотные корпуса, за ними в 300—400 м, тоже двумя линиями, — кавалерия; еще дальше, до 1000 м в глубину, — линия резервов. Такое построение войск для решающего боя имело свои плюсы и минусы<sup>4</sup>. С одной стороны, довольно короткий фронт с близкими резервами обеспечивал Кутузову оперативность маневра как для обороны, так и для возможного контрудара. Но с другой стороны, большая плотность и малая глубина боевого порядка русской армии ставили ее под губительное действие неприятельского огня: артиллерия Наполеона поражала все четыре русские линии, вплоть до резервов<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> См.: Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 151; Бескровный А.Г. Указ. соч. С. 381—382; Жилин П.А. Указ. соч. С. 167; Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 102—103; Рязанов Н.И. Указ. соч. С. 552; Абаляхин Б.С. Указ. соч. С. 42—43; Лесин В.И. Бунтари и воины. Ростов н/Д., 1997. С. 303, 310.

<sup>2</sup> См.: Кочетков А.Н. Указ. соч. С. 42—43.

<sup>3</sup> Витмер А.Н. Бородино в очерках наших современников // Военно-исторический сб. 1913. № 1. С. 123—124.

<sup>4</sup> Подробно об этом см.: Богданов А.П. Боевой порядок русской армии в Бородинском сражении // 1812 год: Сб. статей. С. 97—115.

<sup>5</sup> См.: Богданович М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 224; Клаузевиц К. Указ. соч. С. 90.



Главными опорными пунктами русской позиции были с. Бородино справа, Курганная высота в центре и д. Семеновская слева. Высоты у Бородина заняли четыре батареи на 32 орудия. У Семеновской были воздвигнуты три флешы с 52 орудиями. Их сразу назвали Багратионовыми — ведь здесь начальствовал князь Багратион. На Курганной высоте за ночь с 25-го на 26 августа 800 ополченцев соорудили *люнет* (полевое укрепление, открытое с тыла, но защищенное рвом и двойным палисадом с фронта и флангов) для 18-пушечной батареи. Русские солдаты назвали ее «батареей Раевского», поскольку она была выделена из 7-го корпуса, которым командовал генерал-лейтенант Н.Н. Раевский. Слева и справа высоту («курган, повелевавший всеми окрестностями»<sup>1</sup>) защищали еще четыре батареи, в которых В.Н. Земцов насчитал около 100 орудий<sup>2</sup>. Раевский сам проследил за сооружением люнета и, когда все было готово, сказал: «Император Наполеон видел днем простую, открытую батарею, а войска его найдут крепость»<sup>3</sup>.

Наполеон почти весь день 25 августа, не сходя с лошади, тщательно, «с величайшей подробностью» изучал систему укреплений и боевой порядок россиян вплоть до сторожевых постов; он даже привлек к себе их внимание — «сделано было по нем несколько картежных выстрелов»<sup>4</sup>. Наполеон понял, что русский правый фланг почти неприступен, зато левый — уязвим. План его был прост: смять левое крыло русских, прорвать их центр, отбросить их в «мешок» при слиянии Колочи с Москвой-рекой и открыть себе путь к Москве<sup>5</sup>.

Кутузов с утра 25 августа тоже провел рекогносцировку местности. «Не всюду могли проходить большие дрожки, в которых его возили», — вспоминал А.П. Ермолов<sup>6</sup>. На лошадь Михаил Илларионович почти не садился — из-за тучности сво-

<sup>1</sup> Пеле Ж. Бородинское сражение // ЧОИДР. 1872. Кн. 1. С. 84.

<sup>2</sup> Земцов В.Н. Указ. соч. С. 112.

<sup>3</sup> Бородино. С. 338.

<sup>4</sup> Богданович М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 165; Коленкур А. Мемуары. С. 131; Пеле Ж. Указ. соч. С. 62.

<sup>5</sup> См.: Жомини А.А. Указ. соч. Т. 5. С. 333; Шамбрау G. Op. cit. V. 2. P. 58—59.

<sup>6</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 186.

ей и малоподвижности. Одет он был в тот день, по обыкновению, не в мундир, а в простой сюртук без эполет, с фуражкой на голове и казачьей нагайкой на плече. «Никак мы не могли разгадать, — вспоминал подпоручик Н.Е. Митаревский, — для чего у него нагайка, тем более что никогда не видали его верхом на лошади»<sup>1</sup>. Осмотрев свои и оценив (насколько ему это удалось) чужие позиции, Кутузов не стал ничего менять в расположении своих войск, кроме того, что отрядил в резерв левого фланга корпус Тучкова.

Ночь накануне сражения враждебные армии провели по-разному. Наполеон обратился к войскам с приказом, который начинался словами: «Солдаты! Вот битва, которой вы так желали! Теперь победа зависит от вас!» Император подбадривал своих воинов, суля им в случае победы «изобилие, хорошие зимние квартиры, скорое возвращение на родину». Он искусно распаял их воинское тщеславие: «Пусть самое отдаленное потомство с гордостью помнит о вашей доблести в этот день! Пусть о каждом из вас скажут: «Он был в великой битве под стенами Москвы!»<sup>2</sup> Завоеватели, обрадованные возможностью сразиться наконец с врагом, который так долго уклонялся от боя, веселились и пели<sup>3</sup>.

И слышно было до рассвета,  
Как ликовал француз...

В русском лагере всю ночь перед битвой царили тишина и величавое спокойствие. Кутузов не обращался к войскам с приказом. «Не время было витийствовать», — заметил его адъютант А.И. Михайловский-Данилевский<sup>4</sup>. Незачем было и подбадривать русских солдат. Все они сознавали, что на карту поставлены не «изобилие» и «хорошие зимние квартиры», что вопрос стоит так: «Быть или не быть Москве и России» — и решение этого вопроса зависит от них. Вся армия готовилась

<sup>1</sup> Митаревский Н.Е. Указ. соч. С. 157.

<sup>2</sup> Наполеон I. Correspondance. V. 24. P. 207.

<sup>3</sup> См.: Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 303; Segur Ph.-P. Op. cit. T. 1. P. 347; Земцов В.Н. Указ. соч. С. 65.

<sup>4</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 г. Т. 2. С. 212.

стоять насмерть. Солдаты и офицеры облачались в чистое белье, отказывались, вопреки обычаю, пить водку.

В ночь перед сражением по лагерю пронесли икону «покровительницы России» — Смоленской Божьей Матери. За нею шел с обнаженной головой и со слезами на глазах сам Кутузов впереди всего русского штаба. «Сама собою, по влечению сердца, — вспоминал очевидец этой торжественной сцены, будущий декабрист Федор Глинка, — 100-тысячная армия падала на колени и припадала челом к земле, которую готова была упоить до сытости своею кровью»; «это живо напоминало приуготовление к битве Куликовской»<sup>1</sup>.

Бородинская битва началась в 6-м часу утра 26 августа с атаки французов против русского правого крыла. Полк из дивизии генерала А.-Ж. Дельзона (корпус Е. Богарне) «с невероятною быстротою»<sup>2</sup> ворвался в Бородино и после «наикровопролитнейшего боя»<sup>3</sup> овладел селом. Казалось, сражение пойдет так, как изначально предполагал Кутузов, — главным образом, на его правом фланге. Но Богарне, закрепившись на Бородинских высотах и выставив здесь батарею из 38 орудий с заданием вести огонь по центру русских позиций, стал ждать, как развернутся события на левом фланге россиян. Главный же удар Наполеона, как и следовало ожидать после Шевардинского боя, был направлен на Багратионовы флеши. Три его лучших маршала — Даву, Ней, Мюрат — порознь и вместе бросали громаду своих войск против Багратиона, между тем как Понятовский пытался обойти флеши справа.

Историки до сих пор не могут согласно определить, сколько раз в тот день флеши переходили из рук в руки. Традиционное мнение таково, что французы взяли их в результате 8-й атаки примерно к 12 часам, когда и был смертельно ранен Багратион. Недавно А.А. Васильев и Л.Л. Ивченко попытались опровергнуть традицию. Опираясь главным образом на дневник начальника штаба 2-й армии генерал-адъютанта графа

<sup>1</sup> Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 303.

<sup>2</sup> Бородино. С. 136 (М.И. Кутузов — Александру I, после 26 августа 1812 г.).

<sup>3</sup> Там же.

Э.Ф. Сен-При, раненного одновременно с Багратионом, они пришли к небезосновательному выводу, что Багратион выбыл из строя еще до 9 часов утра, а флеши окончательно пали к 10 часам, в итоге не 8-й, а 3-й атаки<sup>1</sup>.

Наполеон мог бы взять флеши и сломить русское левое крыло еще раньше, если бы ему удалось осуществить маневр, уже позволивший ему в прошлом победить при Ваграме, а впоследствии — при Лigny<sup>2</sup>. Когда Понятовский атаковал Тучкова возле Утицы, а Богарне взял (оказалось, ненадолго) Курганную высоту и уже открыл с нее фланкирующий огонь по флешам, Наполеон бросил Даву и Ней на штурм флешей, а генерала Жюно — в обход между флешами и Утицей для удара по Багратиону с фланга, пока Даву и Ней атакуют его в лоб.

Однако этот маневр, который должен был, по мысли Наполеона, решить исход битвы, не удался. Две дивизии Жюно неожиданно для французов натолкнулись возле Утицы на 2-й корпус генерал-лейтенанта К.Ф. Багговута, который в начале сражения занимал правое крыло русской позиции и перемещение которого справа налево Наполеон просмотрел.

Кто и когда направил Багговута с правого на левый фланг, сорвав тем самым губительный для россиян замысел Наполеона? Одни исследователи считают — Кутузов<sup>3</sup>, другие — Барклай<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Васильев А.А., Ивченко Л.Л. Девять на двенадцать, или Повесть о том, как некто перевел часовую стрелку // Родина. 1992. № 6—7. С. 66—67.

<sup>2</sup> См.: Жомини А.А. Очерки военного искусства. М., 1939. Т. 2. С. 19.

<sup>3</sup> Бутурлин Д.П. Указ. соч. Ч. 1. С. 296; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 209—210; Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 156; Бескровный А.Г. Указ. соч. С. 384—385; Жилин П.А. Указ. соч. С. 169; Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 309; Ивченко Л.Л. М.И. Кутузов в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 23; Chamberlayne Y. Op. cit. V. 2. P. 65.

<sup>4</sup> Богданович М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 182; Харкевич В.И. Барклай-де-Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904. С. 26; Ниве П.А. Отечественная война. СПб., 1911. Т. 2. С. 282; Геруа А.В. Бородино (по новым данным). СПб., 1912. С. 43; Josselson M., Josselson D. The Commander: A Life of Barclay de Tolly. Oxford, 1980. P. 140.

Сам Багговут доносил после сражения Кутузову: «Когда неприятель повел атаку на наш левый [фланг], я по приказанию главнокомандующего 1-й Западной армией пошел с пехотными полками 2-го корпуса на подкрепление оногo». Оригинал донесения хранится в РГВИА<sup>1</sup>. Мало того, давно опубликован рапорт Багговута Барклаю-де-Толли о том же: «Когда неприятель повел атаку на наш левый фланг, я по приказанию Вашего Высочайшего превосходительства пошел с пехотными полками 2-го корпуса на подкрепление оногo»<sup>2</sup>. Эти документы решают вопрос: корпус Багговута был послан на левое крыло Барклаем-де-Толли, который в данном случае и в ходе всего сражения действовал согласно диспозиции Кутузова, предоставившей главнокомандующим армиями инициативу решений.

Итак, Жюно был отброшен войсками Багговута к Утицкому лесу. Понятовский же, хотя и нейтрализовал Тучкова, сам тоже был им нейтрализован. Теперь Наполеон мог рассчитывать только на особую мощь фронтального удара по флешам. Штурмующие колонны Даву и Нея устремились вперед, словно по приказу: «Теперь или никогда!» — прямо на русские пушки. Сам Багратион, глядя на врагов, воскликнул: «Браво! Браво!»<sup>3</sup> В этот момент он был сражен осколком ядра, который раздробил ему голень левой ноги<sup>4</sup>.

«В мгновение пронесся слух о его смерти, — вспоминал А.П. Ермолов, — и войск невозможно удержать от замешательства <...>. Одно общее чувство — отчаяние»<sup>5</sup>. Временно (как старший в чине на левом фланге) заменил Багратиона П.П. Коновницын. Он с боем отводил войска к д. Семеновской до прибытия Д.С. Дохтурова, который по приказу Кутузова принял командование левым флангом русской армии.

<sup>1</sup> РГВИА. Ф. 103, оп. 208-а. Св. О, д. 1, ч. 1, л. 156. Курсив мой. — Н. Т.

<sup>2</sup> Бородино. С. 184. Курсив мой. — Н. Т.

<sup>3</sup> Там же. С. 377; Давыдов Д.В. Соч. М., 1962. С. 527.

<sup>4</sup> См.: Попов М.Я. Ранение и смерть П.И. Багратиона // Вопросы истории. 1975. № 3. Современные медики не считают рану Багратиона смертельной, хотя он и умер от нее 24 сентября 1812 г. Генерал А.Н. Бахметьев был ранен под Бородином тяжелее (ему оторвало ядром левую ногу до колена), но выжил.

<sup>5</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 189.

Приказ Кутузова Дохтурову гласил: «Рекомендую вам держаться до тех пор, пока от меня не воспоследует повеление к отступлению»<sup>1</sup>. Обозрев позицию, Дохтуров сел на барабан и заявил: «За нами Москва! Умирать всем, но ни шагу назад!»<sup>2</sup>

По наблюдению Барклая-де-Толли, 2-я армия, потеряв Багратиона, «была опрокинута в величайшем расстройстве»<sup>3</sup>. Это засвидетельствовали и Дохтуров («По прибытии туда нашел я все в большом смятении»<sup>4</sup>), и Ермолов<sup>5</sup>. Между тем французы ломались вперед, пытались довершить разгром русского левого фланга. Барклай спешил переместить справа налево 4-й корпус генерал-лейтенанта графа А.И. Остермана-Толстого, укрепляя, таким образом, стык левого фланга с центром<sup>6</sup>. Тем временем три свежих гвардейских полка (Литовский, Измайловский, Финляндский), которые прислал из резерва 1-й армии сам Кутузов, героически отражали атаки французской конницы, давая возможность Дохтурову привести расстроенные войска в порядок. Правда, дивизия генерала Л. Фриана из корпуса Даву все же овладела Семеновской, но Дохтуров, отступив за Семеновскую не далее 1 км, закрепился на новом рубеже.

Мюрат, Ней и Даву, силы которых тоже были истощены, обратились к Наполеону за подкреплением для завершающего удара. Наполеон отказал. Он решил, что левое крыло русских уже непоправимо расстроено, и начал готовить решающую атаку Курганной высоты, чтобы прорвать центр русской позиции.

Ожесточение битвы росло с каждым часом. «На всей нашей линии кипело ужасное побоище, — вспоминал адъютант Барклая-де-Толли, будущий декабрист А.Н. Муравьев. — <...> Груды, горы убитых лежали на пространстве четырех верст»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Бородино. С. 93.

<sup>2</sup> Романов Д.М. Полководец Д.С. Дохтуров. Тула, 1979. С. 73.

<sup>3</sup> Барклай-де-Толли М.Б. Указ. соч. С. 28.

<sup>4</sup> Сын Отечества. 1817. № 2. С. 79.

<sup>5</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 189, 190.

<sup>6</sup> См.: Готфалушин В.П. Указ. соч. С. 89—90.

<sup>7</sup> Бородино. С. 376.

Ветеран наполеоновских войн генерал Ж. Рапп констатировал: «Мне еще не доводилось видеть такой резни»<sup>1</sup>. Немуудрено, что в такой «резне» и та, и другая сторона несли ужасающие потери. Гибли целые соединения. «Дивизии моей почти нет <...>, — напишет 27 августа П.П. Коновницын. — Едва ли тысячу человек сочтут»<sup>2</sup>. М.С. Воронцов увидит, что его дивизия «совершенно уничтожена»: из 4 тыс. человек в ней останется «менее 300»<sup>3</sup>. Н.Н. Раевский из двух дивизий своего корпуса после битвы «едва мог собрать 700 человек»<sup>4</sup>.

Солдаты обеих армий показывали образцы воинской доблести. «Никогда и никакие войска не сражались столь мужественно, как сии две храбрые армии», — подчеркивал Барклай-де-Толли<sup>5</sup>. Нужно отдать должное солдатам Наполеона: движимые преданностью своему кумиру, сознанием воинского долга, жаждой славы, побед и скорого возвращения домой, они дрались в тот день не хуже, чем в любом из 50 триумфальных наполеоновских сражений. Но русские устояли перед ними. «Другие войска были бы разбиты и, может быть, уничтожены до полудня, — резонно утверждал генерал Ж. Пеле. — Эта (русская. — Н. Т.) армия заслужила величайшие похвалы»<sup>6</sup>. «Одни только русские могли устоять», — убежденно заявлял Ф.Н. Глинка<sup>7</sup>.

Невероятная стойкость русских воинов озадачивала и невиривала Наполеона, который наблюдал за ходом битвы из своей ставки на холме у Шевардинского редута (примерно в километре от Багратионовых флешей). Отсюда обозревалась вся русская позиция. «Ни с какого другого пункта Наполеон не мог бы видеть совокупность и подробности сражения»<sup>8</sup>.

<sup>1</sup> Рапп Ж. Опр. cit. P. 215.

<sup>2</sup> Бумаги П.И. Щукина. Т. 8. С. 110.

<sup>3</sup> Бородино. С. 342.

<sup>4</sup> Раевский Н.Н. Записки // Давыдов Д.В. Замечания на некрологию Н.Н. Раевского. М., 1832. С. 68—69. Судя по ведомости, подписанной Раевским, его корпус потерял под Бородином 6316 человек (РГВИА. Ф. 103, оп. 208-а. Св. О, д. 1, л. 296).

<sup>5</sup> Дубровин Н.Ф. Указ. публ. С. 293.

<sup>6</sup> Пеле Ж. Указ. соч. С. 76.

<sup>7</sup> Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 21.

<sup>8</sup> Пеле Ж. Указ. соч. С. 78.

Здесь он и провел большую часть дня, иногда отлучаясь на ответственные участки (выезжал на флешы, как только они были взяты; побывал на своем левом фланге в момент атаки Ф.П. Уварова и М.И. Платова; к 17 часам прибыл на батарею Раевского)<sup>1</sup>. Впереди блестящей, нарядно одетой свиты из офицеров, генералов и маршалов, сиявших радужными цветами орденских лент и звезд, золотом эполет, галунов, аксельбантов, Наполеон в сером плаще без всяких знаков отличия, в простой треугольной шляпе либо расхаживал по холму, либо садился на походный стул (как увековечил его на известной картине В.В. Верещагин), часто и подолгу глядя в подозрную трубу на поле сражения и непрестанно рассылая во все стороны адъютантов.

Казалось, он мог быть доволен ходом сражения. Его солдаты дрались за победу, как львы. Его лучшие маршалы (особенно Ней, рыжая голова которого стала черной от пороха) не выходили из огня, организуя и возглавляя атаку за атакой. Маршал Даву в одной из атак был контужен, сбит с лошади и потерял сознание. Наполеону «успели» даже сообщить о смерти маршала. Даву тем временем ожил и вернулся в строй. С утра до полудня французы наращивали мощь своих атак, но сломить сопротивление русских не могли. Русские не только не бежали — они, если говорить точно, даже не отступали, а лишь отодвигались то с одной, то с другой позиции и продолжали стоять стеной.

Глядя на эту стену, Наполеон с каждым часом битвы мрачнел, приказания отдавал раздраженно. Он был нездоров, его мучила простуда. Иные зарубежные историки полагают, что насморк императора и лишил французов должной оперативности, а русских спас от неминуемой гибели. Во всяком случае, из-за болезни Наполеон якобы действовал при Бородине менее искусно и «был ниже своей репутации»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Пеле Ж. Указ. соч. С. 55.

<sup>2</sup> Chambray G. Опр. cit. V. 2. P. 77; Saint-Syr G. Mémoires pour servir à l'histoire militaire sous le Directoire, le Consulat et l'Empire. Paris, 1831. V. 3. P. 268; Tersen E. Napoléon. Paris, 1959. P. 337; Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 491, 494.

Думается, все было не так просто. Конечно, болезнь мешала Наполеону (простой насморк может ослабить энергию ума и воли). Но руководил он битвой, несмотря на недомогание, мастерски: взяв Бородино, обезопасил себя от возможного удара русских с правого фланга; утренними атаками Курганной высоты сковал активность русского центра, а на левое крыло противника обрушил столь мощные и стремительные атаки, сочетая их с отвлекающими маневрами, что русское командование не успевало перебрасывать резервы к самым опасным участкам битвы. Лев Толстой верно заметил, что Наполеон под Бородином был «тот же» и войска его «были те же, генералы те же, те же были приготовления <...>, даже враг был тот же, как под Аустерлицем и Фридрихсборгом; но страшный размах руки падал волшебным образом»<sup>1</sup>. Вот отчего Наполеон был угрюм — не столько от нездоровья, сколько от того, что ход сражения складывался не так, как он предполагал. Причины же столь мало желательного для французов хода сражения коренились в патриотизме и ратной доблести русских воинов, а также в совместном руководстве битвой со стороны Багратиона, Барклая-де-Толли и, разумеется, Кутузова.

Под пером почти всех иностранных и отчасти русских революционных авторов Кутузов на Бородинском поле выглядит как «абстрактный авторитет», который от старости и от лени не был способен активно управлять войсками. Карл Клаузевиц считал, что под Бородином роль Кутузова равнялась «почти нулю»<sup>2</sup>. Лев Толстой, не имея конкретных данных о том, как Кутузов руководил битвой, пришел к выводу, что Михаил Илларионович вообще «не делал распоряжений, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему»; внешне был пассивен и безразличен («с трудом жевал жареную курицу» и даже «задремывал»), но проявлял свой «долголетний военный опыт» и «старческий ум» в том, что следил за «духом войск» и руководил им, «насколько то было

<sup>1</sup> Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 14 т. М., 1951. Т. 6. С. 249.

<sup>2</sup> Клаузевиц К. Указ. соч. С. 80.

в его власти»<sup>1</sup>. Во всем этом есть большая доля правды, хотя и не вся правда.

Главная квартира Кутузова размещалась в д. Татариново, примерно в километре за второй линией центра русской позиции, но большую часть дня главнокомандующий провел у д. Горки на правом фланге, так его беспокоившем (между тем как битва шла главным образом на левом фланге). Ни из Горок, ни из Татаринова Кутузов не мог видеть, как сражаются его войска<sup>2</sup>. Злоязычный Жозеф де Местр заметил по этому поводу: «Кутузов находился в трех верстах от поля битвы. Конечно, главнокомандующий — это не простой гренадер, но все-таки надобно знать меру»<sup>3</sup> (вспомним, откуда руководил битвой и что мог видеть Наполеон!).

Разумеется, Кутузов, как и Наполеон, чуть ли не ежеминутно получал информацию от адъютантов — своих и чужих, а кроме того, полагался на инициативу Барклая-де-Толли и Багратиона. Сидя на деревянной скамейке, которую возил за ним конвойный казак, Михаил Илларионович в простом сюртуке без эполет (à la Наполеон), в фуражке без козырька, с неизменной казачьей нагайкой в руках или на плече, окруженный множеством офицеров и генералов, выслушивал донесения и отдавал приказы. «Он спокоен, совершенно спокоен, *видит одним глазом, а глядит в оба*, хозяйственно распоряжается битвою» — так описывал его при Бородине Федор Глинка<sup>4</sup>.

Примеров мастерства Кутузова как «хозяина битвы» даже самые ортодоксальные его почитатели найти до сих пор не могут, кроме одного-двух. Б.С. Абалихин, за неимением лучшего, приводил даже такой пример: Кутузов «не побоялся» заменить только что назначенного командующим войсками левого фланга генерал-майора принца Евгения Вюртембергского (племянника императрицы Марии Федоровны) Дохтуровым. На этом основании Абалихин здесь заключил, что Кутузов

<sup>1</sup> Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 14 т. Т. 6. С. 252, 153.

<sup>2</sup> См.: Ермолов А.П. Записки. С. 194; Липранди И.П. Война 1812 г.: Замечания на книгу... М.И. Богдановича. М., 1869. С. 23.

<sup>3</sup> Местр Ж. де. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 237.

<sup>4</sup> Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 314—315.

вообще не был царедворцем<sup>1</sup>. В действительности Михаил Илларионович послал на левый фланг не Евгения, который в чине генерал-майора не мог командовать всем флангом, а его дядю, брата Марии Федоровны, генерала от кавалерии герцога Александра Вюртембергского. Заменяв же его, по необходимости, Дохтуровым, Кутузов объяснился с герцогом вполне царедворчески: «Начал в самых учтивых выражениях просить его, чтобы он от него во время сражения не отъезжал, потому что советы Его Высочества были для него необходимы»<sup>2</sup>.

Единственный, действительно серьезный пример личного вмешательства Кутузова в руководство битвой — это рейд русской конницы во фланг Наполеону. Было примерно 11 часов. Наполеон только что взял флешу, отбросил за Семеновскую левое крыло русской армии и нацеливал основные силы на Курганную высоту, чтобы прорвать русский центр. Момент для Кутузова был критический. Ему грозил второй Аустерлиц. И в этот момент Кутузов направил в обход левого крыла французов кавалерийский резерв Ф.П. Уварова и казаков М.И. Платова.

Советские историки большей частью оценивали рейд Уварова и Платова восторженно, как «гениально задуманную и блестяще выполненную» операцию, «особенно важный» эпизод всей Бородинской битвы, ее «решающее мероприятие»<sup>3</sup>. Самый факт рейда так восхитил их, что они не только не анализировали его результаты, но и закрывали глаза на критическое мнение о нем К.Ф. Толя, А.П. Ермолова, М.Б. Барклая-де-Толли<sup>4</sup> и самого Кутузова, который очень холодно встретил

<sup>1</sup> А б а л и х и н Б.С. Указ. соч. С. 60.

<sup>2</sup> Фельдмаршал Кутузов. Документы... С. 373.

<sup>3</sup> Г а р н и ч Н.Ф. Указ. соч. С. 167; П р у н ц о в В.В. Бородинское сражение. М., 1947. С. 58; П у н и н А.Н. Фельдмаршал Кутузов. М., 1957. С. 154; Т а р л е Е.В. Бородино // Собр. соч.: В 12 т. Т. 12. С. 443; Б е с к р о в н ы й Л.Г. Бородинское сражение. М., 1971. С. 64—65; Ж и л и н П.А. О войне и военной истории. М., 1984. С. 466—467; Герои 1812 г.: Сб. М., 1987. С. 94; С и р о т к и н В.Г. Указ. соч. С. 115; Р я з а н о в Н.И. Указ. соч. С. 551 и др.

<sup>4</sup> Генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь в Отечественную войну. С. 215—217; Е р м о л о в А.П. Записки. С. 194; Б а р к л а й - д е - Т о л л и М.Б. Указ. соч. С. 32.

вернувшегося из рейда Уварова («Я все знаю — Бог тебя простит»), а после сражения не представил к награде из всех своих генералов только Уварова и Платова, прямо объяснив в ответ на запрос царя, что они не заслужили награду<sup>1</sup>.

Рейд Уварова и Платова был предпринят малыми силами (4,5 тыс. сабель), а главное, без должной энергии. У д. Беззубово русская конница была остановлена войсками генерала Ф.-А. Орнано<sup>2</sup> и вернулась назад. Обходный маневр и удар по левому флангу Наполеона, на что рассчитывал Кутузов в надежде перехватить инициативу боя, не удалась. Поэтому исследователи, желающие прославить Кутузова, ставят его (и себя) в неловкое положение, ибо превозносят как «гениальный» и «решающий» тот его маневр, который он сам признал неудавшимся<sup>3</sup>.

Разумеется, неудача «диверсии» Уварова и Платова была относительной. По меткому определению А.И. Попова, «диверсия принесла больше пользы русской армии, чем нанесла вреда французской»<sup>4</sup>. Она отвлекла внимание Наполеона (император сам помчался к д. Беззубово узнать, в чем дело) и заставила его на два часа приостановить штурм Курганной высоты<sup>5</sup>. Хотя высота после этого все равно пала, тем временем Барклай-де-Толли заменил в центре остатки корпуса Раевского последним свежим корпусом Остермана-Толстого<sup>6</sup>, а Дохтуров привел в относительный порядок расстроенное левое крыло.

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 197—206, 219; Военский К.А. Отечественная война в записках современников. СПб., 1911. С. 68.

<sup>2</sup> О р н а н о Филипп-Антуан (1784—1863) — кузен Наполеона, с 1816 г. муж Марии Валевской (ранее возлюбленной Наполеона, родившей ему сына), при Наполеоне III — маршал Франции.

<sup>3</sup> Нельзя поверить тому, что Кутузов рейдом Уварова—Платова вырвал инициативу у Наполеона (Бескровный Л.Г. Бородинское сражение. С. 64), после чего... уступил врагу главную опору своей позиции.

<sup>4</sup> П о п о в А.И. Бородинское сражение. Боевые действия на северном фланге. Самара, 1995. С. 98. В кн. А.И. Попова дан самый подробный и точный анализ рейда Уварова—Платова. О том же (с меньшей объективностью) см.: Л е с и н В.И. Указ. соч. Гл. 7.

<sup>5</sup> См.: Ж о м и н и А.А. Политическая и военная жизнь Наполеона. Т. 5. С. 345.

<sup>6</sup> См.: Бородино. С. 174.

Только к 14 часам французы начали общий штурм Курганной высоты, которую с утра они уже занимали, но были выбиты оттуда. Вот как это произошло<sup>1</sup>. Около 9 или 10 часов вице-король Италии Е. Богарне атаковал высоту силами приданной ему дивизии генерала Ш.-А. Морана из корпуса маршала Даву. Впереди этой дивизии шла бригада генерала Ш.-О. Бонами, которая и ворвалась на батарею Раевского. Но не успели французы закрепиться на высоте, как генерал-майор А.П. Ермолов неожиданно и для Наполеона и для Кутузова организовал блестящую контратаку. Он проезжал мимо с поручением от Кутузова во 2-ю армию и увидел беспорядочный отход русских от Курганной высоты, только что занятой французами. Ермолов обнажил саблю, остановил бегущих, взял из резерва четыре полка и лично, на коне, повел их в штыковую атаку, причем, по его рассказу, «имел в руке пук Георгиевских лент со знаками отличия военного ордена, бросал вперед по нескольку из них, и множество стремилось за ними»<sup>2</sup>. Рядом с Ермоловым в этой атаке участвовали его адъютант поручик П.Х. Граббе (будущий декабрист, граф, «полный» генерал) и начальник русской артиллерии 28-летний генерал-майор граф А.И. Кутайсов, который здесь погиб (лошадь его вернулась назад с окровавленным седлом, тело Кутайсова не могли разыскать)<sup>3</sup>. Сам Ермолов был ранен.

В «Записках» Ермолова лишь упомянуто, а в исследовании В.Н. Земцова, по данным разных источников, сказано о том, что одновременно с Ермоловым атаковали французов и отбили у них Курганную высоту пехотные полки генерал-майоров И.Ф. Паскевича (будущего фельдмаршала, светлейшего князя) и князя И.В. Васильчикова из 7-го корпуса Раевского, а также два кавалерийских полка генерал-майора барона Ф.К. Корфа, которых прислал Барклай-де-Толли<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Наиболее подробное описание боя за Курганную высоту («Большой редут») с батареей Раевского см. в указ. соч. В.Н. Земцова (Гл. 5).

<sup>2</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 192.

<sup>3</sup> См.: Там же. С. 194—195; Граббе П.Х. Из памятных записок. М., 1873. Ч. 2. С. 77—78; Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 340—341.

<sup>4</sup> Ср.: Ермолов А.П. Записки. С. 192—193; Земцов В.Н. Указ. соч. С. 126—127.

Генерал Бонами, отчаянно дравшийся врукопашную, был взят в плен. Полуживой от более чем 20 ран, едва не поднятый на штыки, он, чтобы спастись, назвал себя Мюратом, и русские солдаты, «изумленные такою храбростью» удалца в генеральском мундире, поверили ему<sup>1</sup>. Кутузов, которому доложили о «пленении Мюрата» раньше, чем принесли на носилках пленного, усомнился, так ли это, но, чтобы поднять дух войск, использовал доложенное. Хорошо представлена эта сцена в пьесе К.А. Тренева «Полководец»: «Кутузов. Ну какой там Мюрат... Мюраты в плен не сдаются. (Кайсарову<sup>2</sup>.) Объявить по фронту, что маршал Мюрат взят в плен»<sup>3</sup>.

Итак, к 14 часам французы начали решающий штурм Курганной высоты. Наполеон рассчитывал не просто взять высоту, но и прорвать здесь, в центре, русский боевой порядок. Ураганный огонь по высоте открыли 300 французских орудий — не только с фронта, но и с обоих флангов, т. е. со стороны Бородина и Семеновской, буквально засыпая ядрами стоявшие на высоте и вокруг нее полки 4-го корпуса, дивизий П.Г. Лихачева и П.М. Капцевича из 6-го корпуса, 2-го (Ф.К. Корфа) и 3-го (К.А. Крейца) кавалерийских корпусов, конногвардейцев, кавалергардов, преображенцев, семеновцев. Все они под опустошительным перекрестным огнем врага несли тяжелейшие потери. «Казалось, — вспоминал Барклай-де-Толли, — что Наполеон решил уничтожить нас артиллерию»<sup>4</sup>. Однако «чугун дробил, но не колебал груди русских»<sup>5</sup>. Защитники Курганной высоты были движимы одной мыслью: выстоять, сознавая, что здесь — «ключ всей нашей позиции»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 317.

<sup>2</sup> Кайсаров П.С. — полковник, при Бородине адъютант Кутузова.

<sup>3</sup> Тренев К.А. Пьесы. Статьи. Речи. М., 1980. С. 464. Гренадера, пленившего Бонами, Кутузов тут же произвел в унтер-офицеры и наградил Георгиевским крестом (см.: Радожичий И.Т. Походные записки артиллериста с 1812-го по 1816 г. М., 1835. Ч. 1. С. 145).

<sup>4</sup> Барклай-де-Толли М.Б. Указ. соч. С. 30.

<sup>5</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Описание... Т. 2. С. 260.

<sup>6</sup> Бородино. С. 174 (М.Б. Барклай-де-Толли — М.И. Кутузову).

Под прикрытием столь мощной канонады Е. Богарне повел на штурм высоты три пехотные дивизии — Ж.-Б. Бруссе, Ш.-А. Морана и М.-Э. Жерара (будущего маршала Франции). В этот момент Наполеон приказал генералу О. Коленкуру<sup>1</sup> атаковать высоту с фланга. Коленкур обещал: «Я буду там сей же час — живой или мертвый»<sup>2</sup>. Он встал во главе дивизии своих кирасир — «gens de fer» («железных людей»), как называл их Наполеон, — помчался вправо от высоты, будто с намерением атаковать там русскую кавалерию, но затем, внезапно повернув влево, галопом устремился на высоту, к батарее Раевского. В сверкающих кирасах и латах, словно железный смерч, «gens de fer» Коленкура через ров и бруствер ворвались на батарею по трупам своих товарищей и были встречены здесь в штыки. «Большой редут», по впечатлениям очевидцев, сразу стал похож на «гору железную и огнедышащую»<sup>3</sup>, «на вулкан в центре армии»<sup>4</sup>.

Одновременно с фланговой атакой Коленкура атаковали Курганную высоту в лоб и прорвались к ней пехотные батальоны Жерара, Бруссе и Морана. Ценой невообразимых усилий и потерь французы овладели высотой, причем граф Коленкур был убит. Он сдержал слово, данное Наполеону: живым ворвался на высоту, взял ее и остался на ней мертвым. Никто из защитников высоты не бежал от врага. Они рязали французов штыками, прикладами, тесаками, дрались банниками, рычагами. Их генерал П.Г. Лихачев, весь израненный, ободрял солдат: «Помните, ребята, деремса за Москву!» — а когда почти все они погибли, «растегнул грудь догола» и пошел на вражеские штыки<sup>5</sup>. Еле живой от ран, он был взят в плен.

Атака «gens de fer» Огюста Коленкура, безусловно, самый блестящий маневр и самый большой успех французов в Боро-

<sup>1</sup> Коленкур Огюст Жан-Габриель (1777—1812) — граф, младший брат бывшего посла Франции в России и будущего министра иностранных дел, известного мемуариста Армана Коленкура, герцога Виченцского.

<sup>2</sup> Segur Ph.-P. Op. cit. V. 1. P. 374.

<sup>3</sup> Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 362.

<sup>4</sup> Французы в России: 1812 год в воспоминаниях современников-иностранцев. М., 1912. Т. 1. С. 131.

<sup>5</sup> Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 363.

динском бою. Можно понять тот восторг, с которым сами французы относят атаку Коленкура к замечательнейшим подвигам «в военных летописях народов»<sup>1</sup>. Понятна и выпренность их слов о гибели Коленкура. Виктор Гюго называл эту потерю в ряду самых тяжелых потерь Наполеона («И Коленкур сражен в редуте под Москвой»<sup>2</sup>).

Все это можно понять. Но что выиграл Наполеон ценой крови тысяч и тысяч своих «железных людей»? Чего он добился, овладев Курганной высотой? Да, он захватил ключ, опорный пункт русской позиции. А что дальше? Захват высоты должен был стать началом прорыва русского центра. Должен был стать, но не стал.

Оставив Курганную высоту, русская пехота отходила за Горецкий овраг (в 800 м от высоты). Барклай-де-Толли приводил ее в порядок. Два кавалерийских корпуса французов — М.В. Латур-Мобура и Э. Груши (будущего маршала) — пытались развить успех и прорвать столь, казалось бы, истощенную русскую оборону. Россияне держались, а тем временем Барклай стянул к Горецкому оврагу свою кавалерию — корпуса барона Ф.К. Корфа и графа К.А. Крейца. Началась ожесточенная кавалерийская сеча, в которой обе стороны «попеременно опрокидывали друг друга»<sup>3</sup>. Французы потеряли здесь (ранеными) и Груши, и Латур-Мобура, но не смогли взять верх над русскими. Барклай лично участвовал в этом бою, а главное, умело руководил им. Обороняясь и контратакуя, его полки отвратили угрозу прорыва от русского центра. Тем самым Барклай оправдал надежды Багратиона, который, будучи уже раненным, просил: «Скажите генералу Барклаю, что участь армии и ее спасение зависят от него»<sup>4</sup>.

Около 17 часов Наполеон прибыл на Курганную высоту и оттуда обозрел русские позиции. Отступив в центре к высотам

<sup>1</sup> Французы в России. Т. 1. С. 135.

<sup>2</sup> Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М., 1956. Т. 12. С. 175.

<sup>3</sup> Барклай-де-Толли М.Б. Указ. соч. С. 32.

<sup>4</sup> Левенштерн В.И. Записки // Русская старина. 1900. № 12. С. 547.



у д. Горки, а на левом крыле за Семеновский овраг, русские дивизии стояли хотя и поредевшие, но не сломленные, готовые отражать новые атаки. Что касается русского правого фланга, то он был надежно прикрыт высоким берегом р. Колочи и огнем с батареей на Горецких высотах.

О чем в те минуты думал Наполеон? Вероятно, о том, что у него осталось нетронутым ударное ядро его армии — гвардия, 20 тыс. лучших солдат. Маршалы Даву, Ней и Мюрат умоляли императора двинуть гвардию в бой и, таким образом, «довершить разгром русских»<sup>1</sup>. Некоторые историки — например, классик марксизма Ф. Энгельс и постсоветский исследователь В.В. Бешанов — полагают, что, если бы Наполеон ввел в сражение гвардию, русская армия «была бы наверняка уничтожена»<sup>2</sup>. Сам Наполеон не был в этом уверен. «Успех дня достигнут, — заявил он в ответ на просьбы маршалов, — но я должен заботиться об успехе всей кампании и для этого берегу мои резервы»<sup>3</sup>. Такие авторитеты, как А. Жомини и К. Клаузевиц, оправдывали это решение императора. «Победа была в его руках, — читаем у Клаузевица. — Москву он рассчитывал и так занять; выдвигать более крупную цель, поставив на карту последние силы, по его мнению, не вызывалось требованиями ни необходимости, ни разума»<sup>4</sup>.

Постепенно бой затихал. Только в отдельных местах происходили стычки конницы да гремела с обеих сторон до 20 часов артиллерийская канонада...

Кутузов в эти вечерние часы 26 августа выглядел удовлетворенным. Он видел, что русские выстояли; интуитивно, благодаря своему полувековому опыту, ощущал их силу духа и готовность противостоять новым атакам врага — хотя бы и самой гвардии Наполеона. Правда, Михаил Илларионович ото-

<sup>1</sup> Segur Ph.-P. Op. cit. V. 1. P. 369; Denni e P. Itineraire de l'empereur Napol on pendant la campagne de 1812. Paris, 1842. P. 78.

<sup>2</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 260; Бешанов В.В. 60 сражений Наполеона. Минск, 2000. С. 346.

<sup>3</sup> Dumas M. Souvenirs. V. 3. P. 440.

<sup>4</sup> Клаузевиц К. Указ. соч. С. 100. О том же: Жомини А.А. Указ. соч. Т.5. С. 348, 354.

всюду получал сведения о громадных потерях русской армии; но ему думалось, что французы потеряли не меньше, что их наступательный порыв иссяк и что едва ли они теперь, на исходе такого дня, возобновят атаки.

Больше всего беспокоил Кутузова вопрос о резервах. Он не хуже Наполеона умел ценить и беречь резервы и особо подчеркнул в диспозиции перед битвой: «Резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранил еще резерв, не побежден»<sup>1</sup> (Наполеон-то свои резервы сберег!). Битва, однако, сложилась так, что Кутузову (а в ряде случаев и Багратиону, и Барклаю-де-Толли, по их собственной инициативе) пришлось ввести в дело все резервные части. Утверждения ряда историков о том, что Кутузов сохранил к концу битвы какой-то (иногда называют даже 20-тысячный — больше, чем было у Наполеона<sup>2</sup>) резерв, противостоят авторитетнейшим свидетельствам Барклая и самого Кутузова: «Все резервы были уже в деле»<sup>3</sup>.

Кутузов прямо называл в ряду причин, побудивших его отступить от Бородина к Москве, «то, что вся наполеонова гвардия была сбережена и в дело не употребилась», а русские ввели в бой всё «до последнего резерва, даже к вечеру и гвардию»<sup>4</sup>. Но в самый вечер битвы, сообразуясь с патриотическим воодушевлением своих войск, он «сгоряча»<sup>5</sup> решил было возобновить ее утром, даже без резервов. Когда флигель-адъютант Л.А. Вольцоген, присланный к нему от Барклая за распоряжениями, стал говорить, что «сражение проиграно» (только что пала Курганная высота), Кутузов резко возразил:

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 143.

<sup>2</sup> Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 183; Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 12. С. 414, 473; Жилин П.А., Ярославцев А.В. Бородинское сражение. М., 1952. С. 71.

<sup>3</sup> Барклай-де-Толли М.Б. Указ. соч. С. 28.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 243. Попытки Б.С. Абахиной и В.А. Дунаевского опровергнуть Кутузова и доказать, что он, Кутузов, сохранил в резерве свою гвардию (Отечественная история. 1992. № 6. С. 190; Абахин Б.С. Указ. соч. С. 36—37), несостоятельны. Давно опубликован рапорт командующего гвардейским корпусом Н.И. Лаврова об участии в битве всей русской гвардии (Бородино. С. 144—146).

<sup>5</sup> Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 660.

«Что касается до сражения, то ход его известен мне самому как нельзя лучше. Неприятель отражен на всех пунктах, завтра погоним его из священной земли русской»<sup>1</sup>.

М.И. Богданович еще 150 лет назад установил, что Вольцоген при этом «увлекся пылкостью воображения и донес главнокомандующему совершенно противное тому, что поручено было ему Барклаем»<sup>2</sup>. Действительно, все поведение Барклая в день битвы доказывает, как далек он был от пораженческих настроений. Когда, уже к полуночи, он получил от Кутузова записку с приказом отступить, то вспылал и «в пылу негодования» даже «изорвал бумагу»<sup>3</sup>. Тем не менее наши историки и писатели продолжают уверять нас, что Барклай-де-Толли еще до окончания битвы счел ее проигранной («воля его сдала») и поручил Вольцогену убедить в этом Кутузова<sup>4</sup>.

Вскоре после сцены с Вольцогеном Кутузов послал Барклаю-де-Толли и Дохтурову записки одинакового содержания: «Я из всех движений неприятельских вижу, что он не менее нас ослабел в сем сражении, и потому, завязавши уже дело с ним, решился я сегодняшнюю ночь устроить все войско в порядок, снабдить артиллерию новыми зарядами и завтра возобновить сражение с неприятелем <...>»<sup>5</sup>.

«Сгоряча» ли отдавал Кутузов к ночи 26 августа такие распоряжения или же (по мнению его ординарца князя А.Б. Голицына) «из одной политики», а сам «никогда не полагал дать сражение на другой день»<sup>6</sup>, но русские во-

<sup>1</sup> Богданович М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 220.

<sup>2</sup> Там же. С. 547—548.

<sup>3</sup> Граббе П.Х. Указ. соч. Ч. 2. С. 88; Глинка С.Н. Записки о 1812 г. С. 52.

<sup>4</sup> Прунцов В.В. Указ. соч. С. 68; Рубинштейн А.В. Дорога победы. М.; Л., 1954. С. 444; Брагин М.Г. Кутузов. М., 1975. С. 163, 164; Михайлов О.Н. Генерал Ермолов. М., 1983. С. 232; Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. С. 168; Гуляев Ю.Н., Солаев В.Т. Указ. соч. С. 313.

<sup>5</sup> Бородино. С. 95, 96. Курсив мой. — Н.Т.

<sup>6</sup> Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. С. 377. Ординарец Кутузова кн. Александр Борисович Голицын (1792—1865) стал впоследствии саратовским губернатором и владимирским губернским предводителем дворянства.

ины встретили весть о том, что завтра они атакуют, «с восторгом»<sup>1</sup>.

Вот смерклось. Были все готовы  
Завтра бой затеять новый  
И до конца стоять...

Тем временем Наполеон отвел часть своих войск с батареи Раевского и Багратионовых флешей на исходные позиции. Ряд наших историков повторяет давнюю версию А.И. Михайловского-Данилевского, будто французы отступили за Колочу<sup>2</sup>. Все французские источники свидетельствуют, что «Великая армия» ночевала на поле сражения<sup>3</sup>. Поэтому такие авторитеты русской военной историографии, как генерал от инфантерии А.П. Скугаревский и профессор Академии Генерального штаба генерал-майор А.Н. Витмер, заключили, что ночной отход французов от главных пунктов кровопролития означал всего лишь намерение отдохнуть не на трупах, густо усеявших эти пункты, а в стороне от них<sup>4</sup>. Во всяком случае, Наполеон располагался на ночлег, не мешая Кутузову сделать то же самое.

Кутузов, однако, узнал, что русские потери гораздо больше, чем предполагалось, и около полуночи дал приказ отступить. Еще до рассвета 27 августа русская армия оставила поле Бородино и выступила к Москве. «...Когда дело идет не о славах выигранных только баталий, — писал Кутузов царю перед отходом с Бородинской позиции, — но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, ночевав на месте сражения, я взял намерение отступить <...>»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. С. 376; Ермолов А.П. Записки. С. 196.

<sup>2</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Описание... Т. 2. С. 283; Левицкий Н.А. Война 1812 г. М., 1938. С. 25; Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 179—180; Бескровный А.Г. Бородинское сражение. С. 70; Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. С. 169; Лесин В.И. Указ. соч. С. 323.

<sup>3</sup> Французы в России. Т. 1. С. 133, 136, 150, 163; Пеле Ж. Указ. соч. С. 88; Шатбрау G. Op. cit. V. 2. P. 82; Денпье P. Op. cit. P. 80; Segur Ph.-P. Op. cit. V. 1. P. 382; Lagre D. Mémoires... Paris, 1817. V. 4. P. 46. и мн. др.

<sup>4</sup> Скугаревский А.П. Бородино. СПб., 1912. С. 77; Витмер А.Н. Бородинский бой // Военно-исторический сб. 1912. № 3. С. 167.

<sup>5</sup> Бородино С. 102.

Бородинская битва стала одной из самых кровопролитных в истории войн. Но людские потери в ней с тех пор и поныне определяются еще более разноречиво, чем даже соотношение сил перед битвой. При этом советские историки в большинстве своем (отчасти и постсоветские — тоже) очень старались подсчитать потери обеих сторон «в нашу пользу», т. е. чтобы французов погибло как можно больше, а русских как можно меньше, и победа Кутузова выглядела бы особенно впечатляющей.

По ведомостям из архива Военного министерства Франции, Наполеон потерял при Бородине 6567 человек убитыми и 21 519 ранеными: всего — 28 086 человек<sup>1</sup>. Эти данные для французских историков наиболее авторитетны<sup>2</sup>. Приводятся также во французской и прочей литературе другие цифры, но, как правило, — в пределах от 20 до 30 тыс.<sup>3</sup>. Русские данные о потерях французов имеют первоисточником цифру Ф.В. Ростопчина со ссылкой на документы, «оставленные неприятелем»: 50 876 «нижних чинов», а всего — 52 482 человек<sup>4</sup>. Этой цифры держались, при случае несколько округляя ее, почти все русские дореволюционные<sup>5</sup> и совет-

<sup>1</sup> Deniée P. Op. cit. P. 80.

<sup>2</sup> См., напр.: Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1854. Т. 14. P. 349; Thiry J. La campagne de Russie. Paris, 1969. P. 153; Bond J. La Grande Armée. Paris, 1979. P. 345.

<sup>3</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 260; Клаузевиц К. Указ. соч. С. 174; Faip A. Manuscrit de l'an 1812. Paris, 1827. Т. 2. P. 21; Kukiel M. Woina 1812 roku. Krakow, 1937. Т. 2. S. 199; Madelin L. La catastrophe de Russie. Paris, 1949. P. 199; Quennevat J.-C. Atlas de la Grande Armée. Napoléon et ses campagnes (1803—1815). Paris—Bruxelles, 1966. P. 138; La campagne de Russie. Napoléon — 1812. Paris, 1981. P. 170; Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта. М., 1995. Т. 2. Кн. 3. С. 122; Чандлер Д. Указ. соч. С. 493.

<sup>4</sup> Подробный список всех корпусов, составлявших французскую армию, вышедшую в поход против России в 1812 г. С приложением расписания потерь, сделанных неприятелем с начала кампании до вступления в Москву // Ростопчин Ф.В. Соч. СПб., 1853. С. 362. Весь «Подробный список...» занимает здесь С. 335—364. Впервые он был опубликован по указанию Ростопчина отдельным изданием в Москве в 1813 г.

<sup>5</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. Т. 2. С. 254; Богданович М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 223; Геруа А.В. Бородино. СПб., 1912. С. 61; История русской армии и флота. М., 1911. Т. 3. С. 164; Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 4. С. 26.

ские историки<sup>1</sup> до 1941 г., когда Б.А. Кац, ссылаясь на подсчеты В.А. Афанасьева, определил потери французов в 58 478 человек<sup>2</sup>. Теперь все (за редким исключением) наши историки стали называть цифру Каца<sup>3</sup>, округляя ее до 60 тыс.<sup>4</sup> При этом *никто* из них не ссылается на первоисточник этой цифры и не интересуется ее происхождением. Между тем она держится на вымысле.

Сам Б.А. Кац так объяснил происхождение своих данных: «О потерях французской армии в Бородинском сражении нам сообщил В.А. Афанасьев, который на основании французских документов, опубликованных в 1813 г., сделал *самые точные подсчеты* (эти документы были захвачены русскими при бегстве французов и озаглавлены: «Подробный список всех корпусов, составлявших французскую армию, выступившую в поход против России в 1812 г., с приложением расписания потерь, сделанных неприятелем с начала кампании до вступления в Москву»)»<sup>5</sup>.

Итак, цифра Б.А. Каца получена от В.А. Афанасьева, а тот сделал свои «самые точные подсчеты» на основании тех же до-

<sup>1</sup> Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 7. С. 579; Свечников М.С. Война 1812 г. Бородино. М., 1937. С. 88; Сивков К.В. Разгром Наполеона в России в 1812 г. М.; Л., 1941. С. 23; Предтеченский А.В. Отечественная война 1812 г. // Исторический журнал. 1941. № 7—8. С. 93.

<sup>2</sup> Кац Б.А. Подлинные потери русской армии в Бородинском сражении // Исторический журнал. 1941. № 7—8. С. 125.

<sup>3</sup> Прунцов В.В. Указ. соч. С. 66; Жилин П.А., Ярославцев А.В. Указ. соч. С. 76; Бескровный А.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 397; Фадеев А.В. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 18; Строков А.А. История военного искусства. М., 1965. Т. 2. С. 197; Ростунов И.И. П.И. Багратион. М., 1970. С. 107; Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 131; Андрианова И.А. Указ. соч. С. 241; 1812 год: Сб. статей. С. 75; История России. С начала XVIII до конца XIX в. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2000. С. 314.

<sup>4</sup> Кожухов С.И. К вопросу об оценке М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г. // Большевик. 1951. № 15. С. 29; Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 182; Мелентьев В.Д. Указ. соч. С. 149; Абаляхин Б.С. Указ. соч. С. 69; Жилин П.А. О войне и военной истории. М., 1984. С. 496; Почко Н.А. Генерал Н.Н. Раевский. М., 1971. С. 35; Богданов А.П. На поле Бородинском. М., 1987. С. 49; Недаром помнит вся Россия. М., 1986. С. 78.

<sup>5</sup> Кац Б.А. Указ. соч. С. 125. Курсив мой. — Н. Т.

кументов, которые опубликовал в 1813 г. Ф.В. Ростопчин. Но ведь по документам Ростопчина насчитать 58 478 (а тем более 60 тыс.) французов, павших при Бородине, никак нельзя, — получается именно 52 482, т. е. изначальная ростопчинская цифра. Главное же, «Подробный список...» Ростопчина вовсе не заслуживает того доверия, которым прониклись к нему В.А. Афанасьев и Б.А. Кац, а следом за ними и другие историки, вплоть до наших дней. Он был сочинен для Ростопчина французским перебежчиком майором А. Шмидтом, который, по-видимому, из желания услужить россиянам щедро «фаршировал» свой опус преувеличениями<sup>1</sup>. Так, численность французской армии при Бородине поднята в «Подробном списке...» до 180,5 тыс. человек<sup>2</sup>, а в состав ее на Бородинском поле включен 10-й корпус под командованием А. Монсея<sup>3</sup>, действовавший за сотни верст от Бородине, под Ригой, причем командовал им не Монсей (который вообще не участвовал в походе на Россию), а Ж.-Э. Макдональд. Вдвое преувеличена в «Подробном списке...» и численность гвардии Наполеона при Бородине: 40 тыс. человек<sup>4</sup>. Потери французов Шмидт тоже, естественно, преувеличил.

Что касается официальных данных Военного министерства Франции, опубликованных П. Денье, то их (а заодно и мои подсчеты) недавно попытался дискредитировать Б.С. Абаляхин. Он заявил: «Такие цифры фигурировали в наполеоновских бюллетенях», а «в русском обществе даже ходила пословица: «Лжешь, как бюллетень»<sup>5</sup>. Либо Абаляхин не заглядывал ни к Денье, ни в «бюллетени», либо он все перепутал (трудно сказать, что хуже), но цифры там *разные*: у Денье — 28 086, в 18-м «Бюллетене» — 10 тыс. человек<sup>6</sup>.

Если французские потери *растут* в подсчетах наших историков с 28 до 60 тыс. человек, то русские — примерно в той

<sup>1</sup> См. об этом: Троицкий Н.А. Первоисточник русских данных о потерях Наполеона при Бородине // Вопросы истории. 1990. № 9.

<sup>2</sup> Ростопчин Ф.В. Соч. С. 357.

<sup>3</sup> Там же. С. 341.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Абаляхин Б.С. Указ. соч. С. 66, 69.

<sup>6</sup> Bulletins officiels de la Grande Armée. P. 99.

же пропорции — *сокращаются*, дабы наша (во главе с Кутузовым) победа при Бородине выглядела эффектнее. Почти все русские дореволюционные авторы<sup>1</sup>, большинство зарубежных<sup>2</sup> и до 1954 г. — советских историков<sup>3</sup> определяли потери россиян под Бородином в пределах от 50 до 60 тыс. человек. После того как в 1954 г. были опубликованы сводные ведомости потерь 1-й и 2-й Западных армий<sup>4</sup> и А.Г. Бескровный, сославшись на них, объявил, что *теперь* «вопрос о потерях русской армии в Бородинском сражении можно считать решенным»<sup>5</sup>, советские историки дружно стали называть число русских потерь по этим ведомостям: 38,5 тыс. человек<sup>6</sup>. Однако ни эти ведомости, ни заключение Бескровного не верны. Во-первых, никто из специалистов, включая Бескровного, не заметил, что ведомости, о которых идет речь, были опубликованы еще в 1872 г.<sup>7</sup>, а главное, странным образом никто не обратил внимания на их неполноту: они не учитывают потери ополчения и казаков (это сразу бросается в глаза), а также, как недавно установил С.В. Шведов, 32 эскадронов кавалерии, 6 пехотных батальонов, 11 артиллерийских рот и ряда других

<sup>1</sup> Бутурлин Д.П. Указ. соч. Ч. 1. С. 298; Михайловский-Данилевский А.И. Описание... Т. 2. С. 275; Полевой Н.А. Повесть о великой битве Бородинской. СПб., 1844. С. 89; Липранди И.П. Материалы для истории Отечественной войны 1812 г. СПб., 1867. С. 7; Геруа А.В. Указ. соч. С. 61; Скугаревский А.П. Указ. соч. С. 79; Отечественная война и русское общество. Т. 4. С. 26; История русской армии и флота. Т. 3. С. 164.

<sup>2</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 260; Пеле Ж. Указ. соч. С. 90; Thiers A. Op. cit. Т. 14. P. 349; Thiry J. Op. cit. P. 154; Kukiel M. Op. cit. Т. 2. S. 199; Castellet A. Histoire de Napoléon Bonaparte. Paris, 1969. Т. 8. P. 88; La campagne de Russie. Napoléon — 1812. P. 170.

<sup>3</sup> Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 7. С. 579; Свечников М.С. Указ. соч. С. 88; Левицкий Н.А. Указ. соч. С. 25—26; Сивков К.В. Указ. соч. С. 23; Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 93.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 210—218.

<sup>5</sup> Бескровный А.Г. Отечественная война 1812 г. С. 397.

<sup>6</sup> Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 182; Ростунов И.И. Указ. соч. С. 107; 1812 год. Сб. статей. С. 75; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 4. С. 131; История СССР / Под ред. Н.Е. Артемова. М., 1982. Ч. 1. С. 195; Недаром помнит вся Россия. С. 79.

<sup>7</sup> Бородинское сражение // ЧОИДР. 1872. Кн. 1. С. 45.

частей. Восстановив пробелы в публикациях ведомостей 1872-го и 1954 гг., С.В. Шведов заключил, что русская армия потеряла при Бородине «около 53 тыс. человек», то есть фактически вернулся к исходным русским данным<sup>1</sup>.

Заслуживает внимания и хранящийся в РГВИА документ, который был составлен Военно-ученым архивом Главного штаба Российской империи и назван так: «Списки убитым, раненым и награжденным воинским чинам 1812—1814 гг.». В нем поименно названы все убитые и раненые при Бородине генералы и офицеры (633 чел.) и подсчитано общее число выбывших из строя «нижних чинов» (45 тыс.), всего — 45,6 тыс. человек<sup>2</sup>. Это и есть официально признанный минимум русских потерь, как 28,1 тыс. убитых и раненых по ведомостям архива Военного министерства Франции есть официально признанный минимум потерь французских.

Тот факт, что обороняющаяся русская сторона понесла больший урон, чем сторона наступающая, объясняется совокупностью по крайней мере трех факторов. Во-первых, Наполеон при Бородине (как и в других сражениях с разными противниками) более искусно и продуктивно использовал артиллерию, тем более что начальник всей русской артиллерии граф А.И. Кутайсов в начале битвы погиб. Сам Кутузов признавал, что, если решить свои задачи ему не удалось, «тому причиной была смерть Кутайсова»<sup>3</sup>. Во-вторых, по ходу битвы, когда опорные пункты русской позиции (флеша Багратиона и батарея Раевского) несколько раз переходили из рук в руки, обороняющаяся сторона превращалась в наступающую и обратно. Наконец, в-третьих, сказалось при Бородине сакраментальное русское правило «За ценой не постоим» («Уж мы пойдем ломить стеною...»), о чем свидетельствуют и чрез-

<sup>1</sup> Шведов С.В. Численность и потери русской армии в Бородинском сражении // Бородино. Мат-лы научной конференции 1993 г. Бородино, 1994. С. 113—114.

<sup>2</sup> РГВИА. Ф. 474, оп. 1, д. 96, л. 35—46. Частично (по копии) документ опубликован: М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 208—209.

<sup>3</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Александр I и его сподвижники... Т. 1. Вып. 24. С. 5; Богданович М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 199.

мерная плотность боевого порядка, и недостаточная маневренность на поле боя, и, в дальнейшем, десятки тысяч раненых, брошенных в Можайске, а затем в Москве (сожжение Москвы, разумеется, тоже). Все это не делает чести Кутузову, но, может быть, учитывалось им, когда он, как бы в искупление своей вины, осторожничал сверх меры на заключительном этапе войны.

Вернемся теперь к потерям сторон при Бородине. Беспримерными в истории войн оказались здесь потери в командном составе. Французы потеряли 49 генералов (а не 43 и не 47, как обычно считают<sup>1</sup>): 10 убитыми и 39 ранеными — все они названы у П. Денье<sup>2</sup>. А.П. Скугаревский правомерно усмотрел здесь «поучительный пример доблести старших начальников, не повторявшийся в последующих войнах всех армий»<sup>3</sup>. К этому надо добавить, что такого примера не знали и предыдущие войны и что в Бородинской битве его показали обе армии.

Генералов русские потеряли под Бородином почти вдвое меньше, чем французы, но гораздо больше, чем в любом другом сражении за всю историю России, — 29 (6 убитыми и 23 ранеными)<sup>4</sup>. Самой тяжелой утратой для русской армии была гибель «2-го главнокомандующего» князя П.И. Багратиона. Погиб и начальник всей артиллерии граф А.И. Кутайсов. Сложили головы на Бородинском поле два брата — генералы Н.А. и А.А. Тучковы (напомню, что их третий брат — генерал П.А. Тучков — был взят в плен под Смоленском).

По числу потерь той и другой стороны Бородинскую битву называют не только генеральным, но и *генеральским* «кровопусканием». Зато трофеи с обеих сторон были одинаково скромны: русские взяли 13 пушек и 1000 пленных, среди которых был один израненный генерал — Ш.-О. Бонами; фран-

<sup>1</sup> Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 182; Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 7. С. 579; Андрианова И.А. Указ. соч. С. 241; Бешанов В.В. Указ. соч. С. 346; Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. С. 172; СИЭ. Т. 2. С. 628; БСЭ. 3 изд. Т. 3. С. 579.

<sup>2</sup> Denièr P. Op. cit. P. 186—188.

<sup>3</sup> Скугаревский А.П. Указ. соч. С. 80.

<sup>4</sup> РГВИА. Ф. 474, оп. 1, д. 96, л. 35 об. — 39 (все 29 генералов здесь перечислены).

цузы захватили 15 пушек и тоже 1000 пленных, в числе которых также оказался один израненный генерал — П.Г. Лихачев<sup>1</sup>.

Как же следует оценить итоги Бородине? К чести Кутузова (а главным образом к чести российского солдата), он *выстоял* при Бородине в генеральном сражении с Наполеоном, не дал себя разбить, обратиться в бегство. Большинству наших историков, вплоть до новейших, этого мало. Они подают Бородинскую битву так, что Кутузов в ней одержал «стратегическую и тактическую победу», нанес «решающее поражение» Наполеону<sup>2</sup>. Это значит, что Кутузов оставил древнюю столицу Отечества побежденному врагу после решающей победы над ним! Мало сказать, что такого казуса мировая история войн еще не знала. Таких казусов вообще не бывает.

Наши историки тем не менее уверовали в этот казус и, чтобы обосновать его, дружно прибегли к двум капитальным подлогам. Во-первых, представить Бородино победой Кутузова крайне мешает историкам... сам Кутузов. Ведь он, напомним, четко определил свою задачу при Бородине: «*Спасение Москвы*». Поскольку Москву он не спас и, стало быть, задачу свою не решил, как можно представить Бородино его победой? Наши ученые придумали такой ход: закрыв глаза на то, что сам

<sup>1</sup> См.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание... Т. 2. С. 276.

<sup>2</sup> Жилин П.А., Ярославцев А.В. Указ. соч. С. 79; Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 190—191; Бескровный Л.Г. Бородинское сражение. С. 72; Полководец Кутузов: Сб. статей. С. 255; Пунин Л.Н. Фельдмаршал Кутузов. С. 158; Мухин А.А. Отечественная война 1812 г. Иркутск, 1962. С. 19; Мокряков П.Т. Отечественная война 1812 г. М., 1970. С. 19; Хвостов В.М. Проблемы истории внешней политики России и международных отношений. М., 1977. С. 311; Окунь С.Б. История СССР. Лекции. Л., 1978. Ч. 2. С. 35; Ростунов И.И. Отечественная война 1812 г. М., 1987. С. 25; Богданов Л.П. На поле Бородинском. М., 1987. С. 50; Шишов А.В. Особенности полководческого искусства ген.-фельдм. М.И. Голенищева-Кутузова в Отечественной войне 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 171.

Лишь в 1990-е годы некоторые отечественные историки стали признавать, что Бородино — это «победа Наполеона» (А.А. Васильев), хотя французы здесь и «не достигли полного успеха» (В.Н. Земцов) («Чья победа? // Родина. 1992. № 6—7. С. 72; Земцов В.Н. Указ. соч. С. 166).

Кутузов считал своей задачей, они приписывают ему свою версию («максимальное нанесение потерь противнику»), то есть идут на подлог, чтобы подогнуть задачу Кутузова под искомый результат<sup>1</sup>. Если Кутузов ставил задачей всего лишь нанести противнику как можно больший урон, то он свою задачу решил и, значит, битву выиграл, ибо потери французов при Бородине были действительно тяжкими. Оставалось лишь подсчитать бородинские потери обеих сторон «в нашу пользу», что отечественные историки и старательно делают.

В качестве другого подлога используется «*добровольное признание*» Наполеона. Почти в каждом советском издании о войне 1812 г. и в новейшей биографии Кутузова цитируется фраза, будто бы сказанная Наполеоном на острове Святой Елены: «Из 50 сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех»<sup>2</sup>. Так читателю внушается мысль, что Наполеон даже после Лейпцига и Ватерлоо считал «наименьшим» для себя результат Бородине. В действительности же, как явствует из первоисточника, он сказал следующее: «Битва на Москве-реке была одной из тех (*une de celles*) битв, где проявлен максимум достоинств и достигнут минимум результатов»<sup>3</sup>.

Развивая версию о победе Кутузова при Бородине, советские историки стали утверждать, что в Бородинском сражении «был развеян миф о непобедимости наполеоновской

<sup>1</sup> Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., 1950. С. 58, 60. О том же: История военного искусства / Под ред. Е.А. Разина. М., 1956. Т. 1. С. 206, 209; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 4. С. 126; Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. С. 110; Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. Указ. соч. С. 113; Ростунов И.И. Указ. соч. С. 19; Орлик О.В. Указ. соч. С. 47; Шишов А.В. Указ. соч. С. 170; Устинов В.И. «Солнце Аустерлица» закатилось в России // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 51. Вообще, из всех подлогов на тему Бородине рекордным является подлог Н.Ф. Шахмагонова: «Французская армия бежала с поля битвы, оставив там до 50 тыс. трупов» (Дорогами тысячелетий. М., 1989. Кн. 3. С. 214).

<sup>2</sup> См. указ. соч. П.А. Жилина, Н.Ф. Гарнича, Л.Г. Бескровного, С.Б. Окуня, И.И. Ростунова, В.М. Хвостова, Л.Н. Пунина, П.Т. Мокрякова, юбилейную книгу-альбом «Бородино. 1812» (М., 1987. С. 125), а также: Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 316.

<sup>3</sup> La s-G a s e s E. Mémorial de St.-Hélène. Paris, 1840. Т. 6. P. 141.

армии»<sup>1</sup>. Читая такие утверждения, испытываешь чувство неловкости за наших историков — академиков и генералов. Ведь Наполеон и до 1812 г. не все сражения выигрывал (Сен-Жан д'Акр, Прейсиш-Эйлау), а одно из них — под Асперном 22 мая 1809 г. — проиграл, уступив поле битвы. Каким же образом был развеян миф о непобедимости Наполеона именно в Бородинском бою, после которого он сохранил свои и захватил русские позиции, а затем и вступил в Москву?

Дальше — больше. «Бородинское сражение, — умозаключает Л.Г. Бескровный, — явилось последним актом оборонительного периода войны, после него начинается период контрнаступления»<sup>2</sup>. Выходит, по Бескровному, оставление Москвы французам было актом русского контрнаступления!

Архипатриотическое представление о Бородине как о «стратегической и тактической победе» Кутузова внедрилось в нашу историографию так глубоко, что иные, даже мотивированные и авторитетные представления отвергались с негодованием. Вот как реагировал на них П.А. Жилин: «В буржуазной историографии высказывается уже не взгляд, а имеет место *грубая фальсификация* — стремление представить Бородино как победу Наполеона, результатом чего *будто бы* и явилось занятие Москвы»<sup>3</sup>. Столь гневный пассаж историка-сталиниста тем удивительнее, что кроме ненавистных ему буржуазных историков (вроде А. Жомини, К. Клаузевица, Вальтера Скотта, Г. Дельбрюка, М. Кукеля, Д. Чандлера и многих-многих других) «Бородино как победу Наполеона» представляли Карл Маркс, Фридрих Энгельс, редколлегия ленинской «Правды»<sup>4</sup>. Не знал ли об этом Жилин или в гневе забыл?

<sup>1</sup> Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 185; Хвостов В.М. Указ. соч. С. 310; Жилин П.А. О войне и военной истории. С. 523; Полководец Кутузов: Сб. статей. С. 248; Бородино. 1812. С. 217; Шишов А.В. Указ. соч. С. 170—171.

<sup>2</sup> Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 398.

<sup>3</sup> Жилин П.А. О войне и военной истории. С. 454. Курсив мой. — Н.Т.

<sup>4</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 93, 260; Правда. 1912. 7 сентября // Правда (№ 1—204). М., 1934. Вып. 4. С. 285.

Формально, и стратегически и тактически, Наполеон конечно же выиграл Бородинскую битву: он занял все основные пункты русской позиции (Багратионовы флеши, батарею Раевского, с. Бородино и д. Семеновскую), после чего россияне, потеряв гораздо больше людей, чем французы, отступили с поля сражения, а затем и оставили Москву. Столь разные «эксперты», как Жозеф де Местр и В.В. Верещагин, рассуждали просто: «Побеждать — это значит идти вперед, отступить — быть побежденным. Москва отдана, сим все сказано»<sup>1</sup>.

Вместе с тем Наполеон, хотя и добился стратегического, тактического и материального успеха, главной своей задачи — разгромить русскую армию — при Бородине не решил. Он сам и все его воинство, от маршалов до солдат, после битвы были разочарованы. Французские источники признают, что столь «ужасная бойня» без привычных для Наполеона атрибутов победы (массы пленных, трофеев, бегущих врагов) вызвала у завоевателей нечто вроде «столбняка» и повергла их в уныние<sup>2</sup>.

Зато русские воины по окончании битвы в массе своей отнюдь не унывали. Были, конечно, сомнения в том, кто выиграл битву. Сохранились свидетельства офицеров и генералов, полагавших, что россияне ее проиграли<sup>3</sup>. Генерал А.П. Ермолов, офицеры И.Т. Радожицкий и А.А. Щербинин считали, что Наполеон при Бородине «одержал победу, не соответствующую его ожиданиям»<sup>4</sup>. Поэтому нельзя утверждать, что «никто в

<sup>1</sup> Местр Ж. де. Указ. соч. С. 224; Верещагин В.В. Наполеон I в России. Тверь, 1993. С. 119.

<sup>2</sup> Ложье Ц. Дневник офицера «Великой армии» в 1812 г. М., 1912. С. 149; Chambray G. Op. cit. V. 2. P. 82; Segur Ph.-P. Op. cit. V. 1. P. 379; Thiers A. Op. cit. V. 14. P. 348.

<sup>3</sup> Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 г. // ЧОИДР. 1859. Кн. 2. Отд. 5. С. 84; Муравьев Н.Н. Записки // Русский архив. 1885. № 10. С. 261; Левенштерн В.И. Записки // Русская старина. 1900. № 12. С. 581—582; Суханин П.А. Из журнала участника войны 1812 г. // Русская старина. 1912. № 2. С. 283; Винценгероде Ф.Ф. — Александру I 13 сентября 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Указ. публ. С. 136.

<sup>4</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 197; Радожицкий И.Т. Указ. соч. Ч. 1. С. 159; [Щербинин А.А.]. «Война и мир». Замечания мои на 5-й том // ЧОИДР. 1912. Кн. 4. Отд. 2. С. 5.

русской армии не считал сражение проигранным»<sup>1</sup>. Но определяющим боевой дух россиян было сознание, что они **ВЫСТОЯЛИ** — отсюда и тот восторг, с которым они приняли весть о намерении Кутузова «заутра бой затеять новый».

Вот почему мы вправе говорить и о русской победе при Бородине — о победе *нравственной*. Знаменательно, что сам Наполеон склонялся к такому заключению. «Французы в нем, — сказал он о Бородинском сражении, — показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми»<sup>2</sup>.

Нравственная победа русских войск под Бородином столь велика, что не нуждается в искусственном подтягивании до уровня победы материальной, которая и после Бородина оставалась еще для россиян делом будущего, теперь уже — недалекого. Более того, для истории полезнее не замалчивать и тем паче не оправдывать, а критически оценить просчеты русского командования в Бородинской битве, которые не только не позволили россиянам добиться лучшего, но и могли привести их к худшему.

Широко бытует мнение, что «не Наполеон, а Кутузов диктовал условия» Бородинской битвы, причем Кутузову ставится в заслугу даже тот факт, что он почти весь день Бородину провел на одном месте, за линией своих резервов, тогда как Наполеон именно потому, что «стремился лично обозревать поле сражения и в критические моменты сам направлялся к месту возникновения опасности», якобы «терял инициативу», «подчинялся направляющей сражение воле Кутузова»<sup>3</sup>.

Факты говорят о другом: Наполеон диктовал ход сражения, атакуя все, что хотел и как хотел, а Кутузов только отбивался от его атак, перебрасывая свои войска из тех мест, где пока не было прямой опасности, в те места, которые подвергались атакам.

<sup>1</sup> Брагин М.Г. Кутузов. С. 167.

<sup>2</sup> Пеле Ж. Указ. соч. С. 56.

<sup>3</sup> Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 140; Бескровный А.Г. Отечественная война 1812 г. С. 405; Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. С. 400; Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 101; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 4. С. 131.

При этом не всегда дивизии и целые корпуса успевали из центра, а тем более с правого крыла (за 5—6 км) подкрепить левое крыло русской позиции. «Корпуса Багговута, Остермана и Корфа, — подметил еще один из первых русских историков 1812 г. генерал Н.А. Окунев, — приходили по одному на решительные точки и вступали в дело один после другого, и потому действия их были *поправочные* и принесли пользу только *отрицательную*»<sup>1</sup>, т. е. оттянули, но не предотвратили падение ни Багратионовых флешей, ни батареи Раевского.

В результате Бородинская битва возымела поразительную особенность, на что первым обратил внимание тот же Н.А. Окунев и о чем все советские и постсоветские исследователи, кроме А.Н. Кочеткова, молчат. Располагая меньшими силами, Наполеон *на всех* пунктах атаки (Шевардинский редут, Бородино, флеша Багратиона, батарея Раевского, Семеновская, Утица) создавал «превосходство, доходящее до подавляющего», и в пехоте, и в коннице, и в артиллерии<sup>2</sup>. Мы восхищаемся героизмом защитников флешей и батареи Раевского, отражавших атаки в 2—2,5 раза превосходящих сил врага, но не задумываемся над тем, что русское командование могло и *обязано* было не допустить на решающих участках битвы такого и вообще какого бы то ни было превосходства неприятеля в силах, тем более что россияне при Бородине численно превосходили французов.

Все дело в том, что Кутузов проявил чрезмерное (хотя и понятное) опасение за свой правый фланг, сосредоточив там главные силы, которым уже по ходу битвы пришлось то и дело «перебегать» справа налево, а кроме того, русские уступали французам в быстроте маневра. Поскольку Кутузов как главнокомандующий не проявлял должной оперативности, Барк-

<sup>1</sup> Окунев Н.А. Рассуждение о больших военных действиях... в 1812 г. СПб., 1833. С. 196—197. Гениальный художник-баталист В.В. Верещагин, который знал толк в военном деле, резонно критиковал это «перебеганье чуть не половины армии под выстрелами» (Верещагин В.В. Повести. Очерки. Воспоминания. М., 1990. С. 242).

<sup>2</sup> Кочетков А.Н. Указ. соч. С. 41. Ср.: Окунев Н.А. Указ. соч. С. 196.



лай-де-Толли время от времени, к счастью для россиян, брал руководство битвой на себя и успевал предотвратить прорыв то левого фланга русской позиции (вовремя подкрепив его корпусом К.Ф. Багговута), то ее центра, стянув сюда корпуса Ф.К. Корфа и К.А. Крейца. Поэтому Барклай не без оснований судил о себе: «Если в Бородинском сражении армия не была полностью и окончательно разбита — это моя заслуга, и убеждение в этом будет служить мне утешением до последней минуты жизни»<sup>1</sup>. Однако и Барклай-де-Толли не мог исправить всех последствий «правого уклона» в размещении русских войск, хотя он пытался сделать это еще перед битвой.

Кутузов как главнокомандующий ответствен и за то, что французы превосходили россиян в маневренности и мощи артиллерийского огня, хотя количественно и даже по калибру орудий русская артиллерия была сильнее французской. Искусно маневрируя, Наполеон сумел и в количественном отношении создать артиллерийское превосходство на левом крыле русской позиции (400 орудий против 300), а после захвата флешей взять русский центр под перекрестный огонь с обоих флангов. Наполеон «обставил все высоты ужасным количеством артиллерии, — вспоминал герой Бородина Ф.Н. Глинка. — Пальба его могла вредить более нашей: он как зачинщик действовал откуда и как хотел и действовал *концентрически* (сосредоточенно); мы как ответчики действовали, как позволяло местоположение, и поэтому часто разобщенно, *эксцентрически*»<sup>2</sup>.

Русская артиллерия, разумеется, давала врагу достойный отпор, но по недостатку маневра все же на всех решающих участках битвы уступала ему количественно и позиционно; как признавали сами участники Бородина, «действовала по частям и без связи»<sup>3</sup> — во многом из-за ранней гибели А.И. Кутай-

<sup>1</sup> «К чести России». С. 105.

<sup>2</sup> Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 321.

<sup>3</sup> Военский К.А. Отечественная война 1812 г. в записках современников. СПб., 1911. С. 68; Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. С. 233; Норов А.С. Воспоминания // Русский архив. 1881. № 3. С. 196; Граббе П.Х. Указ. соч. Ч. 2. С. 87.

сова. Всего, по данным Н.Г. Павленко, она выпустила 60 тыс. снарядов против 90 тыс. французских (П.Х. Граббе насчитывал 60 тыс. снарядов, выпущенных французами, и 20 тыс. — русскими<sup>1</sup>).

Итак, роль Кутузова в руководстве Бородинской битвой, начиная с размещения войск и кончая их взаимодействием, была настолько инертной, что Н.Н. Раевский выразился даже таким образом: «Нами никто не командовал»<sup>2</sup>. Автор страдальчески-апологетической статьи о Кутузове Л.Л. Ивченко, полагающая, что ее кумира критикуют только «недоброжелатели полководца», которые, мол, «слишком пристрастны»<sup>3</sup>, могла бы задуматься над тем, почему именно у Кутузова, как ни у кого из крупных русских военачальников, столько «недоброжелателей».

Все недостатки руководства битвой со стороны Кутузова, о которых идет речь, не имели губительных последствий отчасти потому, что и Наполеон допускал просчеты. Захватив Бородино, он прекратил активные действия против русского правого фланга, что позволило Кутузову и Барклаю-де-Толли безбоязненно перебрасывать свои войска справа налево. На левом фланге русских он сначала переоценил возможность обходного маневра Ю. Понятовского, а после того как были взяты Багратионовы флешы и Семеновская, не закрепил этот успех, обратив свои усилия против русского центра. Наконец, ошибкой Наполеона, как полагает ряд военных авторитетов (Ж. Шамбре, Д.П. Бутурлин, А.Н. Витмер, Д. Чандлер), было то, что после взятия Курганной высоты он не ввел в дело гвардию для решающего прорыва в центре<sup>4</sup>.

Впрочем, если бы даже Кутузов допустил под Бородином еще больше ошибок, а Наполеон действовал безупречно, все

<sup>1</sup> Павленко Н.Г. Русская артиллерия (1389—1812). М., 1940. С. 134; Граббе П.Х. Указ. соч. Ч. 2. С. 86.

<sup>2</sup> 1812—1814. М., 1992. С. 218.

<sup>3</sup> Ивченко Л.Л. М.И. Кутузов в Бородинском сражении. С. 22.

<sup>4</sup> См.: Бутурлин Д.П. Указ. соч. Ч. 1. С. 300—301; Витмер А.Н. Бородино в очерках наших современников. С. 157; Чандлер Д. Указ. соч. С. 493; Chambray G. Op. cit. V. 2. P. 78.

равно французы вряд ли могли рассчитывать на лучший для них исход, ибо дело здесь не столько в Кутузове и Наполеоне, сколько в русском солдате. *Русский солдат*, плоть от плоти своего народа, — вот главный герой Бородина. Именно его беспримерная стойкость искупила все промахи Кутузова и сорвала расчеты Наполеона.

Солдаты России сражались под Бородином не ради славы и не столько за Царя, сколько за Веру и Отечество. Именно желание защитить родную землю, Москву и всю Россию воодушевляло русских воинов, делая их непобедимыми. Один из рядовых героев 1812 г. так ответил на вопрос, почему при Бородине сражались столь храбро: «Оттого, сударь, что тогда никто не ссылался и не надеялся на других, а всякий сам себе говорил: «Хоть все беги, я буду стоять! Хоть все сдайся, я умру, а не сдамся!» Оттого все стояли и умирали!»<sup>1</sup> Оттого и являлись «примеры изумляющей неустрашимости»<sup>2</sup>. Тарнопольский полк 27-й дивизии Д.П. Неверовского шел в контратаку на флешу колонной с музыкой и песней, «что я, — вспоминал участник многих войн Н.И. Андреев, — в первый и последний раз видел»<sup>3</sup>.

Кутузов, так истово радевший о духе войск, все это знал и правильно оценил. Свое донесение царю о Бородинской битве он закончил такими словами: «Французская армия под предводительством самого Наполеона <...> не превозмогла твердость духа российского солдата, жертвовавшего с бодростью жизнью за свое Отечество»<sup>4</sup>.

### 3. ФИЛИ — МОСКВА

От Бородин Кутузов отступал к Москве, заверяя изо дня в день и своих генералов, и московского генерал-губернатора графа Ф.В. Ростопчина в том, что он даст новое сражение для

<sup>1</sup> Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 367.

<sup>2</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 192.

<sup>3</sup> Андреев Н.И. Из воспоминаний // Русский архив. 1879. № 10. С. 191.

<sup>4</sup> Бородино. С. 141.

«спасения Москвы»<sup>1</sup>. В те же дни он запрашивал ответственных за подготовку резервов князя Д.И. Лобанова-Ростовского и Н.А. Ушакова и, судя по тону запросов, надеялся получить у Москвы подкрепления<sup>2</sup>. Однако они не были присланы. Вместо них Михаил Илларионович получил фельдмаршальский жезл и 100 тыс. руб. (плюс по 5 руб. на каждого «нижнего чина») за Бородинскую битву<sup>3</sup>. Тем не менее, даже узнав из царского рескрипта, полученного 30 августа, что подкреплений до Москвы не будет, он продолжал уверять окружающих: под Москвой «должно быть сражение, решающее успехи кампании и участь государства»<sup>4</sup>.

Трудно сказать, верил ли сам Кутузов в то, что он говорил, или только поддерживал такими заверениями боевой дух армии, или же просто был в затруднении, не зная, на что решиться, и таким образом побуждая своих соратников к возражениям. По словам А.П. Ермолова, который, пожалуй, лучше, чем кто-либо, разбирался в тайниках души свежеспеченного генерал-фельдмаршала, Кутузов «желал только показать решительное намерение защищать Москву, совершенно о том не помышляя»<sup>5</sup>. Когда Ермолов утром 1 сентября высказал сомнения в том, что на позиции, уже избранной под Москвой, можно удержаться, Кутузов «в присутствии окружавших его генералов» «ощупал пульс [Ермолова] и сказал: «Здоров ли ты?»<sup>6</sup> Когда же Барклай-де-Толли к вечеру того дня стал убеждать Кутузова в необходимости «оставить Москву», Михаил Илларионович, «внимательно выслушав, не мог скрыть восхищения своего, что не ему присвоена будет мысль об отступлении, и, желая сколько возможно отклонить от себя упреки, приказал к 8 часам вечера созвать гг. генералов на совет»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 158—159, 184, 191—192; Ермолов А.П. Записки. С. 198—199.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 171, 177.

<sup>3</sup> Там же. С. 193.

<sup>4</sup> Там же. С. 192; Военский К.А. Указ. публ. С. 69.

<sup>5</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 200.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же. С. 202—203.

Итак, вечером 1 сентября избу крестьянина Михаила Фролова в подмосковной деревне Фили (ныне Киевский район Москвы), где поместился Кутузов, заполнили высшие чины армии<sup>1</sup>: четыре «полных» генерала (М.Б. Барклай-де-Толли, А.А. Беннигсен, Д.С. Дохтуров, М.И. Платов), столько же генерал-лейтенантов (Н.Н. Раевский, П.П. Коновницын, А.И. Остерман-Толстой, Ф.П. Уваров), начальник штаба 1-й армии генерал-майор А.П. Ермолов, генерал-квартирмейстер (в чине полковника) К.Ф. Толь. Из «полных» генералов не было только М.А. Милорадовича: он не мог отлучиться из арьергарда. Иногда называют среди участников совета генерал-интенданта В.С. Ланского, который, однако, по свидетельству кутузовского ординарца А.Б. Голицына, был приглашен не на совет, а на совещание с Кутузовым сразу после совета<sup>2</sup>. Зато полковник П.С. Кайсаров, участие которого в совете В.П. Тотфалушин ставит под сомнение<sup>3</sup>, скорее всего, там был<sup>4</sup> — не только потому, что он после Бородине исполнял должность дежурного генерала при штабе армии, но и потому, что пользовался, к удивлению окружающих, невообразимым расположением Кутузова<sup>5</sup>.

Обсуждался на совете один вопрос: сдать Москву Наполеону или не отдавать, хотя бы пришлось всем лечь костями под ее стенами. Прения были жаркие. Сугубую остроту придал им Беннигсен, открыв совещание (по старшинству лет, чина и должности начальника Главного штаба) демагогическим приемом: «Я спросил, может ли общество поверить, что мы выиграла, как это обнародовано, сражение Бородинское, если оно

<sup>1</sup> Критический свод данных о составе совета в Филях см. в указ. соч. В.П. Тотфалушина (С. 102—103). О хозяине «кутузовской избы», которого в разных источниках называют по-разному, см.: Прохоров М.Ф. Новые документы о владельцах Кутузовской избы // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 82—83.

<sup>2</sup> См. там же. С. 103.

<sup>3</sup> См. там же.

<sup>4</sup> См.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание... Т. 2. С. 285; Попов А.Н. Москва в 1812 г. М., 1876. С. 217; Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 377.

<sup>5</sup> См.: Фельдмаршал Кутузов. С. 205, 209, 219, 393; Барклай-де-Толли М.Б. Указ. соч. С. 24.

не будет иметь других последствий, кроме потери Москвы, и не будем ли мы вынуждены сознаться, что мы его проиграли?..»<sup>1</sup> Кутузов недоволено прервал Беннигсена, указав на «неправильность подобной постановки вопроса». Он «описал все неудобства позиции» для битвы за Москву и предложил обсудить вопрос в такой формулировке: «Прилично ли ожидать нападения на неудобной позиции или оставить Москву неприятелю?»<sup>2</sup>

Первым выступил в прениях Барклай-де-Толли. Он подверг основательной критике позицию под Москвой (кстати, избранную Беннигсеном) и предложил отступить. «Сохранив Москву, — говорил он, — Россия не сохраняется от войны, жестокой, разорительной. Но сберегши армию, еще не уничтожаются надежды Отечества, и война <...> может продолжаться с удобством: успеют присоединиться в разных местах за Москвой приготовляемые войска»<sup>3</sup>. Ермолов потом вспоминал: «Все сказанное Барклаем на военном совете в Филях заслуживает того, чтобы быть отпечатано золотыми буквами»<sup>4</sup>. Хотя почти все генералы перед советом были настроены сражаться за Москву, Барклай логикой своих рассуждений склонил часть из них (Остермана, Раевского, Толя) на свою сторону: «употребил все средства, чтобы склонить совет» к решению — оставить Москву<sup>5</sup>. Шестеро из 11 участников совета (Беннигсен, Дохтуров, Платов, Коновницын, Уваров и Ермолов) высказались за сражение<sup>6</sup>.

Поскольку один из шестерых (Беннигсен) был бароном, о совете в Филях у нас стали писать так: «Особенно воинственно были настроены служившие в русской армии немецкие бароны <...>. Они не считались с национальными интересами России, не жалели крови русских солдат»<sup>7</sup>. Был в Филях и

<sup>1</sup> Беннигсен А.А. Записки гр. А.А. Беннигсена о кампании 1812 г. // Русская старина. 1909. № 9. С. 501.

<sup>2</sup> Барклай-де-Толли М.Б. Указ. соч. С. 36.

<sup>3</sup> Цит. по: Ермолов А.П. Записки. С. 203.

<sup>4</sup> Цит. по: Давыдов Д.В. Соч. М., 1860. Т. 2. С. 66.

<sup>5</sup> Беннигсен А.А. Указ. соч. С. 501.

<sup>6</sup> См. подсчет голосов в указ. соч. В.П. Тотфалушина (С. 104).

<sup>7</sup> История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 4. С. 131.

еще один «немецкий барон» (Толь), однако он высказался за отступление.

О позиции Кайсарова источники не говорят, но он мог выступить только в смысле, желательном для Кутузова и противном для Беннигсена, т. е. в данном случае за отступление.

Итак, взяв на себя ответственность первого и смело мотивированного предложения оставить Москву, Барклай-де-Толли не просто облегчил Кутузову тяжесть решения, которое тот должен был принять, но и во многом предопределил именно такое решение. Наблюдательный Ермолов заметил, что Кутузов при этом «не мог скрыть удовольствия»<sup>1</sup>. Выслушав всех, фельдмаршал так заключил прения (между прочим, по-французски<sup>2</sup>): «Знаю, что ответственность падет на меня, но жертвую собою для блага Отечества. Повелеваю отступить»<sup>3</sup>. Он подчеркнул (повторив доводы Барклая-де-Толли), что «с потерей Москвы не потеряна еще Россия», необходимо «сберечь армию, сблизиться к тем войскам, которые идут к ней на подкрепление»<sup>4</sup>.

Здесь, вслед за мифом о назначении Кутузова главнокомандующим якобы в критический, наиболее опасный для России момент войны, самое время развеять и миф, изначально рожденный поэтическим гением А.С. Пушкина, но подхваченный и утрированный советскими историками, — миф о том, что «один Кутузов мог решиться отдать Москву неприятелю». От сталинских времен и доселе совет в Филях изображается в нашей литературе, как правило (не без исключений, конечно), с заветным желанием преувеличить роль Кутузова: дескать, выслушав разнобой в речах своих генералов (Барклай-де-Толли при этом зачастую даже не упоминается), Кутузов произнес «свою знаменитую», «полную глубокого смысла и в то же

<sup>1</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 205.

<sup>2</sup> Раевский Н.Н. Записки. С. 74. Впрочем, как подметил П.А. Вяземский, «привычка говорить по-французски не мешала генералам нашим драться совершенно по-русски» (Каллаш В.В. Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912. С. 234).

<sup>3</sup> Раевский Н.Н. Записки. С. 74.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 228.

время трагизма речь» о том, что ради спасения России надо пожертвовать Москвой<sup>1</sup>. «Решение Кутузова оставить Москву без сражения — свидетельство большого мужества и силы воли полководца. На такой шаг мог решиться только человек, обладавший качествами крупного государственного деятеля, твердо веривший в правильность своего стратегического замысла», — так писал о Кутузове П.А. Жилин<sup>2</sup>, не допуская, что таким человеком был и Барклай. «На такое тяжелое решение мог пойти только Кутузов», — вторят Жилину уже в наши дни Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев<sup>3</sup>.

А ведь документы свидетельствуют, что Барклай-де-Толли и до совета в Филях изложил Кутузову «причины, по коим полагал он отступление необходимым»<sup>4</sup>, и на самом совете ответственно аргументировал их, после чего фельдмаршалу оставалось только присоединиться к аргументам Барклая, и вся «знаменитая», «полная смысла, трагизма...» и т. д. речь Кутузова была лишь повторением того, что высказал и в чем убеждал генералов (часть из них и убедил) Барклай.

Между тем генералы, настроенные сражаться за Москву, пришли в ужас от принятого решения («От сего у нас волосы стали дыбом», — вспоминал Коновницын<sup>5</sup>) и расходились после совета с тяжелым чувством, как с похорон. Переживали, конечно, все участники совета, но, пожалуй, больше всех — сам Кутузов. Он не хуже любого из своих генералов понимал, что значит Москва для России. Давно ли он прямо говорил (и писал) Ростопчину и самому царю, что считает своим долгом «спасение Москвы», что «с потерей Москвы соединена потеря России!» Теперь же, оставленный без подкреплений, он, как и

<sup>1</sup> Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. С. 181—182; Бескровный А.Г. Русское военное искусство XIX в. С. 111; Абаляхин Б.С. Героическая эпопея народного подвига. М., 1987. С. 33; Орлик О.В. Указ. соч. С. 54; Рязанов Н.И. Указ. соч. С. 555; Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 319; Шишов А.В. Указ. соч. С. 171.

<sup>2</sup> Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. С. 185.

<sup>3</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 319.

<sup>4</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 202.

<sup>5</sup> Харкевич В.И. Указ. публ. Вып. 1. С. 128.

Барклай-де-Толли, видел, что спасти Россию можно, только пожертвовав Москвой, и глубоко переживал тяжесть такой жертвы: «Несколько раз за эту ночь слышали, что он плачет»<sup>1</sup>.

2 сентября русская армия оставила Москву. То был самый горестный для россиян день 1812 года. Ведь они считали тогда своей «подлинной столицей» именно Москву<sup>2</sup>. Сам царь в июле 1812 г. провозгласил, что «она всегда была главою прочих городов российских»<sup>3</sup>. Более того, по отзывам современников, «в глазах каждого русского Москва была священным городом, который он любовно называл матушкой»<sup>4</sup>. Поэтому русская армия восприняла решение оставить Москву болезненно. «Какой ужас!.. Какой позор!.. Какой стыд для русских» — сокрушался генерал Д.С. Дохтуров<sup>5</sup>. «Вечным стыдом» назвал сдачу Москвы поэт-ополченец П.А. Вяземский<sup>6</sup>. По свидетельству капитана П.С. Пушина (будущего генерала, декабриста), весть об оставлении Москвы вызвала в армии «всеобщее негодование и ропот»<sup>7</sup>. Начальник канцелярии Кутузова С.И. Маевский вспоминал: «Многие срывали с себя мундиры и не хотели служить после поносного уступления Москвы. Мой генерал Бороздин (командующий 8-м корпусом. — Н. Т.) решительно почел приказ сей изменническим»<sup>8</sup>. Солдаты плакали<sup>9</sup>, ворчали: «Лучше уж бы всем лечь мертвыми, чем отдавать Москву!» — и досадовали на Кутузова: «Куда он нас

<sup>1</sup> Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 7. С. 587. О том же: Михайловский-Данилевский А.И. Описание... Т. 2. С. 293.

<sup>2</sup> Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 194.

<sup>3</sup> Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 46.

<sup>4</sup> Schübert F. Unter dem Doppeladler... Stuttgart, 1962. S. 250 (Ф.Ф. Шуберт — русский офицер, герой 1812 г., сын акад. Ф.И. Шуберта, дед С.В. Ковалевской). Ср.: Батюшков К.Н. Соч. М., 1955. С. 308.

<sup>5</sup> Русский архив. 1874. № 1. С. 1098, 1099.

<sup>6</sup> Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 4.

<sup>7</sup> Дневник Павла Пушина (1812—1814). Л., 1987. С. 62.

<sup>8</sup> Маевский С.И. Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8. С. 143.

<sup>9</sup> См.: Радожицкий И.Т. Указ. соч. Ч. 1. С. 170; Неверовский Д.П. Записка о службе моей в 1812 г. // ЧОИДР. 1859. № 1. С. 79; Скобелев И.Н. Переписка и рассказы русского инвалида. СПб., 1841. С. 33; Ковальский Н.П. Из записок // Русский вестник. 1871. № 1. С. 94.

завел?»<sup>1</sup> «Войска в упадке духа», — меланхолично констатировал в те дни доблестный Н.Н. Раевский<sup>2</sup>.

В столь драматичный момент «грозы двенадцатого года» Кутузов выглядел деморализованным и, главное, вел себя как выглядел. Князь А.Б. Голицын, служивший у него тогда ординарцем и бывший при нем безотлучно, рассказывал, как фельдмаршал попросил утром 2 сентября проводить его из Москвы «так, чтоб, сколько можно, ни с кем не встретились», и уезжал одиноко, без свиты, не вмешиваясь в руководство армией<sup>3</sup>. Такая инертность фельдмаршала объяснялась не только потрясением, которое он пережил, будучи *вынужденным* оставить Москву, но и тревогой перед тем, как отреагирует на это Император. Наконец, и ропот войск (они «в первый раз, видя его, не кричали «Ура!»<sup>4</sup>) — ропот, тоже для него небывалый, должно быть, удручал светлейшего. Даже спустя два дня, утром 4 сентября, капитан Д.Н. Болговский, посланный к Кутузову от Милорадовича, застал фельдмаршала «у перевоза через Москву-реку по Рязанской дороге» в придорожной избе: «Он сидел одинокий, с поникшею головою, и казался удрученным»<sup>5</sup>.

Зато Барклай-де-Толли, не обремененный тревогами главнокомандующего и царедворца и привыкший к ропоту войск, сохранял в день оставления Москвы обычное для него присутствие духа. Именно он распоряжался эвакуацией: разослал во все части города своих адъютантов для наблюдения за порядком и сам «пробыл 18 часов не сходя с лошади», чтобы лично инспектировать вывод войск из города и пресечь возможные беспорядки<sup>6</sup>. «Через Москву шли мы, — вспоминал С.И. Маевский, — под конвоем кавалерии, которая, стустивши цепь свою, сторожила

<sup>1</sup> [Дурова Н.А.] Избр. соч. кавалерист-девицы Н.А. Дуровой. М., 1988. С. 176; [Чичерин А.В.]. Дневник Александра Чичерина. 1812—1813. М., 1966. С. 16; Глинка С.Н. Записки о 1812 г. С. 72.

<sup>2</sup> 1812—1814. С. 218.

<sup>3</sup> Военский К.А. Указ. публ. С. 70.

<sup>4</sup> Харкевич В.И. Указ. публ. Вып. 2. С. 192.

<sup>5</sup> Там же. Вып. 1. С. 29.

<sup>6</sup> Левенштерн В.И. Записки // Русская старина. 1901. № 1. С. 106.

целость наших рядов и первого, вышедшего из них, должна была изрубить в куски, несмотря на чин и лицо»<sup>1</sup>.

Вместе с армией уходили и жители города. Ростопчин еще 30 августа сообщал в Петербург: «Женщины, купцы и ученая *тварь* едут из Москвы»<sup>2</sup>. Теперь же несметные толпы беженцев запрудили «всю дорогу от Москвы до Владимира»<sup>3</sup>. Как и солдаты, горожане оставляли Москву с плачем — «просто стон стоял в народе»<sup>4</sup>. Уходили почти все: из 275 547 жителей осталось в городе чуть больше 6 тыс.<sup>5</sup>.

Не успели русские со слезами горечи выйти из Москвы через Рязанскую заставу в сторону Боровского перевоза, как со стороны Арбата в нее вступили французы — тоже со слезами, но от радости. Вся армия завоевателей, «хлопая в ладоши, повторяла с восторгом: «Москва! Москва!» — как моряки кричат: «Земля! Земля!» в конце долгого и трудного плавания»<sup>6</sup>. Сам Наполеон, въехав со свитой к 14 часам 2 сентября на Поклонную гору и увидев всю распахнувшуюся перед ним Москву, не мог сдержать торжествующего возгласа: «Вот, наконец, этот знаменитый город!» — а его маршалы, «опьяненные энтузиазмом славы», бросились к нему с поздравлениями<sup>7</sup>. В следующий час адъютанты принесли императору весть, казавшуюся невероятной, дикой: *Москва пуста!* Наполеон подумал даже (и сказал об этом свите), что «может быть, московские жители не знают, как надо сдаваться?»<sup>8</sup>.

Столиц, в которые входили победителями войска Наполеона, было полтора десятка: Берлин и Вена, Рим и Варшава, Венеция и Неаполь, Милан и Флоренция, Мадрид и Лиссабон,

<sup>1</sup> Маевский С.И. Указ. соч. С. 143.

<sup>2</sup> Дубровин Н.Ф. Указ. публ. С. 102.

<sup>3</sup> Муравьев-Апостол И.М. Письма из Москвы в Нижний Новгород // Сын Отечества. 1813. № 36. С. 133.

<sup>4</sup> Голычева Т. [Новосильцева Е.В.]. Рассказы очевидцев о 12-м годе М., 1912. С. 120.

<sup>5</sup> Тартаковский А.Г. Население Москвы в период французской оккупации 1812 г. // Исторические записки. 1973. Т. 92. С. 366, 368.

<sup>6</sup> Ложье Ц. Указ. соч. С. 161; Segur Ph.-P. Op. cit. V. 2. P. 30—31.

<sup>7</sup> Segur Ph.-P. Op. cit. V. 2. P. 32—33.

<sup>8</sup> Ibid. P. 35.

Амстердам и Триест, Каир и Яффа. Везде были депутации, ключи и церемонии сдачи городов, любопытствующее многолюдье. Теперь впервые Наполеон вступал в столицу, покинутую жителями. Он проехал от Дорогомиловской заставы через весь Арбат до Кремля, «не увидя ни единого почти жителя»<sup>1</sup> (те, кто остался, попрятались). «И некому было слушать нашу музыку, игравшую «Победа за нами!», — досадовал бравый сержант А.-Ж. Бургонь<sup>2</sup>.

Впрочем, утешились завоеватели тут же. Они обнаружили в Москве огромные запасы товаров и продовольствия: «сахарные заводы, особые склады съестных припасов <...>, калужскую муку, водку и вино со всей страны, суконные, полотняные и меховые магазины» и пр.<sup>3</sup>. То, что сулил им Наполеон перед Бородинской битвой («изобилие, хорошие зимние квартиры»), стало явью. Казалось, Наполеон «совершил кампанию с успехом, какого только мог желать»<sup>4</sup>. Он знал, что падение Москвы эхом отзовется во всем мире как еще одна, может быть самая главная, его победа.

Но едва успев разместиться и порадоваться богатствам Москвы, французы подверглись в буквальном смысле испытанию огнем — в тот же день, 2 сентября, начался грандиозный московский пожар, который бушевал непрерывно целую неделю, до 8-го.

Пожар Москвы 1812 г. до сих пор вызывает споры<sup>5</sup>, хотя в них давно уже пришло время поставить точку. П.А. Жилин сводил их к «двум основным тенденциям: русские историки и писатели доказывали, что Москву сожгли Наполеон, солдаты

<sup>1</sup> Пожар Москвы: По воспоминаниям и запискам современников. М., 1911. Т. 1. С. 149.

<sup>2</sup> Бургонь А.-Ж. Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год. СПб., 1898. С. 5.

<sup>3</sup> Там же. С. 27—28; Коленкур А. Мемуары. С. 153; Пасторе А. Записки о 1812 г. // Русский архив. 1900. № 12. С. 531; Французы в России. Т. 2. С. 47; Лаггеу Д. Mémoires. Paris, 1817. V. 4. P. 77.

<sup>4</sup> Соловьев С.М. Император Александр I: Политика. Дипломатия // Соч.: В 18 кн. М., 1996. Кн. 17. С. 408.

<sup>5</sup> Полагают, что и в XXI в. «историки продолжают старый спор: кто все же поджег Москву в 1812 г.» (Сироткин В.Г. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 341).

французской армии; французы обвиняли в этом русских...»<sup>1</sup>. Такое представление о спорах вокруг пожара Москвы донельзя упрощает и, главное, искажает их смысл. Правда, Александр I, Ф.В. Ростопчин, Святейший Синод, некоторые придворные историки, вроде А.И. Михайловского-Данилевского, и публицисты, вроде протоиерея И.С. Машкова, действительно обвиняли в поджоге Москвы Наполеона, французов. Такова была в царской России официальная версия<sup>2</sup>. Из советских историков ее поддерживали все те же Н.Ф. Гарнич, Л.Г. Бескровный, П.А. Жилин и ряд других. В наши дни за ними следуют уже немногие<sup>3</sup>, удивляясь, кстати, тому, что Александр I «даже не потребовал с Франции денег за пожар Москвы», хотя ему «ничего не стоило <...> приказать в отместку за Москву сжечь дотла» Париж<sup>4</sup>.

Это все было и есть. Но ведь такие авторитетнейшие *русские историки и писатели*, как А.С. Пушкин и Н.М. Карамзин, М.Ю. Лермонтов и А.И. Герцен, В.Г. Белинский и Н.Г. Чернышевский, М.И. Богданович и А.Н. Попов (в советской историографии — академики М.Н. Покровский, Е.В. Тарле, М.Н. Тихомиров, Н.М. Дружинин, В.И. Пичета, М.В. Нечкина), такие герои 1812 г., как А.П. Ермолов и Денис Давыдов, И.Т. Радожицкий и князь Д.М. Волконский, П.Х. Граббе и Федор Глинка, наконец — сам Кутузов, вопреки официальной версии, со всей определенностью утверждали, что сожгли Москву россияне.

Прежде чем «дать слово» документам, подчеркну словами Е.В. Тарле (хотя и сказанными по иному поводу) «внутреннюю невероятность, кричащую несообразность»<sup>5</sup> версии о поджоге Москвы Наполеоном. «Что же, они были враги себе?» — резонно вопрошает В.М. Холодковский, доказавший — лучше,

<sup>1</sup> Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. С. 189.

<sup>2</sup> См. статью А.Г. Тартаковского в сб.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 253—257.

<sup>3</sup> См., например: Гуляев Ю.Н. Документы РГИА о пожаре Москвы в 1812 г. // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1998. С. 50; История России. С начала XVIII до конца XIX в. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2000. С. 315.

<sup>4</sup> Сироткин В.Г. Дипломатический финал в Париже // От Москвы до Парижа (1812—1814). Малоярославец, 1998. С. 5,7.

<sup>5</sup> См.: Тарле Е.В. Соч. в 12 т. Т. 11. С. 549.

чем кто-либо, — что пожар Москвы был невыгоден французам ни с экономической, ни с политической, ни с военной, ни даже с «мародерско-грабительской» точки зрения: «Вместо всех богатств им досталась лишь малая часть, остальное было уничтожено огнем»<sup>1</sup>.

Теперь обратимся к документам. Под утро 2 сентября Ростопчин приказал полицейскому приставу П.И. Вороненко «стараться истреблять все огнем», что Вороненко и делал весь день «в разных местах по мере возможности <...> до 10 часов вечера». Донесение об этом самого Вороненко в Московскую управу благочиния<sup>2</sup> было учтено еще в 1876 г. А.Н. Поповым, а позднее — Е.В. Тарле и В.М. Холодковским<sup>3</sup>. Поэтому для тех, кто считает, что сожгли Москву русские, «главным виновником» ее поджога является Ростопчин<sup>4</sup>. Но ведь с прибытием в Москву Кутузова он стал здесь еще «главнее», чем Ростопчин. С.Н. Глинка резонно заметил, что «когда нога Кутузова ступила на землю Московскую, тогда не воля Ростопчина, а воля Кутузова была в Москве»<sup>5</sup>. Какова же роль Кутузова в московском пожаре? Документы позволяют ответить на этот вопрос однозначно.

В то же утро, 2 сентября, оставляя город, фельдмаршал приказал сжечь склады и магазины с продовольствием, фуражом, частью боеприпасов. Этот факт, удостоверенный окружением Кутузова, признан и в дореволюционной, и в советской историографии<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Холодковский В.М. Наполеон ли поджег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 33.

<sup>2</sup> См.: РНБ РО. Ф. 152, оп. 1, д. 259.

<sup>3</sup> См.: Тарле Е.В. Соч. Т. 7. С. 604; Холодковский В.М. Указ. соч. С. 36.

<sup>4</sup> См., например: Богданович М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 317; Клаузевиц К. Указ. соч. С. 114; Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 319; Palmer A. Napoleon in Russia. New-York, 1967. P. 153.

<sup>5</sup> Глинка С.Н. Записки о Москве. М., 1837. С. 39.

<sup>6</sup> См.: Жизнь, военные и политические деяния Его Светлости ген.-фельдм. кн. М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813. Ч. 3. С. 108; Липранди И.П. 50-летие Бородинской битвы // ЧОИДР. 1866. Кн. 3. С. 155; Попов А.Н. Французы в Москве. М., 1876. С. 106; Полосин И.И. М.И. Кутузов и пожар Москвы // Исторические записки. 1950. Т. 34. С. 147; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. С. 422—423.

Вместе с тем Кутузов и Ростопчин, независимо друг от друга, распорядились эвакуировать из города противопожарный инвентарь. Ростопчин сам признавался, что он «приказал выехать 2100 пожарникам с 96 пожарными насосами»<sup>1</sup>. Что касается Кутузова, то его («мимо графа Ростопчина») собственноручное предписание московскому обер-полицимейстеру П.А. Ивашкину вывезти из Москвы «весь огнегасительный снаряд» видел Сергей Глинка<sup>2</sup>. Такая мера, по вескому заключению В.М. Холодковского, «говорит сама за себя: лишить город средств защиты от огня — значило готовить его к сожжению»<sup>3</sup>.

Действительно, Ростопчин и Кутузов придавали такое значение вывозу «огнегасительного снаряда», что заняли под него и время, и транспорт, бросив при этом громадные арсеналы оружия: 156 орудий, 74 974 ружья, 39 846 сабель, 27 119 артиллерийских снарядов, 108 712 единиц чугунной дроби и многое другое<sup>4</sup>, а также 608 старинных русских знамен и больше 1000 штандартов, булав и других военных доспехов. «Удивлялись тогда, — писал об этом в 1867 г. И.П. Липранди, — удивляются и теперь и будут всегда удивляться, что эти памятники отечественной славы были оставлены неприятелю»<sup>5</sup>. Оставить оружие и знамена врагу издревле у всех народов считалось позором. Такого же их количества, как в Москве 2 сентября 1812 г., без боя россияне никогда — ни раньше, ни позже — никому не оставляли.

Хуже того. Торопясь увезти «огнегасительный снаряд», заняв под него сотни подвод, власть предержащие оставили в городе, обреченном на сожжение, 22,5 тыс. раненых<sup>6</sup>, из которых очень многие, если не большинство, сторели. «Душу

<sup>1</sup> Ростопчин Ф.В. Соч. СПб., 1853. С. 211.

<sup>2</sup> Глинка С.Н. Записки о 1812 г. СПб., 1836. С. 66.

<sup>3</sup> Холодковский В.М. Указ. соч. С. 35.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 715—716.

<sup>5</sup> Липранди И.П. Материалы для истории Отечественной войны 1812 г. С. 102.

<sup>6</sup> По официальным данным Государственного совета (М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 471). Ф.В. Ростопчин называл 22 тыс. (Русский архив. 1901. № 8. С. 462), К. Клаузевиц — 26 тыс. (указ. соч. Клаузевица. С. 214).

мою раздирал стон раненых, оставляемых во власти неприятеля, — вспоминал А.П. Ермолов. — <...> С негодованием смотрели на это войска»<sup>1</sup>. Персональную ответственность за это несут и генерал-губернатор Москвы Ростопчин, и Барклай-де-Толли как главный распорядитель эвакуации войск из Москвы, но в первую очередь, безусловно, генерал-фельдмаршал светлейший князь Кутузов как главнокомандующий, высшее должностное лицо империи на театре военных действий. Что он чувствовал, оставляя на гибель десятки тысяч раненых, терзал ли его душу их стон, — неизвестно. Но, по данным и с русской, и с французской стороны, Кутузов 2 сентября приказал начальнику русского арьергарда М.А. Милорадовичу доставить французам записку, подписанную дежурным генералом П.С. Кайсаровым и адресованную начальнику Главного штаба Наполеона маршалу Л.А. Бертье. Записку доставил и вручил маршалу И. Мюрату (для передачи Бертье) штаб-ротмистр Ф.В. Акинфов<sup>2</sup> (будущий генерал, декабрист). Французский генерал Ж. Пеле так передает содержание этой записки: «Раненые, остающиеся в Москве, поручаются человеколюбию французских войск»<sup>3</sup>.

Итак, Кутузов (вместе с Ростопчиным, но независимо от него) поджигает Москву, лишает ее «огнегасительного снаряда», бросает в городе, преданном *неугасимому* огню, — кроме оружия, знамен, бездны памятников отечественной культуры — 22,5 тыс. своих раненых и... поручает их «чело-веколюбию» неприятеля. Как это расценить? По-моему, здесь налицо верх цинизма, не только воинское преступление, но и (по современной терминологии) преступление против человечности<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 206. «Раненых всех бросили», — сокрушался в те дни Н.Н. Раевский (1812—1814. С. 218).

<sup>2</sup> См.: Попов А.Н. Французы в Москве. С. 10—11.

<sup>3</sup> Пеле Ж. Указ. соч. С. 90.

<sup>4</sup> А.А. Смирнов считает такой ход Кутузова естественным, ибо, мол, «аналогично поступали и французы» (Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2000. С. 108—109). А я не могу даже вообразить, чтобы французы в 1814 г. зажгли Париж, вывезли из него «огнегасительный снаряд», бросили бы в нем 20 тыс. своих раненых и *после этого* поручили бы



Добавлю к этому факт, преданный гласности только в 1989 г.: по пути от Бородина к Москве, в Можайске, Кутузов оставил от 10 до 17 тыс. (по разным источникам) своих раненых, которые гибли тоже в огне, зажженном самими россиянами, т. е., должно быть, по кутузовскому приказу<sup>1</sup>. Вот и прецедент для Москвы! Как же объясняют такие действия фельдмаршала его советские и постсоветские биографы? Все они — *все как один* — хранят об этом гробовое молчание.

Сам Михаил Илларионович, оставив Москву, 4 сентября рапортовал царю (о раненых — ни слова!): «Все сокровища, арсенал и все почти имущества, как казенные, так и частные, из Москвы вывезены и *ни один дворянин* в ней не остался». Александр I, посчитав *такой* пиетет со стороны фельдмаршала к «благородному» сословию излишним, зачеркнул слово «дворянин» и сверху написал «почти житель»<sup>2</sup>, но тогда он еще не знал, что в этой части фельдмаршальского рапорта нет ни слова правды. В действительности почти все сокровища, арсенал и «все почти имущества» остались в зажженном городе. Оставлены были в нем, среди прочих раненых, и офицеры (т. е. дворяне!), которых, правда, сами французы успели разместить вместе с собственными ранеными, что и спасло их от гибели в пожаре<sup>3</sup>.

Как после всего этого можно воспринимать последующие (во время бегства французов из России) сентенции Кутузова о том, что он *жалеет* русских солдат? Одно из двух — либо как блеф, либо как попытка искупить свою вину за избыток потерь при Бородине и, особенно, за гибель раненых в Можайске и Москве.

их «человеколюбию» россиян! Уверен, что любой француз поднимет Смирнова на смех за такое воображение. (Тем не менее признаем, что характер войн и взаимоотношений между противниками в начале XIX в. существенно отличался от современного и был более благородным. — *Ред.*)

<sup>1</sup> См.: К у к о в е н к о В.И. Забытая страница войны 1812 г. // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 173—176.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 233.

<sup>3</sup> См. об этом: Н о р о в А.С. Война и мир 1805—1812 гг. с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника. СПб., 1893. С. 72—74, 81; Р а с п о п о в Н.М. Из воспоминаний // Русский архив. 1879. № 9. С. 40.

Таким образом, собственные власти Москву в 1812 г. «просто бросили»<sup>1</sup>. Бросили и — подожгли. Поджечь по приказам Кутузова и Ростопчина даже избранные объекты Москвы при вывозе всего «огнегасительного снаряда» значило обречь деревянный по преимуществу город на грандиозный пожар. Но, кроме того, Москву жгли тогда сами жители — из патриотических побуждений, по принципу «Не доставайся злодею!». Многочисленные французские свидетельства об этом (А. Коленкура, Ф.-П. Сегюра, Ц. Ложье, А.-Ж. Бургоня и др.) подтверждаются русскими источниками. И.П. Липранди видел и слышал, как москвичи «на каждом переходе, начиная от Боровского перевоза <...> до Тарутина даже», являлись в расположение русской армии и рассказывали о «сожжении домов своих»<sup>2</sup>. О том же свидетельствовали Ф.Н. Глинка, П.Х. Граббе, князь Д.М. Волконский<sup>3</sup> и, главное, сам Кутузов.

23 сентября 1812 г. Кутузов заявил посланцу Наполеона бывшему послу Франции в России графу А.Ж.Б. Лористону, горячо отводившему от французов обвинения в поджоге Москвы (французы, мол «не осквернили бы себя такими действиями, даже если бы заняли Лондон»): «Я хорошо знаю, что это сделали русские. Проникнутые любовью к Родине и готовые ради нее на самопожертвование, они гибли в горящем городе». Это заявление фельдмаршала опубликовано в официальных известиях его штаба<sup>4</sup>. Есть и другой вариант заявления, исходящий от царского двора. Кутузов там говорит Лористону: «Вы разрушали столицу по своей методе — определяли для поджога дни и назначали части города, которые надлежало зажигать в известные часы». А.Г. Тартаковский в 1967 г. доказал, что в придворном варианте заявление Кутузова *фальсифицировано*, а именно: «вложена в его уста совершенно произвольно, приписана ему задним числом» правительственная версия причин

<sup>1</sup> В е р е ш а г и н В.В. Наполеон I в России. С. 29.

<sup>2</sup> Л и п р а н д и И.П. Война 1812 г. М., 1869. С. 167.

<sup>3</sup> См.: Г л и н к а Ф.Н. Указ. соч. С. 139; Г р а б б е П.Х. Указ. соч. Ч. 2. С. 97; 1812 год. Военные дневники. М., 1990. С. 144.

<sup>4</sup> Листовки Отечественной войны 1812 г.: Сб. документов. М., 1962. С. 47.

московского пожара<sup>1</sup>. Тем не менее наши биографы Кутузова и после этого продолжают опираться на фальшивку, разоблаченную Тартаковским<sup>2</sup>, поскольку в ней фельдмаршал выглядит более симпатичным патриотом, чем в подлиннике.

Не только Кутузов, но и другие герои 1812 г. понимали смысл пожара Москвы как патриотической жертвы. «Собственными нашими руками разнесен пожирающий ее пламень, — писал А.П. Ермолов. — Напрасно возлагать вину на неприятеля и оправдываться в том, что возвышает честь народа»<sup>3</sup>. Как подвиг самопожертвования россиян оценили московский пожар А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский<sup>4</sup>.

А вот Наполеон не мог понять такого самопожертвования. Глядя на зарево московского пожара, он восклицал: «Что за люди! Это скифы»<sup>5</sup>. Его рациональный ум не постигал бескомпромиссности характера русских людей. «Чтоб причинить мне временное зло, разрушили созидание многих веков», — саркастически говорил он о россиянах<sup>6</sup>.

Пожар действительно разрушил Москву на три четверти. Из 9158 жилых строений сгорели 6532. Погибли дворцы и храмы (из 329 церквей — 122), здание Московского университета, европейски знаменитая библиотека графа Д.П. Бутурлина в Лефортове, художественная галерея графа А.Г. Орлова в Донском монастыре, масса исторических документов (в том числе оригинал «Слова о полку Игореве»).

Но тяжело ударив по экономике, финансам и культуре России, московский пожар с политической и военной точки зрения

<sup>1</sup> Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 г. М., 1967. С. 147.

<sup>2</sup> См.: Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. С. 183; Гуляев Ю.Н. Ген.-фельдм. светлейший кн. М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский. Правда и домыслы // От Москвы до Парижа (1812—1814). С. 50—51.

<sup>3</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 207.

<sup>4</sup> См.: Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. С. 133; Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 3. С. 287; Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 8. С. 133; Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 491—493.

<sup>5</sup> Segur Ph.-P. Op. cit. V. 2. P. 49.

<sup>6</sup> Бумаги П.И. Шукина. Т. 5. С. 149.

поставил Наполеона из выигрышного положения в проигрышное. Вместо уютных квартир в городе, который только что поразил французов своим великолепием, они оказались на пепелище, а тем временем вокруг Москвы разгоралось пламя народной войны, росло «остервенение народа» против захватчиков. Здесь, в Московском Кремле, на высшей точке своего величия, как это признавала тогда вся Европа<sup>1</sup>, Наполеон уже мог видеть, что война, которую он затеял, сулит ему неминуемое фиаско.

Предчувствуя свою гибель, Наполеон из «покоренной» Москвы «великодушно» предлагал Александру I мир (через двоих москвичей — генерал-майора И.А. Тутолмина и отставного капитана И.А. Яковлева<sup>2</sup> — и своего генерал-адъютанта, упоминавшегося Лористона), но российский император ни на одно из этих предложений не ответил, а Яковлева только за то, что он доставил письмо от Наполеона, приказал арестовать.

30 августа, в день своих именин, Александр I получил рапорт Кутузова о Бородинской битве. Кутузов не употребил самого слова «победа», но его фраза (близкая к истине), — «кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами»<sup>3</sup>, — была воспринята в Петербурге как реляция о победе. Очевидцы свидетельствовали: «Весь город высыпал на улицы <...>. Все, поздравляя друг друга с победой, обнимались, лобызались <...>. С тех пор как Петербург стоит, не было такого ликования»<sup>4</sup>. Сам Александр I отстоял благодарственный молебен с коленопреклонением в Троицком соборе Александро-Невской лавры.

Тем большим потрясением стала для царя полученная 7 сентября весть о том, что победоносный Кутузов... сдал побежденному Наполеону Москву. «Голова его, — отметил биограф

<sup>1</sup> См.: Россия и Швеция: Документы и материалы 1809—1818 гг. М., 1985. С. 209.

<sup>2</sup> Яковлев Иван Алексеевич (1767—1846) — отец А.И. Герцена.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 154. Для печати текст кутузовского рапорта был отредактирован (изъяты слова «я взял намерение отступить» и др.), но не Александром I, как полагали советские публикаторы текста, а гр. А.А. Аракчеевым. Это доказал Н.П. Поликарпов в своих «Очерках Отечественной войны»: Новая жизнь. 1911. № 8. С. 142—143.

<sup>4</sup> «К чести России». С. 91.

Александра В.К. Надлер, — сидит в одну ночь после этой страшной вести»<sup>1</sup>.

Тот месяц, пока Наполеон был в Москве, стал для Александра I едва ли не самым тяжким месяцем всей его жизни. Общепринятая в советской историографии пушкинская оценка Александра («в двенадцатом году дрожал») требует принципиального уточнения: может быть, и «дрожал», но превозмог дрожь и сполна проявил необходимую в его положении твердость. Ведь царский двор, за малым исключением, и почти вся бюрократия (в том числе мать-императрица Мария Федоровна, Великий князь Константин Павлович, всемогущий уже тогда А.А. Аракчеев, канцлер империи Н.П. Румянцев) в панике толкали царя к миру с Наполеоном. Александр, однако, был непримирим. В разговоре с Ж. де Местром он выразил даже готовность отступить на Камчатку и стать «императором камчадалов», но не мириться с Наполеоном<sup>2</sup>. Такую твердость царя после сдачи Москвы А.К. Дживелегов не без оснований назвал «подвигом, почти сверхъестественным»<sup>3</sup>.

Если бы Александр I согласился на мир с Наполеоном, занявшим Москву, то, по резонному заключению К. Клаузевица, «поход 1812 г. стал бы для Наполеона наряду с походами, которые заканчивались Аустерлицем, Фридландом и Ваграмом»<sup>4</sup>. Наполеон хорошо это понимал. Именно поэтому он так долго (36 дней!) оставался в Москве, что в конечном счете его и погубило.

#### 4. ТАРУТИНО

Оставив Москву, русские войска отступали уже далеко не в том образцовом порядке, как это было до Бородина. Сказалось не только их «крайнее расстройство» после Бородинской бит-

<sup>1</sup> Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного Союза. Рига, 1886. Т. 1. С. 17.

<sup>2</sup> Maistre J. de. Correspondance diplomatique 1811—1817. Paris, 1860. V. 1. P. 119.

<sup>3</sup> Дживелегов А.К. Александр I и Наполеон. М., 1915. С. 207.

<sup>4</sup> Клаузевиц К. О войне. М., 1936. Т. 1. С. 170.

вы, что признавал сам Кутузов<sup>1</sup>. С потерей Москвы вся армия пережила нравственный шок, который повлек за собою упадок морального духа, рост мародерства и дезертирства. Нельзя, разумеется, доверять «свидетельствам» таких недоброжелателей Кутузова, как Ф.В. Ростопчин («Солдаты уже не составляют армии. Это орда разбойников...»<sup>2</sup>) или Ж. де Местр<sup>3</sup>. Но вот что удостоверял адъютант и биограф Кутузова А.И. Михайловский-Данилевский: «Побеги солдат <...> весьма увеличились после сдачи Москвы <...>. В один день переловили их четыре тысячи»<sup>4</sup>. Главное же, сам Кутузов 6 сентября уведомлял тульского, калужского, владимирского, рязанского и тамбовского губернаторов о том, что «мародерство в армии увеличивается и даже распространилось в губернии от театра войны»<sup>5</sup>. В тот же день фельдмаршал с тревогой докладывал царю: «Заботу немалую делает мне мародерство <...>. Принимаются все меры»<sup>6</sup>.

Действительно, меры принимались строжайшие. 25 сентября Кутузов приказал «всех нижних чинов», уличенных в мародерстве, «наказывать на месте самыми жестокими телесными наказаниями»<sup>7</sup>. Только в один день, 9 октября, он распорядился 11 мародеров «прогнать шпицрутенами каждого через 1000 человек по 3 раза» и еще 14 — «через 500 человек по 3 раза»<sup>8</sup>. Характерно, что в 6-томном (советском) издании документов «М.И. Кутузов» для этого документа, опубликованного при Николае II, места не нашлось.

Здесь самое время сказать и о других примерах жестокости Михаила Илларионовича и к раненым, и к здоровым солдатам,

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 233.

<sup>2</sup> Письма Ф.В. Ростопчина к имп. Александру Павловичу // Русский архив. 1892. № 8. С. 535.

<sup>3</sup> Местр Ж. де. Петербургские письма. С. 239.

<sup>4</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Записки // Исторический вестник. 1890. № 10. С. 153—154.

<sup>5</sup> Подробный журнал исходящих бумаг собственной канцелярии главнокомандующего соединенными армиями ген.-фельд. кн. Кутузова-Смоленского в 1812 г. // Труды МО ИРВИО. 1912. Т. 2. С. 19.

<sup>6</sup> Там же. С. 243.

<sup>7</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 377—378.

<sup>8</sup> Подробный журнал исходящих бумаг... С. 333.

особенно — в свете шаблонных представлений о нем как о добром батюшке, который *только* заботился о солдатах, *только* лелеял их. Если Барклай-де-Толли в 1810—1812 гг. неоднократно выступал (перед самим императором) против палочной дисциплины, доказывая, что солдатам необходимо, «чтобы их считали людьми, наделенными чувствами и патриотизмом, если он не угас в результате плохого обращения и палочных ударов»<sup>1</sup>, то Кутузов никогда не позволял себе ничего подобного. Напротив, палок и шпицрутенов было для него мало. Сохранилось (тоже, разумеется, не включенное в советский 6-томник) необычно жестокое предписание Кутузова генералу от инфантерии А.М. Римскому-Корсакову от 29 марта 1813 г. «наказывать смертью без всякого послабления» виновных всего лишь в разглашении «неблагонамеренных слухов» — с ремаркой, что он, Кутузов, двоих уже «приказал повесить»<sup>2</sup>.

Как не вспомнить здесь рассказ очевидца из стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Повесить его»? Это рассказ о том, как перед битвой при Аустерлице русский главнокомандующий приказал повесить своего солдата по вздорному обвинению<sup>3</sup>. У Тургенева главнокомандующий по фамилии не назван. Не назвали его и комментаторы стихотворения. Но ведь тот факт, что русским главнокомандующим перед Аустерлицем был Кутузов, общеизвестен!

Итак, в трудных условиях «крайнего расстройств» армии и упадка ее морального духа, когда приходилось ценою жесточайших мер поддерживать в ней расшатанную дисциплину, Кутузов сумел осуществить блистательный Тарутинский марш-маневр.

На совете в Филях главнокомандующий приказал «отступить по Рязанской дороге»<sup>4</sup>. Со 2-го по 5 сентября русская армия

<sup>1</sup> Внешняя политика России XIX и начала XX в. Т. 6. С. 270; Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1901. № 12. С. 480, 481.

<sup>2</sup> Секретное письмо кн. Кутузова-Смоленского А.М. Римскому-Корсакову // Русская старина. 1897. № 9. С. 682.

<sup>3</sup> См.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1967. Соч. Т. 13. С. 189—191.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 221.

так и отступала. Но в ночь на 6-е Кутузов, прикрываясь казачьими отрядами, которые продолжали идти к Рязани, внезапно повернул главные силы армии на запад к Подольску, а затем по Калужской дороге на юг. Его приказ начальнику русского арьергарда М.А. Милорадовичу от 5 сентября гласил: «Казачья полк оставьте на оставляемых вами высотах, которые (казаки. — Н. Т.) отступить должны, когда неприятель их к тому принудит, и то по Рязанской дороге, которые потом могут опять присоединиться к армии тогда, когда неприятель откроет их фальшивое движение; движение всего вашего арьергарда должно быть так скрытно в ночи сделано, чтобы ни малейшего следа на фланговой нашей дороге неприятель не открыл»<sup>1</sup>. 21 сентября русская армия расположилась лагерем у с. Тарутино в 80 км юго-западнее Москвы<sup>2</sup>.

Весь этот переход с Рязанской на Калужскую дорогу был проделан большей частью в ночные часы, скрытно и так искусно, что французы на 9 дней<sup>3</sup> потеряли русскую армию из виду. Их авангарды под командованием И. Мюрата до 10 сентября ничтоже сумняшеся шли за казаками по Рязанской дороге, потом — когда увидели, что обмануты, и Мюрат получил нагоняй от Наполеона, — нервно рыскали по всем окрестным дорогам (взяв на одной из них в плен министра финансов Д.А. Гурьева, который ехал из Киева в Петербург<sup>4</sup>) и лишь 14-го «отыскали» русскую армию на подходе ее к Тарутину<sup>5</sup>.

Тарутинский маневр Кутузова существенно повлиял на ход войны 1812 г., обозначив собою уже пролог перелома. Сам Наполеон назвал этот маневр «прекрасным»<sup>6</sup>. Действительно,

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. С. 240—241.

<sup>2</sup> Там же. С. 339—341.

<sup>3</sup> «Радуясь» за Кутузова, его почитатели продлевают этот срок до «12 дней» (Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 323) и даже до «двух недель» (Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. С. 197; Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 г. С. 200).

<sup>4</sup> См.: Военский К.А. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 г. СПб., 1912. С. 56.

<sup>5</sup> См.: Коленкур А. Мемуары. С. 163; Faip A. Manuscrit de l'an 1812. Paris, 1827. V. 2. P. 96.

<sup>6</sup> Жомини А.А. Политическая и военная жизнь Наполеона. Т. 5. С. 363.

с одной стороны, Кутузов прикрыл от неприятеля Калугу, где были сосредоточены провиантские запасы, Тулу с ее оружейным заводом, Брянск с литейным двором и плодородные южные губернии<sup>1</sup>. С другой стороны, он поставил под угрозу флангового удара основную коммуникацию Наполеона Москва—Смоленск. Мало того, Наполеон не мог пойти на Петербург, имея в тылу 100-тысячную русскую армию. Зато Кутузов теперь было удобно взаимодействовать с войсками А.П. Тормасова, П.В. Чичагова, Ф.Ф. Эртеля, мобилизовывать резервы, готовить контрнаступление.

Идею флангового марша от Москвы до Калуги «перпендикулярно к движению противника еще до Бородина высказывал П.И. Багратион, а позднее ее приписывали себе генералы М.Б. Барклай-де-Толли, А.Л. Беннигсен, М.С. Вистицкий и полковники К.Ф. Толь, Ж.-Б. Кроссар, А.Ф. Мишо де Боретур<sup>2</sup>. Едва ли все они это выдумали. Если же кто-то из них предложил Кутузову такую идею, тот, естественно, «не мог не одобрить мысли, подходящей к его собственной»<sup>3</sup>. Главкомандующим был Кутузов. Он принимал решение, одобряя или отклоняя любые советы. Ему и принадлежит честь Тарутинского маневра.

По авторитетному мнению К. Клаузевица, этот маневр русская армия «выполнила блестяще», «с громадной выгодой для себя»<sup>4</sup>. П.А. Жилин посчитал даже, что вообще «никому из полководцев до Кутузова не приходилось в такой сложной обстановке совершать подобного рода (как достижение военного искусства. — Н. Т.) маневры»<sup>5</sup>. Это, конечно, преувеличе-

<sup>1</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 233—234 (Кутузов — Александру I 4 сентября 1812 г.).

<sup>2</sup> См. об этом: Из воспоминаний А.И. Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1897. № 6. С. 469; Попов А.Н. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // Там же. № 7. С. 121; Толшин В.П. Указ. соч. С. 108.

<sup>3</sup> Попов А.Н. Указ. соч. С. 121.

<sup>4</sup> Клаузевиц К. 1812 год. С. 112; Он же. О войне. М., 1936. Т. 2. С. 176.

<sup>5</sup> Жилин П.А. Указ. соч. С. 184. Оговорка «до Кутузова» здесь не случайна. Ведь после был Сталин — по мнению Жилина, «величайший» из великих полководцев.

ние. Всемирная история войн знает много случаев «подобного рода»: например, Ганнибал перед Каннами и Цезарь перед Фарсалом, Наполеон в Италии и Суворов в Швейцарии совершали в обстановке куда более сложной маневры не менее искусные.

В Тарутине Кутузов, как видно из его рапорта царю от 23 сентября, привел 87 035 человек при 622 орудиях плюс 28 казачьих полков, т. е. еще примерно 14 тыс. человек, «беспрепятственное движение» которых мешало подсчитать их с точностью до каждого казака<sup>1</sup>. Для Тарутинского лагеря была выбрана позиция хотя и довольно тесная, но сильная, с хорошим обзором и естественными укреплениями: фронт ее прикрывала р. Нара, левый фланг — р. Истья, правый фланг и тыл — высоты, леса, овраги. Кроме того, Кутузов укрепил позицию с фронта семью и справа тремя артиллерийскими батареями<sup>2</sup>. Беннигсен попытался было разбить тарутинскую позицию, но Кутузов не стал его слушать: «Вам нравилась ваша позиция под Фридландом, а я доволен этой, и мы на ней останемся, потому что я здесь командую и отвечаю за все»<sup>3</sup>.

Армия заняла Тарутино, а Главная квартира облюбовала Леташевку, в 3 км южнее. Леташевка не имела ни помещицкой усадьбы, ни церкви. Поэтому высшие чины армии расквартировались более чем скромно: Кутузов — в крестьянском домике, где были оборудованы кабинет, приемная, столовая и спальня; дежурный генерал П.П. Коновницын — по соседству, в курной избе. Комендант Главной квартиры полковник С.Х. Ставраков удовольствовался даже овечьим сараем<sup>4</sup>.

Весь Тарутинский лагерь «непреступностью своею походил на крепость»<sup>5</sup>. Закрепившись в нем, Кутузов объявил: «Теперь

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 355—361.

<sup>2</sup> См.: Бескровный А.Г. Отечественная война 1812 г. С. 441.

<sup>3</sup> Военский К.А. Отечественная война 1812 г. в записках современников. С. 72—73.

<sup>4</sup> Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. С. 34—35.

<sup>5</sup> Ахшарумов Д.И. Описание войны 1812 г. СПб., 1819. С. 130.

ни шагу назад»<sup>1</sup> Эти слова главнокомандующего, конечно, стали известны каждому солдату и быстро подняли дух войск.

Впрочем, и морально и материально укрепить армию, подготовить ее к наступлению удалось не сразу. Наполеон говорил: «Переход из оборонительного положения в наступательное — одно из самых трудных действий»<sup>2</sup>. Кутузов понимал это не хуже Наполеона. Но ему мешала тьма обычных для феодального режима препятствий, главными из которых были два. Во-первых, не доставало буквально всего: питания и одежды, боеприпасов и снаряжения, а главное, людских резервов. Во-вторых, затрудняли боевую подготовку местнические интриги, буквально захлестнувшие Главную квартиру.

Не зря князь Багратион, едва узнав о назначении Кутузова главнокомандующим, предсказывал: «Теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабьи и интриги». «Бабьими» интригами Кутузов и его окружение особенно злоупотребляли в Тарутинском лагере (до и после Тарутина для интриг не было столько свободного от боев времени). В советской литературе эта сторона трехнедельного тарутинского «сидения» истово замалчивалась<sup>3</sup>. Между тем она засвидетельствована во множестве авторитетных источников. «Интриги были бесконечные, — вспоминал А.П. Ермолов, — пролазы возвышались быстро; полного их падения не было замечено»<sup>4</sup>. «Все идет навыворот, — писал о том же в тарутинские дни Д.С. Дохтуров. — Все, что я вижу, внушает мне полнейшее отвращение»<sup>5</sup>. Такое же впечатление о Главной квартире Кутузова в Тарутине составил Н.Н. Раевский: «Я в Главную квартиру почти не езжу, она всегда отдалена. А более для того, что там интриги партий, зависть, злоба, а еще более во всей армии эгоизм, несмотря на

<sup>1</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Описание... Т. 3. С. 19.

<sup>2</sup> Montholon Ch. Mémoires... Paris, 1823. V. 3. P. 179.

<sup>3</sup> Лишь в наши дни появилась статья, отчасти раскрывающая столь «неудобную» тему: Ульянов А.И. Тарутинский лагерь: «Неудобные факты» // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 г. Малоярославец, 1994.

<sup>4</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 214. Курсив мой. — Н. Т.

<sup>5</sup> Русский архив. 1874. № 1. С. 1100.

обстоятельства России, о коей никто не заботится»<sup>1</sup>. Об «интригах» и «беспорядках» при штабе Кутузова свидетельствовали также дежурный генерал 2-й Западной армии С.Н. Марин, офицеры А.А. Закревский и А.А. Щербинин<sup>2</sup>.

Судя по совокупности данных, сам Кутузов не проявлял большой активности в тарутинских интригах, но, что тоже не делает ему чести, не был инициативен и в руководстве войсками. Конечно, свидетельства Ф.В. Ростопчина и его секретаря А.Я. Булгакова о том, что *светлейший* «в совершенном бездействии», спит «целыми днями», «солдаты называют его *темнейшим*»<sup>3</sup>, можно объяснить недоброжелательством свидетелей. Но вот что записал горячий поклонник Кутузова, его генерал-аудитор С.И. Маевский: получив на подпись 20 бумаг, фельдмаршал «утомился на десяти подписях <...> и с большим усилием и кряхтением подписал остальные десять <...>. Для Кутузова написать вместе 10 слов труднее, чем для другого описать кругом 100 листов; сильная хирагра (подагра рук. — Н. Т.), старость и непривычка — вот враги пера его»<sup>4</sup>. О старческой немощи и бездеятельности Кутузова свидетельствовали также очевидцы Н.Н. Муравьев («Кутузов мало показывался, много спал и ничем не занимался»), А.А. Закревский, Н.Д. Дурново, осведомленнейший А.П. Ермолов<sup>5</sup>.

Собственно, в том, что старый фельдмаршал, которому оставалось уже недолго жить, много спал, нет ничего ущербного для его славы. Важно другое: делал ли он все, что было необходимо, и как это делал? У него было много помощников, и некоторые из них (тот же Маевский, а главным образом фактический начальник штаба П.П. Коновницын и генерал-квар-

<sup>1</sup> 1812—1814. С. 128.

<sup>2</sup> «К чести России». С. 115, 120; Фельдмаршал Кутузов. С. 393.

<sup>3</sup> Гр. Ф.В. Ростопчин. Письма к своей супруге в 1812 г. // Русский архив. 1901. № 8. С. 468; Из писем А.Я. Булгакова к его брату // Там же. 1900. № 5. С. 35.

<sup>4</sup> Маевский С.И. Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8. С. 153.

<sup>5</sup> Муравьев-Карский Н.Н. Записки // Русский архив. 1885. № 11. С. 363; «К чести России». С. 115; 1812 год. Военные дневники. С. 98; Ермолов А.П. Записки. С. 213—214.

тирмейстер К.Ф. Толь) работали, выбиваясь из сил<sup>1</sup>, и двигали дело по указаниям Кутузова даже в то время, когда сам фельдмаршал спал. Однако в сонмище этих помощников оказывались «пролазы», которым светлейший «чересчур доверял» и которые имели на него «вредное влияние»<sup>2</sup>. Среди них выделились полковник П.С. Кайсаров («Уже четыре дня подписывает бумаги вместо князя, подделываясь под его почерк»<sup>3</sup>), полковник кн. Н.Д. Кудашев (зять Кутузова) и капитан, квартирьер И.Н. Скобелев, известный тем, что впоследствии, будучи уже армейским генерал-полцимейстером, он «составил себе огромное состояние самыми беззаконными способами»<sup>4</sup>. Через этих людей («Даже через капитана Скобелева», — возмущался Ермолов) отдавались из Главной квартиры высшим чинам приказы столь путаные, что возникла «бестолочь страшная во всех частях»<sup>5</sup>.

Сам Кутузов среди этой «бестолочи» сумел последовательно выжить из армии двух своих наиболее опасных соперников по славе, двух высших и самых авторитетных после фельдмаршала чинов — начальника Главного штаба Л.А. Беннигсена и бывшего главнокомандующего и военного министра М.Б. Барклая-де-Толли.

Беннигсен, вероятно, был не меньшим мастером интриги, чем Кутузов. В литературе (не только отечественной) он представлен личностью одиозной. К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, что в 1812 г. Беннигсен главным образом «интриговал против Барклая-де-Толли с целью занять его место»<sup>6</sup>, а советский автор Н.Ф. Шахмагонов обвинил Беннигсена (совершенно абсурдно) даже в том, что он, будучи российским

генералом, служил... Наполеону<sup>1</sup>. Только в последнее время предприняты попытки реабилитировать Беннигсена как честного (с точки зрения воинского долга) и способного российского полководца<sup>2</sup>.

Впрочем, каков бы ни был Беннигсен, Кутузов устранил его коварно. Все началось с того, что 7 сентября 1812 г. фельдмаршал приказал: «Определяю <...> дежурным генералом генерал-лейтенанта Коновницына, которого отношения, по власти от меня делаемые, принимать повеления как мои собственные»<sup>3</sup>. Таким образом, Коновницын, с молодых лет преданный Кутузову, стал фактическим начальником штаба при главнокомандующем. Беннигсен же, хотя и сохранил формально пост начальника Главного штаба армии, был оттерт от руководства штабом и, естественно, уязвлен таким оборотом дела. Усугубил его неприязнь к Кутузову Тарутинский бой 6 октября.

В этом бою именно Беннигсен командовал русскими войсками<sup>4</sup>. Кутузов все время боя «оставался при гвардии, собственными глазами ничего не видал»<sup>5</sup>, а главное, отказал Беннигсену в подкреплении и не разрешил преследовать отступавших французов, что могло бы привести к полному их разгрому (ведь в том бою три пехотных и два кавалерийских корпуса россиян атаковали отдельный корпус И. Мюрата!). Даже такой почитатель Кутузова, как А.И. Михайловский-Данилевский, недоумевал: «По непостижимым причинам, в которых он должен будет отдать отчет потомству, останавливал войска и не вводил их в дело»<sup>6</sup>. Жозеф де Местр так объяснил это: «Когда Беннигсен стал просить кавалерию для завершения победы, Кутузов, видя, что слава достанется его помощнику и скоро

<sup>1</sup> «Я жив, но замучен должностью, — писал Коновницын из Тарутина жене. — <...> Иду охотно под ядры, пули, картечи, только чтоб здесь не быть» (Бумаги П.И. Щукина. Т. 8. С. 111).

<sup>2</sup> Ч и ч е р и н А.В. Дневник. 1812—1813. М., 1966. С. 21; Фельдмаршал Кутузов. С. 413; Е р м о л о в А.П. Записки. С. 214.

<sup>3</sup> Фельдмаршал Кутузов. С. 209 (Ф.В. Ростопчин — Александру I).

<sup>4</sup> Д а в ы д о в Д.В. Соч. М., 1962. С. 509.

<sup>5</sup> Е р м о л о в А.П. Записки. С. 198; «К чести России». С. 115, 127. Курсив мой. — Н. Т.

<sup>6</sup> М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. Т. 14. С. 115—116.

<sup>1</sup> Шахмагонов Н.Ф. Кому служил барон? // Дорогами тысячелетий. М., 1989. Кн. 3. С. 214.

<sup>2</sup> См.: П ч е л о в Е.В. Генерал от кавалерии Л.А. Беннигсен // Бородино. Мат-лы научной конференции 1993 г. Бородино, 1994.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 248.

<sup>4</sup> Это признал сам Кутузов, сказав после боя Беннигсену: «Вы одержали славную победу» (Фельдмаршал Кутузов... С. 411).

<sup>5</sup> Е р м о л о в А.П. Записки. С. 217. О том же: Л е в е н ш т е р н В.И. Записки // Русская старина. 1901. № 1. С. 118.

<sup>6</sup> Фельдмаршал Кутузов... С. 409.

вместо одного фельдмаршала будет два, отказал»<sup>1</sup>. Разумеется, все было не так просто, но какая-то доля истины в таком объяснении есть. Денис Давыдов добавлял к этому такую деталь: Кутузов, по своей привычке к преувеличениям всего достигнутого при нем как главнокомандующем<sup>2</sup>, «послал государю донесение, в котором вместо 19 орудий, взятых у неприятеля, показано было 38. С этого времени вражда между Беннигсеном и Кутузовым достигла крайних размеров и уже не прекращалась»<sup>3</sup>.

Последней каплей в распре двух ровесников (кстати, бывших когда-то, с 1780-х годов, друзьями) стало письмо Беннигсена к царю с предложениями о том, как закончить войну поскорее, ибо «наш добрый старик не окончит ее никогда»<sup>4</sup>. Кутузов, узнав об этом, пресек затянувшуюся распрю своим излюбленным способом: 15 ноября уволил Беннигсена из армии «по болезни»<sup>5</sup>.

Гораздо больше роняет Кутузова в наших глазах увольнение (по той же сакраментальной причине болезни) Барклая-де-Толли. В отличие от Кутузова и Беннигсена, Барклай в нравственном отношении был безупречен<sup>6</sup>, никто из современников не мог его упрекнуть в каких-либо интригах. Тем опаснее был он для Кутузова как возможный соперник. Михаил Илларионович «тех, которых он подозревал в разделении славы его, невидимо подбедал так, как подбедает червь любимое или ненавистное дерево»<sup>7</sup>. Стремление Кутузова «подъесть» репута-

<sup>1</sup> М е с т р Ж. де. Указ. соч. С. 239.

<sup>2</sup> Офицер кутузовского штаба Н.Д. Дурново (будущий генерал) записывал в дневнике по поводу трофеев, перечисленных в одном из «бюллетеней» Кутузова: «Цифру нужно всегда поделить на три, и оставшееся число будет еще не совсем верным», т. е. завышенным (1812 год. Военные дневники. С. 110. Курсив мой. — Н. Т.).

<sup>3</sup> Д а в ы д о в Д.В. Соч. М., 1962. С. 539.

<sup>4</sup> П ч е л о в Е.В. Указ. соч. С. 68, 72.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 390—391.

<sup>6</sup> «Стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства, но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения» (П у ш к и н А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. С. 217).

<sup>7</sup> М а е в с к и й С.И. Указ. соч. С. 154.

цию Барклая-де-Толли ярче всего иллюстрирует рапорт фельдмаршала Александру I об оставлении Москвы. Стремясь переложить хотя бы часть ответственности за сдачу Москвы на Барклая-де-Толли, Кутузов 16 сентября 1812 г. рапортовал: «Последствия сии нераздельно связаны с потерей Смоленска и с тем расстроенным совершенно состоянием войск, в котором я оные застал»<sup>1</sup>.

Можно представить себе возмущение Барклая такой подтасовкой фактов: ведь Кутузов не хуже его знал, что от Смоленска к Бородину русская армия пришла в полном порядке, а «расстроенной» оказалась уже после Бородина вне всякой зависимости от Смоленска<sup>2</sup>. «Весьма трудно истолковать, — недоумевал Барклай-де-Толли в письме к Александру I, — какую связь между собою могли иметь Смоленск с Москвою, дабы заключать, что занятие неприятелем первого города могло повлечь за собою и взятие последнего»<sup>3</sup>. Жозеф де Местр по этому поводу резонно заметил: «Оставление Смоленска столь же повлияло на сдачу Москвы, как и переход французов через Неман. Если бы Кутузов взял на себя труд одержать полную победу при Бородине, Москва, несомненно, уцелела бы. У Барклая было куда больше резона сказать: «Оставление Москвы вынуждено было сомнительным исходом Бородинской баталии»<sup>4</sup>.

А.И. Михайловский-Данилевский (панегирист Кутузова! — тем ценнее здесь его свидетельство) заметил, что Кутузов, получив власть главнокомандующего, «не мог скрыть ни торжества своего, ни памяти оскорбления, что ему сначала предпоч-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 234.

<sup>2</sup> «После сражения того (Бородинского. — Н. Т.) армия была приведена в крайнее расстройство», — доносил Кутузов царю 4 сентября 1812 г. (Фельдмаршал Кутузов... С. 199. Курсив мой. — Н. Т.). В донесениях же его от 19-го и 23 августа, когда он принял армию от Барклая (См. там же. С. 171—173, 176—177), нет ни слова об ее «расстройстве».

<sup>3</sup> Д у б р о в и н Н.Ф. Отечественная война в письмах... С. 292.

<sup>4</sup> М е с т р Ж. де. Указ. соч. С. 238. Сегодня лишь самые пылакие поклонники Кутузова рискуют оправдывать его «подкопы» под Барклая-де-Толли. И в ч е н к о А.Л. М.И. Кутузов в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 13.



тен был Барклай-де-Толли»<sup>1</sup>. В Тарутине Михаил Илларионович «подъедал» Михаила Богдановича по принципу «не укусил, так подуськал». Барклай был поставлен в невыносимое положение: с ним в Главной квартире перестали считаться, ему самому или даже через его голову подчиненным ему командирам «пролазы» из окружения Кутузова отдавали бестолковые повеления<sup>2</sup>. «Бестолочь» Главной квартиры шокировала педантичного Барклая и в конце концов вывела его из себя. 19 сентября вместе с заявлением об отставке он откровенно написал Кутузову: «Ваша Светлость начальствуете и даете приказания, но генерал Беннигсен и все те, которые Вас окружают, также дают приказания и отделяют по своему произволу отряды войск, так что тот, кто носит звание главнокомандующего, и его штаб не имеют об этом никаких сведений до такой степени, что в последнее время я должен был за получением сведений о различных войсках, которые были отделены от 1-й армии, обратиться к Вашему дежурному генералу, но и он сам ничего не знал <...>. На этих днях мне был прислан приказ отделить часть кавалерии для подкрепления арьберггарда, и при этом забыли, что вся кавалерия уже была отделена»<sup>3</sup>. На следующий день Кутузов отдал приказ об увольнении Барклая «за увеличившеюся в нем болезнью»<sup>4</sup>.

П.А. Жилин и другие историки зачисляли Барклая-де-Толли в одну с Беннигсеном оппозиционную группу, которая, мол, подвергала Кутузова «несправедливой критике» и была «прямой помехой» наступательным приготовлениям<sup>5</sup>. Эта версия

<sup>1</sup> Цит. по: Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай. С. 143.

<sup>2</sup> См.: Ермолов А.П. Записки. С. 214; «К чести России». С. 115.

<sup>3</sup> Цит. по: Попов А.Н. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры. С. 115.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 332. Полемизируя с теми историками, которые считают, что Кутузов «отправил Барклая из армии», А.Г. Тартаковский в его указ. соч. (С. 140) подчеркивает: «Отъезд Барклая из армии явился следствием его личного решения — об этом надо сказать совершенно прямо, во избежание каких-либо кривотолков». При этом, однако, сам Тартаковский признает, что Кутузов дал Барклаю понять: «При Кутузове он лишний в армии» (Там же. С. 143).

<sup>5</sup> Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. С. 209, 210; Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 241; М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 332. (Примеч. ред.)

строилась исключительно на посылке, что всякая критика Кутузова, от кого бы она ни исходила и в чем бы ни заключалась, несправедлива. Между тем Барклай ни в какую группу не входил. Он видел рознь между Кутузовым и Беннигсеном, но не поддерживал ни того, ни другого, равно осуждая обоих — «двух слабых стариков»<sup>1</sup>, один из которых (Кутузов) был в его глазах «бездельником», а другой — «разбойником»<sup>2</sup>. Напомню читателю, что Барклай и Беннигсен враждовали с начала войны, все время. Кутузов же занял по отношению к ним позицию «третьего радующегося».

Итак, Барклай-де-Толли и Беннигсен были устранены из армии «по болезни». Современный историк А.И. Ульянов резонно подметил, что «больные генералы пережили Кутузова и впоследствии занимали видные командные посты в армии»<sup>3</sup>, а драматург К.А. Тренев не без оснований «позволил» Беннигсену так ответить на вопрос Кутузова о состоянии его (Беннигсена) здоровья: «Я имею состояние своего здоровья лучше, чем вы имеете состояние вашего командования»<sup>4</sup>. Барклай же перед отъездом из армии в разговоре с В.И. Левенштерном объяснил свое (да и Беннигсена) удаление очень просто: «Фельдмаршал не хочет ни с кем разделить славу изгнания неприятеля со священной земли нашего Отечества»<sup>5</sup>.

Помимо служебных и личных интриг, физической немощи и лени мешала Кутузову и в Тарутине руководить войсками еще одна его слабость, которая для современников была притчей во языцех, а со сталинских времен и поныне замалчивается как «государственная тайна». Речь идет о похотливости Михаила Илларионовича. Про эту его слабость знали в 1812 г. не только высшие чины армии, вроде Л.А. Беннигсена, и адъютанты фельдмаршала, как А.И. Михайловский-Данилевский, но и рядовые офицеры: Н.Н. Муравьев,

<sup>1</sup> Кутузову и Беннигсену было тогда по 67 лет, Барклаю — 50.

<sup>2</sup> Цит. по: Попов А.Н. Указ. соч. С. 118.

<sup>3</sup> Ульянов А.И. Указ. соч. С. 45.

<sup>4</sup> Тренев К.А. Пьесы. Статьи. Речи. М., 1980. С. 514—515.

<sup>5</sup> Левенштерн В.И. Записки. С. 110.

Л.А. Симанский<sup>1</sup>, А.А. Щербинин. Вот характерный штрих из воспоминаний Щербинина: Беннигсен послал Александру I «донос на Кутузова в том, что тот оставляет армию в бездействии и лишь предаётся неге, держа при себе молодую женщину в одежде казака. Беннигсен ошибался: *женщин было две*»<sup>2</sup>.

Привычку облачать своих наложниц *à la cosaque* Михаила Илларионович сохранял, по крайней мере, с турецкой кампании 1811 г.<sup>3</sup> По воспоминаниям Л.А. Симанского, при первых же встречах с войсками после назначения главнокомандующим, на пути от Царева-Займища к Бородину, Кутузов демонстрировал верность этой привычке: «С ним ехала девка его в казацком платье»<sup>4</sup>. Впрочем, иные из боевых соратников Кутузова к таким его привычкам тоже привыкали и не удивлялись им. «Он возит с собою переодетую в казацкое платье любовницу. Румянцев возил по четыре; это — наше дело», — говорил в 1812 г. старый генерал (из «екатерининских орлов») Б.Ф. Кнорринг<sup>5</sup>.

Любовные утехи Кутузова к 1812 г. стали уже более декоративными (как неотъемлемый с молодых лет атрибут его «имиджа»), чем натуральными. Дело даже не в возрасте Михаила Илларионовича. Его ровесника Беннигсена современники ни в 1812-м, ни в 1813—1814 гг. дряхлым не считали. Кутузов же производил на окружающих впечатление «дряхлого», да к тому же еще «полуслепого»<sup>6</sup>. На службе у пяти монархов он давно уже растратил здоровье, а физическая немощь

<sup>1</sup> См.: Муравьев-Карский Н.Н. Записки // Русский архив. 1885. № 10. С. 245; Симанский Л.А. Журнал участника войны 1812 г. // Военно-исторический сб. 1913. № 2. С. 162; 1812 год. Военные дневники. С. 324.

<sup>2</sup> ВУА. Т. 21. С. 226. Курсив мой. — Н. Т.

<sup>3</sup> См.: Ланжерон А.Ф. Записки // Русская старина. 1910. № 7. С. 167—168.

<sup>4</sup> Симанский Л.А. Указ. соч. С. 162.

<sup>5</sup> Шильдер Н.К. Император Александр I... Т. 3. С. 120.

<sup>6</sup> Местр Ж. де. Указ. соч. С. 218, 237; Ермолов А.П. Записки. С. 213—214; Вильсон Р.Т. Дневник... Письма к разным лицам. СПб., 1995. С. 190; Фельдмаршал Кутузов... С. 205, 327—328.

только усугубляла его внешнюю неказистость. «Кутузов был малого роста, толст, некрасив собою и крив на один глаз» — таким запомнил его в 1812 г. Н.Н. Муравьев-Карский<sup>1</sup>. А.А. Закревский же (в 1812 г. флигель-адъютант, позднее генерал от инфантерии, московский генерал-губернатор, министр внутренних дел, граф) обозвал фельдмаршала, как мы уже писали, «Старой Камбалой»<sup>2</sup>. Впрочем, на женщин (как и на мужчин) впечатляюще действовали не только фельдмаршальские регалии и лавры Михаила Илларионовича, но и его интеллект, дар слова, артистизм общения; ведь он был, даже по признанию его недруга Р. Вильсона, «человек обходительный и с безупречными манерами, хитрый, как грек, умный от природы, как азиат, но в то же время европейски образованный»<sup>3</sup>.

Итак, лагерь в Тарутине стал базой для подготовки русско-го контрнаступления. Сам Кутузов так объяснил в рапорте Александру I главную задачу своего тарутинского «сидения»: «При отступлении Главной армии в крепкую тарутинскую позицию поставил я себе за правило, видя приближающуюся зиму, избегать генерального сражения; напротив того, вести беспрестанную *малую войну*, <...> чтобы быть в состоянии отнять у неприятеля все способы» к изысканию продовольствия и фуража<sup>4</sup>. Под «малой войной» фельдмаршал разумел здесь постоянные угрозы коммуникациям Наполеона силами отдельных легкоконных отрядов, партизан и ополченцев, пока в Тарутинском лагере укрепляется, численно растет и готовится к переходу в наступление регулярная армия. Кутузов еще 11 сентября, по пути к Тарутину, доложил Государю: «Главная забота, которою теперь занимаемся, есть укомплектование войск»<sup>5</sup>. Лично и через своих помощников он контролировал подготовку и отправку в Тарутино войсковых резервов. Их готовили князь Д.И. Лобанов-Ростовский в Арзамасе, генерал-

<sup>1</sup> Муравьев-Карский Н.Н. Указ. соч. С. 244.

<sup>2</sup> Цит. по: Безотосный В.М. Российский титулованный генералитет в 1812—1815 гг. // От Москвы до Парижа (1812—1814). С. 36.

<sup>3</sup> Вильсон Р.Т. Указ. соч. С. 254.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 554. Курсив мой. — Н. Т.

<sup>5</sup> Там же. Ч. 1. С. 277.

лейтенант А.А. Клейнмихель в Ярославле, генерал от кавалерии Ан.С. Кологривов в Муроме<sup>1</sup>. Тем временем повсюду создавалось народное ополчение. Его отряды со всех сторон подступали к Москве.

Александр I повелевал созывать ополчение только в 16 губерниях (еще не объятых войной, но близких к театру войны). Простой люд, однако, рвался тогда к оружию буквально повсюду, вплоть до Сибири. Из далекого Тобольска губернатор рапортовал в Петербург: «Здесьних волостей все вообще способные носить оружие <...> готовы вступить в ополчение»<sup>2</sup>. Во «внеополчающихся» губерниях пришли в ополчение 100 тыс. ратников<sup>3</sup>. Общая же численность народного ополчения в 1812 г. составила, по данным В.И. Бабкина, 420 297 человек<sup>4</sup>. Штаб Кутузова следил за формированием и заботился о распределении ополчений, используя их пока для охраны своего тыла и для «малой войны» с противником<sup>5</sup>.

Кроме ополченцев, Кутузов сформировал и задействовал в «малой войне» 11 отрядов *армейских* партизан. Первым из них, а вообще вторым за 1812 г. таким отрядом (после отряда Ф.Ф. Винценгероде, созданного по приказу М.Б. Барклая-де-Толли) стал отряд подполковника Д.В. Давыдова. Он начал действовать еще до Бородина, с 22 августа, в составе 50 гусар и 80 казаков, которых отрядил Давыдову Кутузов<sup>6</sup>. Вслед за ним, уже в Тарутине, были созданы отряды (или, как их еще называли, «партии») капитана А.С. Фигнера, капитана А.Н. Сеславина (бывшего адъютанта Барклая-де-Толли) и полковника князя Н.Д. Кудашева (зятя Кутузова)<sup>7</sup>, а затем еще

7 отрядов: генерал-майора И.С. Дорохова, полковников И.Ф. Чернозубова, И.Е. Ефремова и князя И.М. Вадбольского, майоров С.И. Лесовского и В.А. Пренделя, поручика М.А. Фонвизина (адъютанта А.П. Ермолова, будущего генерала, декабриста)<sup>1</sup>. Самым замечательным из них, не только по составу и деятельности, но и по масштабу личности командира, был отряд Дениса Давыдова.

Денис Васильевич Давыдов (1784—1839) — двоюродный брат генералов Н.Н. Раевского и А.П. Ермолова и декабриста В.Л. Давыдова, разносторонне талантливый и неотразимо обаятельный поэт, мыслитель и воин, воспетый чуть ли не всеми звездами русской поэзии первой трети XIX в. (включая А.С. Пушкина<sup>2</sup>) и ставший прообразом Василия Денисова в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», — был одним из самых популярных в свое время людей России, чьи портреты украшали не только избы русского простонародья, но и, к примеру, кабинет сэра Вальтера Скотта в Абботсфорде<sup>3</sup>. Воинское призвание обнаружилось в нем с детства, когда ему, девятилетнему сорванцу, оказал «нечаянное внимание» А.В. Суворов, благословив его и предсказав: «Ты выиграешь три сражения!»<sup>4</sup> С 1806-го по 1831 г. Давыдов участвовал в восьми кампаниях и был вправе с гордостью заявить: «Имя мое во всех войнах торчит, как казацкая пика»<sup>5</sup>, но 1812 г. он ставил вне всяких сравнений: «Я считаю себя рожденным единственно для рокового 1812 г.»<sup>6</sup>.

Кутузов принимал в судьбе Давыдова и его партизанского отряда самое живое участие. Он не только выделил для отряда людей, но и следил за его действиями, дважды вызывал Давыдова к себе в Главную квартиру, хвалил за одно и поручал ему другое дело, а при первой встрече с ним под Красным 1 нояб-

<sup>1</sup> См. об этом: Б е с к р о в н ы й А.Г. Отечественная война 1812 г. С. 452—453.

<sup>2</sup> Стрельский В.И. Сибирь в Отечественной войне 1812 г. Омск, 1942. С. 15.

<sup>3</sup> Б а б к и н В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962. С. 81.

<sup>4</sup> Там же. С. 89.

<sup>5</sup> См. об этом: Ж и л и н П.А. Отечественная война 1812 г. С. 243—244.

<sup>6</sup> Подробно об этом см.: Д а в ы д о в Д.В. Соч. М., 1962. С. 315—319.

<sup>7</sup> См.: Е р м о л о в А.П. Записки. С. 212.

<sup>1</sup> См.: 1812 год: Сб. статей. М., 1962. С. 176.

<sup>2</sup> «Ты мой отец и командир», — писал Пушкин в стихотворном послании «Д.В. Давыдову» (П у ш к и н А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 291).

<sup>3</sup> См.: Литературное наследство. 1982. Т. 91. С. 274.

<sup>4</sup> Д а в ы д о в Д.В. Соч. М., 1962. С. 29.

<sup>5</sup> Д а в ы д о в Д.В. Военные записки. М., 1940. С. 9.

<sup>6</sup> Д а в ы д о в Д.В. Соч. М., 1962. С. 281.

ря обнял его и сказал: «Удачные опыты твои доказали мне пользу партизанской войны, которая столь много вреда нанесла, наносит и еще нанесет неприятелю»<sup>1</sup>.

Партизаны Давыдова разрушали коммуникации противника, уничтожали его мелкие отряды, фуражиров и мародеров, захватывали транспорты, обозы и пленных, включая ценных «языков». В бою Давыдов был беспощаден, но неоправданную жестокость к безоружному врагу пресекал. Пленных он даже удивлял своей гуманностью, следуя правилу своего кумира Суворова: «С пленными поступать человеколюбиво и стыдиться варварства»<sup>2</sup>.

Зато Александр Самойлович Фигнер проявлял «алчность к смертоубийству», «варварство», «бесчеловечие»<sup>3</sup>, особенно по отношению к пленным, которых он целыми партиями (иногда сотнями) приказывал убивать, собственноручно расстреливал и даже пытался выпрашивать у Давыдова его пленных, чтобы их «растерзать»<sup>4</sup>. Не за это конечно же, а за «редкие военные способности», за «храбрость и патриотизм» необычайно ценил Фигнера Кутузов. Он и в донесении царю восславил «великость духа» Фигнера, о чем известно «не токмо нашей армии, но и неприятельской»<sup>5</sup>, и в письме к жене восхищался им: «Это — человек необыкновенный. Я этаким высокой души еще не видал»<sup>6</sup>.

Давыдов, Сеславин и Фигнер, бесспорно, самые выдающиеся из армейских партизан 1812 г., хотя действовали они по-разному: Давыдов предпочитал скрытные рейды по тылам противника, Сеславин — открытый бой, а Фигнер — хитро-

<sup>1</sup> Давыдов Д.В. Соч. М., 1962. С. 369—370, 396—397.

<sup>2</sup> Заветы Суворова. М., 1943. С. 19.

<sup>3</sup> Давыдов Д.В. Соч. С. 360—361; Муравьев-Карский Н.Н. Указ. соч. С. 356; Граббе П.Х. Указ. соч. Ч. 2. С. 97.

<sup>4</sup> Давыдов Д.В. Соч. С. 360—361; Бумаги П.И. Шукина. Т. 7. С. 322—323; Муравьев-Карский Н.Н. Указ. соч. С. 356; Отечественная война и русское общество. Т. 4. С. 216—217.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 258. Фигнер известен был и Наполеону, от которого заслужил такой отзыв: «Немецкого происхождения, но в деле настоящего татарин» (Жомини А. Указ. соч. Т. 5. С. 373).

<sup>6</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 253.

умные засады и диверсии. Фигнер попытался даже пробраться в Кремль и убить там Наполеона, испросил разрешение на такую акцию у Кутузова, но не сумел миновать охранявших императора часовых из Старой гвардии и едва не погиб сам<sup>1</sup>.

Кутузов в Тарутине не только формировал партизанские отряды и поощрял их действия, но и мудро инструктировал их. Так, получив от И.С. Дорохова известие о том, что его партизаны «окружены неприятелем», светлейший 13 сентября приказал объявить Дорохову: «<...> партизан никогда в сие положение прийти не может, ибо обязанность его есть столько времени на одном месте оставаться, сколько ему нужно для накормления людей и лошадей. Марши должен партизан делать скрытные, по малым дорогам. Пришедши к какому-нибудь селению, никого из оного не выпускать, дабы не можно было дать об нем известия. Днем скрываться в лесах или низменных местах. Словом сказать, партизан должен быть решителен, быстр и неутомим»<sup>2</sup>.

Поисковую инициативу партизан фельдмаршал поощрял, за успехи часто представлял их к наградам. 1 октября он ходатайствовал перед Александром I о производстве Давыдова и Сеславина в полковники, а Фигнера — в подполковники<sup>3</sup>; 29 октября представил князя Кудашева к награждению орденом Святого Владимира 3-й степени, а поручика Н.П. Панкратьева из его отряда — золотой шпагой «За храбрость»<sup>4</sup>. Действиями армейских партизан Кутузов был очень доволен. 2 октября он написал своей дочери Е.М. Хитрово, что ведет против Наполеона «малую войну с большим преимуществом»<sup>5</sup>.

Партизанских отрядов из крестьян было во много раз больше, чем армейских: только на Смоленщине — до 40 общей чис-

<sup>1</sup> Радожичский И.Т. Указ. соч. Ч. 1. С. 208; Розанов Н.И. Замысел Фигнера в 1812 г. // Русская старина. 1875. № 7. С. 448—451. Фигнер погибнет 1 октября 1813 г. в бою с французами у Дессау (Германия), пытаясь уйти из окружения вплавь через Эльбу.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 301.

<sup>3</sup> Там же. С. 419.

<sup>4</sup> Там же. Ч. 2. С. 240, 241.

<sup>5</sup> Там же. Ч.1. С. 431.

ленностью около 16 тыс. человек<sup>1</sup>. А ведь они действовали по всему театру войны и нередко насчитывали тысячи бойцов: отряд Герасима Курина, например, — почти 6 тыс., Ермолая Четвертакова — 4 тыс., Федора Потапова — 3 тыс.<sup>2</sup>. Руководили ими большей частью сами же крестьяне (в том числе знаменитая старостиха хутора Горшков Сычевского уезда Смоленской губернии Василиса Кожина), а иногда и лица других сословий — например, дворянин Н.М. Нахимов (двоюродный дядя и воспитатель адмирала П.С. Нахимова), купец Никита Минченков, дьячки Иван Скобеев и Василий Рагозин. При случае они рапортовали о своих подвигах Кутузову<sup>3</sup>. Но, как правило, возникали и действовали отряды крестьянских партизан стихийно.

Ни руководить партизанским движением крестьян, ни координировать его акции так же регулярно, как это было с войсковыми партизанами, штаб Кутузова не мог. Но Кутузов решительно (и в этом его великая заслуга перед Россией) поощрял народную войну, обязывал армейских партизан и собственный штаб «мужиков ободрять подвигами, которые оказали их товарищи в других местах», а главное, «отобранным от неприятеля оружием вооружать крестьян»<sup>4</sup>.

Общий урон французов от набегов партизан едва ли возможно подсчитать, тем более что дело не только в материальных потерях (людей, лошадей, оружия и т. д.), а еще и в моральном факторе: партизаны держали захватчиков в постоянном напряжении, в каждодневном и ежечасном ожидании нападения, диверсии, засады, лишая их даже в тылу не только покоя, но и хотя бы относительной безопасности. Недаром Наполеон, когда, по выражению Льва Толстого, «он в правильной позе фехтования остановился в Москве и вместо шпаги противника увидал поднятую над собой дубину»<sup>5</sup>,

<sup>1</sup> Рябков Г.Т. Крестьянское движение в Смоленской губернии в период разложения крепостничества. Смоленск, 1957. С. 25.

<sup>2</sup> История СССР с древнейших времен... Т. 4. С. 139.

<sup>3</sup> См.: Смоленские партизаны в 1812 г. // Смоленская старина. 1912. Вып. 2. С. 73, 159—160.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 406, 407; ч. 2. С. 442.

<sup>5</sup> Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 14 т. Т. 7. С. 125.

дважды — сначала через генерала Лористона, а затем, уже оставляя Москву, через маршала Бертье — «жаловался» Кутузову на то, что россияне не считаются с «установленными правилами» войны. Кутузов 8 октября ответил Бертье: «Трудно остановить народ, ожесточенный всем тем, что он видел, народ, который в продолжение двухсот лет не видел войн на своей земле, народ, готовый жертвовать собою для Родины и который не делает различий между тем, что принято и что не принято в войнах обыкновенных»<sup>1</sup>. По свидетельству А. Коленкура, Наполеон «нашел этот ответ исполненным достоинства»<sup>2</sup>.

Итак, главной заботой Кутузова в Тарутине была всемерная мобилизация на защиту Отечества людских ресурсов — кадровых войск, казаков, ополченцев, партизан (армейских и крестьянских). Как ни трудно было мобилизовать эти силы (только с Дона в Тарутино прибыли, делая по 60 верст в сутки, 26 казачьих полков общей численность 15 тыс. сабель<sup>3</sup>), еще труднее оказалось материально их обеспечить. Мало того что были потеряны снабженческие базы на пути от Немана до Москвы, арсенал и пороховые заводы в Москве. Не всегда удавалось использовать и сохранившиеся ресурсы на базах в Риге, Пскове, Твери, Киеве и Калуге: мешали лихоимство и казнокрадство чиновников, недостаток транспорта, бездорожье. Кутузов вменил материальное снабжение армии в обязанность властям всех близлежащих губерний. Он постоянно требовал от них боеприпасы, хлеб, сапоги, лапти, полушубки — все, вплоть до подков с гвоздями, которых, кстати, только из Рязанской губернии поступило в армию 23 тыс. пар<sup>4</sup>. В преддверии зимы фельдмаршал торопил губернаторов присылать в армию как можно скорее теплые вещи: «Вы дадите ответ за тех солдат, которые занемогут от стужи»<sup>5</sup>. По ведомости генерал-интенданта Е.Ф. Канкрин, армия получила с начала контр-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 39.

<sup>2</sup> Коленкур А. Мемуары. С. 188.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 375.

<sup>4</sup> РГВИА. Ф. 103, оп. 210, св. 8, д. 1, л. 80.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 271.

наступления 60 тыс. полушубков, но большей частью уже за Смоленском<sup>1</sup>.

Пока армия стояла в Тарутине, ей очень ревностно помогали окрестные жители. «Наехали из Калуги и других городов купцы и маркитанты, навезли разных товаров, особенно съестных, — вспоминал очевидец. — Из ближних селений жители привозили <...> хлеб, масло и яйца <...>, разносили даже пироги и блины»<sup>2</sup>.

Опираясь на поддержку населения, Кутузов сумел обеспечить армию в Тарутинском лагере многим из необходимого. В частности, к 9 октября армия уже имела, «сверх отпускаемого на настоящее продовольствие, особый запас провианта на 10 дней»<sup>3</sup>. Но не удалось благоустроить медицинскую часть — главным образом из-за недостатка врачей. Еще на пути к Тарутину 12 сентября главный военно-медицинский инспектор русской армии Я.В. Виллие меланхолично констатировал «умножение в армии больных»<sup>4</sup>. В Тарутинском лагере госпиталей стало побольше, уход за больными — получше. Но и «когда начали преследовать неприятеля, часть госпитальная, — по признанию Е.Ф. Канкрина, — была самая печальная и вместе затруднительная»<sup>5</sup>.

Не столь печальной, сколь затруднительной была и часть оружейная. После того как в Москве был оставлен противнику Арсенал, страдали от недостатка ружей даже регулярные войска россиян. Английский комиссар при Главной квартире Кутузова Р. Вильсон 27 сентября уведомлял посла Англии в Петербурге лорда В.-Ш. Кэткарта: «Может быть, до 15 000 не имеют еще ружей»<sup>6</sup>. Закупленные в Англии 30 тыс. ружей поступали в русскую армию до ноября, когда она была уже на Березине<sup>7</sup>. Что же касается ополченцев, то их в России воору-

жали опасливо и плохо, главным образом пиками, по выражению Ф.В. Ростопчина, «бесполезными и безвредными»<sup>1</sup>. Полтавское и Черниговское ополчения выглядели так: «Кавалерия не имеет пистолетов, а пехота — без ружей, большая часть без сапогов, без рубах и вскоре будет вовсе без одежды»<sup>2</sup>.

Среди многих забот Кутузова в Тарутинском лагере и даже в его «параллельном марше» за уходившим из России Наполеоном была еще одна, о которой *все* советские и постсоветские биографы фельдмаршала единодушно молчат. Это — участие Михаила Илларионовича в карательных акциях против крестьян (участие, вовсе не обязательное для него как главнокомандующего *регулярными* войсками). Тот факт, что в 1812 г. имели место и крестьянские бунты, общеизвестен, и в ряде случаев они были подавлены с помощью войск<sup>3</sup>. В октябре—ноябре 1812 г. карательные войска против крестьян Подмосковья и Смоленщины неоднократно посылал Кутузов.

Так, 7 октября в ответ на просьбу московской помещицы княгини В.А. Хованской светлейший послал «отряд из тульского ополчения, чтобы усмирить мужиков ее»<sup>4</sup>. 19 октября он предписал исправнику Боровского уезда Московской губернии подавить крестьянские волнения в с. Тюнино и наказать бунтовщиков «по строгости закона»<sup>5</sup>, а 9 ноября отправил карательный отряд для расправы с волнением крестьян с. Романово на Смоленщине<sup>6</sup>.

Как бы то ни было, все в Тарутинском лагере было подчинено главной задаче — накопить силы и подготовиться к наступлению. Пока эта задача не была решена, Кутузов воздерживался от активных действий против Наполеона. Только

<sup>1</sup> Т а р л е Е.В. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. С. 550.

<sup>2</sup> Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 453.

<sup>3</sup> А б а л и х и н Б.С. Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и советской России. Волгоград, 1967. С. 130.

<sup>4</sup> ВУА. Т. 19. С. 13, 126.

<sup>5</sup> Подробный журнал исходящих бумаг собственной канцелярии главнокомандующего соединенными армиями ген.-фельдм. кн. Кутузова-Смоленского в 1812 г. // Труды МО ИРВИО. 1912. Т. 2. С. 118.

<sup>6</sup> Бумаги П.И. Щукина. Т. 8. С. 314.

<sup>1</sup> РГВИА. Ф. 103, оп. 210, св. 8, д. 1. л. 78.

<sup>2</sup> М и т а р е в с к и й Н.Е. Нашествие неприятеля на Россию. М., 1878. С. 96.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 430; ч. 2. С. 64—67.

<sup>4</sup> Д у б р о в и н Н.Ф. Указ. публ. С. 135.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 708.

<sup>6</sup> В и л ь с о н Р.-Т. Указ. соч. С. 175.

<sup>7</sup> См.: Ж и л и н П.А. Отечественная война 1812 г. С. 225.

партизаны да казаки неустанно рейдировали по коммуникациям противника, выводя из строя его живую силу и подрывая материальную базу.

Еще Д.П. Бутурлин подметил, что Кутузов своей кажущейся нерешительностью старался «внушить Наполеону обманчивые надежды на заключение мира и тем самым задержать его подольше в Москве<sup>1</sup>. Французы с того дня, как они заняли Москву, действительно тешились надеждой на скорый мир и не беспокоили россиян. Поддерживали иллюзию близкого мира неоднократные свидания И. Мюрата с М.А. Милорадовичем. Оба являлись на аванпосты в театральных нарядах, рисовались друг перед другом и обменивались любезностями. «Третьего подобного не было в армиях!» — восклицал А.П. Ермолов, отметив, что Мюрат был в панталонах из парчи, вытканной золотом, а Милорадович — «с тремя шальями ярких цветов, не согласующихся между собою»<sup>2</sup>. Но если французы буквально жаждали кончить дело миром («Мир — наше самое заветное желание», — записал в дневнике 30 сентября Ц. Ложье<sup>3</sup>), то россияне лишь делали вид, что могут согласиться на это, дабы выиграть время. Истинное же их настроение выражено в одном из октябрьских писем поэта-воина К.Н. Батюшкова: «Никто не желает мира. Все желают не мира, [а] истребления врагов»<sup>4</sup>.

23 сентября в ставку Кутузова приехал генерал-адъютант Наполеона граф Александр Жак Бернар Лористон с предложением заключить перемирие и дать ему, Лористону, пропуск для проезда в Петербург на переговоры с Александром I от имени Наполеона. Кутузов особо подготовился к этой встрече. Офицер его штаба А.А. Щербинин вспоминал: «Лористон прибыл в сумерки, в крытых дрожках. Кавалергардского полка поручик Михаил Орлов (будущий генерал, декаб-

рист. — Н. Т.) сопровождал его. Мы в первый раз увидели Кутузова в мундире и шляпе. Эполеты он попросил у Коновницына: его собственные ему казались не довольно хороши. Но и Петр Петрович был не франт, лучше бы обратиться к Милорадовичу»<sup>1</sup>. Чтобы произвести на Лористона выгодное для России впечатление, «армии велено было разложить множество огней. Казалось, что в лагере стояло 200 или более тысяч человек»; для большего эффекта Кутузов приказал «варить кашу с маслом и петь песни <...> среди шумного веселья войск и бесчисленности огней»<sup>2</sup>.

Беседу с Лористоном Кутузов вел около часа, с глазу на глаз. Содержание ее передают «официальные известия» кутузовского штаба и донесение самого фельдмаршала царю от 23 сентября. Кутузов отвел упреки Наполеона в том, что русские люди воюют «не по правилам». «Они войну сию почитают равно как бы нашествие татар, — объяснил фельдмаршал, — и я не в состоянии переменить их воспитание»<sup>3</sup>. Заключить перемирие Кутузов отказался: «Я буду проклят потомством, если во мне будут видеть первопричину какого бы то ни было соглашения <...>. Таково теперешнее настроение моего народа»<sup>4</sup>. Но чтобы совсем не лишать противника иллюзий насчет возможности мира, он обещал Лористону уведомить царя о мирных предложениях Наполеона<sup>5</sup>.

Далее, по воспоминаниям Н.Н. Муравьева, Кутузов дал волю своему хитроумию. «Предложения о мирных условиях были посланы в Петербург с курьером, но курьеру приказано было попасться в руки неприятелю, и Наполеон уверился в мирных расположениях Кутузова. Между тем через Ярославль был послан другой курьер к Государю с просьбою не соглашаться ни на какие условия»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Бутурлин Д.П. Кутузов в 1812 г. // Русская старина. 1894. № 11. С. 194—195.

<sup>2</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 210.

<sup>3</sup> Ложье Ц. Указ. соч. С. 199. См. также: Октябрьское письмо А. Барагэ д'Илье // Русская старина. 1913. № 5. С. 422.

<sup>4</sup> Калаш В.В. Указ. публ. С. 206.

<sup>1</sup> Харкевич В.И. Указ. публ. Вып. 1. С. 36.

<sup>2</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Описание... Т. 3. С. 76—77.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 368.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Муравьев-Карский Н.Н. Указ. соч. С. 363.

После встречи Кутузова с Лористоном еще две недели обе армии простояли друг против друга спокойно. Наполеон некоторое время еще ждал, не придет ли из Петербурга ответ на предложение мира, переданное через Лористона, а с 1 октября начал готовить армию к эвакуации из Москвы<sup>1</sup>. Кутузов тем временем завершал подготовку контрнаступления, оставаясь, по выражению А.С. Пушкина, в «мудром, деятельном бездействии» и тем самым «усыпляя Наполеона на пожарище Москвы»<sup>2</sup>. Как тут не вспомнить, что еще фельдмаршал Н.В. Репнин задолго до событий 1805-го и 1812 гг. назвал Кутузова «Фабием Ларионовичем»!<sup>3</sup>

План контрнаступления в общих чертах Кутузов выработал еще до прихода в Тарутино. Кстати, сам термин «контрнаступление» некоторые исследователи (активнее других — В.М. Безотосный) применительно к действиям русской армии в 1812 г. отрицают, поскольку, мол, он «до 1947 г. (т. е. до И.В. Сталина. — Н. Т.) не употреблялся» и непригоден к употреблению: не было с русской стороны «контрудара, после которого началось контрнаступление»; после боя под Тарутином русская армия «заняла исходные позиции», а после Малоярославца «Кутузов отступил»<sup>4</sup>. По-моему, здесь нет проблемы, а спор о терминологии схоластичен. Контрнаступление, как гласят все русские толковые словари, — это «встречное наступление, являющееся ответом на наступление противника»; оно не предполагает обязательного контрудара, для него достаточно (как это и было в 1812 г.), чтобы сторона, ранее наступавшая, была *вынуждена* отступать, преследуемая с боями стороной, ранее отступавшей.

Итак, еще до прихода в Тарутино Кутузов, судя по его директивам П.В. Чичагову и А.П. Торماسову от 6 сентября,

предполагал разгромить «Великую армию» Наполеона концентрическим ударом трех русских армий на линии Днепра, при подходе ее (когда она будет отступать из Москвы) к Смоленску<sup>1</sup>. Но 8 сентября в ставку Кутузова, которая размещалась тогда в с. Красная Пахра, на пути к Тарутину, приехал от Александра I его флигель-адъютант А.И. Чернышев. Он привез составленный в Петербурге план разгрома французов на Березине.

Происхождение петербургского плана до сих пор остается не вполне ясным. Версия дореволюционных историков о том, что план был «задуман» и «лично начертан» самим царем<sup>2</sup>, грешит преувеличением. Е.В. Тарле выражался более осторожно — «план, выработанный военным окружением царя»<sup>3</sup>. Такова же в принципе точка зрения П.А. Жилина<sup>4</sup>. О.В. Орлик, В.Г. Сироткин, Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев о петербургском плане даже не упоминали.

В последнее время историки стали больше интересоваться петербургским планом, пытаясь выявить его разработчиков. А.Г. Тартаковский обнаружил «в архивных материалах военного ведомства и в фонде Аракчеева» (РГВИА) какие-то «указания на причастность к составлению этого плана» светлейшего князя Платона Зубова (одного из главных царевичей 1801 г.), которого Александр I в 1812 г. «держал при себе в качестве военного советника»<sup>5</sup>. Дальше всех продвинулся здесь С.В. Шведов. Учитывая, что план был подписан Александром I уже 31 августа (на следующий день после того, как царь узнал о Бородинской «победе»), но просчитан был, конечно, «не за один день» и что отдельные идеи этого плана высказывали ранее сам Александр I, Барклай-де-Толли и Чичагов, —

<sup>1</sup> См.: Segur Ph.-P. Op. cit. V. 2. P. 97—98.

<sup>2</sup> Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. С. 300. Курсив мой. — Н. Т.

<sup>3</sup> Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1990. Ч. 3—4. С. 157.

<sup>4</sup> Безотосный В.М. Значение событий под Малоярославцем в 1812 г. // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губ. Малоярославец, 1993. С. 19, 20.

<sup>1</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 244—245.

<sup>2</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Описание... Т. 3. С. 28; Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 122; Ниве П.А. Отечественная война. М., 1911. Т. 3. С. 441. Как ни странно, с ними соглашался А.Г. Бескровный (см. его указ. соч. С. 446).

<sup>3</sup> Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 7. С. 708.

<sup>4</sup> Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. С. 271.

<sup>5</sup> Чья победа? // Родина. 1992. № 6—7. С. 73.



учитывая все это, Шведов называет именно их (плюс ближайшего сотрудника царя князя П.М. Волконского) авторами плана<sup>1</sup>. Можно с ним согласиться.

Смысл петербургского плана был таков: когда «Великая армия», преследуемая главными силами Кутузова, достигнет Березины, Чичагов при поддержке Ф.Ф. Эртеля — с юга<sup>2</sup> и Витгенштейн при поддержке Ф.Ф. Штейнгейля — с севера преградят ей путь в районе Борисова и вместе с главными силами уничтожат ее, чтобы французы были «искоренены до последнего»<sup>3</sup>. «Если план сей, — писал Александр I Кутузову, — Вами признан будет полезным, то отправьте флигель-адъютанта Чернышева к адмиралу Чичагову»<sup>4</sup>. Таким образом, в те дни, когда Наполеон занимал Москву, Александр I уже планировал истребление его армии. Этот факт, который наши историки с 1917 г. до последнего времени недооценивали либо вовсе замалчивали, делает честь царю.

Кутузов усмотрел лишь «малое различие» между своим планом и царским. Поэтому 10 сентября он доложил Александру I: «<...> оставил я план сей, объясненный мне подробно флигель-адъютантом Чернышевым, в полной его силе»<sup>5</sup>. В тот же день фельдмаршал отправил Чернышева к Чичагову с царским планом. «Поспешаю препроводить оный в списке, дабы вы, — предписывал он адмиралу, — от произведения в действо прежних моих соображений удержались, а приступили к исполнению высочайшей воли»<sup>6</sup>.

Советские «фанаты» Кутузова (П.А. Жилин, Б.С. Абалихин), которых не устраивало его признание «высочайшей воли», старались представить дело так, что царский план был

«ошибочен», «принципиально отличен» и даже «противоположен» безошибочному плану Кутузова, поскольку-де по царскому плану «решающая роль в разгроме врага отводилась не Главной армии», а войскам Чичагова и Витгенштейна. Кутузов, мол, все это «прекрасно понимал» и, «хотя внешне (?! — Н. Т.) и принял присланный ему план, фактически проводил в жизнь свой («противоположный!» — Н. Т.) план разгрома врага»<sup>1</sup>. Поверить здесь Жилину и Абалихину может только тот, кто незнаком с текстом петербургского плана, ибо в тексте его черным по белому сказано: все «три наши армии соединиться должны», каждая из них обязана действовать «в частых сношениях со всеми другими войсками нашими», а фланговые войска имеют целью в назначенных местах «предупредить неприятеля, с другой стороны всегда неотступно поражаемого в тыл от главных соединенных армий наших под предводительством князя Кутузова»<sup>2</sup>. Конкретные детали петербургского плана (даты, маршруты) были по ходу событий, естественно, скорректированы, но, по сути своей, именно этот план (*принятый Кутузовым!*) лег в основу Березинской операции.

К середине октября соотношение сил на всем театре войны резко изменилось в пользу России. Наполеон в Москве имел тогда около 116 тыс. человек<sup>3</sup>, Кутузов в Тарутине — 130 тыс. регулярных войск и казаков и, как минимум, 120 тыс. ополченцев<sup>4</sup>. Артиллерии у Кутузова тоже было больше, чем у Наполеона: 622 орудия против 569<sup>5</sup>. Такого же перевеса в силах россияне добились и на флангах. На севере корпус П.Х. Витгенштейна

<sup>1</sup> Абалихин Б.С. 1812 год: актуальные проблемы истории. С. 123—124, 134—135; Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. С. 271, 272; Он же. Фельдмаршал М.И. Кутузов. С. 212—213.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 464—465, 468, 470.

<sup>3</sup> Шамбгау G. Op. cit. V. 2. P. 315.

<sup>4</sup> Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. С. 222; Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 167; Шведов С.В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 г. // История СССР. 1987. № 4. С. 134.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 361; Шамбгау G. Op. cit. V. 2. P. 315.

<sup>1</sup> Шведов С.В. Действия М.И. Кутузова в Березинской операции // II этап Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1997. С. 77—78, 81.

<sup>2</sup> 1 сентября Александр I уведомил Кутузова о своем решении объединить Молдавскую и 3-ю Западную армии под общим командованием Чичагова, а Тормасова откомандировать в Главную армию «как бы по случаю раны кн. Багратиона» (Фельдмаршал Кутузов... С. 196—197).

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 463—470.

<sup>4</sup> Там же. С. 194—195.

<sup>5</sup> Там же. С. 268.

<sup>6</sup> Там же. С. 269.

(который с 15 октября, после объединения с корпусом Ф.Ф. Штейнгейля, стал называться *армией*<sup>1</sup>) с Петербургским и Новгородским ополчениями и рижский гарнизон И.Н. Эссена располагали 68 тыс. человек против 52 тыс. у Ж.-Э. Макдональда (включая прусский вспомогательный корпус), Н.-Ш. Удино и Л.Г. Сен-Сира<sup>2</sup>. На юге в результате соединения 3-й Западной и Молдавской армий у П.В. Чичагова стало почти 83 тыс. бойцов, что вместе с 12,5-тысячным отдельным корпусом Ф.Ф. Эртеля обеспечивало россиянам двойной перевес против корпусов К.Ф. Шварценберга, Ж.-А. Ренье и отдельной польской дивизии Я.Г. Домбровского общей численностью 46 тыс. человек<sup>3</sup>. Даже прибытие в Смоленск 27 сентября 30-тысячного резервного корпуса «Великой армии» под командованием маршала К. Виктора<sup>4</sup>, который мог при необходимости помочь и северному и южному флангам французов, не меняло соотношения сил, повсеместно определившегося в пользу россиян.

Теперь переход русских войск в контрнаступление стал вполне назревшей задачей. Важно было определить время и место первого удара. 3 октября генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь предложил план нападения на авангард «Великой армии» под начальством И. Мюрата, который беспечно располагался на р. Чернишне в 6 км от русского лагеря. Другие генералы поддерживали Толя. Кутузов неохотно (он предпочел бы и далее обойтись без сражений), уступая желанию генералов, одобрил план, но в самом бою, который условно называют Тарутинским, не участвовал. Руководил боем Беннигсен. Трехкратный численный перевес россиян обеспечил им победу. Мюрат был разбит и отступил к с. Спас-Купля. Но отказ Кутузова помочь Беннигсену резервами позволил французам спастись от истребления. Это произошло 6 октября.

<sup>1</sup> См.: Кравченко О.В. Войска П.Х. Витгенштейна: корпус или армия? // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск-Терра, 2000. С. 114, 118.

<sup>2</sup> ВУА. Т. 17. С. 258, 359, 371; С h a m b r a y G. Op. cit. V. 2. P. 173—174.

<sup>3</sup> ВУА. Т. 17. С. 355—356; С h a m b r a y G. Op. cit. V. 2. P. 190.

<sup>4</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 174.

Материальные плоды Тарутинского боя для россиян, по сравнению с тем, на что рассчитывали в штабе Кутузова, были невелики. П.П. Коновницын считал даже, что, поскольку Мюрату «дана возможность отступить в порядке с малою потерей <...>, никто не заслуживает за это дело награды»<sup>1</sup>. Тем не менее, по русским данным, Мюрат потерял 2500 человек убитыми и ранеными плюс 1000 — пленными, тогда как русские потери были почти втрое меньшими: 1204 человека<sup>2</sup> (в числе убитых был командующий 2-м корпусом генерал-лейтенант К.Ф. Багговут).

Главное же, эта первая в 1812 г. победа россиян в наступательном бою стала если еще не началом, то уже прологом русского контрнаступления. Она необычайно подняла боевой дух русской армии. Кутузов понимал эту сторону тарутинского успеха и гордился ею. «Не достало еще немножко счастья, и была бы совсем баталия Кремская, — написал он жене. — Первый раз французы <...> бежали, как зайцы»<sup>3</sup>. С другой стороны, именно Тарутинский бой стал «последним, решающим толчком, заставившим Наполеона наконец выйти из Москвы»<sup>4</sup>.

В Москве Наполеон провел 36 дней, со 2 сентября по 7 октября. Столь долгое сидение на московском пепелище он назовет позднее «величайшей ошибкой» всей своей жизни, рассудив, что не пожар Москвы погубил его, как считали многие, а пятидневное ожидание мира; пожар, напротив, должен был бы спасти «Великую армию», ибо он доказывал, что «русское правительство и народ не хотят вступить ни в какие

<sup>1</sup> ВУА. Т. 21. С. 225.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 17—18. Кутузов 7 октября рапортовал царю, что «наша потеря не превышает 300 человек убитыми и ранеными» (Там же. С. 18), но по ведомости значилось таковых 1 генерал, 20 офицеров и 1183 «нижних чина» (Там же. Примеч.). Кстати, чтобы преувеличить масштаб тарутинской победы, Кутузов в рапорте 7 октября исчислил корпус Мюрата «тысяч в 50» (Там же. С. 16), хотя К.Ф. Толь 3 октября сообщил ему почти точную цифру: «до 25 тыс.» (Там же. С. 3). В действительности Мюрат имел тогда 26 541 человек (С h a m b r a y G. Op. cit. V. 2. P. 215).

<sup>3</sup> Там же. С. 22.

<sup>4</sup> Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 7. С. 668.

переговоры» и что надо было уходить из Москвы сразу, «на другой же день по Калужской дороге»<sup>1</sup>.

Так рассуждали *post factum* и другие военные авторитеты. Например, английский фельдмаршал герцог А. Веллингтон считал, что, «войдя в Москву, Наполеон должен был бы сделать распоряжение в тот же день об очищении ее»<sup>2</sup>. По мнению Дениса Давыдова, если бы Наполеон ушел из Москвы хотя бы двумя неделями раньше, он мог бы избежать постигшей его катастрофы. Тогда, с одной стороны, Кутузов не успел бы подготовиться к контрнаступлению, а с другой — холода не успели бы настичь французам раньше Смоленска или даже Березины<sup>3</sup>.

Если бы ушел... В том-то и дело, что, заняв Москву, Наполеон, по крайней мере в первые три недели, *не мог* уйти: он ждал со дня на день от Александра I просьбы о мире, «льстил себя надеждою, что Россия, раненная в самое сердце <...>, должна пойти на переговоры, как это всегда делали другие государства Европы, столицы которых он завоевывал»<sup>4</sup>. До тех же пор, пока мир не был заключен, он старался демонстрировать перед всей Европой «позу победителя», ибо понимал, что «оккупация этой столицы, поскольку он в нее вступил и так долго здесь остается, производит моральное впечатление <...> как на Россию, так и на Европу»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Ж о м и н и А.А. Политическая и военная жизнь Наполеона. Т. 5. С. 359.

<sup>2</sup> РНБ РО. Ф. 859, к. 38, д. 31, л. 22 об.

<sup>3</sup> См.: Д а в ы д о в Д.В. Соч. М., 1962. С. 290—291.

<sup>4</sup> К о л е н к у р А. Мемуары. С. 157.

<sup>5</sup> Там же. С. 185.



## Глава IV

### «ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛ, ПРЕД КЕМ НАПОЛЕОН БЕЖИТ...»

Сладко гнать пред собою первого в свете полководца.

М.И. Кутузов — жене  
14 ноября 1812 г.

#### 1. МАЛОЯРОСЛАВЕЦ

С утра 7 октября «Великая армия» Наполеона потянулась из Москвы восвояси. Она насчитывала в тот день 89 640 пеших и 14 314 конных воинов, 12 тыс. нестроевых, больных и прочих — всего 115 954 человека и 569 орудий<sup>1</sup>. Армию сопровождал колоссальный обоз: 10—15 тыс. повозок, в которые «были напиханы, как попало, меха, сахар, чай, книги, картины, актрисы Московского театра»<sup>2</sup>. Все это походило «на татарскую орду после удачного нашествия»<sup>3</sup>. Оставляя древнюю столицу России, Наполеон приказал взорвать Кремль — «в отместку Александру за то, что тот не ответил на три мирных предложения» (таково мнение Е.В. Тарле<sup>4</sup>), или, быть может, в отместку россиянам за то, что они сами сожгли «мать го-

<sup>1</sup> С h a m b r a y G. Histoire de l'expédition de Russie. Paris, 1838. V. 2. P. 315.

<sup>2</sup> Французы в России: 1812 г. по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Т. 2. С. 118; П а с т о р е А. Записки о 1812 г. // Русский архив. 1900. № 12. С. 533.

<sup>3</sup> S e g u r Ph.-P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée en 1812. Paris, 1842. V. 2. P. 102.

<sup>4</sup> Т а р л е Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 7. С. 669.

родов русских». Этот приказ — пожалуй, самый варварский из всех приказов Наполеона — осужден даже во французских источниках. Друг семьи Наполеона, а позднее приятельница О. де Бальзака, герцогиня Л. д'Абрантес возмущалась: взрыв Кремля должен «показать нас варварами, более первобытных скифов»<sup>1</sup>. К счастью, дождь подмочил фитили и ослабил мощь подготовленного взрыва, а часть фитилей загасили русские патриоты<sup>2</sup>. Были повреждены соборы, разрушена часть кремлевских башен, стен и палат, взорвано здание Арсенала. Иван Великий и Спасские ворота не пострадали<sup>3</sup>.

Итак, 7 октября Наполеон ушел из Москвы. Куда же он повел свою «Великую армию»? На Калугу! Почему? С какой целью? Традиционная точка зрения — от Д.П. Бутурлина до П.А. Жилина и от Ж. Шамбре до Д. Чандлера (включая А.Жомини и К. Клаузевица, М.И. Богдановича и А.Н. Попова, Е.В. Тарле и Л.Г. Бескровного) — такова. Наполеон уходил из Москвы с намерением отойти к Смоленску, чтобы там, в этом самом важном опорном пункте на главной коммуникации «Великой армии», собраться с силами для зимовки или для дальнейшего отхода в Польшу. Но во-первых, дорога от Москвы на Смоленск через Можайск, по которой французы пришли в Москву, была разорена, а во-вторых, Кутузов в Тарутине был ближе к Смоленску, чем Наполеон в Москве, и мог предупредить французов у Можайска (путь от Москвы до Можайска составлял более 102 км, от Тарутина — 72,5 км). Поэтому Наполеон решил отходить к Смоленску не по старой, разоренной дотла, а по новой дороге — через Калугу, рассчитывая отбросить Кутузова, если тот преградит ему путь.

Такая точка зрения большинства авторитетных историков капитально документирована. Известны приказы Наполеона от 11 октября маршалу К. Виктору, генералам Ж.-А. Жюно и

<sup>1</sup> Д'Абрантес Л. Записки. М., 1837. Т. 15. С. 34. См. также: Шамбрау Г. *Op. cit.* V. 2. P. 325.

<sup>2</sup> См.: Бумаги П.И. Шукина. Т. 5. С. 167.

<sup>3</sup> См.: Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 4. С. 192—194.

Ш.-Ж. Эверсу о движении «Великой армии» к Смоленску<sup>1</sup>. Позднее, на острове Святой Елены, Наполеон прямо говорил Ш. Монтолону, что из Москвы он уходил на Смоленск<sup>2</sup>. То же в один голос утверждали самые осведомленные из мемуаристов «Великой армии» — А. Коленкур, А. Фэн, Ф.-П. Сегюр<sup>3</sup> и самые объективные из ее историков — А. Жомини и Ж. Шамбре<sup>4</sup>, оба, кстати, участники похода в Россию.

В 1980-е годы против общепринятой точки зрения выступили Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский. Они попытались доказать, что Наполеон шел из Москвы отнюдь не к Смоленску, а «через Калугу на Украину»; Кутузов же гениально разгадал этот замысел Наполеона, не дал ему «прорваться в украинские губернии» и спас Украину от французского нашествия<sup>5</sup>. Такая версия, косвенно опирающаяся лишь на *одно из многих* предположений Кутузова о возможном пути Наполеона («искать будет непременно дорогу, которая еще не разорена», «захочет пробраться на Вольнь»<sup>6</sup> и т. д.), не выдерживает критики. Из опубликованных документов Кутузова видно, что он по крайней мере до 14 октября еще не знал, куда пойдет Наполеон. 11 октября, за день до Малоярославецкой битвы, фельдмаршал обязал М.А. Милорадовича, князя Н.Д. Кудашева и калужского губернатора П.Н. Каверина принять меры «для узнания его (Наполеона. — Н. Т.) дальнейших намерений»<sup>7</sup>, а 16 октября, когда Наполеон был в Можайске, докладывал Императору: «Хотя и заключить должно, что неприятель,

<sup>1</sup> Шамбрау Г. *Op. cit.* V. 2. P. 327.

<sup>2</sup> См.: Montholon Ch. Mémoires. Paris, 1823. V. 2. P. 104, 113.

<sup>3</sup> См.: Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 198; Faïn A. Manuskrit de l'an 1812. Paris, 1827. V. 2. P. 162—163; Segur Ph.-P. *Op. cit.* V. 2. P. 97—98.

<sup>4</sup> Жомини А.А. Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1840. Т. 5. С. 367—368, 376; Шамбрау Г. *Op. cit.* V. 2. P. 326.

<sup>5</sup> Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917—1987. М., 1990. С. 211—212. Подробнее: Абалихин Б.С. О стратегическом плане Наполеона на осень 1812 г. // Вопросы истории. 1985. № 2; Он же. 1812 год: актуальные проблемы истории. Элиста, 2000. С. 105—108.

<sup>6</sup> М.И. Кутузов. Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1. С. 354; ч. 2. С. 345.

<sup>7</sup> Там же. Ч. 2. С. 86—87, 89.

не успев в своем предприятии на Калугу, возьмет направление через Можайск на Смоленск, но, невзирая на то, остаюсь я еще некоторое время на Медынской дороге»<sup>1</sup>.

Заслуга Кутузова не в том, что он якобы заранее разгадал все самые тайные замыслы Наполеона, а в том, что он предусматривал *возможность* различных вариантов и любому из них старался воспрепятствовать. Сделать это было очень непросто, поскольку Наполеон умел планировать и осуществлять свои операции мастерски. Удалось же ему, несмотря на то что вокруг Москвы буквально роились казаки и партизаны, вывести из города 116-тысячное полчище так скрытно, что лишь на четвертый день, 11 октября, казаки из отряда генерал-майора И.Д. Иловайского обнаружили: «Москва пуста»<sup>2</sup> — а партизаны А.Н. Сеславина «нашли» «Великую армию» уже на пути к Малоярославцу. И это при том, что, по мнению советских и постсоветских историков, «Кутузову удалось блокировать все дороги из Москвы»...<sup>3</sup>

Уходя из Москвы в направлении Калуги, Наполеон не считал, что он уже отступает. «Армия возвращалась в Смоленск, но это был марш, а не отступление», — объяснял он на острове Святой Елены<sup>4</sup>. Император не только обеспечил скрытность своего марша, но и попытался дезориентировать россиян. На другой день после ухода из Москвы в с. Троицкое, он продиктовал письмо от имени маршала Л.А. Бертье на имя Кутузова и отправил с ним в Тарутино полковника П.-О. Бертеми. На письме была сделана московская помета, чтобы Кутузов «увидел», будто Наполеон еще остается в Москве<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 136. См. критический разбор версии Б.С. Абаихина у В.М. Безотосного в сб. «События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губ.». Малоярославец, 1993. С. 20—23.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 139.

<sup>3</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов. М., 1995. С. 325. О том же: Бескровный А.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 487—488; Орлик О.В. «Гроза двенадцатого года...» М., 1987. С. 68; Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. М., 1988. С. 210; Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 202.

<sup>4</sup> Montholon Ch. Op. cit. V. 2. P. 104.

<sup>5</sup> Chamberlay G. Op. cit. V. 2. P. 321; Segur Ph.-P. Op. cit. V. 2. P. 105.

До 11 октября казалось, что задуманный маневр удастся Наполеону. Партизаны и казаки не разобрались в перемещениях его войск. Командир самого крупного из армейских партизанских отрядов И.С. Дорохов 9 октября доложил Кутузову, что в с. Фоминское вступили отряды кавалерии генерала Ф.-А. Орнано (кузена Наполеона) и пехоты генерала Ж.-Б. Брусье<sup>1</sup>. Полагая, что это какие-то отдельные части противника, и не зная, что следом за ними идет вся «Великая армия», Дорохов решил напасть на них и запросил у Кутузова подкреплений. Фельдмаршал в тот же день послал к Фоминскому 6-й корпус Д.С. Дохтурова с начальником штаба 1-й армии А.П. Ермоловым, «дабы на рассвете 11 числа атаковать неприятеля»<sup>2</sup>. В ночь с 10-го на 11 октября корпус Дохтурова остановился на несколько часов в с. Аристово и готовился с рассветом атаковать Фоминское, а тем временем, минуя Фоминское, прошли далее к Боровску (курсом на Калугу) главные силы Наполеона.

Уже близилась полночь, когда в Аристово примчался капитан А.Н. Сеславин с перекинутым через седло «языком» — пленным французским унтер-офицером. Сеславин доложил, что он, взобравшись на дерево, обнаружил у Боровска колонны «Великой армии», увидел даже «самого Наполеона, окруженного своими маршалами и гвардией»<sup>3</sup>. Пленник подтвердил его слова: «Уже четыре дня, как мы оставили Москву <...>. Завтра Главная квартира императора — в Боровске. Далее направление на Малоярославец»<sup>4</sup>. Ермолов сразу все понял и предложил Дохтурову спешить к Малоярославцу. Дохтуров заколебался, поскольку имел приказ Кутузова наступать на Фоминское. Тогда Ермолов как начальник штаба «именем главнокомандующего» приказал Дохтурову вести корпус к Малоярославцу, а сам послал майора Д.Н. Болговского нарочным к Кутузову с просьбой срочно направить туда же всю армию<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 57.

<sup>2</sup> Там же. С. 58, 61.

<sup>3</sup> Давыдов Д.В. Соч. М., 1962. С. 344; Хатаевич Н.А. Партизан А.Н. Сеславин. М., 1973. С. 49.

<sup>4</sup> Ермолов А.П. Записки 1798—1826. М., 1991. С. 220.

<sup>5</sup> Давыдов Д.В. Соч. С. 345.

Болговский потом вспоминал, что Кутузов, выслушав его, «прослезился и, обратясь к иконе Спасителя, сказал: «Боже, Создатель мой! Наконец ты внял молитве нашей, и с сей минуты Россия спасена!»<sup>1</sup>. Через считанные часы вся русская армия выступила из Тарутина к Малоярославцу.

Так, благодаря счастливому открытию Сеславина и вне всякой зависимости от того, насколько Кутузов разгадал замысел калужского марша «Великой армии», русские войска получили возможность преградить ей путь на Калугу. «Если бы партизан Сеславин не мог предупредить заблаговременно, — рассуждал Ермолов, — VI-й пехотный корпус и прочие с ним войска при атаке села Фоминское понесли бы неизбежно сильное поражение, и был бы Малоярославец беспрепятственно занят неприятелем»<sup>2</sup>. Денис Давыдов выступил еще энергичнее: «...извещением Сеславина решилась участь России»<sup>3</sup>. Разумеется, при этом надо учитывать и столь же смелую, сколь мудрую распорядительность Ермолова.

Тем временем корпус Дохтурова, не успевший отдохнуть в Аристове после изнурительного марша, снялся с места и еще до рассвета 12 октября был уже под Малоярославцем — почти одновременно с «малою частью» неприятельского авангарда, который был им выбит из города атакой с ходу<sup>4</sup>. Вот что рассказывал очевидец. К Фоминскому корпус шел «целый день <...> по плохой проселочной дороге, по слякоти и под дождем. Поздно уже, при большой темноте, остановился он ночевать у селения Аристово. Бивуака строить было некогда, а потому вся ночь была проведена под дождем и почти без сна. На другой день поднялся до света, шел тоже весь день по грязи и, немного отдохнув, в ночь выступил под дождь. Перед светом пришел под Малоярославец и без всякого от-

<sup>1</sup> Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. 1. С. 243.

<sup>2</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 221.

<sup>3</sup> Давыдов Д.В. Соч. С. 347—348.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 107 (Д.С. Дохтуров — М.И. Кутузову 14 октября 1812 г.).

дыха вступил в бой <...>. Сообразив все это, можно сделать вывод, каковы были тогда наши войска»<sup>1</sup>.

Авангард французов составлял 4-й корпус вице-короля Италии Евгения Богарне. Бой под Малоярославцем начался утром 12 октября дивизия из этого корпуса под командованием генерала А.-Ж. Дельзона, того самого, который начинал и Бородинскую битву. Дельзон ворвался в город, но сам при этом был убит. Рядом с ним пали его брат и адъютант<sup>2</sup>. У россиян здесь был тяжело ранен (и после двух лет страданий от этой раны умер) герой-партизан генерал-майор И.С. Дорохов<sup>3</sup>.

Пока войска Богарне и Дохтурова дрались за Малоярославец с переменным успехом (до середины дня город 4 раза переходил из рук в руки), к месту боя подтягивались главные силы Наполеона и Кутузова. Сразу после полудня на помощь Дохтурову подоспел 7-й корпус Н.Н. Раевского, а Богарне был поддержан двумя дивизиями из корпуса Л.Н. Даву. Ни та, ни другая сторона не уступали друг другу в «наижесточайшем» бою, как рапортовал Кутузов Александру I<sup>4</sup>.

В середине дня к Малоярославцу прибыл Наполеон. Обозрев поле боя, он направил подзорную трубу в сторону с. Спасского, откуда мог появиться Кутузов, и долго всматривался в даль. Там сквозь облака пыли уже поблескивали штыки и ружейные стволы воинских громад: к Малоярославцу спешила армия Кутузова.

Собственно, Кутузов не изнурял армию сверх меры форсированным маршем, рассчитав, что 28 верст (почти 30 км) между Тарутином и Малоярославцем он преодолет вовремя. В Спасском он дал войскам «растах» (отдых) и завернул ни с чем гонца от Ермолова, умолявшего «поспешить». Ермолов тут

<sup>1</sup> Митаревский Н.Е. Нашествие неприятеля на Россию. М., 1878. С. 161.

<sup>2</sup> См.: Васильев А.А. Малоярославецкое сражение в Отечественной войне 1812 г. // Малоярославец. Очерки по истории города. Малоярославец, 1992. С. 37—38. Большая (70 с.) статья А.А. Васильева — самое обстоятельное описание битвы при Малоярославце.

<sup>3</sup> См.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание... СПб., 1839. Т.3. С. 323.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 109.

же прислал второго гонца. Кутузов рассердился: «С негодованием плюнул так близко к стоявшему против него посланцу, что тот достал из кармана платок, и было заметно, что лицо его имело большую в нем надобность»<sup>1</sup>. Как бы то ни было, к 16 часам, когда Наполеон еще не подтянул к Малоярославу часть своих войск, вся армия Кутузова уже закрепились на высотах южнее города.

Бой продолжался с прежним ожесточением, но ни Наполеон, ни Кутузов пока не вводили в дело главных сил. Принц Е. Вюртембергский подсчитал, что в бою приняли участие 20 тыс. русских и 18 тыс. французов<sup>1</sup>, а М.И. Богданович — что с каждой стороны сражались по 24 тыс. человек<sup>2</sup>. Новейшие подсчеты А.А. Васильева таковы: 20 тыс. французов против 30 тыс. россиян<sup>3</sup>. К 23 часам город, многократно (по разным источникам, от 8 до 13 раз) переходивший из рук в руки, остался у французов<sup>4</sup>. По словам очевидца, он «представлял собою зрелище совершенного разрушения. Направление улиц обозначалось только грудями трупов, которыми они были усеяны <...>. Все дома обратились в дымящиеся развалины, под которыми тлели полусожженные кости»<sup>6</sup>. Тем временем Кутузов отвел свои войска на 2,7 км к югу и занял там новую позицию, преграждая французам путь на Калугу<sup>7</sup>.

Данные о потерях сторон в битве под Малоярославцем (как и в других сражениях 1812 г.) разноречивы. М.И. Богданович исчислял русские потери в 6 тыс. человек, Д.П. Бутурлин и А.И. Михайловский-Данилевский — в 5 тыс., а Л.Г. Бескровный, Н.Ф. Гарнич, П.А. Жилин, В.Г. Сироткин —

<sup>1</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 223.

<sup>2</sup> Вюртембергский Е. Воспоминания о кампании 1812 г. в России // Военный журнал. 1848. № 2. С. 66—67.

<sup>3</sup> Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1860. Т. 3. С. 37.

<sup>4</sup> Васильев А.А. Указ. соч. С. 67.

<sup>5</sup> Это засвидетельствовали все участники боя — и французы, и русские (в том числе А.П. Ермолов и Н.Н. Раевский, А. Коленкур и Ф.-П. Сегюр).

<sup>6</sup> Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 38—39.

<sup>7</sup> См.: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Т. 3. С. 326.

в 3 тыс.<sup>1</sup> Между тем в сборнике документов «М.И. Кутузов» (под ред. Л.Г. Бескровного) опубликована ведомость потерь русской армии при Малоярославце: 6665 человек<sup>2</sup>. А.А. Васильев, изучив эту ведомость, отметил, что в ней не учтены потери некоторых частей и что общий урон россиян «достигал 7000 человек», а С.В. Шведов указал на отсутствие в ведомости данных о потерях ополченцев (4—5 тыс. человек) и заключил: «В целом, потери русских войск при Малоярославце были гораздо больше 7 тыс. человек»<sup>3</sup>.

Французские потери сами французы определяли тоже по-разному: от 1500 человек<sup>4</sup> до 5 тыс.<sup>5</sup>. Русские дореволюционные и советские историки почти все (включая Л.Г. Бескровного и П.А. Жилина) называли цифру 5 тыс. А.А. Васильев, однако, полагает, что и урон французов «мог достигать 7000 человек»<sup>6</sup>.

Как же оценить итоги сражения при Малоярославце? П.А. Жилин, Н.Ф. Гарнич, Л.Г. Бескровный заключали безоговорочно, что Кутузов здесь победил, даже «разгромил Наполеона», причем все трое умалчивали о том, в чьих руках остался город<sup>7</sup>. Такова же в принципе позиция О.В. Орлик и В.Г. Сироткина<sup>8</sup>. Жилин при этом сетовал: «К сожалению,

<sup>1</sup> См.: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Т. 3. С. 323; Бутурлин Д.П. История нашествия имп. Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1824. Ч. 2. С. 44; Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 38; Гарнич Н.Ф. 1812 год. М., 1956. С. 262; Жилин П.А. Указ. соч. С. 221; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 513; Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 208.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 714.

<sup>3</sup> Васильев А.А. Указ. соч. С. 83; Шведов С.В. О численности и потерях русской армии в сражении при Малоярославце 12 октября 1812 г. // М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1995. С. 104.

<sup>4</sup> Bulletins officiels de la Grande Armée, campagnes de Russie et de Saxe. Paris, 1821. P. 148.

<sup>5</sup> Де Ла Флиз Д. Поход Наполеона в Россию. М., 1912. С. 52.

<sup>6</sup> Васильев А.А. Указ. соч. С. 81.

<sup>7</sup> Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 264; Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 118 (ранее, в кн. «Отечественная война 1812 г.» Бескровный признавал, что город остался «в руках противника». С. 512); Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 289—290.

<sup>8</sup> Орлик О.В. Указ. соч. С. 77; Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 208.

есть еще за рубежом историки, трактующие сражение под Малоярославцем как победу французской армии»<sup>1</sup>. Как победу французов трактовали это сражение не только «за рубежом», но и в России, и даже сами участники, герои Малоярославца, такие, как А.П. Ермолов и Н.Н. Раевский<sup>2</sup>. Они имели в виду победу *тактическую*: ведь Наполеон овладел Малоярославцем, а Кутузов оставил не только город, но и первоначальную позицию за городом, отступив дальше к югу. Поэтому нет ничего удивительного в том, что зарубежные (не только французские) историки ставят Малоярославец в ряд сражений, выигранных Наполеоном.

Однако битву под Малоярославцем (как и под Бородином) недостаточно оценивать лишь с тактической точки зрения. Здесь важен и стратегический, и даже политический аспект. Добившись, как и при Бородине, тактического успеха, Наполеон теперь, в отличие от Бородина, ничего не выиграл стратегически; более того, проиграл политически, хотя выяснилось это не сразу после сражения, а в последующие дни.

Кутузов под Малоярославцем не смог разбить Наполеона, но и сам не был разбит. Он только оставил, как при Бородине, исходные позиции и отступил в готовности (даже большей, чем после Бородина) к новому сражению. «Завтра, я полагаю, — написал он Александру I в ночь с 12-го на 13 октября, — должно быть генеральное сражение, без коего я ни под каким видом в Калугу его (Наполеона. — Н. Т.) не пущу»<sup>3</sup>. Сил у Кутузова в тот момент было больше, чем у Наполеона: 90 тыс. человек и 600 орудий против 70 тыс. при 360 орудиях<sup>4</sup>. К тому же русская армия могла рассчитывать еще на поддержку ополченцев и партизан.

<sup>1</sup> Ж и л и н П.А. Отечественная война 1812 г. С. 292. Оригинально сказано в указ. соч. Ю.Н. Гуляева и В.Т. Соглаева: «Французы не смогли разгромить» россиян (С. 336).

<sup>2</sup> См.: Ермолов А.П. Записки. С. 224; Раевский Н.Н. Записки // Давыдов Д.В. Замечания на некрологию Н.Н. Раевского. М., 1832. С. 77; Васильев А.А. Указ. соч. С. 79.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 98.

<sup>4</sup> Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 44—45; Васильев А.А. Указ. соч. С. 76, 78.

Казалось бы, тот факт, что Кутузов, хотя и оставил Малоярославец противнику и отступил с поля битвы на юг, все-таки не позволил Наполеону пройти к Калуге, — этот факт уже говорит в пользу фельдмаршала и русского оружия вообще. Однако Михаилу Илларионовичу показалось, что этого мало. Он в первом же донесения царю от 13 октября 1812 г., а затем в более подробном рапорте от 9 февраля 1813 г. *фальсифицировал* результат битвы, объявив, что Малоярославец 12 октября остался у русских и что Наполеон «в ночь с 12 на 13 число совершил отступление к Боровску и Верее»<sup>1</sup>. На самом же деле Наполеон, взяв с боем Малоярославец, оставался здесь до 14 октября, пока россияне отходили по дороге на Калугу.

Ночь с 12-го на 13 октября Наполеон провел в Городне — маленькой деревушке под Малоярославцем. Он советовался с маршалами: атаковать ли Кутузова, чтобы прорваться в Калугу, или уходить к Смоленску по разоренной дороге через Можайск? Маршалы предлагали и оспаривали то одно, то другое. Так и не приняв решения, Наполеон, едва рассвело, поехал сам с небольшим конвоем на рекогносцировку русской позиции. Его сопровождали маршал Л.А. Бертье, генералы А. Коленкур, А.Ж.Б. Лористон, Ж. Рапп, Ж. Мутон и др. Не успели они выехать из своего лагеря, как на них с криком «Ура!» налетел отряд казаков. Императорский конвой был смят. Один казак уже пронзил пикой лошадь Раппа. Другие генералы плотным кольцом окружили Наполеона. Все они, обнажив шпаги, приготовились дорого отдать свою жизнь. Подоспевший во главе двух эскадронов конной гвардии маршал Ж.-Б. Бессьер спас их от неминуемой гибели или плена<sup>2</sup>.

Наполеон в те минуты смертельной для него опасности сохранял внешнее спокойствие и, как только казаки скрылись, провел рекогносцировку, но вечером приказал своему лейб-медику А.-У. Ювану изготовить для него флакон с ядом. «С этого момен-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 98, 110.

<sup>2</sup> Подробно об этом см.: Васильев А.А. Императорское «Ура» // Калужская губ. в Отечественной войне 1812 г. Малоярославец, 1994.



та император не расставался с флаконом: попасть в плен живым отныне уже более не грозило ему»<sup>1</sup>.

После рекогносцировки Наполеон вновь созвал маршалов на совет. Отважный Бессьер решительно высказался против нового сражения, указав на неприступность позиции россиян. «В какой позиции и против какого врага! — восклицал он. — Разве мы не видели поля вчерашней битвы, не заметили, с каким исступлением русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?»<sup>2</sup> Другие маршалы поддержали Бессьера. Наполеон решил отступить к Смоленску через Можайск.

Так впервые в жизни Наполеон сам отказался от генерального сражения. Впервые в жизни он добровольно повернулся спиной к противнику, перешел из позиции преследователя в позицию преследуемого. Истинное отступление «Великой армии» началось не 7 октября, когда Наполеон вывел ее из Москвы и повел на Калугу, а 14 октября, когда он отказался от Калуги и пошел к Можайску, на Старую Смоленскую дорогу. Это заключение академика Е.В. Тарле<sup>3</sup> вполне справедливо.

Парадоксальный, беспримерный в истории войн факт: одновременно с отступлением Наполеона от Малоярославца на север, в 5 часов утра 14 октября, Кутузов начал отступать на юг, к с. Детчину, за 24,5 км от Малоярославца, и там уже на следующий день, 15-го, получил «известие, что неприятель отступил»<sup>4</sup>. «Обе армии отступали одна от другой: французы — к северу, мы — к югу», — вспоминал участник этих боев прапорщик и впоследствии декабрист В.С. Норов<sup>5</sup>. (Маршал Даву в драме К.А. Тренева «Полководец» резонно замечает:

<sup>1</sup> Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 7. С. 682. Именно этим флаконом воспользуется Наполеон при попытке самоубийства после отречения от престола в ночь на 13 апреля 1814 г., но яд к тому времени выдохнется и не подействует.

<sup>2</sup> Seguier Ph.-P. Op. cit. V. 2. P. 125—126.

<sup>3</sup> См.: Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 7. С. 681.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 119, 132.

<sup>5</sup> Норов В.С. Записки о походах 1812 и 1813 гг. СПб., 1834. Ч. 1. С. 16. О том же: Seguier Ph.-P. Op. cit. V. 2. P. 128.

«Случая отступления от отступающего врага не было в жизни ни у одного полководца»<sup>1</sup>.)

В ночь с 15-го на 16 октября Кутузов отошел еще дальше на юг, к слободе Полотняный Завод, где оставался два дня, до утра 18-го<sup>2</sup>. Владелец слободы А.Н. Гончаров (дед жены А.С. Пушкина Наталии Николаевны и крестный отец первой дочери поэта Марии) записал в дневнике 16 октября 1812 г., что «весьма хорошо был принят» Кутузовым<sup>3</sup>.

Отступательный марш Кутузова к Полотняному Заводу вызвал споры между отечественными историками: одни (Н.А. Окунев, М.И. Богданович, А.Н. Попов, М.С. Свечников) порицают его<sup>4</sup>, другие (А.И. Михайловский-Данилевский, Н.Ф. Гарнич, П.А. Жилин, Л.Г. Бескровный, Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев) оправдывают<sup>5</sup>. Думается, и те и другие по-своему правы. С одной стороны, после того как Наполеон повернул от Малоярославца к Можайску, стало ясно, что марш Кутузова к Детчину и далее к Полотняному Заводу с двухдневным «растакхом» был не нужен. Более того, Наполеон в результате этого марша получил выигрыш времени в трое суток, возможность далеко оторваться от русской армии и до самой Вязьмы быть вне ее досягаемости. Но, с другой стороны, до тех пор пока Наполеон не повернул от Малоярославца к Можайску, у Кутузова были все основания опасаться, что

<sup>1</sup> Тренев К.А. Пьесы. Статьи. Речи. М., 1980. С. 525.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 136, 156.

<sup>3</sup> Извлечение из дневника А.Н. Гончарова // Изв. Калужской архивн. комиссии. 1910. Вып. 20. С. 53. Кутузов и его штаб разместились в комнатах А.Н. Гончарова на 3-м этаже его дома. В 1830 г. перед свадьбой с Пушкиным «кутузовские» комнаты занимала Наталия Николаевна, а Пушкин — комнате на 2-м этаже (см.: Коган Г.Ф. Полотняный Завод. М., 1951. С. 46).

<sup>4</sup> См.: Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 49—50; Окунев Н.А. Рассуждения о больших военных действиях.. в 1812 г. СПб., 1833. С. 231; Попов А.Н. От Малоярославца до Березины. СПб., 1877. С. 33; Свечников М.С. Война 1812 г. М., 1937. С. 107.

<sup>5</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Т. 3. С. 343—344; Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 263—264; Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. С. 224; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. С. 515—516; Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 337.

противник сможет пройти к Калуге в обход русской позиции — через Медынь, где уже были замечены отряды его кавалерии. Чтобы прикрыть Медыньскую дорогу, фельдмаршал отвел свои войска в Детчино, а затем на Полотняный Завод<sup>1</sup>. Значит, его марш был ситуационно оправданной предосторожностью, которая лишь после того, как ситуация изменилась, оказалась излишней.

Подытожим сказанное. Битва при Малоярославце была третьей по масштабам за всю войну — после Бородина и Смоленска, а по значению — второй, вслед за Бородином. Именно Малоярославец обозначил собой тот рубеж, с которого начался заключительный период войны — период отступления и разгрома «Великой армии», изгнания ее остатков из России. Выстояв под Малоярославцем, не пустив французов на Новую Смоленскую (Калужскую) дорогу и заставив их отступать по разоренной Старой Смоленской дороге, Кутузов, таким образом, вырвал у Наполеона стратегическую инициативу. Отныне и до конца войны французы уже не могли изменить рокового для них поворота событий: на Старой Смоленской дороге им предстояло во всей полноте испытать историческое возмездие за нашествие на Россию — бегство, страдания, гибель под ударами русских войск и народных ополчений, от рук партизан и казаков, от голода и холода.

## 2. ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МАРШ

Итак, 18 октября Кутузов из Полотняного Завода повел свою армию вслед за отступавшим Наполеоном. Именно с того дня фельдмаршал приступил к осуществлению своей идеи *параллельного* преследования неприятеля как особой формы контрнаступления. Эту идею впервые он изложил еще 22 сентября в рапорте Государю из Тарутина<sup>2</sup>, а более обстоятельно разъяснил в письме к П.В. Чичагову от 3 ноября: «Направле-

ние Главной армии большими силами было и будет с левой стороны неприятелю. Сим я сохраняю: первое, сообщение с нашими хлебобродными провинциями; второе, коммуникацию, верную с вами, и, наконец, то, что неприятель, видя меня, рядом с собою идущего, не посмеет остановиться, опасаясь, чтобы я его не обошел»<sup>1</sup>.

В то время как Наполеон отступал по разоренной Смоленской дороге, Кутузов преследовал его параллельным маршем по Калужской дороге, на которой русские войска всегда находили продовольствие, фураж, места для отдыха и поддержку населения, то есть все то, чего французы были лишены. «Этот маневр был им замечательно правильно рассчитан, — писал о Кутузове А. Жомини. — С одной стороны, его армия, проходя по менее опустошенной местности, терпела меньше убыли; с другой — он держал французскую армию под постоянной угрозой обогнать ее и отрезать путь отступления. Вследствие последнего обстоятельства французская армия была вынуждена форсировать марш и двигаться без малейшего отдыха»<sup>2</sup>. При этом авангардные части россиян (главным образом казаки) то и дело нападали на арьергарды противника. «Ничего более от вас не требую, — писал Кутузов атаману М.И. Платову 4 ноября, — как только что всеми силами преследовать его хвост и вредить сколько можно сим способом»<sup>3</sup>.

Тем временем, даже еще раньше, чем главная армия Кутузова, перешли к активным действиям фланговые войска россиян. Кстати, именно эти действия склонны признать *контрнаступлением* те историки (В.М. Безотосный, А.М. Валькович), которые отрицают самый термин «контрнаступление» применительно к «параллельному маршу» Главной армии<sup>4</sup>.

На юге отдельный (2-й резервный) корпус Ф.Ф. Эртеля уже 3-го и 4 сентября успешно провел наступательные операции при Глуске и Горбачеве, за что Эртель 4 октября был награж-

<sup>1</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 283.

<sup>2</sup> Французы в России. Т. 2. С. 179.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4. Ч. 2. С. 299.

<sup>4</sup> См.: Чья победа? // Родина. 1992. № 6—7. С. 75.

<sup>1</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 136 (М.И. Кутузов — Александру I 16 октября 1812 г.).

<sup>2</sup> Там же. Ч. 1. С. 362.

ден орденом Святого Георгия 3-й степени<sup>1</sup>. П.В. Чичагов же в сентябре оттеснил войска К.Ф. Шварценберга и Ж.-Л. Ренья за Буг, а в первой половине октября не только сам продолжал наступление в Белоруссии, заняв Каменец и Высоко-Литовск, но и посылал отряды генерал-майора Н.И. Лидерса и полковника А.И. Чернышева «для поиска над неприятелем» в пределы Великого герцогства Варшавского<sup>2</sup>.

На севере 1-й корпус П.Х. Витгенштейна 6 октября (в день боя под Тарутином) атаковал объединенные 2-й и 6-й корпуса французов под командованием А.Г. Сен-Сира и после двухдневного сражения 7 октября штурмом взял Полоцк. На штурм вместе с кадровыми солдатами Витгенштейна шли и необстрелянные ополченцы, которые с лихвой восполнили недостаток боевого опыта буквально потрясшим врага героизмом<sup>3</sup>.

Взяв Полоцк, Витгенштейн заставил Сен-Сира уйти за Двину. Эта победа необычайно возвысила его репутацию. Г.Р. Державин и В.А. Жуковский прославляли его в стихах, а солдаты 1-го корпуса сложили удалую «Песню о Витгенштейне» с такими строками:

Мы ж воскликнем все: герой,  
Ты Суворов наш второй!<sup>4</sup>

Наполеон о полоцкой неудаче Сен-Сира узнал в Вязьме, незадолго до того, как авангарды Кутузова настигли арьергард «Великой армии». Император был крайне обеспокоен этой неудачей и ускорил марш своих войск к Смоленску, чтобы успеть туда раньше Витгенштейна.

А вот путь от Малоярославца до Вязьмы, с 14-го по 21 октября, «Великая армия» прошла сравнительно спокойно. Кроме того, что Наполеон сразу выиграл три перехода из-за

<sup>1</sup> РГВИА. Ф. 49, оп. 211, св. 15, д. 216, л. 130; Сб. исторических материалов, извлеченных из архива собств. Его Имп. Величества канцелярии. СПб., 1910. Т. 10. С. 286—289.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 141—143 (П.В. Чичагов — М.И. Кутузову 3 октября 1812 г.).

<sup>3</sup> См.: S a i n t-S u r G. Mémoires. Paris, 1831. V. 3. P. 170.

<sup>4</sup> 1812 год в песнях. М., 1912. С. 21.

маневров Кутузова 14—16 октября к Детчину и Полотняному Заводу, Кутузов 18 октября сделал еще один лишний переход. «Не имея скорых и верных известий» о противнике, читаем в его предписании Платову от 19 октября, «армия сделала один марш совсем не в том направлении, как бы ей надлежало», а именно к с. Кременскому, на Гжатск, из-за предположения (оказавшегося ошибочным), что Наполеон пойдет через Белый и Велиж к Витебску<sup>1</sup>. Только 19 октября, когда не осталось никаких сомнений в том, что «Великая армия» идет от Можайска на Смоленск, Кутузов начал свой параллельный марш по Калужской дороге к Вязьме.

Наполеон торопился миновать пересечение дорог у Вязьмы и достичь Смоленска, прежде чем настигнет его Кутузов или преградят ему путь Чичагов или Витгенштейн. Спешить заставляла Наполеона и острая нужда в продовольствии. Марш по разоренной дороге с первых же дней ввергнул его войско в полуголодное состояние. Запас провианта, взятый из Москвы, частью был быстро съеден, а большей частью потерян или отбит партизанами и казаками. Поживиться где-нибудь и хоть чем-нибудь на самой дороге и даже на 15—20 км окрест французы не могли. Здесь «все было сожжено и, что называется, кошки нельзя было сыскать», — свидетельствовал генерал Д.П. Неверовский<sup>2</sup>. «Нам приходилось идти по настоящей пустыне, так как направо и налево от дороги вся местность была обглодана и опустошена», — вспоминали сами французы<sup>3</sup>. После Малоярославца они, по собственному их признанию, «питались лишь кониной»<sup>4</sup>. Поэтому так спешили они к Смоленску, где ожидали найти чуть ли не изобилие провианта, возможность отдыха и кадрового пополнения. «На этот город были с надеждой устремлены глаза всех, — вспоминали вете-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 162.

<sup>2</sup> Неверовский Д.П. Записка о службе своей в 1812 г. // ЧОИДР. 1859. № 1. С. 81.

<sup>3</sup> Коленкур А. Мемуары. С. 215; Французы в России. Т. 2. С. 173; Ложье Ц. Дневник офицера «Великой армии» в 1812 г. М., 1912. С. 235, 236.

<sup>4</sup> Коленкур А. Мемуары. С. 217; Французы в России. Т. 2. С. 157, 166, 173—174.

раны «Великой армии». — Все горели желанием поскорее добраться до него, в полной уверенности, что за его стенами прекратятся все наши бедствия. Слово «Смоленск» переходило из уст в уста»<sup>1</sup>.

Разделив армию на четыре колонны, которые шли в полудневном переходе друг от друга (впереди гвардия, сзади — сильнейший корпус А.Н. Даву), Наполеон продвигался к Смоленску быстро. 16 октября он был в Можайске, 17-го — в Гжатске, 19-го — в Вязьме. Пока, кроме голода, беспокоили французов только партизаны и казаки. «Сзади на нас нападают тучи казаков, — читаем в записках капитана Франсуа о тех днях. — Мы не можем сделать и тысячи шагов без того, чтобы не обернуться лицом к неприятелю»<sup>2</sup>. Беспрестанные набеги казаков на «Великую армию» замедлили ее продвижение и в конечном счете помогли авангарду Кутузова настичь арьергард Наполеона у Вязьмы.

Сам Наполеон с гвардией вышел из Вязьмы 20 октября. Он еще удивлялся в разговоре с А. Коленкуром: «Никак не мог понять тактики Кутузова, оставлявшего нас в полном спокойствии»<sup>3</sup>. Но уже 21 октября сводный отряд генерала от инфантерии М.А. Милорадовича вышел на Старую Смоленскую дорогу раньше, чем прошли по ней к Вязьме корпуса Е. Богарне, Ю. Понятовского и Даву.

Накануне Кутузов рапортовал Александру I: «Отряд генерала Милорадовича усилен так, что почти составляет половину армии»<sup>4</sup>. Действительно, Милорадович имел 3 пехотных (без одной дивизии) и 3 кавалерийских корпуса, 5 казачьих полков и 9 конных рот артиллерии<sup>5</sup>. Тем не менее он предпочел не вступать в бой с тремя неприятельскими корпусами, а первые два из них пропустить к Вязьме, чтобы затем отрезать и

уничтожить корпус маршала Даву, который замыкал отступление «Великой армии». На рассвете 22 октября Милорадович атаковал Даву в лоб, а Платов с казаками ударил сзади. Гибель корпуса Даву казалась неминуемой.

В этот момент Богарне и Понятовский, узнав, что Даву отрезан, повернули свои корпуса назад и пришли к нему на выручку. Милорадовичу пришлось выпустить Даву из русских клещей, но и после того, как все три французских корпуса начали с боем отступать к Вязьме, он продолжал их атаковать всеми своими силами и с тыла, и с флангов<sup>1</sup>.

Тем временем Кутузов с большей частью Главной армии достиг с. Быкова примерно в 6,5 км юго-западнее Вязьмы и оставался там до утра 24 октября<sup>2</sup>. «Он слышал канонаду так ясно, как будто она происходила у него в передней, — свидетельствовал его адъютант В.И. Левенштерн, — но, несмотря на настояния всех значительных лиц Главной квартиры, он остался безучастным зрителем этого боя»<sup>3</sup>. Такие же свидетельства оставили А.П. Ермолов и Н.Н. Раевский, А.Н. Сеславин и М.А. Фонвизин, А.А. Щербинин и принц Е. Вюртембергский. Все они упрекали Кутузова в том, что он не помог Милорадовичу отрезать под Вязьмой, как минимум, один, а то и два-три корпуса французов<sup>4</sup>.

Такие упреки в принципе справедливы. Россияне тогда действительно «пропустили случай отрезать всей армией задний корпус» противника<sup>5</sup>. «Значительные лица Главной квартиры», несомненно, припомнили здесь Кутузову его затянувшийся «раستاх» в Полотняном Заводе, когда, по воспоминаниям А.А. Щербинина, «Толь вбежал в комнату Коновницына <...>

<sup>1</sup> См.: Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 74 — 75; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. С. 533.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 185, 190.

<sup>3</sup> Левенштерн В.И. Записки // Русская старина. 1901. № 1. С. 123.

<sup>4</sup> См.: ВУА. Т. 21. С. 228; Ермолов А.П. Записки. С. 231, 232; Вюртембергский Е. Указ. соч. С. 81; Семевский М.И. Партизан Сеславин // Отечественные записки. 1860. № 4. С. 49; Фонвизин М.А. Соч. и письма. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 167.

<sup>5</sup> Архив Раевских. СПб., 1908. Т. 1. С. 173.

<sup>1</sup> Французы в России. Т. 2. С. 209. О том же: Бургонь А.-Ж. Пожар Москвы и отступление французов. 1812 г. СПб., 1898. С. 97.

<sup>2</sup> Французы в России. Т. 2. С. 169. О том же: Ложье Ц. Указ. соч. С. 231, 232.

<sup>3</sup> Коленкур А. Мемуары. С. 220.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 176.

<sup>5</sup> Там же. С. 223.

и вскричал: «Петр Петрович, если мы фельдмаршала не по-двинем, то мы здесь зазимуем!»<sup>1</sup>. Более того, еще раньше такое «значительное лицо» (с правом лично информировать о ходе военных действий самого Александра I) как английский комиссар при штабе Кутузова сэр Роберт Вильсон ставил в упрек Кутузову его отступление от Малоярославца, о чем прямо и объявил фельдмаршалу на совете в его Главной квартире 13 октября. Кутузов в ответ сделал тогда историческое (зафиксированное в дневнике Вильсона) заявление не только военнотактического, но и политического, даже международного плана: «Меня не интересуют ваши возражения. Лучше построить неприятелю «pont d'or»<sup>2</sup>, как вы изволите выражаться, нежели дать ему «coup de collier»<sup>3</sup>. Кроме того, повторю еще раз: я не уверен, что полное изничтожение императора Наполеона и его армии будет таким уж благодеянием для всего света. Его место займет не Россия и не какая-нибудь другая континентальная держава, но та, которая уже господствует на морях, и в таковом случае владычество ее будет нетерпимо»<sup>4</sup>.

Слушать все это Вильсону было тем досаднее, что он уже знал (от Л.А. Беннигсена, с которым был в добрых отношениях) сказанное Кутузовым Беннигсену еще до Малоярославца: «Мы никогда, голубчик мой, с тобою не согласимся; ты думаешь только о пользе Англии, а по мне, если этот остров сегодня пойдет на дно моря, я не охну»<sup>5</sup>. Такая англофобская откровенность фельдмаршала шокировала сэра Роберта и, разумеется, лишь усугубляла его и без того острую неприязнь к Кутузову. Поэтому суждения Вильсона о том, что «Кутузов являл собой поучительный образец неспособности командующего и отсутствия всех (! — Н. Т.) тех качеств, кои должны отличать сего последнего»<sup>6</sup>, нельзя принимать всерьез.

<sup>1</sup> Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. М., 1995. С. 419.

<sup>2</sup> Золотой мост (фр.).

<sup>3</sup> Сорваться с цепи (фр.).

<sup>4</sup> Вильсон Р.Т. Дневник и письма 1812—1813 гг. СПб., 1995. С. 273—274.

<sup>5</sup> Фельдмаршал Кутузов. С. 413.

<sup>6</sup> Вильсон Р.Т. Указ. соч. С. 79.

Еще менее серьезной надо признать версию историков масонства о том, что Кутузов как масон просто «оказывал братскую помощь» масону Наполеону, намеренно опаздывая всегда и везде причинить ему слишком большой урон<sup>1</sup>.

Но как же объяснить явные (иной раз даже демонстративные) промедления и опоздания Кутузова в решающих моментах операций под Вязьмой и особенно далее — под Красным и на Березине? О Красном и Березине речь пойдет особо. Что же касается Вязьмы, то здесь осторожность (всегда отличавшую Михаила Илларионовича), хотя она и казалась излишней, можно понять. Даже А.В. Суворов держался правила: «Скорость нужна, а поспешность вредна»<sup>2</sup>. Для Кутузова это правило еще более характерно. В случае под Вязьмой он видел, как быстро пришли на помощь Даву сразу два корпуса — Богарне и Понятовского. Поэтому он не мог исключить столь же быстрого возвращения самого Наполеона со всеми его силами, если бы вся русская армия ввязалась в бой с Даву, Богарне и Понятовским. Между тем Кутузов понимал, что отступление французов по Старой Смоленской дороге сулит им неисчислимые бедствия и, должно быть, надеялся, что русской армии еще не один раз представится возможность окружить и уничтожить любой неприятельский корпус при более выгодном, чем под Вязьмой, соотношении сил и без напрасного риска.

Бой за Вязьму был недолгим. К вечеру 22 октября, когда основные силы французов ушли из города, но их части прикрытия еще пытались задержать россиян, Милорадович начал штурм Вязьмы. Регулярные полки, казаки, ополченцы и партизаны Сеславина и Фигнера ворвались в город, выбили из него оставшихся французов и преследовали их до наступления темноты за р. Вязьму<sup>3</sup>.

Под Вязьмой впервые за всю войну французы потеряли на поле боя людей в несколько раз больше, чем россияне: по

<sup>1</sup> Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М., 1999. С. 269.

<sup>2</sup> Заветы Суворова. М., 1943. С. 23.

<sup>3</sup> См.: Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 78; Бескровный А.Г. Указ. соч. С. 533—534.

данным М.И. Богдановича и Ж. Шамбре, 7 тыс. человек, включая 3 тыс. пленными, против 1800 убитых и раненых с русской стороны<sup>1</sup>. Но кроме материального урона, «Великая армия» пережила в бою под Вязьмой моральное потрясение. Этот бой показал, что процесс разложения французского воинства, начавшийся еще в Москве, растет и пагубно отражается на боеспособности всех его соединений (кроме гвардии), включая даже корпус Даву. Отныне стало очевидным для обеих сторон, что русские войска по своей боеспособности превосходят французов. «В Вязьме, — вспоминал А.П. Ермолов, — в последний раз мы видели неприятельские войска, победами своими вселявшие ужас повсюду и в самих нас уважение»<sup>2</sup>.

Кутузов и после Вязьмы держался с главными силами своей армии в стороне от решающих событий. Но французская армия, буквально «облепленная», по выражению Дениса Давыдова, партизанскими и казачьими отрядами, «не могла сделать и шагу потаенно»<sup>3</sup>. «Как слепни липнут к измученному животному»<sup>4</sup>, так партизаны и казаки вились вокруг отступавших колонн французов и беспрестанно жалили их стремительными набегами. Французы вынуждены были обратиться к своему египетскому (1799 г.) опыту защиты от таких набегов. 21 октября Л.А. Бертье от имени Наполеона предписал начальникам корпусов: «Надо делать переходы так, как мы делали их в Египте: обозы в середине и в несколько рядов, сколько позволит дорога; полубатальон в замке и несколько батальонов в одну шеренгу по бокам обоза, так, чтобы при повороте во фронт огонь был отовсюду»<sup>5</sup>. Такой способ движения помогал французам отбиваться от партизан и казаков, но зато сбивал их с темпа и ставил под удар регулярных войск, авангарды которых часто настигали противника.

<sup>1</sup> Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 79; Chambray G. Op. Cit. V. 2. P. 372.

<sup>2</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 233.

<sup>3</sup> Давыдов Д.В. Соч. М., 1962. С. 347.

<sup>4</sup> Отечественная война и русское общество. Т. 4. С. 224.

<sup>5</sup> Цит. по: Давыдов Д.В. Соч. С. 302.

Люди и лошади захватчиков все больше страдали от голода и бескормицы. «Ежедневно гибнут тысячи лошадей», — отметил к концу октября капитан Франсуа<sup>1</sup>. В первую же морозную ночь под Вязьмой их пало до 3 тыс.<sup>2</sup>. Массовый падеж лошадей, среди которых «ни одна не была подкована так, как этого требовали условия русского климата»<sup>3</sup>, стал бичом армии. Кавалерия превращалась в пехоту. Из-за недостатка лошадей приходилось бросать пушки. Таким образом, артиллерия тоже превращалась в пехоту. И все терзались муками голода. Сами французы вспоминали о своих товарищах: «Они накидывались на павшую лошадь и, как голодные псы, вырывали друг у друга куски»<sup>4</sup>. Н.Н. Раевский 28 октября писал жене о французах: «Они едят собак»<sup>5</sup>. Впрочем, собаки попадались им редко. Зато русские очевидцы засвидетельствовали еще до Смоленска, что французы даже «трупы своих товарищей жарили и ели»<sup>6</sup>. «Вчера, — не без удовольствия написал Кутузов жене 28 октября, — нашли в лесу двух (французов. — Н. Т.), которые жарят и едят третьего своего товарища»<sup>7</sup>. Француз А.-Ж. Бургонь сам не видел, но допускал в то время среди солдат «Великой армии» такое каннибальство: «Не нашлось бы человека, мы готовы были съесть хоть самого черта, будь он зажарен»<sup>8</sup>.

После Вязьмы к ужасам голода прибавились для французов ужасы морозов — правда, еще не таких, какие ждали их за Смоленском. Р. Вильсон еще 13 октября записал в дневнике: «Уже показался авангард самого могущественного союзника нашего, *генерала Мороза*»<sup>9</sup>, а в ночь после боя под Вязьмой ударил первый по-настоящему зимний мороз — сразу в 18°.

<sup>1</sup> Французы в России. Т. 2. С. 173.

<sup>2</sup> Отечественная война и русское общество. Т. 4. С. 185.

<sup>3</sup> Коленкур А. Мемуары. С. 228.

<sup>4</sup> Французы в России. Т. 2. С. 210, 212.

<sup>5</sup> 1812—1814. Реляции. Письма. Дневники. М., 1992. С. 234.

<sup>6</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 248; Литературное наследство. 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 113.

<sup>7</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 237.

<sup>8</sup> Бургонь А.-Ж. Указ. соч. С. 92.

<sup>9</sup> Вильсон Р.Т. Указ. соч. С. 74.

Он, по свидетельству очевидца князя Н.Б. Голицына, «неожиданно установил жестокую зиму, которая после того не прекращалась»<sup>1</sup>. По записям французов, 25 октября на их пути было 22°, 28-го — 12°, а 1 ноября — 23° мороза<sup>2</sup>. Вообще зима 1812 г., как доказал академик М.А. Рыкачев, выдалась необычайно холодной, со средней температурой на 5—8° ниже нормы, впервые за много десятилетий метеорологических наблюдений<sup>3</sup>. Не зря Н.А. Некрасов полвека спустя писал о России:

В 12-м году такие там морозы  
Стояли, что француз досель их не забыл<sup>4</sup>.

Морозы, конечно, усугубили бедствия «Великой армии». С.Н. Глинка назвал их «вспомогательным войском» Кутузова<sup>5</sup>. Но не в морозах и вообще не в пресловутых «стихийных факторах» коренился главный источник постигшей Наполеона катастрофы. От Москвы до Вязьмы было еще относительно тепло и не столь голодно для французов, как у Смоленска, но именно тогда исход войны фактически был уже решен, и прежде всего *совокупным* и потому гибельным для врага напряжением сил армии и народа России.

От Вязьмы Кутузов с главными силами «предпринял диагональный марш» через Ельню и Красный «с тем, чтобы пресечь путь если не всей неприятельской армии, то хотя бы сильному ее арьергарду»<sup>6</sup>. Этот и другие (до и после) подобные рапорты фельдмаршала на Высочайшее имя доказывают, что намерения строить «золотой мост» Наполеону он не имел. Иначе придется допустить, что Кутузов рапортовал Государю о заведомо невыполнимых планах, чтобы затем всякий раз

оправдываться в срыве то одного, то другого плана. Такой риск (если не сказать, дерзость) абсолютно не отвечал характеру столь искушенного царедворца, каким был Кутузов.

Тем временем, пока главные силы Кутузова шли «диагональным маршем» от Вязьмы на Красный, партизаны и казаки, а также наиболее подвижные отряды легкой кавалерии из авангарда М.А. Милорадовича преследовали французов по Старой Смоленской дороге, ежедневно атаковали их аррьергард с тыла и с флангов, отсекали отдельные части противника, захватывали обозы, пушки, сотни и тысячи пленных. 26 октября Милорадович атаковал «хвост» «Великой армии» у Дорогобужа, взял город, 4 орудия и 600 пленных<sup>1</sup>. На следующий день М.И. Платов отрезал часть корпуса Е. Богарне на р. Вопь между Дорогобужем и Духовщиной, захватив 62 орудия и 3500 пленных, в том числе начальника штаба корпуса генерала Н.А. Сансона<sup>2</sup>. А 28 октября под Ляховом партизаны и казаки окружили бригаду генерала Ж.-П. Ожеро из дивизии Л. Барагэ д'Илье, входившей в 9-й корпус маршала К. Виктора.

Партизаны Д.В. Давыдова, А.Н. Сеславина и А.С. Фигнера призвали на помощь казачьи полки генерал-майора графа В.В. Орлова-Денисова и начали ляховскую операцию силами 3280 человек с артиллерией<sup>3</sup>. После искусного маневра они заставили противника сложить оружие. В плен были взяты 2 тыс. рядовых, 60 офицеров и сам генерал Ожеро<sup>4</sup>. Кутузов, верный себе, на радостях преувеличил масштаб этой операции, доложив Императору: «Победа сия тем более знаменита, что при оной в первый раз в продолжение нынешней кампании неприятельский корпус сдался нам»<sup>5</sup>. И как же смотрят на это наши историки? Вместо того чтобы исправить фельдмаршальский подлог (бригада превращена даже не в дивизию, а в целый корпус!), они, как правило, сами пользуются им, радостно утверждая, что россияне «наголову

<sup>1</sup> Голицын Н.Б. Очерки военных сцен // Русский архив. 1884. № 3. С. 347.

<sup>2</sup> Chambray G. Op. cit. V. 2. P. 426; Бургонь А.-Ж. Указ. соч. С. 77; Труды МО ИРВИО. 1913. Т. 4, ч. 1. С. 50.

<sup>3</sup> Труды МО ИРВИО. 1913. Т. 4, ч. 1. С. 50—51.

<sup>4</sup> Некрасов Н.А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1979. Т. 1. С. 273.

<sup>5</sup> Глинка С.Н. Записки о 1812 г. С. 188.

<sup>6</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 307, 322 (рапорты М.И. Кутузова Александру I от 6-го и 7 ноября 1812 г.).

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 225.

<sup>2</sup> Там же. С. 227.

<sup>3</sup> См.: Бескровный А.Г. Отечественная война 1812 г. С. 537.

<sup>4</sup> Подробно см.: Давыдов Д.В. Соч. С. 361—365.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 255. Курсив мой. — Н. Т.

разгромили корпус генерала Ожеро»<sup>1</sup> (О.В. Орлик при этом спутала генерала с его братом-маршалом, который в России никогда не был).

Кутузов с главными силами в те октябрьские дни не спешил, раздражая своей «системой медления» не только враждовавших с ним генералов, но и почтительных к нему офицеров. Прапорщик Н.Д. Дурново, служивший тогда при главном штабе Кутузова, изо дня в день фиксировал в своих записях: 24 октября — «Кутузов вынуждает нас двигаться черепащим шагом»; 28 октября — «Кутузов остается в Ельне»; 31 октября — «Мне кажется, что фельдмаршал нуждается в отдыхе, и императору следовало бы уволить его в отпуск <...>. Мы одни (т. е. именно главные силы. — Н. Т.) остаемся в полном бездействии»<sup>2</sup>. Что же касается генерала Р. Вильсона, то он буквально рвал и метал: «Если французы достигнут границы, не будучи вовсе уничтожены, то фельдмаршал, как ни стар и ни дряхл, заслужит быть расстрелянным»<sup>3</sup>.

Между тем все французы — от императора до последнего мародера в самом хвосте армии — спешили тогда в Смоленск, как на землю обетованную. Близость Смоленска придавала им силы. Но в «мертвом, полуразрушенном, полусгоревшем городе отступающую армию ждал удар, сломивший окончательно дух многих ее частей: в Смоленске почти никаких припасов не оказалось»<sup>4</sup>.

Собственно, для гвардии припасов хватало. «Приказывают снабдить на две недели одну гвардию, — записывал в те дни обер-провиантмейстер «Великой армии» М.-Л. Пюибюск. —

<sup>1</sup> Ростунов И.И. Народные массы России в Отечественной войне 1812 г. // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 11; Бескровный Л.Г. Партизаны в Отечественной войне 1812 г. // Вопросы истории. 1972. № 2. С. 93; Герои 1812 г.: Сб. М., 1987. С. 441; Бородино. 1812. М., 1987. С. 281; Пушкин В.А., Костин Б.А. Из единой любви к Отечеству. М., 1988. С. 23; Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. С. 305; Орлик О.В. Указ. соч. С. 101, 185; Гуляев Ю.Н., Соловьев В.Т. Указ. соч. С. 341.

<sup>2</sup> 1812 г. Военные дневники. М., 1990. С. 102.

<sup>3</sup> Вильсон Р.Т. Указ. соч. С. 197.

<sup>4</sup> Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 7. С. 694.

В таком случае для 1-го и 4-го корпусов останется только по кусочку хлеба на человека, и то не более, как дня на два»<sup>1</sup>. Армейские части были озлоблены на гвардию за ее всегдашние привилегии, но так как вступать в борьбу с ней, по-прежнему безупречно организованной, вооруженной и спянной, нечего было и думать, они, презрев всякую дисциплину, толпами бросились на оставшиеся склады и в голодном иступлении разбили и опустошили их<sup>2</sup>.

Не оказалось в Смоленске и подкреплений для «Великой армии» — ни людьми, ни лошадьми. Отчаяние слышится в ноябрьском письме Наполеона из Смоленска к герцогу Бассано (Г.-Б. Маре): «Лошадей, лошадей, и еще лошадей»<sup>3</sup>. Но хуже всего были дурные вести о положении дел, которые Наполеон получил в Смоленске отовсюду, вплоть до Парижа. Ему докладывали, что Чичагов продвигается к Минску и что 26 октября Витгенштейн занял Витебск, а 28-го авангарды Кутузова пленили бригаду Ожеро. Таким образом, выяснялось, что Чичагов — с юга, Витгенштейн — с севера и, главное, Кутузов — с востока подступают к «Великой армии» и грозят окружить ее.

Наполеон понял, что его план «устроить в Смоленске свой главный авангардный пост» для зимовки в междуречье Днепра, Березины и Западной Двины — этот план рухнет<sup>4</sup>. Приходилось отступать дальше с надеждой задержаться в районе Минска и Вильно<sup>5</sup>. Впрочем, чрезвычайное событие во Франции побуждало его спешить с уходом из России вообще.

25 октября Наполеон узнал о заговоре К.-Ф. Мале в Париже<sup>6</sup>. Республиканский генерал Клод-Франсуа Мале во главе горстки единомышленников в ночь с 22-го на 23 октября (в России то была ночь с 10-го на 11-е) попытался осуществить

<sup>1</sup> Пюибюск М.-Л. Письма о войне в России 1812 г. М., 1833. С. 114.

<sup>2</sup> См.: Тарле Е.В. Соч. Т. 7. С. 696; Se gur Ph.-P. Op. cit. V. 2. P. 192—195.

<sup>3</sup> К истории 1812 г. // Русская старина. 1907. № 11. С. 316.

<sup>4</sup> Колленкур А. Мемуары. С. 230.

<sup>5</sup> См. там же. С. 235.

<sup>6</sup> Подробно о заговоре см.: Туган-Барановский Д.М. Наполеон и республиканцы. Саратов, 1980. Гл. 3.5.



государственный переворот. Распустив слух, что Наполеон 7 октября умер в Москве, и оперируя подложными документами, Мале с полуночи до 9 часов утра успел занять почти весь Париж, арестовал министра полиции Р. Савари, провозгласил Францию республикой, а генерала Ж. Моро (находившегося тогда в Америке) — президентом и уже готовил заседание республиканского временного правительства. Лишь поутру военные и полицейские власти Парижа опомнились, рассудили, что «покойник не умер», и арестовали всех участников заговора — 24 человека. 14 из них были казнены.

Наполеон воспринял весть о заговоре Мале очень болезненно. Он понял, что в самой Франции «вера в устойчивость его власти пошатнулась»<sup>1</sup>. «Когда имеешь дело с французами или с женщинами, — зло шутил он в разговоре с А. Коленкуром, — нельзя отлучаться на слишком долгое время»<sup>2</sup>. Зато русские воины радовались заговору самих французов против Наполеона, хотя смысл заговора терялся в сумбуре вздорных слухов: Кутузову, например, докладывали, что «во Франции революция» и «сею революциею движет императрица Жозефина»<sup>3</sup>.

2 ноября Наполеон оставил Смоленск и повел значительно поредевшие, не отдохнувшие, большей частью голодные и деморализованные, но еще грозные колонны «Великой армии» дальше на запад. В тот же день Кутузов привел свои главные силы к с. Юрову юго-западнее Смоленска и здесь дал им «раستاх» до утра 4 ноября<sup>4</sup>.

В Юрове фельдмаршал уточнил план дальнейших действий. Его первоначальный замысел — разгромить «Великую армию» на подходе ее к Смоленску — не удался, главным образом потому, что сам Кутузов потерял время у Детчина, Полотня-

<sup>1</sup> Segur Ph.-P. Op. cit. V. 2. P. 176.

<sup>2</sup> Коленкур А. Мемуары. С. 226.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 457. Может быть, под впечатлением таких слухов Кутузов в дни боев у г. Красного предлагал пленным французским офицерам «записаться на службу в русскую армию», но те отказались (Бокор Ф. Пленные Великой армии Наполеона в России в 1812 — 1814 гг. // 185 лет Отечественной войне 1812 г.: Сб. статей. Самара, 1997. С. 49—50).

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 273—274, 284.

ного Завода и Вязьмы. Теперь же, в Юрове, 3 ноября он получил рапорт Чичагова, из которого узнал «с несказанным удовольствием», что адмирал рассчитывает 7 ноября быть уже в Минске. Кутузов тут же написал ему: «Сие движение ваше решить должно несказанно много при нынешних обстоятельствах»<sup>1</sup>. 3-го же ноября Кутузов переслал копию рапорта Чичагова Витгенштейну, а 4-го — Александру I<sup>2</sup>. Как явствует из рапорта самого Кутузова Императору от 4 ноября все с той же пометой «Юрово», фельдмаршал назначил г. Борисов на р. Березине «местом, где предполагается общее соединение всех сил» Главной и фланговых русских армий<sup>3</sup>. Цель предстоящей операции Кутузов определил в предписании Витгенштейну от 3 ноября так: «Истребление главной неприятельской армии»<sup>4</sup>. Тем самым Михаил Илларионович подтвердил свою верность цели и месту запланированной в Петербурге Березинской операции.

«Диагональный марш» Кутузова от Вязьмы через Ельню и Юрово на Красный должен был максимально затруднить отход французов в междуречье Днепра, Березины и Западной Двины. Кутузов учитывал, конечно, растянутость французских колонн и надеялся, как видно из его приказа М.А. Милорадовичу от 5 ноября, отрезать под г. Красным и «заставить сдать» хотя бы одну из них<sup>5</sup>.

К вечеру 3 ноября, когда Наполеон с корпусами Ж.-А. Жюно, Ю. Понятовского, гвардией и кавалерией И. Мюрата подошел к Красному, он узнал, что город занят очень сильным (22—23 тыс. человек при 120 орудиях) отрядом генерал-адъютанта графа А.П. Ожаровского<sup>6</sup>. В то же время войска Милорадовича (два пехотных корпуса и один кавалерийский)<sup>7</sup> вышли к Старой Смоленской дороге у с. Мерлина, отрезая тем

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 282.

<sup>2</sup> Там же. С. 280, 291.

<sup>3</sup> Там же. С. 292.

<sup>4</sup> Там же. С. 280.

<sup>5</sup> Там же. С. 303.

<sup>6</sup> См.: Бескровный А.Г. Отечественная война 1812 г. С. 543, 545.

<sup>7</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 307.

самым от главных сил Наполеона сразу три корпуса — Е. Богарне, А.-Н. Даву и М. Нея. Сзади неотступно преследовали французов казаки М.И. Платова. Кутузов с главными силами оставался в Юрове (около 29 км от Красного), а 4 ноября перешел в д. Шилово, не далее 5 км от Красного<sup>1</sup>. Никогда еще за все время войны армия Наполеона не оказывалась в столь опасном положении.

В поисках выхода Наполеон делал почти все возможное, но допустил и промахи. В ночь на 4 ноября стремительной атакой дивизии Молодой гвардии под командованием генерала Ф. Роге он выбил отряд Ожаровского из Красного и расчистил себе путь по Старой Смоленской дороге к м. Ляды<sup>2</sup>. Отправив туда Жюно и Понятовского, он сам с гвардией (Старой и Молодой) простоял весь день 4-го в Красном, поджидая отставшие корпуса. Уже за полночь в Красный пришел корпус Богарне. Наполеон и его отправил к Лядам. Выяснив, что русские не собираются вступать в генеральное сражение, он оставил в Красном маршала Э.-А. Мортье с Молодой гвардией ждать корпуса Даву и Нея, а Старую гвардию и конницу Мюрата повел вслед за Богарне в Ляды<sup>3</sup>.

Между тем Даву и Нея плохо взаимодействовали друг с другом, отчасти потому, что не получили от императора точных инструкций. Даву 5 ноября все же с боем прорвался к Красному, теряя обозы, пушки, отставшие части. Среди русских трофеев оказался и личный обоз Даву, а в нем — его маршальский жезл<sup>4</sup>. Нея же со своим корпусом безнадежно отстал и был окружен русскими со всех сторон.

После Вязьмы Нея шел в аррьергарде «Великой армии». В Смоленск он пришел последним и надолго задержался там, чтобы «запастись хлебом для своих солдат»<sup>5</sup>, ибо Наполеон, заня-

<sup>1</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 274, 279.

<sup>2</sup> См.: Французы в России. Т. 3. С. 61—62, 68; Бургонь А.-Ж. Указ. соч. С. 139—145; Segur Ph.-P. Op. cit. V. 2. P. 237—238.

<sup>3</sup> См.: Коленкур А. Мемуары. С. 242—243.

<sup>4</sup> См.: Военский К.А. Кто захватил жезл Даву? // РНБ РО. Ф. 152, оп. 1, д. 81.

<sup>5</sup> Коленкур А. Мемуары. С. 247.

тый обеспечением своей гвардии, не позаботился об его корпусе. Только в ночь на 5 ноября Нея выступил из Смоленска. Его корпус имел, по французским данным, 6 тыс. бойцов пехоты и 6 орудий, а из кавалерии — только взвод охраны<sup>1</sup>. Он попытался было пробиться к Красному, но не смог. Русское кольцо вокруг него сжималось. Милорадович прислал к нему парламентаря с предложением сдаться. Нея задержал присланного, чтобы тот не рассказал о бедственном положении корпуса. Тогда от Милорадовича прибыл второй парламентар — «потребовать своего предшественника и сделать маршалу то же предложение»<sup>2</sup>. Нея задержал и второго парламентаря. Утром 6-го он повернул на север и, отбиваясь от русских, которые атаковали его и с тыла, и с флангов, устремился на прорыв к переправе через Днепр у м. Сырокоренье. Ценой невероятных усилий и тяжелейших потерь Нея сумел вырваться из русского кольца, перешел в ночь с 6-го на 7 ноября Днепр по тонкому льду у Сырокоренья и привел к Наполеону в Оршу 800—900 человек — все, что осталось от его корпуса<sup>3</sup>.

За три дня боев под Красным, с 4-го по 6 ноября, французы потеряли, по данным штаба Кутузова, 19,5 тыс. человек пленными, 209 орудий и 6 знамен<sup>4</sup>. Д.П. Бутурлин без ссылки на источник называл такие цифры: 10 тыс. убитых и 26 тыс. пленных<sup>5</sup>, М.И. Богданович — тоже 26 тыс. пленных, но 6 тыс. убитых<sup>6</sup>. В советской историографии Н.Ф. Гарнич оперировал цифрами Бутурлина, а Л.Г. Бескровный и П.А. Жилин заимствовали подсчет убитых французов у Богдановича; число же пленных Бескровный указал «по Кутузову», а Жилин — «по

<sup>1</sup> Коленкур А. Мемуары. С. 253; Французы в России. Т. 3. С. 107. Fezensac R. Journal de la campagne de Russie en 1812. Paris, 1850. P. 104—105.

<sup>2</sup> Французы в России. Т. 3. С. 110.

<sup>3</sup> Fezensac R. Op. cit. P. 119; Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 142; Тарле Е.В. Соч. Т. 7. С. 705. По воспоминаниям А. Коленкура (См.: Мемуары. С. 252), Нея привел «еще 4—5 тысяч отставших».

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 318.

<sup>5</sup> Бутурлин Д.П. Указ. соч. Ч. 2. С. 124.

<sup>6</sup> Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 143.

Бутурлину»<sup>1</sup>. Русские потери под Красным, как говорят данные Военно-ученого архива, составили всего 2 тыс. убитыми и ранеными<sup>2</sup>.

Значение и даже масштабы боев под Красным оцениваются с 1812 г. и поныне различно. Дореволюционные историки Д.П. Бутурлин и А.И. Михайловский-Данилевский в трудах, написанных «по Высочайшему повелению», ряд советских (Н.Ф. Гарнич, П.А. Жилин, И.И. Ростунов) и постсоветских (А.М. Рязанов, Ю.Н. Гуляев, В.Т. Соглаев) представляют эти бои как *генеральное сражение*, блистательно выигранное русскими<sup>3</sup>. «Трехдневное сражение под Красным, — читаем у Жилина, — закончилось крупнейшим поражением армии Наполеона <...>. В этом сражении Наполеон сам руководил войсками»<sup>4</sup>. Такой вывод основывается главным образом на письме Кутузова жене от 7 ноября 1812 г.: «Вот еще победа!.. Бонапарте был сам, и кончилось, что разбит неприятель в пух»<sup>5</sup>. При этом не анализируются должным образом ход и результаты боев 4—6 ноября и полностью игнорируются критические суждения о действиях Кутузова под Красным не только авторитетных историков от М.И. Богдановича и Ж. Шамбре до Е.В. Тарле и Д. Чандлера, но и прямых участников событий как с французской, так и с русской стороны.

Разумеется, отзыв Ф.-П. Сегюра о Кутузове («Этот старец выполнил лишь наполовину и плохо то, что так мудро задумал»<sup>6</sup>) и аналогичные суждения А. Коленкура и Наполеона<sup>7</sup>

<sup>1</sup> Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 272; Бескровный А.Г. Отечественная война 1812 г. С. 548; Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. С. 312.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 308.

<sup>3</sup> См.: Бутурлин Д.П. Указ. соч. Ч. 2. С. 124; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Т. 4. С. 217; Гарнич Н.Ф. Указ. соч. С. 272; Ростунов И.И. Отечественная война 1812 г. М., 1987. С. 55; Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 342—343; События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губ. Малоярославец, 1995. С. 150.

<sup>4</sup> Жилин П.А. Указ. соч. С. 312, 313.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 330.

<sup>6</sup> Segur Ph.-P. Op. cit. V. 2. P. 223.

<sup>7</sup> См.: Коленкура А. Мемуары. С. 256—257.

враждебно пристрастны. Но вот один из героев Красного Н.Н. Раевский, которого Кутузов назвал первым в списке генералов, представленных к награде за отличие в боях 4—6 ноября, критически отнесся к тому, что фельдмаршал «представил (царю. — Н. Т.) дела под Красным как генеральное сражение»<sup>1</sup>. Упрекал за это Кутузова и А.П. Ермолов, утверждавший, что под Красным «сражения корпусов были отдельные, не всеми их силами в совокупности, не в одно время, не по общему соображению»<sup>2</sup>. Еще строже высказался Денис Давыдов: «Сражение под Красным, носящее у некоторых военных писателей пышное название трехдневного боя, может быть по всей справедливости названо лишь трехдневным походом на голодных, полунагих французов; подобными трофеями могли гордиться ничтожные отряды вроде моего, но не Главная армия»<sup>3</sup>.

Точки зрения Дениса Давыдова и Павла Жилина на бои под Красным — две крайности. Генерального сражения под Красным конечно же не было, поскольку главные силы ни Наполеона, ни Кутузова там не сражались. Сам Наполеон участвовал только в событиях первых двух дней, переправляя свои корпуса к Лядам (об участии Кутузова речь пойдет особо). Если не считать атаки Ф. Роге, все бои под Красным шли как бы по одному сценарию: русские регулярные войска М.А. Милорадовича, А.П. Тормасова, Д.В. Голицына, казаки М.И. Платова, партизаны Д.В. Давыдова и А.Н. Сеславина атаковали на марше порознь три корпуса «Великой армии» (Богарне, Даву и Нея), по мере того как они проходили от Смоленска на Красный. Каждый из трех корпусов был на какое-то время отрезан, а корпус Нея даже совершенно окружен, но принудить к сдаче хотя бы один из них не удалось. Однако теряли французы в этих боях не только «голодных, полунагих» — хотя таковые, естественно, гиб-

<sup>1</sup> Архив Раевских. Т. 1. С. 183. Рапорт Кутузова Александру I о том, как под Красным был разбит «сам Наполеон», см.: М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 308.

<sup>2</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 243.

<sup>3</sup> Давыдов Д.В. Соч. С. 541—542.

ли или сдавались в первую очередь, — потери несли и самые боеспособные части французов, вплоть до гвардии, а от 3-го корпуса маршала Нея вообще осталась лишь малая часть.

Мог ли Кутузов под Красным добиться большего? Ближайшие соратники фельдмаршала считали, что если бы он своевременно подкрепил Милорадовича и других частью главных сил, то мог бы, как и под Вязьмой, истребить или заставить сложить оружие хотя бы один из корпусов французского аррьергарда. Его начальник штаба, А.П. Ермолов, перед началом боев, 3 ноября, предлагал ему: «Ваша Светлость, довершите поражение армии (Наполеона. — Н. Т.), если завтра придет армия наша к Красному. <...> Не откажите, Ваша Светлость, сего на Красный движения. Завтра успех будет совершенный»<sup>1</sup>. Кутузов, однако, лишь передвинул свои главные силы из Юрова в Шилово, где и простоял все три дня боев, изучая обстановку с обычным для него избытком осторожности.

5 ноября дежурный генерал П.П. Коновницын и генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь, по свидетельству очевидца, «советовали (Кутузову. — Н. Т.) атаковать приближавшегося к Красному неприятеля. Кутузов соглашался на это, если только увериться можно в том, что не сам Наполеон тут командует», и в результате не стал атаковать<sup>2</sup>. О том, что Кутузов в те дни был озабочен местонахождением Наполеона и его гвардии, говорят собственные документы фельдмаршала. 4 ноября он просил графа А.П. Ожаровского «употребить все меры <...> для узнания, где именно находится теперь французская гвардия»<sup>3</sup>. В тот же день приказано было А.Н. Сеславину «узнать, что в Красном находится и когда что выступило, ибо без сего фельдмаршал не предполагает неприятеля атаковать»<sup>4</sup>. Отсюда М.И. Богданович, а затем и М.Н. Покровский заключали, что Кутузов

<sup>1</sup> ВУА. Т. 20. С. 30.

<sup>2</sup> Харкевич В.И. Указ. публ. Вып. 1. С. 48.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 299.

<sup>4</sup> Там же.

под Красным «действовал нерешительно» главным образом «из опасения встретиться лицом к лицу с гениальным противником»<sup>1</sup>.

Факты и разъяснения самого Кутузова доказывают, что все было не так просто. Кутузов не побоялся встретиться лицом к лицу с Наполеоном при Бородине и Малоярославце. Тем меньше мог он опасаться этого под Красным. Но, убеждаясь с каждым днем после Малоярославца в том, что победа над Наполеоном обеспечена и близка, фельдмаршал стремился победить с наименьшими жертвами. Возможно, к такому способу действий толкало его сознание своей вины за гибель раненых русских воинов, десятками тысяч брошенных в огне Можайска и Москвы. Как бы то ни было, по воспоминаниям пленного наполеоновского генерала М.-Л. Пюибюска, Кутузов заявил ему перед Березиной: «Я, уверенный в вашей гибели, не хотел жертвовать для сего ни одним из своих солдат <...>. Вот как мы, северные варвары, сохраняем людей»<sup>2</sup>.

При этом от самого Малоярославца Кутузов видел и, конечно, учитывал разрушительное воздействие на французскую армию таких факторов, как ее моральное разложение, враждебная среда, холод и голод, не говоря уже об ударах партизан, казаков, авангардов русской армии. «Наши молодые и горячие головы, — говорил он под Красным принцу Е. Вюртембергскому, — сердятся на старика за то, что он сдерживает их пыл, а не подумают, что самые обстоятельства делают больше, нежели сколько сделало бы наше оружие. Нельзя же нам прийти на границу с пустыми руками»<sup>3</sup>.

Наконец, еще один мотив осторожности Кутузова был подмечен А.П. Ермоловым: «Кутузов полагал, что французские войска, в случае совершенного отрезания им пути отступления, возбуждаемые отчаянием, могли дорого продать успех, кото-

<sup>1</sup> Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 144; Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX ст. М., 1923. С. 60.

<sup>2</sup> Пюибюск М.-Л. Указ. соч. С. 148—149.

<sup>3</sup> Вюртембергский Е. Указ. соч. // Военный журнал. 1849. № 3. С. 131.

рый, по мнению старого фельдмаршала, и без всяких усилий с нашей стороны не подлежит сомнению»<sup>1</sup>.

С Ермоловым здесь можно было бы согласиться, если бы он вместо «без всяких» сказал «без лишних усилий». Но Ермолов отчасти тоже разделял чрезвычайно распространившуюся сначала в окружении самого Кутузова, а потом и в литературе, вплоть до наших дней, версию о том, что фельдмаршал строил «золотой мост» Наполеону для отступления, то есть будто бы он намеренно не мешал врагу уйти из России. Так полагали, например, Н.Н. Раевский и К.В. Нессельроде, А.А. Щербинин и В.И. Левенштерн<sup>2</sup>, не считая тех (вроде Л.Л. Беннигсена и Р. Вильсона<sup>3</sup>), кто вообще был настроен против стратегии и самой личности Кутузова.

Концепцию «золотого моста» поддерживал даже Е.В. Тарле<sup>4</sup>, но затем советские историки надолго от нее отказались. Лишь в последнее время А.М. Рязанов и особенно С.В. Шведов вновь подхватили эту концепцию, причем в одобрительном для Кутузова смысле: «Кутузов оказался прав в том, что «синица в руках лучше, чем журавль в небе». Стратегия «золотого моста» в конечном счете себя оправдала»<sup>5</sup>. Аргументы Шведова на первый взгляд убедительны, но кричаще противоречат заявлениям, которые Кутузов настойчиво повторял и в рапортах Императору, и в приказах своим генералам: «Одна и главная цель всех наших действий есть истребление врага до

<sup>1</sup> РГАДА. Ф. 1406, оп. 1, д. 234, л. 12 (Ермолов А.П. Дела под Красным).

<sup>2</sup> См.: ВУА. Т. 21. С. 228; Архив Раевских. Т. 1. С. 170—171; Нессельроде К.В. Воспоминания // Русский архив. 1905. № 8. С. 522; Левенштерн В.И. Записки // Русская старина. 1901. № 2. С. 373.

<sup>3</sup> См.: Вильсон Р.Т. Указ. соч. С. 273, 274.

<sup>4</sup> См.: Тарле Е.В. Соч. Т. 7. С. 676.

<sup>5</sup> Шведов С.В. О стратегии «золотого моста» М.И. Кутузова // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губ. Малоярославец, 1995. С. 52—53. См. также: Рязанов А.М. М.И. Кутузов в сражении под Красным в ноябре 1812 г. // М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1995. С. 64. Кстати, в дилетантской статье А.М. Рязанова «похоронен» под Красным кузен Наполеона Ф.-А. Орнано (С. 60), на самом деле доживший до 1863 г., а генерал А. Жюно «произведен» в маршалы (С. 62), каковым он никогда не был.

последней черты возможности»<sup>1</sup>. Конечно, Михаил Илларионович никогда не был образцом искренности, но выставлять его таким воинствующим лицемером, который постоянно декларировал одно, а делал всякий раз другое (даже во вред собственной репутации), все же нет оснований. Собственно, ведь авангарды русской армии, казаки, партизаны по указаниям Кутузова истребляли врага весьма успешно.

Правда, сам Кутузов после Малоярославца в решающие моменты (под Вязьмой, у Красного, на Березине) оказывался не у дел с главными силами армии<sup>2</sup>. Тем самым он давал много поводов для обвинений его в нерешительности, вялости, медлительности. Французский историк (и участник похода в Россию 1812 г.) Жорж Шамбре прямо заявил, что под Красным французы спаслись благодаря именно медлительности Кутузова<sup>3</sup>.

Русский фельдмаршал действительно медлил, но скорее от избытка осмотрительности, чем от недостатка решимости, — «шел прямо к цели по-своему, не торопясь достигнуть ее, но и не теряя ее из виду»<sup>4</sup>. И под Вязьмой, и у Красного он, хотя и оставался в стороне от эпицентра боев, контролировал общую ситуацию и был готов ввести в дело главные силы, если бы Наполеон сделал то же самое. Кутузов, скорее всего, потому и справлялся о местонахождении Наполеона, что хотел узнать и по возможности обезвредить его маневры, а вовсе не из страха перед своим «гениальным противником». Конечно, он понимал, что мог добиться большего и под Вязьмой, и под Красным, но, видимо, понимал и другое: нельзя в борьбе с таким противником, как Наполеон, каждый раз выигрывать максимум возможного.

От самого Тарутина и до Немана Кутузов, по существу, варьировал одну и ту же тактику «мудрого деятельного бездей-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 392, а также 306, 385, 429, 555.

<sup>2</sup> Под Красным он держал при себе пять пехотных корпусов (3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 8-й), один (4-й) кавалерийский и две кирасирские дивизии (Там же. С. 284).

<sup>3</sup> Шамбре Ж. Op. cit. V. 2. P. 433, 438.

<sup>4</sup> Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 83.

ствия», которая так удалась ему в Тарутинском лагере. Он исключал любой риск, не форсировал боевых действий, но, полагаю, и не строил Наполеону «золотых мостов», а преследовал его с надеждой «истребить врага» посредством неустанных ударов по его «хвосту» и, при случае, окружения отдельных частей, если не всей неприятельской армии (разумеется, учитывалось здесь и воздействие на врага стихийных факторов — пространств, бездорожья, голода, холода). Под Вязьмой и Красным Кутузов не сумел это сделать. Но впереди была еще Березина.

Общим же ходом дел фельдмаршал после Малоярославца мог быть доволен: лучшая армия мира поспешно отступала перед ним, а от Смоленска фактически бежала вон из России; победоносный конец войны с каждым днем приближался, и ему, в глазах его недоброжелателей, — дряхлому и ленивому, было, как он признавался в письме к жене от 14 ноября, «сладко гнать пред собою первого в мире полководца»...<sup>1</sup>

Из Смоленска Наполеон увел около 50 тыс. бойцов<sup>2</sup> и почти столько же «безоружных, слабосильных, негодных к бою людей, только затруднявших движения Наполеона»<sup>3</sup>. После Красного у него осталось едва ли больше 35 тыс. боеспособных солдат, за которыми тащились оставшиеся несчитанными десятки тысяч безоружных и больных<sup>4</sup>. Вся эта масса людей растянулась на полтора суточных перехода по Старой Смоленской дороге. После Смоленска дорога представляла собой, как и прежде, разоренную, выжженную дотла, а теперь и промерзшую, занесенную снегом пустыню. Свернуть с нее французам было некуда — всюду их ждала смерть от казаков, партизан, крестьян.

С каждым переходом росли бедствия и потери французов, таяла и разлагалась вся их армия. Вице-король Италии Е. Бо-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 385. Ранее (20 октября) Михаил Илларионович в письмах к жене и дочери, Елизавете Михайловне, заметил: «Я мог бы гордиться тем, что я первый генерал, пред которым надменный Наполеон бежит» (Там же. С. 178; Русская старина. 1874. № 6. С. 370).

<sup>2</sup> С h a m b r a y G. Op. cit. V. 2. P. 435.

<sup>3</sup> Т а р л е Е.В. Соч. Т. 7. С. 706.

<sup>4</sup> Там же.

гарне писал начальнику Главного штаба Л.А. Бертье о войсках своего (4-го) корпуса: «Дух в солдатах от сильного изнеможения так упал, что я считаю их теперь весьма мало способными к понесению каких-либо трудов»<sup>1</sup>.

Собственно, боевой дух и способность «к понесению трудов», даже обычную выправку сохраняла после Смоленска только гвардия, которую Наполеон и в самое трудное время отступления из России обеспечивал, за счет других войск, всем необходимым. Вот зарисовка с натуры из воспоминаний Дениса Давыдова о ноябрьских боях под Красным: «Наконец подошла Старая гвардия, среди коей находился сам Наполеон <...>. Неприятель, увидя шумные толпы наши (партизан и казаков. — Н. Т.), взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу <...>. Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов! Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях, с красными султанами и эполетами, они казались как маков цвет среди снежного поля <...>. Гвардия с Наполеоном прошла посередине толпы казаков наших, как стопушечный корабль между рыбачьими лодками»<sup>2</sup>.

Все остальные войска «Великой армии», включая даже бывший ранее образцовым 1-й корпус Даву, после Смоленска и Красного настолько поредели, а частью и разложились, что само название «Великая армия» звучало уже иронически. По выражению А.З. Манфреда, «Великая армия» «перестала быть не только «великой», она переставала быть армией»<sup>3</sup>. Ее боевые колонны превращались в голодные и обмерзшие толпы. «Они шли по дороге мрачные, и вид у них был дикий. Всадники, лишённые лошадей, закутались в лошадиные попоны,

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 673, оп. 1, д. 86, л. 64 (письмо от 8 ноября 1812 г., перехваченное и переведенное русскими).

<sup>2</sup> Д а в ы д о в Д.В. Соч. С. 370—371. Адмирал П.В. Чичагов 29 ноября 1812 г. писал Александру I, что и на Березине «гвардия его (Наполеона. — Н. Т.) была в очень хорошем состоянии» (Сб. Русского исторического общества. 1871. Т. 6. С. 63).

<sup>3</sup> М а н ф р е д А.З. Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М., 1980. С. 691.

сделав в середине отверстие для головы, а на голову надевали кивер или закрывали ее окровавленными лохмотьями»<sup>1</sup>.

От голода французы еще до Смоленска начали, как мы уже знаем, есть друг друга. От холода они буквально сжигали себя. По воспоминаниям русского очевидца, они «десятками залезали в самую середину костров и, обгоревшие, оставались в таком положении. Другие, не испустившие еще последнего дыхания, тлели буквально на углях, не выказывая ни малейшего страдания в потухающих глазах»<sup>2</sup>. «Это заставляет содрогаться человеческую природу», — написал Кутузов 10 ноября дочери о бедствиях врага, хотя и подчеркнул далее: «Я не раз плакал над судьбою турок, но признаюсь, что ни одной слезы не пролил из-за французов!»<sup>3</sup>

Итак, «Великая армия» все больше страдала от голода и холода и все с большим трудом отбивалась от казаков и партизан. Но самым грозным ее врагом оставались регулярные русские войска. В то время как партизаны и казаки, голод и холод гнали французов по Старой Смоленской дороге, Кутузов преследовал их параллельным маршем, а его авангарды почти ежедневно настигали и атаковали отставшие части противника, уничтожали или брали их в плен.

Такое преследование стоило русской армии огромных усилий и потерь — не столько в боях, сколько от болезней, холода и материальных нужд. Кутузов и его штаб старались делать все возможное для того, чтобы их солдаты шли в поход здоровыми, сытыми и одетыми, но не все зависело от главнокомандующего, хотя и наделенного чрезвычайными полномочиями. Чиновники разных ведомств срывали или задерживали выполнение обязательств по военным поставкам. Полушубки, к примеру, в которых армия нуждалась с Вязьмы, были получены большей частью только в Смоленске, Копыси и даже в Вильно<sup>4</sup>. Ряд частей, включая лейб-гвардии Семеновский полк, вы-

<sup>1</sup> Французы в России. Т. 3. С. 130.

<sup>2</sup> Ж и р к е в и ч И.С. Записки // Русская старина. 1874. № 8. С. 665.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 243.

<sup>4</sup> РГВИА. Ф. 103, оп. 210, св. 8, д. 1, л. 9, 29, 78 (ведомость за подписью генерал-интенданта Е.Ф. Канкрина).

нуждены были обходиться без полушубков и валенок<sup>1</sup>. По вине армейских провиантмейстеров солдатам приходилось и голодать. «Гвардия уже 12 дней, вся армия целый месяц не получает хлеба», — записывал в дневнике 28 ноября поручик А.В. Чичерин<sup>2</sup>. Даже Е.Ф. Канкрин в официальном отчете признавал, что хлеба для армии в зимние месяцы 1812 г. «получалось крайне мало»<sup>3</sup>. Воровство, а главным образом разгильдяйство военных и штатских чиновников опустошали армейскую казну. Показателен такой факт: провиантский комиссионер Давыдов потерял в Вильно 370 800 руб. фуражных денег, которые он должен был доставить в армию из Петербурга<sup>4</sup>.

Сохранилось много свидетельств о том, как бедствовали русские солдаты в конце войны. «Наши так же были почернелы и укутаны в тряпки <...>. Почти у каждого что-нибудь было тронут морозом», — вспоминал И.Т. Радожицкий<sup>5</sup>. Случалось, и замерзали русские воины, даже из числа «гвардейских молодцов»<sup>6</sup>, а больным и отставшим не было числа. Правда, в отличие от французов, они, как правило, возвращались в строй: 25 ноября Кутузов сообщал царю, что «догоняют армию <...> до 16 тыс. выздоровевших», а 7 декабря — что «таковых прибудет в скорости не менее 20 тыс.»<sup>7</sup>.

Разумеется, все эти бедствия не шли ни в какое сравнение с тем, что приходилось тогда терпеть французам. Русские солдаты были все-таки неизмеримо лучше обеспечены по всем материальным статьям, более привычны к русскому климату, а главное, воодушевлены готовностью защищать родную зем-

<sup>1</sup> М и т а р е в с к и й Н.Е. Указ. соч. С. 175; Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С. 172.

<sup>2</sup> Ч и ч е р и н А.В. Дневник. 1812—1813. М., 1966. С. 63.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 703.

<sup>4</sup> РГВИА. Ф. 1, оп. 1, т. 2, д. 2907, л. 1. и сл.

<sup>5</sup> Р а д о ж и ц к и й И.Т. Походные записки артиллера с 1812 по 1816 гг. М., 1835. Ч. 1. С. 282—283. «Сам генерал Милорадович отморозил глаз», — записал в дневнике Р.Т. Вильсон (Указ. соч. С. 105).

<sup>6</sup> Ж и р к е в и ч И.С. Указ. соч. С. 664—665; Л е в е н ш т е р н В.И. Указ. соч. С. 373; Из записок генерала Н.П. Ковальского // Русский вестник. 1871. № 1. С. 98; К а л л а ш В.В. Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912. С. 222.

<sup>7</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 455, 551.

лю и близостью победы над непобедимым дотоле врагом. Кутузов не смог в должной мере обеспечить своих солдат материально, но их высокий моральный дух он поддерживал по-суворовски. «Настает зима, вьюга и морозы, — обращался он к ним в приказе от 29 октября. — Вам ли бояться их, дети севера?.. Пусть всякий помнит Суворова: он научил сносить и голод и холод, когда дело шло о победе и о славе русского народа»<sup>1</sup>.

Умел Кутузов настроить и голодных, недовольных солдат на самоотверженное довершение победы. Вот рассказ очевидца об одной из встреч фельдмаршала с войсками. «Подъехав к Измайловскому полку, он спросил: «Есть ли хлеб?» — «Нет, ваша светлость» — «А вино?» — «Нет, ваша светлость» — «А говядина?» — «Тоже нет» Приняв грозный вид, князь Кутузов сказал: «Я велю повесить провиантских чиновников. Завтра навезут вам хлеба, вина, мяса, и вы будете отдыхать». — «Покорнейше благодарим!» — «Да, вот что, братцы: пока вы станете отдыхать, злодей-то, не дожидаясь вас, уйдет!» В один голос возопили гвардейцы: «Нам ничего не надобно! Без сухарей и вина пойдем его догонять!»<sup>2</sup>

Тем временем «злодей» подходил к рубежу, где было уготовано «конечное ему истребление». То была Березина.

### 3. БЕРЕЗИНА

Итак, Наполеон подходил к Березине. Именно здесь еще по тому плану, который был прислан от Александра I Кутузову в Красную Пахру 8 сентября, предполагалось «совершенное истребление» наполеоновской армии<sup>3</sup>. После того как расчеты Кутузова окружить и уничтожить противника перед Смоленском и за ним не оправдались, фельдмаршал надеялся осуществить это на Березине. 13—14 ноября он с удовлетворением

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 239.

<sup>2</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Т. 4. С. 281—282.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 194, 465.

известил П.В. Чичагова, П.Х. Витгенштейна и самого Александра I, что Наполеон отступает к Борисову, где заранее, еще в первых числах ноября, было назначено место «общего соединения» всех русских армий<sup>1</sup>. В рапортах Императору и в предписаниях Чичагову и Витгенштейну Кутузов предрекал «еще до переправы через Березину или, по крайней мере, при переправе» «неминуемое истребление всей французской армии»<sup>2</sup>.

Действительно, по авторитетному мнению К. Клаузевица, «никогда не встречалось столь благоприятного случая, как этот, чтобы заставить капитулировать целую армию в открытом поле»<sup>3</sup>. Во-первых, на Березине русских войск было втрое больше, чем у Наполеона. Кутузов имел от 45 тыс. человек до 50 тыс.<sup>4</sup>, Чичагов — 33 тыс.<sup>5</sup>, Витгенштейн — около 40 тыс.<sup>6</sup>, всего — примерно 120 тыс. бойцов. Наполеон, присоединивший к себе фланговые 2-й и 6-й корпуса под общим командованием Н.-Ш. Удино и резервный 9-й корпус К. Виктора, располагал, по данным Ж. Шамбре, 30, 7 тыс., а по сведениям А. Фэна, 40,7 тыс. боеспособных людей<sup>7</sup> плюс 35—40 тыс. безоружных, отставших и больных<sup>8</sup>, которые уже давно не помогали армии, а только мешали ей.

Позиционно россияне имели перед французами еще большее преимущество, чем даже количественно. Чичагов 9 ноября занял Борисов, выбив из города польскую дивизию Я.Г. Домбровского, и «господствовал совершенно правым берегом реки Березины»<sup>9</sup>. Витгенштейн 13-го прибыл в с. Бараны, не далее одного перехода от Борисова. Таким образом, путь вперед (на запад) Наполеону был отрезан, а сзади его преследовали аван-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 292, 380—381, 384.

<sup>2</sup> Там же. С. 306, 385, 392, 429, 555.

<sup>3</sup> Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 127.

<sup>4</sup> Бутурлин Д.П. Указ. соч. Ч. 2. С. 292; Бескровный А.Г. Указ. соч. С. 562.

<sup>5</sup> Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 243, 470—471.

<sup>6</sup> Там же. С. 297.

<sup>7</sup> Шамбре Ж. Op. cit. V. 3. P. 52; Фэйн А. Op. cit. V. 2. P. 397.

<sup>8</sup> Бескровный А.Г. Указ. соч. С. 568.

<sup>9</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 429 (М.И. Кутузов — Александру I 19 ноября 1812 г.).



гард русской Главной армии под командованием М.А. Милорадовича и казаки М.И. Платова, за которыми шел и сам Кутузов. Наполеон оказывался в западне.

Соратники Наполеона не видели выхода. «Мы все тут погибнем, — говорил И. Мюрат. — О капитуляции не может быть и речи»<sup>1</sup>. Он предложил Наполеону «спасти себя, пока еще есть время», бежать скрытно с отрядом поляков. Император был разгневан тем, что «посмели думать, будто он покинет свою армию в опасности»<sup>2</sup>. Между тем Чичагов уже готовился взять Наполеона в плен. Адмирал сообщил даже своим войскам приметы императора, подчеркнув в особенности его «малый рост», а потом распорядился: «Для вящей же надежности ловите и приводите ко мне всех малорослых»<sup>3</sup>.

Надо отдать должное Наполеону. Оказавшись впервые за всю свою полководческую карьеру в столь катастрофической ситуации, он сумел извлечь из нее максимум возможного, как шахматный виртуоз в безнадежной, казалось бы, позиции находит единственные ходы к спасению. Он приказал маршалу Виктору сдерживать Витгенштейна, а маршалу Удино — взять Борисов. 11 ноября Удино ворвался в Борисов и чуть не захватил там самого Чичагова. Адмирал спешно увел свои войска на правый берег Березины, оставив в Борисове свой «обед с серебряною посудой»<sup>4</sup>, но успев сжечь за собой мост.

Тем временем Наполеон установил, что лучшая переправа через Березину — у с. Ухолоды<sup>5</sup>, но есть брод и у с. Студенки. Тут же он предпринял кутузовски-хитроумный маневр. 12 ноября «300 солдат и несколько сот празднующихся были посланы к Ухолодам собирать там, как можно с большим шумом, все материалы, необходимые для постройки моста. В той же стороне продифилировала на виду у непри-

<sup>1</sup> R a p p J. Mémoires. Paris, 1895. P. 261.

<sup>2</sup> Ibid.; S e g u r Ph.-P. Op. cit. V. 2. P. 314.

<sup>3</sup> Приказ адмирала П.В. Чичагова 7 ноября 1812 г. // Русская старина. 1892. № 12. С. 642.

<sup>4</sup> L a n g e r o n A. Mémoires. Paris, 1902. С. 53—54.

<sup>5</sup> Кутузов в те дни уведомлял Чичагова: «Ниже города Борисова в 8 верстах при деревне Ухолоды весьма удобный брод» (М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 380).

ятеля целая дивизия кирасиров»<sup>1</sup>. Мало того, Наполеон приказал расспросить местных жителей о глубине реки возле Ухолод и взять с них клятву в молчании — с расчетом на то, что они ее тотчас нарушат и все расскажут русским. Действительно, в ту же ночь трое<sup>2</sup> бежали из Борисова к Чичагову и открыли ему «тайну» Наполеона<sup>3</sup>. Чичагов, взвесив все увиденное и услышанное, потянулся со своей армией вниз к Ухолодам. У Борисова на всякий случай он оставил лишь 5-тысячный отряд генерал-майора Е.И. Чаплица.

Наполеон между тем начал готовить переправу у Студенки, выше Борисова примерно на 14 км — там, где в 1709 г., перед Полтавской битвой, прошел навстречу своей гибели Карл XII. Ширина реки достигала здесь 107 м, глубина — 3 м<sup>4</sup>. Уже было замерзшая, Березина после двухдневной оттепели («назло» французам!) снова вскрылась, а сильный ледоход мешал наводить мосты. Наполеону же надо было спешить — приближался Кутузов, еще ближе был Витгенштейн, да и Чичагов мог быстро вернуться от Ухолод.

С утра 14 ноября главный военный инженер Наполеона генерал Ж.-Б. Эбле стал наводить два понтонных моста через Березину. Его 400 понтонеров работали по плечи в воде, среди плавучих льдов. Почти все они погибли, но дело свое сделали. К середине дня 14-го был готов первый мост — для пехоты и кавалерии, а к 16 часам и второй — для обозов и артиллерии<sup>5</sup>. Первым Наполеон переправил корпус Удино, который с ходу вступил на правом берегу в бой с подоспевшим отрядом Чаплица. Русский отряд был отброшен от места переправы, и остаток дня 14 ноября, а затем и весь день 15-го французы переходили

<sup>1</sup> S e g u r Ph.-P. Op. cit. V. 2. P. 310.

<sup>2</sup> Мовша Энгельгардт, Лейба Бенинсон и «третий, не оставивший в летописях своего имени» (В о е н с к и й К.А. Наполеон и борисовские евреи в 1812 г. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 г. СПб., 1912. С. 195).

<sup>3</sup> В о е н с к и й К.А. Указ. соч. С. 195—198. Когда Наполеон ушел, Чичагов велел повесить всех троих «яко изменников», что и было сделано (Там же. С. 198).

<sup>4</sup> См.: Л о ж б е Ц. Указ. соч. С. 319.

<sup>5</sup> См.: Б о г д а н о в и ч М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 265.

Березину беспрепятственно. Сам Наполеон во главе Старой гвардии переправился в середине дня 15-го<sup>1</sup>.

Тем временем Витгенштейн с севера, из Баран, и Чичагов, уже разобравшийся в обстановке, с юга, от Ухолод, спешили к Студенке. С востока к Борису вышли передовые отряды Главной армии под начальством А.П. Ермолова и М.И. Платова. Вечером 15 ноября авангард Витгенштейна, с одной стороны, и корпус Платова — с другой, буквально столкнулись у м. Веселово с целой дивизией из корпуса Виктора, которая перепутала дороги и вместо Студенки пошла к Веселову, «прямо в объятия русских»<sup>2</sup>. Оказавшись между двух огней, дивизионный генерал Л. Партуно и 7 тыс. его бойцов сложили оружие<sup>3</sup>. Виктор же с другой дивизией пришел к Студенке и медлил там в ожидании Партуно. Витгенштейн решил наутро 16 ноября атаковать Виктора.

В ночь с 15-го на 16-е к мостам собрались десятки тысяч «некомбатантов» (от французского «combattant» — воин) — безоружных, больных, почти одичавших от лишений людей<sup>4</sup>. Весь этот людской муравейник выждал, когда рассветет, а затем ринулся к мостам через Березину. Произошла невероятная сумятица, в которой люди и лошади, равно обезумевшие, давили друг друга. Все смешалось: «вопли бегущих, стоны раненых, задавленных и умирающих, <...> грохот возов и всеобщее иступление»<sup>5</sup>.

Наполеон пытался навести порядок на переправе, но в этот момент войска Витгенштейна вышли к Студенке и атаковали еще охранявшую левый берег дивизию Виктора, а на правом берегу перешел в наступление Чичагов. Если Виктор сдерживал атаки русских своими силами, то на помощь Удино, который уступал бурному натиску Чичагова, Наполеон вынужден

<sup>1</sup> См.: Французы в России. Т. 3. С. 201.

<sup>2</sup> Коленкур А. Мемуары. С. 264.

<sup>3</sup> Генерал Л. Партуно однажды уже попадал в плен к русским. В 1799 г. под Нови он сдался А.В. Суворову (см.: Клаузевиц К. 1799 год. М., 1938. С. 286).

<sup>4</sup> См.: Коленкур А. Мемуары. С. 266.

<sup>5</sup> Ложье Ц. Указ. соч. С. 332.



М.И. Кутузов.  
Гравюра С. Карделли по рисунку А.О. Орловского



Генерал от инфантерии и генерал от артиллерии А.П. Ермолов.  
Художник Дж. Доу



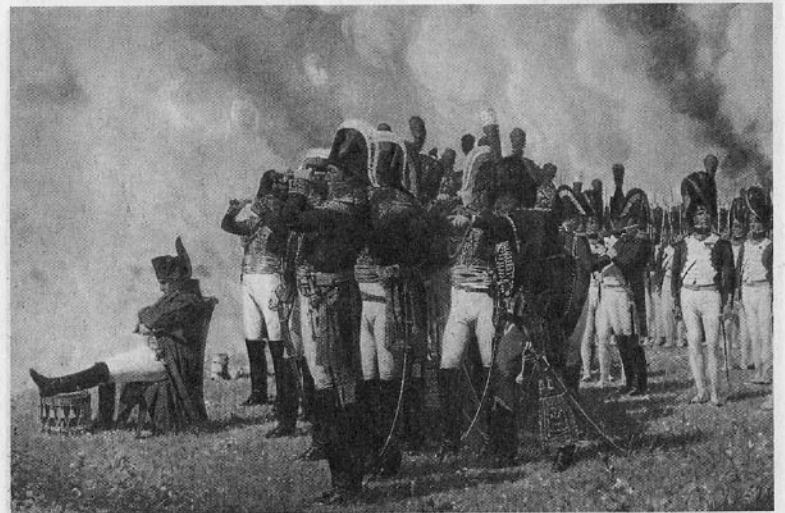
Генерал от инфантерии граф П.П. Ковницын.  
Художник Дж. Доу



Генерал от инфантерии Н.Н. Раевский.  
Художник Дж. Доу



М.И. Кутузов объезжает войска перед Бородинской битвой.  
Художник Н.С. Самокиш



Наполеон на Бородинских высотах.  
Художник В.В. Верещагин



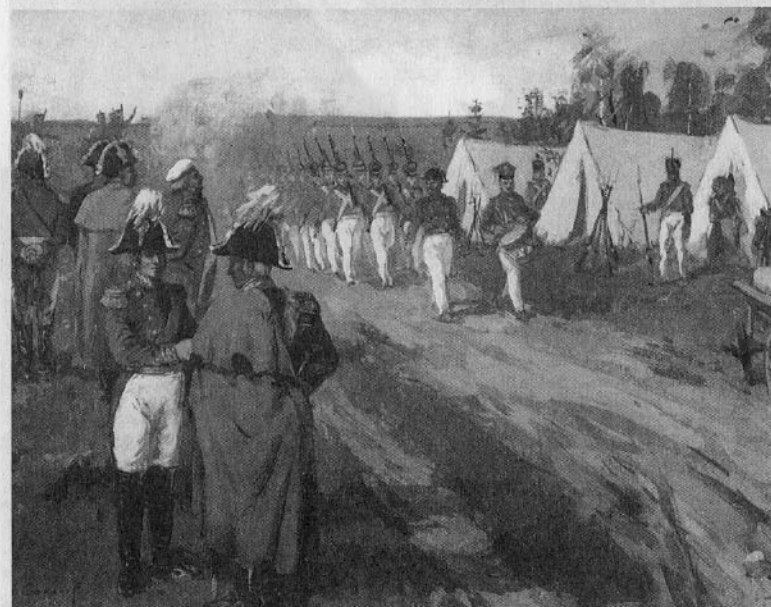
Расположение русских и французских войск к началу Бородинского сражения



Смертельное ранение генерал-майора графа А.И. Кутайсова.  
Художник И.Д. Архипов



Военный совет в Филях.  
Художник А.Д. Кившенко



Тарутинский лагерь.  
Художники А. Соколов и А. Семенов



Граф Ф.Ф. Ростопчин.  
Художник О.А. Кипренский



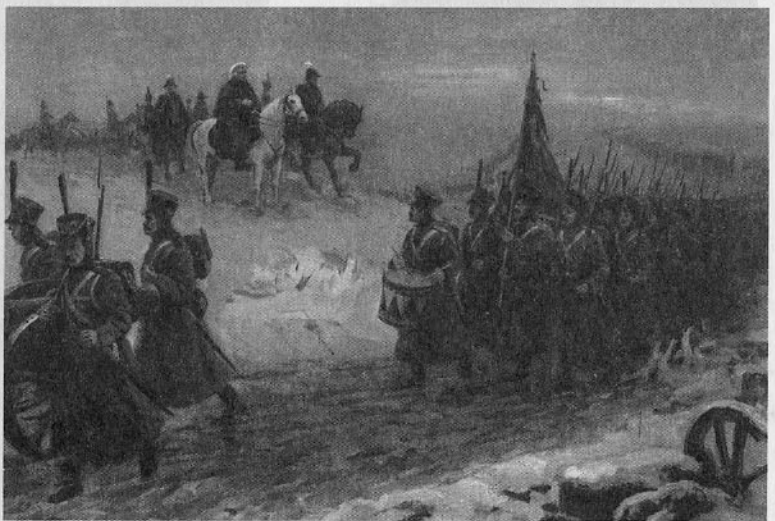
А.Н. Сеславин  
Художник Л. де Сент-Обен



1812 год.  
Художник Кратке



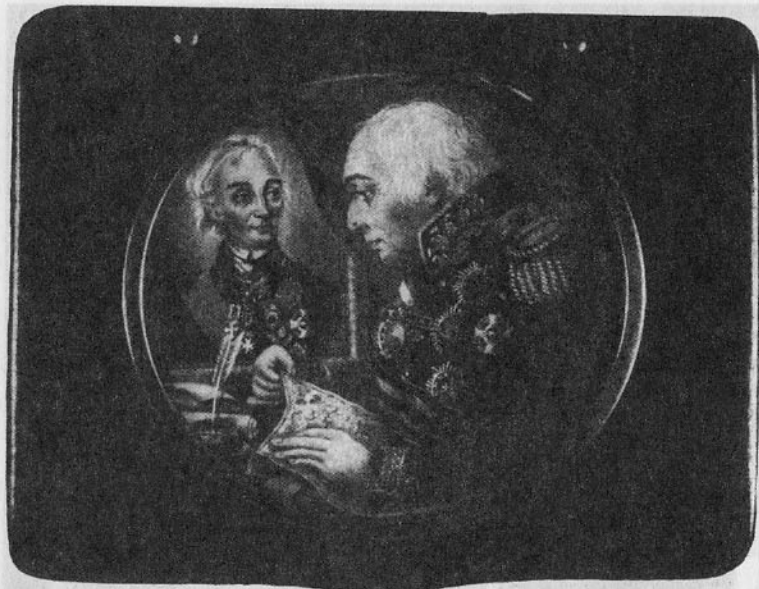
Переправа французов через Березину.  
Художник В. Адам



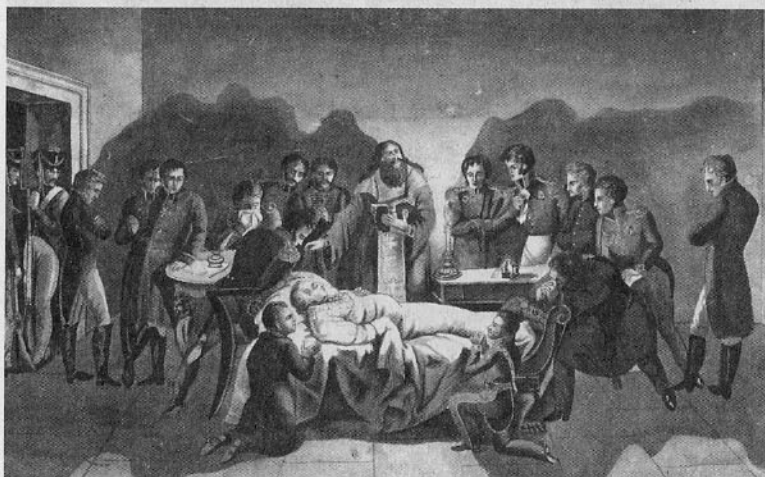
Переправа русских войск через Неман в декабре 1812 года.  
Художник П.А. Демидов



М.И. Кутузов. 1810-е годы.  
Неизвестный художник



Кутузов перед портретом А.В. Суворова.  
Неизвестный художник



Кончина М.И. Кутузова в Бунцлау 16 (28) апреля 1813 года.  
Акварель И.Л. Ефимовича, адъютанта Кутузова

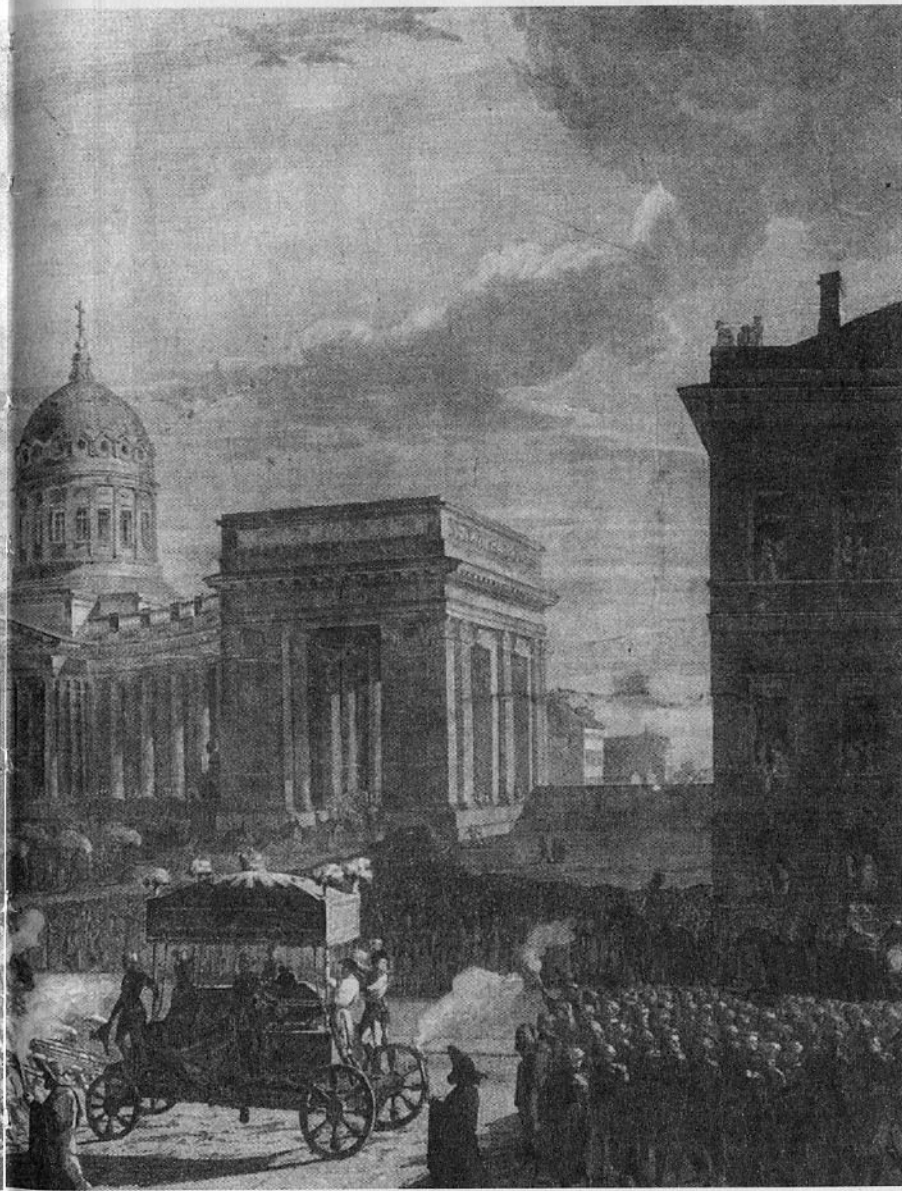


Орден Кутузова 1-й степени.  
Учрежден в 1942 году





Похороны М.И. Кутузова в Санкт-Петербурге 13 (25) июня 1813 года.  
Гравюра М.Н. Воробьева



Похороны М.И. Кутузова в Санкт-Петербурге 13 (25) июня 1813 года.  
Гравюра М.Н. Воробьева



Полковник П.Т. Конаков и его боевые товарищи у дома М.И. Кутузова и памятника в Бунцлау. Апрель 1945 года

был двинуть корпус Нея и даже гвардию. Жесточайший бой на обоих берегах реки продолжался с утра до поздней ночи<sup>1</sup>.

Утром 17 ноября наступила развязка. Атакуемый Витгенштейном и Чичаговым и не исключавший скорого появления Кутузова, Наполеон понял, что всю артиллерию и обозы ему не спасти. Он приказал Виктору переходить на правый берег. В 8 часов 30 минут утра, когда на левом берегу оставалась еще масса «некомбатантов», больше чем в 10 тыс. человек, генерал Эбле по приказу Наполеона и под вопли оставшихся поджег оба моста<sup>2</sup>. Еще через полчаса на всю эту массу беспорядочно толпившихся в пароксизме отчаяния людей налетели казаки и частично изрубили, а большей частью взяли их в плен. Тем временем Наполеон, отбиваясь от Чичагова, уходил с гвардией, остатками кавалерии Мюрата, корпусов Даву, Нея, Богарне, Удино, Виктора, Жюно, Понятовского через Зембин на запад.

Потери французов на Березине были громадными<sup>3</sup>, едва ли меньшими, чем под Бородином. М.И. Богданович подсчитал, что погибли в бою, утонули и сдались в плен 20—25 тыс. строевых и примерно столько же прочих<sup>4</sup>. Другие источники называют цифры, близкие к подсчетам Богдановича. Во всяком случае, через три дня после Березины Наполеон, по данным Ж. Шамбре, имел лишь 8800 «combattants»: гвардия насчитывала 4 тыс. человек, корпус Виктора — 2 тыс., а прочие корпуса — по несколько сот человек. Вся кавалерия состояла из 1800 всадников, в том числе 1200 гвардейских<sup>5</sup>. Россияне, по официальным данным, потеряли на Березине убитыми и ранеными 4 тыс. «нижних чинов»<sup>6</sup>. Французы исчисляют русские потери в 14 тыс. человек<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> См.: Военский К.А. Переправа через Березину. Рукопись // РНБ РО. Ф. 152, оп. 1, д. 123.

<sup>2</sup> См. там же. Л. 19 об.

<sup>3</sup> «Березина так переполнена трупами, лошадьми и повозками, что вышла из берегов шагов на 50—60», — свидетельствовали очевидцы (Французы в России. Т. 3. С. 210).

<sup>4</sup> Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 285.

<sup>5</sup> Шамбре Ж. Op. cit. V. 3. P. 98.

<sup>6</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 421.

<sup>7</sup> Лависс Э., Рамбо А. История XIX в. М., 1906. Т. 2. С. 176.

Каковы же итоги Березинской операции? Подобно другим капитальным вопросам истории 1812 г., они вызывают споры. Две крайние точки зрения высказали Жозеф де Местр («все го лишь несколько громких ударов по хвосту тигра»<sup>1</sup>) и А.Г. Бескровный (небывалый в истории нового времени пример «окружения и уничтожения армии противника»<sup>2</sup>). Истину здесь, как обычно бывает в спорных вопросах, надо искать между двумя крайностями.

В самом деле, Наполеон потерял на Березине столько людей (и, кстати, 22 орудия, 4 знамени<sup>3</sup>), что говорить только об «ударах по хвосту тигра» мало. Как никогда за все время войны, потрепан был и сам «тигр». Русские войска добились на Березине выдающегося успеха.

Однако главная цель Березинской операции не была достигнута. Вспомним, что Александр I и Кутузов планировали истребить на Березине «всю французскую армию» «до последнего» ее солдата, включая Наполеона разумеется. Между тем сам Наполеон, все 10 его маршалов<sup>4</sup>, все корпусные и даже дивизионные, кроме заблудившегося Партуно, генералы, гвардия, больше 2 тыс. офицеров<sup>5</sup> и почти 7 тыс. самых боеспособных солдат вырвались из окружения и ушли. «Тигр» был тяжело ранен, но не убит и не пойман, а спасся. Этот факт огорченно признавал сам Кутузов. «Не могу сказать, чтобы я был весел... — читаем в его письме к жене от 19 ноября. — Грустил, что не взята вся армия неприятельская в полон»<sup>6</sup>. В тот же день фельдмаршал рапортовал Александру: «К общему сожалению, сего 15-го числа Наполеон <...> переправился при деревне Студенице»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Деша гр. Ж. де Местра сардинскому королю о нашей Отечественной войне 1812 г. // Русский архив. 1912. № 1. С. 56.

<sup>2</sup> Бескровный А.Г. Указ соч. С. 579.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 421.

<sup>4</sup> Одиннадцатый маршал, Ж.-Э. Макдональд, действовавший на северном фланге «Великой армии», тоже благополучно ушел из России.

<sup>5</sup> См.: Бескровный А.Г. Указ соч. С. 575.

<sup>6</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 416—417.

<sup>7</sup> Там же. С. 430. Даже вступив торжественно в Вильно, Кутузов все еще «вздыхал, что ему не удалось взять в плен Наполеона» (Шуазель-Гуфье С. Исторические мемуары об Императоре Александре и его дворе. М., 1912. С. 98).

Сравнив итоги Березинской операции с тем, каково было положение Наполеона в ее начале и какую цель ставил перед собой Наполеон, можно понять, почему не только французы (А. Коленкур, А. Фэн, А. Жомини, А. Тьер), но и ряд авторитетов европейской, русской дореволюционной и советской историографии (К. Клаузевиц, Ф. Меринг, Г. Хатчинсон, Д. Чандлер, М.И. Богданович, Е.В. Тарле) пришли к выводу, что «как военный случай Березинская переправа представляет собой замечательное наполеоновское достижение», ибо «честь свою Наполеон здесь спас в полной мере и даже приобрел новую славу»<sup>1</sup>. Оригинально выразился писатель-юморист Аркадий Аверченко: Наполеон на Березине «потерпел победу»<sup>2</sup>.

Фактически все историки считают, что россияне на Березине могли бы добиться большего, если бы хоть один из командующих армиями (все трое — тем более) действовал искуснее и решительнее. Сам Кутузов в рапортах Императору всю вину за то, что не удалось истребить армию Наполеона, возлагал на Чичагова, который, мол, совершил «пустой марш» к Ухолодам и «не удержал ретираду неприятеля»<sup>3</sup>. Жена Кутузова Екатерина Ильинична, статс-дама Императорского двора, говорила: «Витгенштейн спас Петербург, мой муж — Россию, а Чичагов — Наполеона». Эти ее слова циркулировали даже в Англии, их знал Д.Г. Байрон<sup>4</sup>.

Современники большей частью сразу возненавидели Чичагова. «Нельзя изобразить общего на него негодования, — вспоминал Ф.Ф. Вигель, — все состояния подозревали его в измене»<sup>5</sup>. В.А. Жуковский «выкинул» (по собственному его

<sup>1</sup> Богданович М.И. Указ соч. Т. 3. С. 289. См. также: Клаузевиц К. 1812 г. С. 128; Тарле Е.В. Соч. Т. 7. С. 284, 707; Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. М., 1956. С. 322; Английский историк русской Отечественной войны 1812 г. СПб., 1915. С. 91; Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 516.

<sup>2</sup> Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». Л., 1990. С. 219.

<sup>3</sup> Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 422, 555—556.

<sup>4</sup> Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII — первая половина XIX в.) // Литературное наследство. 1982. Т. 91. С. 403.

<sup>5</sup> Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1928. Т. 2. С. 28

выражению) весь текст о Чичагове из своего «Певца во стане русских воинов»<sup>1</sup>. Г.Р. Державин высмеял «земноводного генерала» в эпиграмме<sup>2</sup>, а И.А. Крылов — в басне «Щука и кот». Уничтожающий взгляд на Чичагова как «ангела-хранителя» Наполеона (по язвительному речению А.Ф. Ланжерона<sup>3</sup>) восприняли и позднейшие русские историки, вплоть до современных<sup>4</sup>.

Между тем еще некоторые участники событий (А.П. Ермолов, В.И. Левенштерн, Д.В. Давыдов), не оправдывая Чичагова полностью, резонно указывали на то, что из трех командующих русскими армиями именно он больше всех мешал французам переправиться через Березину и причинил им наибольший урон. Ермолов прямо доложил Кутузову после окончания Березинской операции: «За исключением положивших оружие<sup>5</sup>, вся потеря неприятеля принадлежит более действию войск адмирала Чичагова»<sup>6</sup>. Этот факт признавали и французы<sup>7</sup>. Сам Чичагов негодовал: «Ни Витгенштейн, ни Кутузов не являлись. Они оставляли меня одного с ничтожными силами против Наполеона...»<sup>8</sup>

Почему же тогда Чичагов стал в России козлом отпущения за русские промахи на Березине для всех, начиная от историков и кончая баснописцами? Этот вопрос отчасти разъяснили еще в XIX в. М.И. Богданович и В.И. Харкевич. Чичагов был выбран в жертву потому, что жертва требовалась, а выбирать для нее, кроме Чичагова, было некого. Витгенштейн импони-

<sup>1</sup> Письма В.А. Жуковского к А.И. Тургеневу. М., 1895. С. 98.

<sup>2</sup> Державин Г.Р. Соч. СПб., 1866. Т. 3. С. 451.

<sup>3</sup> L a n g e r o n A. Op. cit. P. 50.

<sup>4</sup> О том, что Чичагов позволил Наполеону «вырваться из созданного Кутузовым (?!) — Н.Т.) полного окружения», см.: Г а р н и ч Н.Ф. Указ. соч. С. 278, 280; История военного искусства / Под ред. Е.А. Разина. М., 1956. Т. 1. С. 220. См. также: О р л и к О.В. Указ. соч. С. 104; С и р о т к и н В.Г. Указ. соч. С. 228, 230; Г у л я е в Ю.Н., С о г л а е в В.Т. Указ. соч. С. 346—347; А б а л и х и н Б.С. 1812 год. С. 158.

<sup>5</sup> Т. е. дивизии А. Партуно и 10 тыс. нестроевых, плененных Витгенштейном.

<sup>6</sup> РГАДА. Ф. 1406, оп. 1, д. 227, л. 2.

<sup>7</sup> S a i n t - S y r G. Mémoires. V. 3. P. 287.

<sup>8</sup> Фельдмаршал Кутузов. С. 430.

ровал всей России лаврами побед, одержанных до Березины, как «спаситель Петрополя» и «второй Суворов», да и на Березине взял в плен (пусть благодаря чистой случайности) целую дивизию. Кутузов же вообще стоял тогда слишком высоко в глазах России, чтобы кто-то мог упрекнуть его в чем бы то ни было<sup>1</sup>.

К этому можно добавить еще одну причину, на которую указывали такие разные люди, как Денис Давыдов и Жозеф де Местр, причем де Местр полагал даже (неосновательно), что «здесь и лежит разгадка всего», — а именно личную неприязнь Кутузова к Чичагову. По свидетельству Давыдова, Кутузов «ненавидел [Чичагова] за то, что адмирал обнаружил злоупотребления князя во время его командования Молдавской армией»<sup>2</sup>, а по мнению де Местра, «Кутузов ненавидел адмирала и как соперника, могущего отнять у него часть славы, и как моряка, сведущего в сухопутной войне. Посему он ничего не упустил, дабы помешать ему и погубить»<sup>3</sup>. Возможно, в какой-то мере это сказалося на промедлении Кутузова в Березинской операции (не забудем: Кутузов донес царю, что упустил Наполеона Чичагов), но учтем и другое: ведь фельдмаршал не спешил помочь на Березине и Витгенштейну.

Собственно, Витгенштейна наши историки давно уже не щадят, хотя по традиции продолжают возлагать главную долю вины за относительную неудачу Березинской операции на Чичагова<sup>4</sup>, а Витгенштейну отводят роль второго по значимости виновника. Что же касается Кутузова, то его действия на Березине почти единодушно рассматриваются доселе как безуп-

<sup>1</sup> См.: Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 289; Харкевич В.И. 1812 год. Березина. СПб., 1893. С. 208.

<sup>2</sup> Давыдов Д.В. Соч. С. 384.

<sup>3</sup> Местр Ж. де. Петербургские письма (1803—1817). СПб., 1995. С. 243.

<sup>4</sup> Чуть ли не единственное исключение, где оправдывается Чичагов: Шведов С.В. Действия М.И. Кутузова в Березинской операции // II этап Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1997. С. 88—89. Есть и такое (сенсационно-безосновательное) мнение: виноват в относительной неудаче Березинской операции... Александр I (Ивченко Л.Л. Сражение на Березине // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 1999. С. 83).

речные в полном согласии с А.И. Михайловским-Данилевским<sup>1</sup>. Между тем, начиная с Н.А. Окунева и М.И. Богдановича, очень многие исследователи — и зарубежные (Ж. Шамбре, К.Клаузевиц, Д. Чандлер), и русские дореволюционные (А.К. Баиов, Г.А. Леер, В.И. Харкевич), и советские (М.Н. Покровский. Е.В. Тарле, А.Н. Кочетков) — научно подтвердили тот засвидетельствованный очевидцами (А.П. Ермоловым, Д.В. Давыдовым, В.С. Норовым и др.) факт, что все события на Березине 14—17 ноября 1812 г. прошли «совершенно без участия Кутузова»<sup>2</sup>.

Вот что говорят документы. Когда Наполеон начал переправу через Березину (14 ноября), Кутузов с главными силами вторые сутки отдыхал в г. Копысе<sup>3</sup>, почти за 120 км от противника, и плохо ориентировался в обстановке. 17 ноября, получив в м. Сомры известие о переправе Наполеона, фельдмаршал очень удивился. «Сему я почти верить не могу», — написал он Чичагову<sup>4</sup>. В тот же день, когда Наполеон уже заканчивал переправу, Кутузов все еще из Сомр, «оставаясь до сих пор в неизвестности», приказывал М.А. Милорадовичу «объяснить, остается ли какой неприятель по сию сторону реки Березины»<sup>5</sup>. Наконец, 18 ноября (Наполеон в тот день уходил от Березины на запад, преследуемый Чичаговым) Кутузов уведомлял Чичагова из д. Михневичи (12—13 км от Березины): «Неизвестность моя все продолжается, переправился ли неприятель на правый берег Березы <...>. Доколе не узнаю

<sup>1</sup> Ср.: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Т. 4. С. 216—217; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. С. 576—578; Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. С. 238, 242; Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 224—232; Абаляхин Б.С. 1812 год. С. 155—158; Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 173.

<sup>2</sup> Давыдов Д.В. Соч. С. 382; Ермолов А.П. Записки. С. 246, 253—254; Норов В.С. Записки о походах 1812 и 1813 гг. СПб., 1834. Ч. 1. С. 103; Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX ст. М., 1923. С. 60; Тарле Е.В. Соч. Т. 7. С. 714; Кочетков А.Н. Управление войсками в русской армии в 1812 г. // Военно-исторический журнал. 1962. № 10. С. 64.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 379, 385.

<sup>4</sup> Там же. С. 405.

<sup>5</sup> Там же. С. 406.

совершенно о марше неприятеля, не могу я переправиться через Березу, дабы не оставить графа Витгенштейна одного противу всех сил неприятельских»<sup>1</sup>. Между тем Витгенштейн 18 ноября был уже на правом берегу Березины. Кутузов же с Главной армией перешел через Березину у м. Жуковец только 19 ноября — двумя сутками позже Наполеона и на 53 км южнее места его переправы<sup>2</sup>.

Естественно, что Кутузов, пребывая все дни, пока решалась судьба операции, «в неизвестности» о положении дел, не мог должным образом координировать маневры фланговых армий, а его собственная армия, за исключением передовых отрядов Платова и Ермолова, вообще не участвовала в операции. Это — факт, оспорить который невозможно. Поэтому курьезно надуманным выглядит сделанный уже в наши дни вывод о том, что «анализ действий Кутузова (на Березине. — Н. Т.) показывает несостоятельную точку зрения на него как нерешительного или пассивного полководца»<sup>3</sup>.

Чего не хватало Кутузову в Березинской операции, так это именно активности и решительности. Но почему? Современники (исключая тех, кто, подобно Р. Вильсону, считал, что Кутузов строит «золотой мост» Наполеону) недоумевали. «Никто не может дать себе отчета, почему мы не опередили Наполеона у Березины или не появились там одновременно с французской армией», — записывал в дневнике капитан П.С. Пушин<sup>4</sup>. «Если бы Наполеон командовал русскими, — ехидничал по этому поводу Ж. де Местр, — то, уж конечно, взял бы в плен самого себя»<sup>5</sup>.

Историки объясняли «невероятное воздержание» (l'abstention incroyable)<sup>6</sup> Кутузова на Березине по-разному. Тезис о том, что масон Кутузов выручил масона Наполеона, поставив «на его пути через Березину» третьего масона — Чичагова,

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 411.

<sup>2</sup> Там же. С. 428.

<sup>3</sup> Гуляев Ю.Н. Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 347.

<sup>4</sup> Пушин П.С. Дневник. 1812—1814. А., 1987. С. 74. О том же: Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1987. С. 43—44.

<sup>5</sup> Местр Ж. де. Указ. соч. С. 241.

<sup>6</sup> Madelin L. La catastrophe de Russie. Paris, 1949. P. 252.

который «обязан был щадить своего брата» Наполеона и намеренно упустил его<sup>1</sup>, — этот тезис до смешного легковесен. Гораздо серьезнее объяснения В.И. Харкевича, Е.В. Тарле, С.В. Шведова: Кутузов-де «вовсе не хотел и не считал возможным взять в плен Наполеона» (Шведов даже уточняет: не верил в возможность «переиграть его в военном искусстве»)<sup>2</sup>, потому и медлил, намеренно и целенаправленно. Доказать теперь, что было у Кутузова на уме, чего он хотел или не хотел и во что верил или не верил, едва ли возможно. Но, учитывая его рапорты царю, предписания генералам, письма к жене с предвкушением успеха Березинской операции и сожалением по поводу ее итогов и допуская в этих письмах, рапортах, предписаниях фельдмаршала хоть какую-то долю искренности, надо признать, что он, может быть, *хотел и верил*, но *не смог* добиться желаемого: максимум осторожности Кутузов не сумел подкрепить хотя бы минимумом риска и совершенно необходимой для столь важной операции активностью.

В результате Березинская операция (не сама по себе, а в том смысле, как действовал в ней Кутузов) оказалась самой огорчительной, после Аустерлица, вехой полководческой карьеры Михаила Илларионовича. Парадоксально, но факт!

Поскольку Кутузов догнать Наполеона у Березины не смог, к «общему соединению» всех русских армий, им же запланированному у Борисова, опоздал, а Витгенштейн и Чичагов тоже действовали на Березине не лучшим образом, Наполеону и удалось спасти все то, что русские особенно старались истребить (гвардию, офицерский корпус, генералитет, всех маршалов и себя самого). Вот почему вывод А.Г. Бескровного, будто «военная история нового времени не знает случая столь энергично и умело проведенного окружения и уничтожения армии противника»<sup>3</sup>, несерьезен, тем более что военная история нового времени знает «случай» под Седаном, где в 1870 г. была

<sup>1</sup> Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство. С. 271.

<sup>2</sup> Харкевич В.И. 1812 год. Березина. С. 17; Тарле Е.В. Соч. Т. 7. С. 712; Шведов С.В. Действия М.И. Кутузова в Березинской операции. С. 76.

<sup>3</sup> Бескровный А.Г. Указ. соч. С. 579.

окружена и полностью ликвидирована (уничтожена и пленена) прусскими войсками 120-тысячная французская армия во главе с императором Франции.

Ни масштабы, ни значение Березинской операции не нуждаются в преувеличениях. Они и без того велики. Хотя Наполеон действовал на Березине практически безошибочно, а из трех командующих русскими армиями никто (в первую очередь главнокомандующий) не избежал ошибок, русские войска, включая казаков, партизан, ополченцев, нанесли французам удар губительной силы. Хотя задача полного истребления армии захватчиков на Березине не была решена, Березинская операция — при всей слабости руководства ею со стороны Кутузова — существенно приблизила и облегчила решение этой задачи.

#### 4. «НЕПРИЯТЕЛЬ ПОЧТИ ИСТРЕБЛЕН»

Сразу же после Березины, уже 19 ноября, Кутузов сообщил Александру I, Чичагову и Витгенштейну свой новый «генеральный план» с целью «истребить остатки бегущего неприятеля». План предусматривал скоординированное наступление всех русских войск по четырем направлениям: Чичагов должен был преследовать самого Наполеона, Витгенштейн — наступать правее Чичагова и «стараться пресечь Макдональду путь к соединению с Наполеоном»; сам Кутузов с Главной армией — следовать левее Чичагова и «воспретить соединению Шварценберга с Наполеоном»; Милорадович — идти между Чичаговым и Кутузовым в готовности «содействовать по обстоятельствам» тому или другому. Кроме того, Платов с казаками получил задание «стараться, выиграв марш над неприятелем, <...> атаковать его в голове и во фланге колонн»<sup>1</sup>.

Тем временем неприятель бежал к Вильно. Большая часть его «некомбатантов», так затруднявших своей хаотичностью движение армии, осталась на Березине. Но и «combattants»

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С.427—430.

таяли с каждым днем, отделяя от себя «новые банды отставших»<sup>1</sup>. Условия отступления стали еще более губительными для французов. После Березины ударили и уже не ослабевали самые жестокие морозы (кстати, Березина, поглотившая в своих водах десятки тысяч французов, сразу после их переправы замерзла<sup>2</sup>; россияне усматривали в этом «перст Божий»: «Русский Бог за нас»). По записям очевидцев, 23 ноября в Сморгони было 25° мороза, 25-го в Ошмянах — 27°, 27-го и 28-го в Вильно — 27—28°<sup>3</sup>. Обессиленные «дети Парижа», пришельцы из дали далей Лазурного берега и солнечного Неаполя гибли от холода и на привалах, и прямо на ходу. «Оставляемый нами бивак походил на поле сражения, — свидетельствовали французы. — Он бывал покрыт трупами так же, как и дороги, по которым мы проходили»<sup>4</sup>. «Перед Вильно в течение одной ночи замерзла целая бригада неаполитанцев», — вспоминал генерал Д. Хлаповский<sup>5</sup>.

Остановиться, передохнуть, подкрепить силы беглецы не могли. Впереди у них до самого Вильно не было опорных баз. Между тем отовсюду (случалось, даже спереди, в лоб) их атаковали казаки и партизаны, а сзади, следуя «генеральному плану» Кутузова, настигали регулярные полки русской армии. Настигали и уничтожали главным образом «некомбаттантов», но били и «combattants». 21 ноября у с. Латыголичи Чичагов рассеял аррьергард противника, взяв больше 1500 пленных, в числе которых оказался «один генерал, о имени коего, — гласит рапорт Кутузова Александру I от 23 ноября, — еще не получил уведомления»<sup>6</sup>. 25 ноября под Сморгонью авангард Чичагова захватил еще 3 тыс. пленных и 25 орудий<sup>7</sup>, а с 26 ноября по 1 декабря, по данным штаба Кутузова, русские

<sup>1</sup> Коленкур А. Мемуары. С. 268.

<sup>2</sup> Отечественная война и русское общество. Т. 4. С. 256.

<sup>3</sup> Lagгеу D. Mémoires... Paris, 1817. V. 4. P. 104; Французы в России. Т. 3. С. 252, 271; Труды МО ИРВИО. 1913. Т. 4, ч. 1. С. 50.

<sup>4</sup> Французы в России. Т. 3. С. 245.

<sup>5</sup> Цит. по: Военский К.А. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 г. С. 66.

<sup>6</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 450.

<sup>7</sup> Там же. С. 490.

войска взяли в плен 9730 человек и отбили у противника 168 пушек<sup>1</sup>. «Наполеон, пришедши тигром, бежит зайцем», — писал в те дни Н.М. Карамзин<sup>2</sup>.

Сам Наполеон видел, что кампания безнадежно проиграна, а его «Великая армия» почти уничтожена. Он решил подготовить общественное мнение Франции и Европы к восприятию постигшей его катастрофы. 21 ноября в Молодечно император составил «погребальный», как называли его сами французы<sup>3</sup>, 29-й бюллетень<sup>4</sup> — как бы надгробное слово о «Великой армии». Признав свое поражение, Наполеон объяснил его превратностями русской зимы, а заключил бюллетень фразой, которая шокировала даже его верноподданных: «Здоровье Его Величества никогда не было лучшим».

Вечером 23 ноября в Сморгони Наполеон покинул армию. Он торопился в Париж, чтобы опередить толки вокруг 29-го бюллетеня, а главное — собрать новую армию. Для него, по выражению Е.В. Тарле, «русский поход был только проигранной партией. Он был уже поглощен новой готовившейся партией и обдумывал, как лучше ее выиграть»<sup>5</sup>. Взяв с собой ближайших сановников А. Коленкура и М. Дюрока, генерала Ж. Мутона, секретаря А. Фэна, несколько слуг и — только до русской границы — кавалерийский эскорт, Наполеон за 13 дней промчался инкогнито, под именем герцога Виченцуского, через всю Европу, миновал все расставленные для него западни и к полуночи 6 декабря уже был в Париже<sup>6</sup>.

Впрочем, первая же ночь этого вояжа могла стать для Наполеона роковой. Партизан А.Н. Сеславин, уже прославившийся тем, что он обнаружил марш «Великой армии» из Москвы на Калугу, едва не совершил еще более славный подвиг. Выполняя поручение Кутузова по сбору разведывательной инфор-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 493.

<sup>2</sup> Карамзин Н.М. Письма к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 167.

<sup>3</sup> Ложье Ц. Указ. соч. С. 342.

<sup>4</sup> См.: Bulletins officiels de la Grande Armée, campagne de Russie et de Sax. P. 157—164.

<sup>5</sup> Тарле Е.В. Соч. Т. 7. С. 725.

<sup>6</sup> См.: Коленкур А. Мемуары. С. 278—338.

мации<sup>1</sup>, он к полуночи 23 ноября, за час до прибытия Наполеона в Ошмяны, ворвался с отрядом гусар и казаков в это местечко, изрубил караул у квартиры, приготовленной для Наполеона, и удалился, не подозревая о том, что французский император уже подъезжает к Ошмянам. «Будь атака сия часом позже, Наполеон не избежал бы плена», — заключал Денис Давыдов описание этой атаки Сеславина<sup>2</sup>.

Командовать остатками «Великой армии» Наполеон поручил И. Мюрату. Тот, однако, с ролью главнокомандующего не справился и вскоре самовольно уехал к себе в Неаполь, сдав командование Е. Богарне. Вообще, пока сам император шел во главе своих войск, его присутствие «все же поддерживало хотя бы тень организации, спаивало их в «армию Наполеона» <...>. Когда же Наполеон бросил армию, объединяющий ее центр исчез, а вместе с ним исчез и последний нравственный ресурс», после чего дезорганизация и деморализация остатков армии приняли «чудовищные размеры»<sup>3</sup>. Только гвардия да еще группы солдат и офицеров, сплотившихся вокруг своих маршалов, сохраняли достоинство и боеспособность. Все остальное воинство бежало от Сморгони к Вильно в таком беспорядке, что Ф.Н. Глинка написал в те дни о французах: «Их можно ловить легче раков»<sup>4</sup>.

Удивительно, как в таких условиях французы могли вести с собой русских пленных. Всего из Москвы их вывели, по разным данным, от 2 до 3 тыс.<sup>5</sup>, и какое-то число, пусть даже крайне малое, довели до Франции. В этом числе оказались В.А. Перовский — будущий фаворит Николая I, граф с 1855 года, с любопытной родословной (двоюродный внук морганатического супруга императрицы Елизаветы Петровны А.Г. Разумовского и двоюродный же дед Софьи Перовской, участницы заговора «цареубийц», окончившей жизнь на эша-

<sup>1</sup> См.: Хатаевич Н.А. Партизан А.Н. Сеславин. С. 65—66.

<sup>2</sup> Давыдов Д.В. Соч. С. 308.

<sup>3</sup> Отечественная война и русское общество. Т. 4. С. 260.

<sup>4</sup> Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 45.

<sup>5</sup> См.: Французы в России. Т. 2. С. 155; Segur Ph.-P. Op. cit. V. 2. P. 154.

фоте в 1881 году)<sup>1</sup> и рядовой Семенов — по семейной легенде, предок всемирно известного мастера детективного жанра в литературе Жоржа Сименона<sup>2</sup>.

26 ноября французы вступили в Вильно, где они очень рассчитывали на местные склады продовольствия и фуража. Мюрат, однако, не смог наладить порядок, и многотысячные толпы мародеров, ворвавшись в город, разграбили склады так, что «одни получили все, другие — ничего»<sup>3</sup>. Пока французы грабили Вильно, 28 ноября к городу подоспели казаки М.И. Платова и авангард П.В. Чичагова. Противник бежал из города, бросая награбленную добычу, а 5139 больных и раненых, оставшихся (может быть, еще с лета) в госпиталях, были взяты в плен<sup>4</sup>. В их числе оказался бригадный генерал М. Лефевр, сын командующего Старой гвардией маршала Ф.-Ж. Лефевра, герцога Данцигского. Маршал оставил раненого сына и при нем — письмо на имя А.А. Аракчеева с просьбой проявить к раненому «лояльность и русское великодушие»<sup>5</sup>. (Еще один пример особого духа войн в «старое» время. — Ред.)

Кутузов, получив от Чичагова и Платова рапорты об освобождении Вильно, успел на марше предписать им, чтобы «сей город при приходе наших войск не был подвержен ни малейшей обиде»<sup>6</sup>. 29 ноября фельдмаршал с главными силами торжественно вступил в Вильно и занял в городе комнаты, которые «были вытоплены для Бонапарте»<sup>7</sup>. Вильно был по-своему дорог Кутузову, поскольку в 1809—1811 гг. он служил литовским военным генерал-губернатором. Теперь Михаил Илларионович надолго задержался здесь и, в ожидании приезда Алек-

<sup>1</sup> См.: Из записок покойного графа В.А. Перовского // Русский архив. 1865. № 1. Эти записки использованы в романах «Война и мир» Л.Н. Толстого и «Сожженная Москва» Г.П. Данилевского.

<sup>2</sup> См.: Шрайбер Э.Л. Жорж Сименон. Л., 1983. С. 281—282.

<sup>3</sup> Французы в России. Т. 3. С. 286, 297, 304.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 500.

<sup>5</sup> РГВИА. Ф. 154, оп. 1, т. 2, д. 82, л. 47 (текст письма Ф.-Ж. Лефевра). Генерал Лефевр умер от раны в Вильно 3 декабря 1812 г., за 8 дней до прибытия в город А.А. Аракчеева, который все-таки получил письмо маршала Лефевра и сохранил его в своем архиве.

<sup>6</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 472.

<sup>7</sup> Там же. С. 487.



сандра I, благоустроивался. «Какая-то невидимая сила, — написал он дочери Прасковье 15 декабря, — перенесла меня сюда в тот же дом, в ту же спальню, на ту же кровать, где я жил невступно два года назад»<sup>1</sup>. «И с теми же слугами, — добавил он 16-го в письме к другой дочери, Елизавете, — которые явились меня встречать»<sup>2</sup>.

Тем временем, 2 декабря, авангард русских войск, казаки и партизаны с боем проводили за Неман остатки «Великой армии» Наполеона. О размерах катастрофы, которую Наполеон потерпел в России, легче всего судить по цифрам. Численность центральной группировки, которая собралась за Неманом после 2 декабря, Ж. Шамбре определял в 14 266 человек<sup>3</sup>, а штаб Кутузова — в 20 тыс.<sup>4</sup>. К ней надо добавить части, уходившие за Неман разрозненно, а также остатки фланговых войск — Ж.-Э. Макдональда и Ж.-Л. Ренье.

Подневольные союзники Наполеона — австрийцы и пруссаки — теперь, когда он оказался на краю гибели, предали его. Командующий прусским вспомогательным корпусом генерал Г.Д.А. Иорк 18 декабря даже без ведома короля Пруссии подписал в Таурогене с генерал-квартирмейстером армии Витгенштейна бароном И.И. Дибичем договор о нейтралитете, и 18 тыс. пруссаков отделились от корпуса Макдональда, в состав которого они входили<sup>5</sup>. В тот же день Кутузов от имени Александра I дал другому барону-немцу на русской службе И.О. Анштетту полномочия на переговоры с фельдмаршалом К.Ф. Шварценбергом о перемирии<sup>6</sup>, и 18 января 1813 г. Милорадович и Шварценберг заключили перемирие, по условиям которого австрийский фельдмаршал увел свой корпус в Галицию, уступив россиянам без боя Варшаву<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 610.

<sup>2</sup> Там же. С. 618.

<sup>3</sup> Шамбре Ж. Op. cit. V. 3. P. 162—163.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 5. С. 127.

<sup>5</sup> См. там же. С. 9—11. 8 января 1813 г. корпус Иорка уже был включен в состав армии Витгенштейна (См. там же. С. 87).

<sup>6</sup> См. там же. С. 7.

<sup>7</sup> См.: Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876. Т. 3. С. 89—91.

Всего из почти 600-тысячной (даже если не считать корпуса Иорка и Шварценберга) «Великой армии» выбрались из России, по данным Ж. Шамбре, 58,2 тыс. человек<sup>1</sup> (М.И. Богданович насчитывал 81 тыс., Д.П. Бутурлин — 79 тыс., Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев — 70 тыс., П.А. Жилин — 44 тыс., Е.В. Тарле — 30 тыс.<sup>2</sup>). Кутузов имел все основания рапортовать царю 7 декабря 1812 г.: «Неприятель почти истреблен»<sup>3</sup>.

По этому случаю А.Г. Бескровный в неумном стремлении приукрасить все, даже выигрышное для Кутузова, сделал глобальный вывод, который, кроме предвзятости, страдает и недостатком компетентности, прискорбным для столь авторитетного специалиста, каковым считался Любомир Григорьевич. Цитирую: «Ни одной армии Европы в новое время не удалось достичь таких результатов за такой короткий период, какие были достигнуты русской армией под командованием М.И. Кутузова в 1812 г.»<sup>4</sup> А ведь даже школьники знают, как за шесть лет до 1812 г. Наполеон расправился с прусским королевством. Как мы писали ранее, почти все вооруженные силы Пруссии во главе с королем Фридрихом-Вильгельмом III, тремя принцами — племянниками Фридриха Великого и четырьмя фельдмаршалами были уничтожены в один день (14 октября 1806 г.) одновременно в двух генеральных сражениях, под Йеной и Ауэрштедтом<sup>5</sup>. Забыл или не знал об этом доктор исторических наук полковник Бескровный? Трудно сказать, что хуже.

Победа России над непобедимым дотоле Наполеоном столь величественна, что не нуждается ни в каких преувеличениях.

<sup>1</sup> Шамбре Ж. Op. cit. V. 3. P. 163.

<sup>2</sup> Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 517—518; Бутурлин Д.П. Указ. соч. Ч. 2. С. 458; Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 355; Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. С. 88, 329; Тарле Е.В. Соч. Т. 7. С. 726.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 551.

<sup>4</sup> Бескровный А.Г. Некоторые вопросы истории Отечественной войны 1812 г. // Вопросы истории. 1962. № 10. С. 60.

<sup>5</sup> «Все прусское государство было разбито в один день», — подчеркнул Ф. Энгельс (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 252). Г. Гейне, как мы писали, выразился еще энергичнее: «Наполеон дунул на Пруссию, и Пруссии не стало».

Она вызвала небывалый ранее подъем национального духа. После того как Наполеон занял Москву, многие россияне приуныли. «Казалось, ну ниже нельзя сидеть в дыре», — писал о том времени в сатирической «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» А.К. Толстой<sup>1</sup>. Тем сильнее был взрыв патриотической радости в сердцах буквально всех русских людей при первом же известии об уходе французов из Москвы, а последующие события — Малоярославец, Полоцк, Вязьма, Красное, Березина — эту радость непрестанно множили. Вот характерный штрих: первые слова, которые выговорила годовалая дочь графа Ф.П. Толстого (художника, будущего вице-президента Академии художеств) Лиза, «были не «папа» и не «мама», а «Ура, победа!»<sup>2</sup>.

Талантливыми выразителями патриотических чувств русского народа в 1812 г. были мастера отечественной культуры, особенно литераторы, голоса которых звучали все энергичнее по ходу русского контрнаступления. Около 30 русских писателей участвовали в войне 1812 г. «не только пером, но и мечом»<sup>3</sup>. Из литераторов — участников войны больше всех отличился тогда пером поэт В.А. Жуковский, служивший при штабе Кутузова и походной типографии (составлял даже «Известия» штаба). В сентябре 1812 г. он написал популярнейшее из стихотворений того времени «Певец во стане русских воинов», которое очень помогло делу защиты Отечества такими, например, строками:

О родина святая!  
Какое сердце не дрожит,  
Тебя благословляя?<sup>4</sup>

Из тех литераторов, которые не участвовали в боях, но заостряли свое перо, как разящий меч, первым должен быть назван И.А. Крылов. Он откликнулся на события 1812 г. семью заме-

<sup>1</sup> Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1980. Т. 1. С. 266.

<sup>2</sup> Каменская М.Ф. Воспоминания. М., 1991. С. 28.

<sup>3</sup> Дурьдин С.Н. Русские писатели в Отечественной войне 1812 г. М., 1943. С. 7.

<sup>4</sup> Жуковский В.А. Соч.: В 3 т. М., 1980. Т. 1. С. 129.

чательными баснями<sup>1</sup>, лучшие из которых — «Ворона и курица», «Щука и кот» и особенно «Волк на псарне». Текст «Волка», собственноручно написанный, Крылов через жену Кутузова переслал самому фельдмаршалу, а тот после боев под Красным прочел басню собравшимся вокруг него офицерам и при словах «ты сер, а я, приятель, сед» снял фуражку и тряхнул седой головой<sup>2</sup>.

Вдохновляли русских людей в 1812 г. на «праведную брань» не только корифеи отечественной литературы. Это делали и рядовые литераторы, как, например, поэт И.А. Кованько, сочинивший популярную «Солдатскую песню» с таким началом:

Хоть Москва в руках французов,  
Это, право, не беда!  
Наш фельдмаршал князь Кутузов  
Их на смерть впустил туда<sup>3</sup>.

«Наш фельдмаршал» в те декабрьские дни 1812 г., когда вся Россия торжествовала победу, радовался, естественно, более других. «Я почитаю себя щастливейшим из подданных <...> Вашего Величества», — написал он Императору Александру I 7 декабря. В откровенном разговоре с А.П. Ермоловым Кутузов признался: «Голубчик! Если бы кто два или три года назад сказал мне, что меня изберет судьба низложить Наполеона, гиганта, страшившего всю Европу, я, право, плюнул бы тому в рожу!»<sup>4</sup> Все время, проведенное в Вильно до приезда туда Александра I, то есть с 29 ноября до 11 декабря, фельдмаршал, по словам того же Ермолова, «покоился на пожатых лаврах», и «ничто до слуха его допускаемо не было, кроме рабственных похвал льстецов, непременных спутников могущества»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> «Кот и повар», «Раздел», «Волк на псарне», «Обоз», «Ворона и курица», «Щука и кот», «Крестьянин и змея».

<sup>2</sup> Жиркевич И.С. Записки. С. 661.

<sup>3</sup> Двенадцатый год: Современные рассказы, письма, анекдоты, стихотворения // Русский архив. 1876. № 7. С. 302—303.

<sup>4</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 258 (Ермолов подчеркнул здесь, что он передает сказанное Кутузовым «в точных его выражениях»).

<sup>5</sup> Там же. С. 259, 260. 6 декабря Александр I пожаловал Кутузову титул князя Смоленского за все его «незабвенные заслуги», и особенно за бои «в окрестностях Смоленска» (то есть под Красным), а не за Березинскую операцию (См.: М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 545).

Однако Кутузов видел и дорогую цену победы, одержанной, на взгляд со стороны, легко и быстро. Ведь как ни осторожничал светлейший, руководимая им *победоносная* русская армия, преследуя Наполеона, понесла потери немногим меньше, чем побежденная и чуть ли не «*полностью истребленная*»<sup>1</sup> французская армия. Документы свидетельствуют: главная армия Наполеона вышла из Москвы численностью 115,9 тыс. человек, получила в пути подкрепления в 31 тыс., а на границе от нее осталось 14,2 тыс. человек<sup>2</sup> (общие потери — 132,7 тыс. человек<sup>3</sup>); Кутузов вышел из Тарутина во главе 120-тысячной армии (не считая ополчения), получил в пути, как минимум, 10-тысячное подкрепление, а привел к Неману 27,5 тыс. человек<sup>4</sup> (потери — не менее 120 тыс. человек). «Главная армия, — рапортовал Кутузов Александру I из Вильно, — пришла в такое состояние, что слабость ее в числе людей должно было утаить не только от неприятеля, но и от самих чиновников, в армии служащих»<sup>5</sup>. Ф. Стендаль был близок к истине, заявив, что «русская армия прибыла в Вильно не в лучшем виде», чем французская<sup>6</sup>.

Советские и постсоветские историки либо обходят общую цифирь русских потерь молчанием (Н.Ф. Гарнич, Б.С. Абалихин, В.Г. Сироткин, О.В. Орлик), либо глухо упоминают о ней в контексте разных цифр<sup>7</sup>, либо даже намеренно преуменьшают ее, уверяя нас, что к Неману вышла «половина (?! — Н. Т.)

<sup>1</sup> Наши историки часто цитируют рапорт Кутузова царю не по оригиналу («Неприятель почти истреблен»), а по тезисам ЦК ВКП(б) о Кутузове 1945 г.: «Война окончилась за полным истреблением неприятеля». См.: Жилин П.А. Указ. соч. С. 322; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. С. 593; Брагин М.Г. Кутузов. М., 1975. С. 215; Бородино. 1812. М., 1987. С. 290; Недаром помнит вся Россия. М., 1986. С. 250; Орлик О.В. Указ. соч. С. 106.

<sup>2</sup> Шамбгау Г. Op. cit. V. 2. P. 315; V. 3. P. 162—163.

<sup>3</sup> Главным образом то были пленные. Подсчитано, что общее число военнопленных к 1 января 1813 г. превысило 216 тыс., т. е. более трети всей «Великой армии» (Сироткин В.Г. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 185).

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 361, 440; Ч. 2. С. 552.

<sup>5</sup> Там же. Ч. 2. С. 551.

<sup>6</sup> Стендаль Ф. Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 108.

<sup>7</sup> Жилин П.А. Указ. соч. С. 339; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 455; Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 354.

той армии, что стояла у Тарутина»<sup>1</sup>, т. е., надо полагать, 60 тыс. человек, не считая ополчения.

Ослабевшая более чем на три четверти «в числе людей» армия к тому же «потеряла вид»: она больше походила на крестьянское ополчение, чем на регулярное войско, что и вызвало у Великого князя Константина Павловича на параде в Вильно крик возмущения: «Эти люди умеют только драться!»<sup>2</sup>

Учитывая состояние Главной армии, Кутузов в рапортах Государю от 1-го, 2-го и 9 декабря настойчиво предлагал дать ей отдых «до двух недель», «ибо, если продолжить дальнейшее наступательное движение, подвергнется она в непродолжительном времени совершенному уничтожению»<sup>3</sup>. Отсюда некоторые историки, включая Е.В. Тарле, уже делали вывод о том, что Кутузов будто бы имел целью «выгнать Наполеона из России и — ни шагу далее»<sup>4</sup>. Главной же опорой для такого вывода служили прямые свидетельства столь разных людей, как недруг Кутузова английский комиссар при его штабе генерал Р. Вильсон и доброжелатель фельдмаршала государственный секретарь Российской империи адмирал А.С. Шишков — оба они ссылались на свои разговоры с Кутузовым<sup>5</sup>. Просто отбрасывать их свидетельства, как это делали Л.Г. Бескровный и П.А. Жилин<sup>6</sup>, нет оснований. Но в главном советские военные историки правы: Кутузов против заграничного похода русских войск, по крайней мере официально, не возражал.

Фельдмаршал мог, конечно, в частных разговорах с Шишковым и особенно с Вильсоном поворчать о тяготах и ненужности для России заграничного похода, тем более что непрестанное понукание со стороны Англии, готовой, как тогда говорили, «биться с Наполеоном до последней капли крови...

<sup>1</sup> Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. От Екатерины Великой до Александра II. М., 1994. С. 499; История России. С начала XVIII до конца XIX в. / Отв. Ред. А.Н. Сахаров. М., 2000. С. 317.

<sup>2</sup> Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 1907. Ч. 1. С. 25.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 495, 502, 582.

<sup>4</sup> Тарле Е.В. Соч. Т. 7. С. 709.

<sup>5</sup> Там же. С. 678, 729—730.

<sup>6</sup> См.: Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 127—128; Жилин П.А. Указ. соч. С. 335.

русского солдата», раздражало его. Он даже самому Александру I сказал при встрече с ним в Вильно: «Ваш обет исполнен, ни одного вооруженного неприятеля не осталось на Русской земле. Теперь остается исполнить и вторую половину обета: положить оружие»<sup>1</sup>. Сказал, но не настаивал на сказанном. «Когда он, — говорил Кутузов Шишкову о Государе, — доказательства моих оспорить не может, то обнимет меня и поцелует; тут я заплачу и соглашусь с ним»<sup>2</sup>. Более того, преследовать врага за Неманом Кутузов планировал еще до прихода французов в Вильно<sup>3</sup>. Его декабрьские рапорты царю предусматривали необходимый отдых только для Главной армии, тогда как менее изнуренным войскам Чичагова и Витгенштейна, а также казакам Платова предписывалось безостановочно «следовать за неприятелем до самой Висль»<sup>4</sup>.

11 декабря, в 5 часов пополудни, в Вильно прибыл Александр I. Кутузов встречал его у дворцового подъезда во главе почетного караула от лейб-гвардии Семеновского полка, «в парадной форме со строевым рапортом в руке». Император «прижал к сердцу фельдмаршала», принял от него рапорт и вместе с ним, «рука об руку», вошел во дворец. Уединившись с Кутузовым в своем кабинете, Александр I вел с ним разговор без свидетелей, а по выходе Михаила Илларионовича из царского кабинета обер-гофмаршал граф Н.А. Толстой «поднес ему на серебряном блюде орден Св. Георгия 1-й степени»<sup>5</sup>. Поскольку Кутузов уже имел к тому времени ордена Святого Георгия 4-й, 3-й, и 2-й степеней, он стал первым в России *полным* георгиевским кавалером (после него такими станут еще три генерал-фельдмаршала: М.Б. Барклай-де-Толли в 1813 г., И.И. Дибич и И.Ф. Паскевич в 1829 г.).

По впечатлениям графини С. Шуазель-Гуффье, Кутузов в те дни «казалось, изнемогал под бременем оказанных ему почес-

тей и отличий, которые со всех сторон сыпались на него»<sup>1</sup>. Среди прочего фельдмаршал получил портрет Александра I, украшенный бриллиантами, и золотую шпагу с алмазами, «гирляндой лавра из изумруда» и тоже с бриллиантами ценою в 25 тыс. рублей (Михаил Илларионович при этом заметил, что «драгоценные камни слишком малы»)<sup>2</sup>. Жене своей, Екатерине Ильиничне, светлейший князь Смоленский, не дожидаясь Высочайших наград, приготовил в подарок необычный трофей — «великолепный министерский портфель из черного сукна с золотой вышивкой, представлявшей с одной стороны французский герб, с другой — шифр Наполеона»<sup>3</sup>.

На следующий день по прибытии в Вильно, 12 декабря (то был день рождения Императора), Александр I принял у себя всех генералов и приветствовал их словами: «Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу»<sup>4</sup>. В тот же день Император дал торжественный обед *в честь Кутузова*, а перед обедом в конфиденциальной беседе с Р. Вильсоном высказался о фельдмаршале так: «Мне известно, что [фельд]маршал не исполнил ничего из того, что должен был сделать. Он избегал, насколько сие оказывалось в его силах, любых действий противу неприятеля. Все его успехи были вынуждены внешнею силою <...>. Но московское дворянство стоит за него и желает, дабы он вел нацию к славному завершению сей войны. Посему я должен наградить этого человека орденом Св. Георгия <...>. Впрочем, теперь я уже не оставляю мою армию и не допущу несообразностей в распоряжениях [фельд]маршала»<sup>5</sup>.

С этого дня Александр I, по наблюдению А.П. Ермолова, оставил при Кутузове лишь «громкое наименование главнокомандующего и наружный блеск некоторой власти», а «все распоряжения» исходили от самого Императора<sup>6</sup>. Возможно, Ермолов здесь чуть и преувеличил распорядительность Импера-

<sup>1</sup> Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 3. С. 137 (свидетельство А.С. Шишкова).

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 455, 495—496.

<sup>4</sup> Там же. С. 499, 503, 582.

<sup>5</sup> Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 132.

<sup>1</sup> Шуазель-Гуффье С. Указ. соч. С. 98.

<sup>2</sup> Там же. С. 116; М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 611.

<sup>3</sup> Шуазель-Гуффье С. Указ. соч. С. 98.

<sup>4</sup> Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 134.

<sup>5</sup> Вильсон Р.Т. Указ. соч. С. 107, 283.

<sup>6</sup> Ермолов А.П. Записки. С. 262, 263.

тора, но общий смысл его взаимоотношений с фельдмаршалом определил верно. Начальником Главного штаба всех армий Александр I назначил самого близкого к нему, после А.А. Аракчеева, сановника генерал-адъютанта князя П.М. Волконского, а затем вернул в армию и барона Л.Л. Беннигсена<sup>1</sup>. При этом Император неизменно оказывал сам и требовал от других (включая Р. Вильсона) оказывать Кутузову «подобающее почтение»<sup>2</sup>.

Проницательный фельдмаршал едва ли заблуждался в истинном отношении к нему монарха, но со своей стороны, как обычно, афишировал верноподданническую преданность и глубочайший пиетет к монаршей воле. Колоритно свидетельствует об этом рассказ генерала С.И. Маевского о декабрьских днях 1812 г. в Вильне.

«В один день я докладываю фельдмаршалу, что по случаю соединения всех армий нужно назначить одного начальника артиллерии.

— Кого же лучше, как не Д.П. Резвого? — отвечал князь. — Он человек умный и знает это дело лучше всех.

Вдруг докладывают, что граф Аракчеев приехал к светлейшему. И представьте наше удивление: граф говорит о том же, о чем говорили и мы за минуту до него. <...>

Г р а к ч е е в. Государю Императору угодно соединить командование всею артиллериею в лице артиллерийского генерала, а выбор последнего предоставляется Вашей Светлости. Его Величество думает, что всего ближе дать этот пост А.П. Ермолову.

К у т у з о в. Вот спросите у него (указывая на меня), мы сию минуту об этом только говорили. И я сам хотел просить Государя Императора, чтобы назначен был Ермолов. Да и можно ли назначить лучше кого другого?»<sup>3</sup>

Не все генералы и офицеры русской армии радовались в те декабрьские дни 1812 г. фейерверку царских наград и вы-

<sup>1</sup> См.: Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 350.

<sup>2</sup> Вильсон Р.Т. Указ. соч. С. 283.

<sup>3</sup> Маевский С.И. Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8. С. 164—165. А.П. Ермолов был назначен начальником артиллерии «по всем армиям» 19 декабря.

движений. Слышались и критические голоса. «Раздают много наград, но лишь некоторые даются не случайно, — писал 13 декабря из Вильно генерал-лейтенант Н.Н. Раевский жене Софье Алексеевне. — <...> Кутузов, князь Смоленский, грубо солгал о наших последних делах. Он приписал их себе и получил Георгиевскую ленту»<sup>1</sup>. О Кутузове еще более резко высказался флигель-адъютант полковник А.А. Закревский (будущий граф, генерал от инфантерии, московский генерал-губернатор и министр внутренних дел): «Надели на Старую Камбалу Георгия 1-го класса. Если спросите, за что, то ответа от меня не дождетесь»<sup>2</sup>. «Интриг — пропасть, иному переложили награды, а другому не домерили», — сетовал генерал от инфантерии А.М. Римский-Корсаков в письме к министру внутренних дел академику О.П. Козодавлеву<sup>3</sup>, а лейб-гвардии полковник С.Н. Марин (известный в то время поэт-сатирик) уточнил ту же мысль: «За одного порядочного производятся пять дрянных, чему все свидетели»<sup>4</sup>. Впрочем, одно для всех было тогда неоспоримо: главную роль в победе над Наполеоном сыграл не светлейший князь Кутузов, не Государь Александр Павлович, величественный в своей решимости не идти ни на какой мир с захватчиками, даже не воины России, а сам Господь Бог, или, как тогда говорили, Русский Бог. «Зрелище погибели войск его невероятно! — читаем о Наполеоне в манифесте Александра I от 31 декабря 1812 г. — Кто мог сие сделать? Да познаем в великом деле сем промысл Божий»<sup>5</sup> На памятной медали в честь 1812 г. царь повелел отчеканить: «Не нам, не нам, а имени Твоему»<sup>6</sup>

<sup>1</sup> 1812—1814. Реляции... С. 236. «Наши последние дела» — это бои под Красным 4—6 ноября 1812 г.

<sup>2</sup> Цит. по: Безотосный В.М. Российский титулованный генералитет в 1812—1815 гг. // От Москвы до Парижа (1812—1814). Малоярославец, 1998. С. 36.

<sup>3</sup> Фельдмаршал Кутузов. С. 275.

<sup>4</sup> Марин С.Н., Милонов М.В. Стихотворения. Драматические произведения, сцены и отрывки. Письма. Воронеж, 1983. С. 147.

<sup>5</sup> ВУА. Т. 21. С. 256.

<sup>6</sup> Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 409.

Как бы то ни было, все в русской армии — от последнего солдата до Самодержца Всея Руси — готовились к заграничному походу. Кутузов из Вильно обратился с воззваниями к населению Пруссии и к французским солдатам. Если пруссаки встретили, что называется, на ура клич «присоединиться к российским армиям» для борьбы с Наполеоном<sup>1</sup>, то французы на призыв восстать против «жесточкого рабства», в котором держит их «узурпатор Буонапарт»<sup>2</sup>, не откликнулись. 21 декабря в приказе по войскам по случаю изгнания врага из России Кутузов так определил их дальнейшую задачу: «Пройдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его»<sup>3</sup>.

Александр I, лично убедившись в том, сколь необходимы для победы российских войск отдых и подкрепления, разрешил им отдыхать в Вильно даже не две, как просил Кутузов, а почти четыре недели. Лишь 24 декабря Главная армия под командованием Кутузова и в присутствии Императора выступила из Вильно в заграничный поход и 1 января нового 1813 г. перешла Неман<sup>4</sup>.

## 5. ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

В приказе по войскам от 25 декабря 1812 г. Александр I так объяснил цель их похода в чужие страны: «Вы идете доставить себе спокойствие, а им — свободу и независимость»<sup>5</sup>. Кутузов, естественно, поддерживал своего Государя, обещая от его имени в специальном воззвании к «народам германским» «возвращение их свободы и независимости»<sup>6</sup>. И таково было тогда совершенно искреннее настроение большинства российских солдат и офицеров<sup>7</sup>. Конечно, после разгрома империи

Наполеона выяснится сакраментальная цель всех семи антинаполеоновских коалиций, а именно — возвращение народов Европы из-под наполеоновского диктата под власть прежних, свергнутых революциями династий и установление нового «европейского порядка» под наблюдением Священного союза монархов во главе с русским Императором. Не будем здесь полемизировать, «хорошо» это было или «плохо». Свой взгляд на идеологию этого процесса как *непрогрессивного* я изложил в ранее вышедшей книге<sup>1</sup>, хотя знал и знаю, что иные историки и в наши дни полагают, что Александр I и Кутузов вели русские войска за рубеж с единственной целью — действительно освободить Европу от наполеоновской тирании<sup>2</sup>.

Если у Кутузова были сомнения в том, как рациональнее для России готовить заграничный поход, надо ли с ним спешить и нужен ли он вообще, то Александр I был настроен более чем решительно. Будучи в Вильно, он признался графине С. Шуазель-Гуффье: «Эта несчастная кампания стоила мне десятка лет жизни»<sup>3</sup>. Действительно, за 1812 год он столько пережил, мужественно держась своей линии не идти ни на какие условия мира с Наполеоном, что Н.Г. Чернышевский с полным основанием включал его стойкость в перечень решающих факторов русской победы: «Главнейшими же причинами нашего торжества в 1812 г. должны быть признаваемые твердая решимость Императора Александра Благословенного, патриотизм народа, мужество наших армий и искусство полководцев»<sup>4</sup>. Кстати, советские историки цитировали это высказывание Чернышевского, изъав из него все относящиеся к царю и, как правило, даже не обозначив пропуск отточием<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы Российского Министерства иностранных дел. М., 1962. Сер. I. Т. 6. С. 680.

<sup>2</sup> Там же. С. 679.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 634.

<sup>4</sup> См. там же. Т. 5. С. 47—48.

<sup>5</sup> Цит. по: Бессмертная эпопея. М., 1988. С. 43.

<sup>6</sup> М.И. Кутузов. Т. 5. С. 408.

<sup>7</sup> См.: Бессмертная эпопея. С. 44—45.

<sup>1</sup> Подробно об этом см.: Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 262—267.

<sup>2</sup> Абаляхин Б.С. 1812 год. С. 9; Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 г. С. 249.

<sup>3</sup> Шуазель-Гуффье С. Указ. соч. С. 106.

<sup>4</sup> Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 490.

<sup>5</sup> См.: Жилин П.А. О войне и военной истории. М., 1984. С. 453; Недаром помнит вся Россия. С. 196; Бородино. 1812. С. 86; Встречи с историей. М., 1987. С. 78.

Пережив взлет от глубочайшего унижения к высочайшему торжеству, Александр I теперь, когда непобедимый доселе враг был побежден, не хотел останавливаться на достигнутом. Он решил, что недостаточно отомстить врагу за Аустерлиц и Фридланд, Смоленск и Москву, за позор Тильзита только изгнанием его из России. Теперь Император посчитал возможным достроить 6-ю коалицию<sup>1</sup>, возглавить ее и стать на правах коалиционного вождя Агамемноном Европы. Ради этого он проявил столько инициативы, настойчивости и энергии, что можно согласиться с мнением ряда русских дворянских историков: «Без Александра не было бы войны 1813 г.»<sup>2</sup>.

С первых же дней заграничного похода Александр I старался быть не просто во главе, но и на виду у всех. Наблюдая за ним по пути от Плоцка до Калиша, А.И. Михайловский-Данилевский записал в дневнике: «Государь был всегда верхом, одетый щеголем; удовольствие не сходило с прекрасного лица его»<sup>3</sup>. Казалось, что даже то подчеркнутое внимание, которым царь окружал в те дни слабеющего от недугов фельдмаршала, доставляло ему самому удовольствие. Кутузов, по воспоминаниям того же Михайловского-Данилевского, «хотя и не имел, как в Отечественную войну, диктаторской власти, но без воли его ни к чему не приступали. Когда недуги не позволяли ему лично докладывать Императору по делам, Его Величество приходил к нему сам и, часто заставая не одетым старца, увенчанного лаврами, занимался с ним делами в его кабинете. Вообще Император обращался с ним со всевозможным уважением; казалось, он хотел вознаградить его за те неудовольствия, которые ему делаются были от двора со времен Аустерлицкого сражения»<sup>4</sup>.

Теперь мы знаем, что «всевозможное уважение» Императора к фельдмаршалу было чисто внешним. Главный штаб уже

<sup>1</sup> Начало 6-й коалиции положили союзные договоры России с Англией 6 (18) июля, Испанией 8 (20) июля и Швецией 24 марта (5 апреля) и 18 (30) августа 1812 г. (См.: Внешняя политика России XIX — начала XX в. Сер. 1. Т. 6. Док. № 199, 202, 230).

<sup>2</sup> Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 137.

<sup>3</sup> 1812 год. Военные дневники. М., 1990. С. 317.

<sup>4</sup> Там же. С. 324.

возглавлял князь П.М. Волконский. Дежурный генерал и правая рука Кутузова П.П. Коновницын был спроважен «в отпуск»<sup>1</sup>, а на его место назначен полковник из Императорской свиты Н.И. Селявин. Что касается барона К.Ф. Толя, оставленного в должности генерал-квартирмейстера, то он, естественно, старался услужить монарху еще ревностнее, чем фельдмаршалу. Дело не в том, что Александр I «принимал решения сам»<sup>2</sup>, а в том, что любые решения, исходившие от Главного штаба или же непосредственно от Кутузова, контролировал и нацеливал их на *форсированное* наступление вслед за остатками «Великой армии» Наполеона. Кутузов мог только ворчать в своем обычном духе: «Самое легкое дело — идти теперь за Эльбу, но как воротимся? С рылом в крови!»<sup>3</sup>

Численность русских войск под командованием Кутузова по сводной ведомости от 23 января 1813 г. составляла 138 318 человек при 645 орудиях<sup>4</sup>. Армия пополнялась за счет резервных частей, а также присоединения к ней отставших и выздоровевших солдат. Тем временем спешили к ней соединения ополченцев: по ведомости от 26 января в пути за кордон были 65 тыс. ратников<sup>5</sup>. Важное изменение последовало в руководстве войсками: после неоднократных просьб адмирала П.В. Чичагова об отставке (адмирал, естественно, был оскорблен подозрениями в измене) 31 января 1813 г. Кутузов сообщил Чичагову, что Александр I наконец «уважил» его прошение «по случаю болезни» и назначил вместо него командующим 3-й Западной армией Барклая-де-Толли<sup>6</sup>.

Руководство войсками, координация действий трех армий и обеспечение их всем необходимым отнимали у Кутузова много времени и сил. Он старался вникать во все: подписывал распоряжения о заготовке продовольствия и фуража по пути

<sup>1</sup> См.: Михайловский-Данилевский А.И. Александр I и его сподвижники... СПб., 1845. Вып. 25. С. 9.

<sup>2</sup> Отечественная война и русское общество. Т. 6. С. 24.

<sup>3</sup> Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 142.

<sup>4</sup> М.И. Кутузов. Т. 5. С. 115.

<sup>5</sup> Там же. С. 183—184.

<sup>6</sup> Там же. С. 213—214.

следования войск, об организации полковых аптек, о закупке сукна на обмундирование, о доставке из Вильно в Калиш сапог для воинов, об устройстве бань<sup>1</sup> и т. д. При этом он успевал (невзирая на занятость и болезни) поволочиться за нежным полом. А.И. Михайловский-Данилевский застал его однажды (на балу в Калише, «в комнате, удаленной от танцевальной заль») «привязывавшим ленты у башмаков прекрасной 16-летней польки Маячевской»<sup>2</sup>.

Именно в Калише 15—16 (27—28) февраля Кутузов по поручению Александра I подписал с государственным канцлером Пруссии К.-А. фон Гарденбергом договор о «наступательном и оборонительном союзе» между Россией и Пруссией для борьбы с Наполеоном<sup>3</sup>. Так к 6-й коалиции присоединилась Пруссия. Михаил Илларионович тут же, 15 (27) февраля, написал жене о своей радости: «Это даст нам тысяч сто войска»<sup>4</sup>. Со временем так и вышло. Летом 1813 г. в составе войск 6-й коалиции было уже 168,5 тыс. пруссаков<sup>5</sup>. Но Кутузов до этого не дожил. По ведомости от 3 (15) апреля 1813 г. числилось под его командованием 55 694 прусских солдат и офицеров<sup>6</sup>.

Жители Пруссии, натерпевшиеся страха от Наполеона с 1806 г., теперь встречали русские войска с восторгом, как освободителей. «Вообразить нельзя, как мы приняты в Пруссии, — писал Кутузов жене. — Никогда ни прусского короля, ни его войска так не принимали»<sup>7</sup>. Особенно горячий прием был оказан Кутузову. «Воздух сотрясаясь от восклицаний: «Vivat, rara Kutusof», — свидетельствовал А.И. Михайловский-Данилевский. — Растроганный фельдмаршал, призвавши меня к себе,

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 5. С. 44, 71, 139, 264, 357, 366.

<sup>2</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Записки о походе 1813 г. СПб., 1834. С. 67.

<sup>3</sup> См.: М.И. Кутузов. Т. 5. С. 276—281 (полный текст договора и секретных статей к нему).

<sup>4</sup> Там же. С. 281.

<sup>5</sup> См.: Богданович М.И. История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. СПб., 1863. Т. 1. С. 446.

<sup>6</sup> М.И. Кутузов. Т. 5. С. 519.

<sup>7</sup> Там же. С. 98.

сказал: «Опиши, как можно повернее, в военном журнале встречу, нам сделанную в Силезии»<sup>1</sup>. Разумеется, пруссаки не забывали приветствовать и Александра I. Так, в Иоганнесбурге «перед окнами Государя воздвигли пирамиду с транспарантом, на котором красовалась надпись: «Слава Освободителю Европы Александру Великому!» Народ запрудил улицу, и не смогло «ура» по адресу России»<sup>2</sup>. Но Александр I благородно «подставлял» под эти приветствия Кутузова. Когда жители г. Штейнау на Одере поднесли Александру лавровый венок, «Государь отослал его к князю Кутузову»<sup>3</sup>.

Апогеем демонстраций русско-прусской дружбы стала встреча Александра I с королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом III в Бреслау 3 (15) марта. Король выехал навстречу Императору к силезской границе. Александр, увидев его, «вышел из коляски и бросился к нему в объятия; молча несколько минут они прижимали один другого к сердцу», а потом вместе въехали в Бреслау «при колокольном звоне и громе орудий»<sup>4</sup>. 9 (21) марта Фридрих-Вильгельм нанес ответный визит Александру I в Калише. Русская армия по этому случаю выстроилась на высотах близ города под начальством Кутузова. Михаил Илларионович, не имея сил держаться на лошади, «стоял впереди строя»<sup>5</sup>.

Перед отъездом из Калиша Фридрих-Вильгельм III наградил Кутузова сразу двумя высшими орденами Пруссии — Черного Орла и Красного Орла — и предложил ему прусское гражданство (дополнительно к российскому) с имением в придачу. Фельдмаршал ордена принял, но гражданство прусское с благодарностью отклонил, заявив: «Император Александр никогда не допустит, чтобы я или кто-либо из детей моих в чем-нибудь нуждался»<sup>6</sup>. Уведомляя об этом жену, Михаил Илларионович заметил: «Орден здесь [король]

<sup>1</sup> 1812 год. Военные дневники. С. 326.

<sup>2</sup> Пушкин П.С. Дневник. С. 82.

<sup>3</sup> 1812 год. Военные дневники. С. 237.

<sup>4</sup> Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 142.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> М.И. Кутузов. Т. 5. С. 483.



больше никому не давал, чтобы не поравнять кого-нибудь со мною»<sup>1</sup>.

С гораздо большим трудом удалось Александру I (уже после смерти Кутузова) вовлечь в 6-ю коалицию другого традиционного союзника России — Австрию. Здесь все осложняло тот факт, что дочь австрийского императора Франца I Мария-Луиза была замужем за Наполеоном и, стало быть, занимала императорский трон во Франции. Александр I рассчитывал, что Франц поставит солидарность законных монархов великих держав выше брачных уз своей дочери, и в конце концов этот его расчет оправдался, но далеко не сразу. С того дня, 3 (15) марта, когда Александр I из Бреслау, сразу после встречи с Фридрихом-Вильгельмом III, написал Францу I: «Я <...> продолжил бы свою поездку до Вены, чтобы забыть в Ваших объятиях о прошлом и возобновить В[ашему] В[еличест]ву заверения в моей искреннейшей привязанности»<sup>2</sup>, — прошли долгие месяцы, прежде чем удалось заключить в Рейхенбахе 15 (27) июня 1813 г. русско-прусско-австрийскую *союзную конвенцию*, что означало присоединение Австрии к 6-й коалиции<sup>3</sup>.

Тем не менее Кутузов успел внести и свой вклад в привлечение Австрии на сторону России, нейтрализовав корпус К.Ф. Шварценберга. Это позволило русским войскам под командованием М.А. Милорадовича 27 января (8 февраля) 1813 г. без единого выстрела занять Варшаву, причем и на этот раз ключи от города поднес Милорадовичу «тот самый чиновник, который в 1794 г. вручал их Суворову»<sup>4</sup>.

В Польше Кутузов снова отлично проявил себя и как администратор. Именно он разработал положение о Временном правительстве Варшавского герцогства, утвержденное Александром I 1 (13) марта. Весь состав правительства под названием Верховный временный совет (президент, вице-президент и три советника) назначался российским Императором и, «кро-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 5. С. 483.

<sup>2</sup> Внешняя политика России XIX — начала XX в. Сер. I. Т. 7. С. 97.

<sup>3</sup> См. там же. С. 259—263 (полный текст конвенции).

<sup>4</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Записки о походе 1813 г. С. 21.

ме Именных Высочайших указов и предписаний главнокомандующего армиями, ни от чьих более повелений не зависел»<sup>1</sup>. Он был призван управлять герцогством при сохранении (под своим «строгим и бдительным» контролем) прежнего гражданского порядка и даже «всех местных начальств»<sup>2</sup>. Президентом совета был назначен действительный тайный советник В.С. Ланской (бывший саратовский губернатор и будущий министр внутренних дел), вице-президентом — тайный советник Н.Н. Новосильцев (бывший президент Академии наук, член Негласного комитета при Александре I в 1801—1804 гг. и будущий председатель Государственного совета, Кабинета министров Российской империи, граф)<sup>3</sup>.

Кутузов попытался было «назначить депутацию» из членов совета, которая могла бы воздействовать на князя Ю. Понятовского<sup>4</sup>, «дабы он <...> оставил намерение сопротивляться оружием»<sup>5</sup>, но эта затея фельдмаршалу не удалась: Понятовский остался верен Наполеону и погиб в битве под Лейпцигом.

По мнению современных биографов Кутузова, Михаил Илларионович блистал административными деяниями и на немецкой земле, а именно «учредил Административный совет союзных государств Северной Германии» и «с одобрения Александра I назначил президентом этого совета прусского барона Штейна»<sup>6</sup>. Здесь налицо преувеличение. В действительности Кутузов 26 марта (7 апреля) подписал лишь *объявление* о том, что «Его Величество Император всероссийский и Его Величество король прусский соизволили придти к решению об учреждении Административного совета» и что «временным прези-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 5. С. 330.

<sup>2</sup> Там же. С. 331.

<sup>3</sup> См. там же. С. 338.

<sup>4</sup> Понятовский Юзеф (1763—1813) — бывший военный министр Варшавского герцогства, в 1812—1813 гг. командующий 5-м (польским) корпусом в армии Наполеона. С 17 октября 1813 г. маршал Франции, единственный из 26 наполеоновских маршалов иностранец.

<sup>5</sup> М.И. Кутузов. Т. 5. С. 439 (секретное письмо М.И. Кутузова к В.С. Ланскому от 18 (30) марта 1813 г.).

<sup>6</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 368, 369.

дентом Совета Их Величества соблаговолили назначить барона Карла фон Штейна»<sup>1</sup>.

Тем временем военные дела шли у россиян более чем успешно. Пока Наполеон собирал во Франции новую армию, русские войска (уже вместе с прусскими) продолжали свое, можно сказать, «триумфальное шествие» от Немана к Эльбе. Разрозненные остатки «Великой армии» и гарнизоны отдельных крепостей не могли противостоять русско-прусскому наступлению. Кутузов, однако, и теперь осторожничал, не форсируя хода военных действий. Сэр Р. Вильсон продолжал иронизировать над ним: «Было бы недурно для исторической правды изобразить Светлейшего глубоко спящим в своих дрожках, которые гонятся за Бонапартом»<sup>2</sup>. Но светлейший предпочитал не торопиться, подтягивая резервы и занимая превосходящими силами опорные пункты неприятеля.

Еще 24 декабря 1812 г. (5 января 1813 г.), за месяц до вступления в Варшаву, русские войска под командованием П.Х. Витгенштейна заняли Кенигсберг — древнюю столицу Пруссии<sup>3</sup>, а 20 февраля (4 марта) авангард того же Витгенштейна во главе с генерал-майором А.И. Чернышевым (будущим светлейшим князем) на плечах отступавшего противника вошел в Берлин. «Радостное изумление жителей выше описания, — докладывал Чернышев Витгенштейну о том, как приняли россиян в Берлине. — Все сословия, все лета, сами женщины приветствовали входящее войско, вознося до небес драгоценное имя милостивого монарха <...>. Каждый воин был облобызан толпящимися тысячами народа»<sup>4</sup>. 22 февраля (6 марта) Кутузов с гордостью написал жене: «Итак, вышед из пределов своих, мы уже занимаем третью столицу»<sup>5</sup>.

На этом шествие войск Кутузова по европейским столицам не закончилось. 15 (27) марта русский авангард генерала барона Ф.Ф. Винценгероде при поддержке гусар прусского гене-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 5. С. 484.

<sup>2</sup> Вильсон Р.Т. Указ. соч. С. 244.

<sup>3</sup> М.И. Кутузов. Т. 5. С. 33.

<sup>4</sup> Там же. С. 300.

<sup>5</sup> Там же. С. 303.

рала Г.-Л. Блюхера без боя занял Дрезден — столицу Саксонии. «Вот и четвертая столица» — доложил Михаил Илларионович своей Екатерине Ильиничне<sup>1</sup>.

Последним торжеством русских войск, которое успел пережить уже изнемогавший от трудов и недугов фельдмаршал, стала капитуляция крепости Торн перед войсками М.Б. Барк-лая-де-Толли. Предписав «всем войскам» по этому поводу «принести торжественно благодарственное молебствие к Господу Богу», Кутузов уведомил своих генералов о необычных условиях капитуляции: «Весь гарнизон 6(18) апреля вышел из крепости обезоруженный и получает направление восвояси с тем, чтобы в течение нынешнего года не служить противу России и ее союзников»<sup>2</sup>.

Между тем здоровье фельдмаршала становилось все хуже. «Покой мне нужен, я устал, как давно мне покою не было», — жалуется он Екатерине Ильиничне в письме от 31 марта (12 апреля)<sup>3</sup>. 4—6 (16—18) апреля при переезде (вместе с Александром I) из Гайнау в Бунцау по дороге на Дрезден Михаил Илларионович простудился и слег. Император оставил при нем князя П.М. Волконского, барона К.Ф. Толя, лейб-медика Я.В. Виллие и отправился далее в Дрезден, куда стягивались главные силы армии. 10 (22) апреля проездом через Бунцау в Дрезден навестил Кутузова Фридрих-Вильгельм III. Он тоже оставил у фельдмаршала своего лейб-медика и сообщил, что им «велено быть сюда» из Бреслау медицинскому светилу К.-В. Гуфеланду<sup>4</sup>. В тот же день Михаил Илларионович написал Александру I: «Я действительно в отчаянии от своей длительной болезни и день ото дня чувствую себя все слабее»<sup>5</sup>. Следующим днем, 11 (23) апреля, датировано его последнее, предсмертное письмо жене: «Я к тебе, мой друг, пишу в первый раз чужою рукою, чему ты удивишься, а мо-

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 5.

<sup>2</sup> Там же. С. 545.

<sup>3</sup> Там же. С. 509.

<sup>4</sup> Там же. С. 551. Гуфеланд Кристоф Вильгельм (1762—1836) — академик, немецкий терапевт с мировым именем, один из основателей Берлинского университета, основоположник геронтологии.

<sup>5</sup> Там же. С. 549.

жет быть, и испугаешься, — болезнь такого рода, что в правой руке отнялась чувствительность перстов...»<sup>1</sup>

Диагноз смертельной болезни Кутузова в разных источниках толкуется по-разному: «нервическая горячка, осложненная паралитическими явлениями», «тяжелая форма полиневрита», «заразная лихорадка» и даже «рак внутренностей»<sup>2</sup>. Во всяком случае, ни Виллие, ни Гуфеланд спасти фельдмаршала не смогли. 16 (28) апреля в 21 час 30 минут в старинном особняке силезского города Бунцлау (ныне г. Болеславец в Польше) светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский скончался.

Время от времени в литературе (научной и художественной) донныне повторяется легенда о разговоре, который будто бы имел Александр I с Кутузовым 15 (27) апреля у смертного одра Михаила Илларионовича. Скрывшийся за ширмами возле постели Кутузова один из чиновников его штаба, некто Крупенников, подслушал якобы такой диалог: «Прости меня, Михаил Илларионович!» — «Я прощаю, Государь, но Россия вам *этого* (?! — Н. Т.) никогда не простит»<sup>3</sup>. Опровергли эту легенду Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев. Они проследили по документам, день за днем, все передвижения Александра I и установили, что Император уехал из Бунцлау 7 (19) апреля, еще до начала смертельной болезни Кутузова, а 12 (24) апреля был уже в Дрездене, где оставался по 17 (29) апреля<sup>4</sup>. Выходит, что у смертного одра Кутузова Александр I не был и, стало быть, прощения у фельдмаршала (неизвестно за что!) не просил.

Живучей оказалась и другая легенда в связи со смертью Кутузова — о том, что сердце фельдмаршала было захоронено

<sup>1</sup> М.И. Кутузов. Т. 5. С. 550.

<sup>2</sup> Мелентьев В.Д. Кутузов в Петербурге. Л., 1986. С. 164; Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 373; Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 130.

<sup>3</sup> Тарле Е.В. Соч. Т. 7. С. 731; Брагин М.Г. Указ. соч. С. 218; Чиждова И.Б. «Души волшебное светило...» Л., 1988. С. 211; Андрианова И.А. Спаситель Отечества. М.; Смоленск, 1999. С. 279; Никитин А.В. России верные сыны. М., 1955. С. 13.

<sup>4</sup> См.: Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 373—375.

но в Бунцлау. Проникшая не только в художественную, но и в научную литературу, и даже на страницы Большой советской энциклопедии<sup>1</sup>, эта легенда неоднократно опровергалась. Самым убедительным из ее опровержений можно считать акт о вскрытии склепа с захоронением Кутузова от 4 сентября 1933 г. Акт был составлен комиссией под председательством директора Музея истории религии и атеизма АН СССР профессора В.Г. Богораза-Тана и гласил следующее: «По вскрытии склепа обнаружен сосновый гроб (обтянутый красным бархатом с золотым позументом), в котором оказался цинковый гроб, завинченный болтами, внутри которого обнаружен костяк с остатками сгнившей материи. Слева в головах обнаружена серебряная банка, в которой находится набальзамированное сердце»<sup>2</sup>.

После смерти Кутузова доктор Виллие и местный врач Вислизенус произвели вскрытие тела. После вскрытия Вислизенус заметил: «Сердце в нем оказалось удивительной величины <...>. Если бы Светлейший князь не имел упомянутой выше сего внутренней болезни и перенес приключившуюся ему простуду, то жил бы до ста лет с лишним»<sup>3</sup>. Тело покойного было набальзамировано и положено в цинковый гроб. В изголовье гроба, отдельно от тела, положили и заспиртованное в серебряном сосуде сердце фельдмаршала. Гроб с набальзамированным телом и сердцем 27 апреля (9 мая) 1813 г. в сопровождении кутузовского адъютанта К.А. Дзичканца был отправлен в Петербург, а часть останков (внутренние органы, удаленные при набальзамировании) захоронены на кладбище Бунцлау — в трех километрах от города; у д. Обер-Тиллендорф (ныне Болеславица в Польше). Немецкие патриоты, благодарные Кутузову за избавление от наполеоновского диктата, воздвигли ему памят-

<sup>1</sup> См., например: Пунин А.Н. Фельдмаршал Кутузов. М., 1957. С. 220; БСЭ. 2-е изд. М., 1953. Т. 24. С. 147. Подробно об этой легенде см.: Мелентьев В.Д. Указ. соч. С. 192—196.

<sup>2</sup> Акт впервые опубликован по архивному подлиннику, с точным обозначением его адреса, в указ. соч. В.Д. Мелентьева (С. 196) и вторично, 6 лет спустя, с глухой ссылкой «Из собрания Музея атеизма» — в журнале «Родина» (1992. № 6—7. С. 79).

<sup>3</sup> Цит. по: Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 373.

ники в Обер-Тиллендорфе (сразу после захоронения части его останков), в Берлине (1818 г.) и на центральной площади Бунцлау (1821 г.)<sup>1</sup>. На памятнике в Бунцлау (чугунный обелиск весом в 60 тонн и высотой 11 м 63 см с лежащими у его подножия четырьмя львами) сохраняется надпись: «До сих мест довел князь Кутузов-Смоленский победоносные российские войска, но здесь положила смерть предел славным дням его. Он спас Отечество свое, он открыл путь к избавлению народов, да будет благословенна память героя! Ему посвятил сей скромный памятник Фридрих-Вильгельм III»<sup>2</sup>.

Александр I, «к неопишному прискорбию» своему, узнал о смерти Кутузова 18 (30) апреля в Фробурге близ Лютцена<sup>3</sup>. Сюда уже спешил Наполеон во главе новой 150-тысячной армии, которую он успел собрать «как из-под земли, как в сказке»<sup>4</sup>. Понимая, сколь болезненно воспримут русские войска тот факт, что они перед самой битвой с Наполеоном остались без главнокомандующего, Александр I «приказал содержать в тайне известие о его кончине и не объявлять об оной прежде сражения»<sup>5</sup>. А.И. Михайловский-Данилевский написал даже в «Журнале военных действий», что «войска после него *осиротели*, но слово сие было вымарано государем»<sup>6</sup>.

На вопрос, где похоронить Кутузова, Александр I ответил: «Мне кажется приличным положить его в Казанском соборе, украшенном его трофеями»<sup>7</sup>. С Казанским собором<sup>8</sup> Кутузов был связан особо: будучи петербургским генерал-губернатором, он содействовал постройке собора; отсюда, после торжествен-

<sup>1</sup> Подробно об этом см.: Мелентьев В.Д. Указ. соч. С. 164—166; Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 373, 375—377.

<sup>2</sup> М.И. Кутузов. Т. 5. С. 571.

<sup>3</sup> Там же. С. 560.

<sup>4</sup> Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М., 1980. С. 706.

<sup>5</sup> Михайловский-Данилевский А.И. Записки о походе 1813 г. С. 130—131.

<sup>6</sup> 1812 год. Военные дневники. С. 331.

<sup>7</sup> Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 382.

<sup>8</sup> Казанский собор в Петербурге сооружен по проекту гениального архитектора А.Н. Воронихина в 1801—1811 гг. С 1932 г. в нем был размещен Музей истории религии и атеизма АН СССР (с 1990 г. — Музей истории религии РАН).

ного молебна по случаю его назначения главнокомандующим, он отправился в действующую армию и сюда присылал военные трофеи россиян — знамена, штандарты, маршальский жезл Даву, ключи от крепостей, а также отнятое у французов русское золото, из которого позднее был изготовлен иконостас собора. 25 апреля (7 мая) Александр I направил Екатерине Ильиничне Кутузовой проникновенное письмо. В нем говорилось: «Не вы одни проливаете о нем слезы, с вами плачу я и плачет вся Россия»<sup>1</sup>.

Похороны Кутузова действительно исторгли слезы у всех, кто видел их или хотя бы слышал о них. 11 (23) июня гроб с телом фельдмаршала привезли в Петербург, внесли в Казанский собор и поставили на катафалк, сооруженный по проекту самого А.Н. Воронихина. При этом, как вспоминал очевидец Н.И. Тургенев, «за две версты от города лошадей остановили, и народ с нетерпением просил позволения выпрячь их и везти гроб на себе, что и сделал <...>. Все улицы, где везли фельдмаршала, были заполнены народом, все зрители плакали»<sup>2</sup>. Два дня петербуржцы и приезжие из разных мест прощались с фельдмаршалом, а 13 (25) июня гроб с его телом и заспиртованным сердцем был опущен в специально подготовленную нишу центральной залы Казанского собора.

Здесь уместно проститься и с очередной легендой вокруг имени Кутузова — с легендой о том, что семья фельдмаршала якобы и при жизни его, и особенно после смерти бедствовала по вине Александра I, который-де отказывал ей в помощи<sup>3</sup>. Мало того что Император выдавал фельдмаршалу единовременно крупные суммы (50 тыс. руб. для уплаты долгов «нажитых на службе», 100 тыс. руб. за «победу» в Бородинской битве) и дорогие подарки (собственный портрет с бриллиантами, шпагу с алмазами). Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев установили по архивным документам, что после смерти Кутузова Александр I

<sup>1</sup> Бумаги П.И. Щукина. Ч. 7. С. 404.

<sup>2</sup> 1812 год. Военные дневники. С. 351.

<sup>3</sup> См., например: Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. С. 335—336; Мелентьев В.Д. Указ. соч. С. 123; Брагин М.Г. Указ. соч. С. 218.

Именным указом от 4 декабря 1813 г. назначил вдове покойного Екатерине Ильиничне пенсioen в размере жалованья, которое получал Кутузов в заграничном походе, т. е. более 86 тыс. руб. в год. Сверх того, 30 августа 1814 г. Александр I предписал министерству финансов «выдать на заплату долгов вдовствующей супруге его (Кутузова. — Н. Т.) 150 тысяч рублей и каждой из его дочерей по 50 тысяч рублей из Государственного казначейства». «Общая выплата без пенсионера составила 400 тыс. рублей! — подытоживают Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев. — Сумма по тем временам была немалая, равная фельдмаршальскому жалованью за 5 лет»<sup>1</sup>.

Итак, Кутузов умер за четыре дня до новой встречи с Наполеоном: уже 2 мая 1813 г. Наполеон дал сражение русско-прусской армии при Лютцене. Главкомандующим союзными войсками вместо Кутузова был назначен генерал от кавалерии граф П.Х. Виттенштейн, овеянный славой побед 1812 г. над наполеоновскими маршалами (пруссакам, кроме того, конечно же импонировала и его немецкая фамилия). Выяснилось, однако, что со смертью Кутузова военное счастье словно бы отвернулось от союзников. Конечно, на чужой земле войска дерутся, как правило, не так воодушевленно, как на родной: с началом кампаний 1813 г. русские лишились преимуществ «своего поля», но таковые приобрели пруссаки.

Как бы то ни было, но Наполеон начал бить русско-прусские, а затем и австрийские войска в битве за битвой: под Лютценом, Бауценом, Дрезденом. Хотя против него поднялась фактически вся Европа, он сумел продержаться в борьбе с ней еще почти два года, но восстановить былое могущество своей империи, как перед нашествием на Россию, он уже не мог. «Агония наполеоновской мировой монархии длилась необычайно долго, — заключал самый авторитетный из историков 1812 г. Е.В. Тарле. — Но смертельную рану всемирному завоевателю нанес русский народ в Двенадцатом году»<sup>2</sup>.

Добавляю от себя: *под предводительством Кутузова.*

<sup>1</sup> Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Указ. соч. С. 376.

<sup>2</sup> Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 7. С. 732.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я щастлив, предводительствуя русскими! Но какой полководец не поража л врагов, подобно мне, с сим мужественным народом!

М.И. Кутузов — калужскому купеческому обществу  
5 декабря 1812 г.

Кутузов предводительствовал русскими войсками в Отечественной войне с августа 1812 года. Но с точки зрения вклада в победу России над Наполеоном больше, пожалуй, сделал Барклай-де-Толли. Он как военный министр подготовил русскую армию к войне, и он же спас ее в самое трудное для России время войны. Поэтому такой знаток 1812 г., как художник-баталист В.В. Верещагин, именно Барклая считал «истинным спасителем России»<sup>1</sup>, хотя, конечно, дело не столько в Барклае (или в Кутузове), сколько в совокупности сил армии и народа, мобилизацию которых начал Барклай, а продолжил и завершил Кутузов. Во всяком случае, Барклай-де-Толли, уезжая из армии (уже после оставления Москвы), имел основания заявить: «Я ввез экипаж на гору, а с горы он скатится сам при малом руководстве»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Верещагин В.В. Избр. письма. М., 1981. С. 205.

<sup>2</sup> Löwenstein W. Denkwürdigkeiten eines Livländers (1790—1815). Leipzig, 1858. Bd. 1. S. 246.

Еще до Бородина, а в особенности после пожара Москвы, стало ясно для наиболее проницательных современников (не говоря уже о позднейших историках), что Наполеон войну проиграл — не Кутузову и не Барклаю, а русскому народу. Барклай-де-Толли прямо говорил своему адъютанту В.И. Левенштерну еще в Тарутине: «Я считал дело Наполеона проигранным с того момента, как он двинулся от Смоленска к столице. Это убеждение перешло у меня в уверенность с той минуты, как он вступил в Москву»<sup>1</sup>. В те же дни, когда Наполеон хозяйничал в Москве, дежурный генерал 2-й Западной армии С.Н. Марин и полковник П.А. Кикин, исполнявший обязанности дежурного генерала 1-й Западной армии, со всей определенностью внушали своим корреспондентам: «обстоятельства <...> ведут неприятеля к бездне», «остается одно отступление и то по дурным дорогам с изнуренными лошадьми и имея одну армию перед собою, другую на его дороге, [которые] не обещают ему ничего доброго»<sup>2</sup>.

Из Москвы Наполеон уходил фактически побежденным. Кутузову оставалось только надлежало *проводить* его. Это мог сделать тогда *на месте* Кутузова и любой другой из высших российских военачальников, а Барклай-де-Толли или, может быть, Беннигсен даже лучше его (если бы не ввязались в какие-либо необдуманные сражения и не проиграли их, как это много раз происходило в 1813 г., уже без Кутузова. — *Ред.*). В таком случае это позволило бы России избежать еще двух лет тяжелейшей борьбы с Наполеоном. Сам Кутузов, с его умом, без сомнения, понимал это. Не случайно он удалил из армии именно этих двух, самых опасных для него соперников по славе — первого, более опасного, еще перед началом, а второго в ходе «проводов» Наполеона. Барклай так и понял подспудный смысл своего удаления. «Фельдмаршал не хочет ни с кем разделить славу изгнания»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Левенштерн В.И. Записки // Русская старина. 1901. № 1. С. 110.

<sup>2</sup> «К чести России». Из частной переписки 1812 г. М., 1988. С. 125, 148.

<sup>3</sup> Левенштерн В.И. Записки. С. 110.

Только при специфическом руководстве боевыми действиями россиян со стороны Кутузова стал возможным беспрецедентный в истории войн феномен: за все время кампании 1812 г., в ходе которой «Великая армия» Наполеона была большей частью истреблена, а ее остатки изгнаны из пределов России, сам Кутузов *не выиграл* (а Наполеон, соответственно, не проиграл) ни одного большого сражения.

Гениальный Пушкин поставил Барклаю-де-Толли свой, поэтический, памятник. Вспомним еще раз строки из его «Полководца», написанного в 1835 г.:

О, вождь несчастливый, суров был жребий твой,  
Все в жертву ты принес земле тебе чужой.  
Непроницаемый для взгляда черни дикой,  
Один ты шел в молчании великом.  
И в имени твоём звук чуждый не взлюбя,  
Своими криками преследуя тебя,  
Народ, таинственно спасаемый тобою,  
Ругался над твоей священной сединою.

Отметим же, к чести российской власти и общественности, что и М.Б. Барклай-де-Толли, и Л.Л. Беннигсен вскоре были возвращены на самые высокие позиции в русской и союзнической армии.

Барклай-де-Толли, как и Кутузов, стал генерал-фельдмаршалом, князем и вторым в нашей истории кавалером ордена Святого Георгия всех четырех степеней. А в декабре 1837 г. в Петербурге у Казанского собора торжественно и *одновременно* были открыты памятники и Кутузову, и Барклаю-де-Толли. Справедливость, можно сказать, восторжествовала.

С 1947 г. советские, а частью и постсоветские историки развивали сакраментальную версию о том, что Кутузов как полководец выше Наполеона. «Последний из могикан» этой версии Б.С. Абаляхин, скончавшийся в 1994 г., отстаивает ее даже посмертно — в издании 2000 г.<sup>1</sup> Между тем сравнивать *лично* Кутузова и Наполеона нельзя ввиду очевидной несоизмерности их величин, как нельзя сравнивать, например,

<sup>1</sup> Абаляхин Б.С. 1812 год: актуальные проблемы истории. Элиста, 2000. С. 10.

лисицу и льва. Наполеон — величина мировая, Кутузов — национальная. По совокупности дарований и масштабам содеянного я поставил бы Наполеона *впереди* таких величайших военно-политических гениев всемирной истории, как Александр Македонский и Юлий Цезарь<sup>1</sup>. Место же Кутузова — *в ряду* выдающихся военно-политических деятелей России, таких, как Александр Невский, Дмитрий Донской или Дмитрий Пожарский. Как полководец он был рангом ниже Суворова и Румянцева, хотя известны случаи его еще прижизненного возвеличивания<sup>2</sup>, но признаем, что ни тот, ни другой никогда не руководили столь огромными военными массами и кампаниями, от исхода которых *так* зависела судьба Отечества.

Впрочем, дело все же не в этом. Дело, по-моему, тут вообще не в личностях. Будь даже Наполеон еще «вдвое лучшим», а Кутузов «втрое худшим» полководцем, чем они были в действительности, все равно Россия выиграла бы войну 1812 г., а Наполеон проиграл бы ее, ибо дело не в Кутузове и не в Наполеоне, а в *русском народе*. Вот как писал об этом знаменитый В.С. Соловьев, сын великого С.М. Соловьева, в 80-е годы XIX в.: «С начала времен не бывало и не слышано, чтобы великий народ не мог исполнить своего исторического назначения или отстоять свои жизненные интересы за неимением пригодных людей. Никогда не было такого случая в истории, чтобы дело стало за людьми. Не оказалось у французского короля

<sup>1</sup> Такие авторитеты из стран, бывших главными врагами Наполеона, как английский лорд А.-П. Розбери и российский академик Е.В. Тарле, пришли к одинаковому заключению: «Наполеон до бесконечности раздвинул то, что до него считалось крайними пределами человеческого ума и человеческой энергии» (R o s e b e r y A.-P. Napoleon. The last phase. London, 1922. P. 7; Т а р л е Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 7. С. 397).

<sup>2</sup> Сам Кутузов знал свое место. «Вы, — писал он графу Д.И. Хвостову 4 ноября 1812 г., — как бы возвышаете меня перед Румянцевым и Суворовым. Много бы я должен был иметь самолюбия, если бы на сию дружескую мысль Вашу согласился. И ежели из подвигов моих что-нибудь годится преподанным быть потомству, то сие только от того, что я силуюсь по возможности моей и по умеренным моим дарованиям идти по следам сих великих мужей» (Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 252).

Карла VII надежных советников и полководцев — явилась вместо них крестьянская девочка из Дом-Реми; ослабели московские бояре в Смутное время — выручил нижегородский мясник; *не было в 1812 г. у нас Суворова — обошлось и с Кутузовым*<sup>1</sup>.

Сказано красиво, верно в главной мысли, но все же не безупречно в сопутствующей (чем, впрочем, страдает почти каждый афоризм или красное словцо). Выступая за объективное освещение личности Кутузова, протестуя против неприличной апологетики в его адрес, не следует и ударяться в другую крайность — унижения Кутузова.

При всей красочности высказывания В.С. Соловьева есть в нем некое высокомерие, унижающее и Жанну д'Арк, и Козьму Минина, и Михаила Илларионовича Кутузова. Так можно писать, когда не дышит тебе в затылок догоняющий тебя могущественный и умелый противник или ты отстоишь от него по времени по крайней мере на 70 лет, когда над твоим народом и государством не нависает смертельная опасность.

Да, мы обошлись в 1812 году без Суворова, но с Кутузовым. И Кутузов не подвел! Он исполнил миссию, которую от него (по Соловьеву) ждал «великий народ» для утверждения «своего исторического назначения». И это притом что он засыпал на советах, медлил, интриговал, что он — «одноглазый сатир». И притом что его не очень ценили многие из соратников и, что главнее всего, его не любил Император.

Но найдем ли мы в российской истории деятеля, который, несмотря на все это, за 1,5—2 года с середины 1811-го по начало 1813 г. получил бы столько высших государственных наград, практически все?!

Как же велико было ощущение смертельной опасности для России, если высшие государственные сановники, включая самого Императора, забыли о недостатках и слабостях Кутузова, о собственной неприязни к нему и вручили *ему* жребий быть Спасителем Отечества! И никто не заставлял Александра I

<sup>1</sup> Письма В.С. Соловьева. СПб., 1909. Т. 2. С. 189. Курсив мой. — Н. Т.

писать вдове Кутузова соболезнующее письмо с высочайшей оценкой роли фельдмаршала в истории России и Европы. Особая значимость этой оценки в том, что она сделана уже не «по горячим следам» закончившейся кампании 1812 г., а в начале Заграничных походов русской армии 1813—1814 гг., когда опасность для Отечества миновала, и можно было умерить дифирамбы Кутузову, если бы они были столь преувеличены ранее.

И согласимся же в главном с А.С. Пушкиным, который написал в уже цитировавшихся нами стихах, обращенных к святой гробнице Кутузова:

Когда народной веры глас  
Воззвал к святой твоей седине:  
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас.



## ПРИЛОЖЕНИЯ

### Портретные характеристики М.И. Кутузова

#### 1

«...Кутузов, искусный и храбрый пред неприятелем полководец, был робок и слаб перед царем. Он пошел бы за Отечество на верную смерть, но ни в каком случае не мог бы сделать того, что сделал Сюлли<sup>1</sup> с Генрихом IV, оттащив его насильно от слез любимой им женщины, преклонившей его к предосудительному поступку. Сия слабость в столь знаменитом муже, каков был Кутузов-Смоленский, показывает только, что человеку не свойственно совершенство...»

Ш и ш к о в А.С. Записки, мнения и переписка // России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 г. ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 165.

#### 2

«...Кутузов, будучи очень умным, был в то же время страшно слабохарактерный и соединял в себе ловкость, хитрость и действительные таланты с поразительной безнравственностью. Необыкновенная память, серьезное образование, любезное обращение, разговор, полный интереса, и добродушие (немного поддельное, но приятное для доверчивых людей) — вот симпатичные стороны Кутузова. Но зато его жестокость, грубость, когда он горячился или имел дело с людьми, которых нечего бояться, и в то же время его угодливость, доходящая до раболепства по отношению к высокостоящим, непреодолимая лень, простирающаяся на все, апатия, эгоизм, вольнодумство и неделикатное отношение в денежных делах, составляли противоположные стороны этого человека...»

Л а н ж е р о н А.Ф. Записки // Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 327.

<sup>1</sup> С ю л л и Максимильтен де Бетюн (1560—1641) — министр финансов и ближайший советник короля Франции Генриха IV.



## 3

«...Он имел обширный ум и отличное образование. Будучи в одно время директором 1-го кадетского корпуса и присутствуя на экзамене, он развил такое богатство разнообразных познаний, что все профессора и учителя пришли в изумление. В кругу своих он был веселонравен, шутлив, даже при самых затруднительных обстоятельствах. К числу прочих талантов его неоспоримо принадлежало искусство говорить. Он рассказывал с таким пленительным мастерством, особливо оживленный присутствием прекрасного пола, что слушатели всякий раз между собою говорили: «Можно ли быть любезнее его?»»

Г л и н к а Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1987. С. 296.

## 4

«...Совсем другого человека видел я в Кутузове, которому удивлялся в знаменитое отступление его из Баварии. Лета, тяжелая рана и потерпленные оскорбления ощутительно ослабили душевные его силы. Пренная предприимчивость, многократными опытами оправданная, дала место робкой осторожности. Легко неискусною лестиею могли достигнуть его доверенности, столько же легко лишиться ее действием сторонних внушений...»

Е р м о л о в А.П. Записки 1798—1826 гг. М., 1991. С. 213—214.

## 5

«...Для Кутузова написать вместе 10 слов труднее, чем для другого описать кругом 100 листов; сильная хирагра<sup>1</sup>, старость и непривычка — вот враги пера его. Но зато природа и навык одарили его прекрасным языком, который восходил до высокого красноречия. В нем были счастливые обороты в мыслях и словах, и притом он умел сохранять всегда чудную прелесть лаконизма и игривость от шуточного до величественного. Можно сказать, что Кутузов не говорил, но играл языком: это был другой Моцарт или Россини, обвораживавший слух разговорным своим смычком. Но при всем творческом его даре, он уподоблялся импровизатору, и тогда только был как будто вдохновен, когда попадал на мысль или когда потрясаясь страстью, нуждою или дипломатическою уверткою. Никто лучше его не умел одного заставить говорить, а другого — чувствовать, и никто тоньше его не был в ласкательстве и в проведении того, кого обмануть или обворожить принял он намерение: вы увидите

<sup>1</sup> Х и р а г р а — подагра рук.

в минуту благоговейный восторг его и слезы умиления или жалости, но прошел час — и он все позабыл. Это был и тончайший политик по уму и самый добродетельный по сердцу. Ко вреду подвинуть его было трудно. У слабости бывал он иногда в руках, но тех, которых он подозревал в разделении славы его, невидимо подбедал так, как подбедает червь любимое или ненавистное деревцо...»

М а е в с к и й С.И. Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8. С. 153—154.

## 6

«...Кутузов был человек умный, но хитрый <...>. Говорили, что он был упрямого нрава, неприятного и даже грубого; впрочем, что он умел в случае надобности обласкать, вселить к себе доверие и привязанность. Солдаты его действительно любили, ибо он умел обходиться с ними. Кутузов был малого роста, толст, некрасив собою и крив на один глаз».

Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Русский архив. 1885. № 10. С. 244.

## 7

«...Этот человек был большой красноречивый, постоянный дамский угодник, дерзкий агун и низкопоклонник. Из-за фавора высших он все переносил, всем жертвовал, никогда не жаловался и, благодаря интригам и ухаживанью, всегда добивался того, что его снова употребляли в дело, в ту самую минуту, когда он считался навсегда забытым...»

Москва и Двенадцатый год в записках графа Ф.В. Ростопчина // Пожар Москвы. По воспоминаниям и запискам современников. М., 1911. Ч. 2. С. 54.

## 8

«Любитель наслаждений, человек обходительный и с безупречными манерами, хитрый, как грек, умный от природы, как азиат, но в то же время европейски образованный, он для достижения успеха более полагался на дипломатию, нежели на воинские доблести, к коим по причине возраста и здоровья был уже не способен».

В и л ь с о н Р.Т. Дневник и письма 1812—1813 гг. СПб., 1995. С. 254.

## 9

«Общее внимание обращено было на князя Кутузова. Он столько же превышал всех умом, сколько званием своим и славою. Здоровье его начало слабеть, но память его была свежа до такой степени, что он неодно-

кратно диктовал мне по несколько страниц безостановочно, зато сам не любил писать, говоря, что он письму не мог никогда порядочно выучиться, хотя, впрочем, по всем частям сведения его были необыкновенные. В Кашише единодушно платили справедливую дань удивления его заслугам и достоинствам, но его не любили за его лукавство. Приметно было также, что были недовольны неохотой его подаваться вперед с армиею. Осторожность всегда составляла отличительную черту его характера, но на сей раз она имела основание в сердце его. Можно ли было его винить, что после подвига, им в прошлом году совершенного, и приобретенной славы, когда ему ничего не оставалось более желать и когда бессмертие было уже его уделом, он в такое время не хотел действовать наудачу, не приняв всех возможных предосторожностей для обеспечения успеха?»

Михайловский-Данилевский А.И. «Журнал 1813 года» // 1812 год. Военные дневники. М., 1990. С. 323—324.

10

«Князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский среднего роста, тучный собою, крепкого, здорового сложения, выступал медленно, ездил в покойном экипаже, редко садился на лошадь по причине тяжести тела. Любил вкусные блюда, великолепные палаты, мягкое ложе, но на войне никогда по ночам не раздевался. Имел нрав скрытый, недоверчивый и, вместе, веселый; говорил за обеденным столом: «Главная квартира не должна походить на монастырь, веселость солдата ручается за его храбрость». В молодых годах простирали горячность до такой степени, что когда оставался недоволен полковым учением, то, сойдя с лошади, бросался на землю.

Царедворец ловкий, утонченный; лаская временщиков, одушевлял общества даром слова, занимательным рассказом, любезностию, особенно в кругу прекрасного пола, которого до последних минут своей жизни был страстным обожателем. В превратности счастья молчалив. Во время войны осторожен, медлителен, как Фабий...»

Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 3. С. 152—153.

11

«...Имя и дела его останутся бессмертными. Благодарное Отечество не забудет никогда заслуг его, Европа и весь свет не перестанут ему удивляться...»

Александр I. Из письма Е.И. Голенищевой-Кутузовой (1813 г.).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АРАН — архив Российской Академии наук (Москва)  
 ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)  
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)  
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)  
 РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)  
 РНБ РО — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)  
 РЦХИДНИ — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (Москва)  
 Бумаги П.И. Щукина — Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные П.И. Щукиным. М., 1897—1908. Т. 1—10  
 ВУА — Отечественная война 1812 г.: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1900—1914. Т. 1—22  
 ИРВИО — Императорское Русское военно-историческое общество  
 МО ИРВИО — Московское отделение Императорского Русского военно-исторического общества  
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете.  
 ГИМ — Государственный исторический музей.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- М.И. Кутузов. Сб. документов. М., 1950—1956. Т. 1—5.  
 М.И. Кутузов. Письма. Записки. М., 1989.  
 Фельдмаршал Кутузов: Документы, дневники, воспоминания. М., 1995.  
 1812—1814. Реляции. Письма. Дневники. М., 1992 (ук.).  
 Ермолов А.П. Записки (1798—1826). М., 1991 (ук.).  
 Давыдов Д.В. Соч. М., 1962 (ук.).  
 Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1987.  
 Глинка С.Н. Записки о 1812 годе. СПб., 1836; Записки. СПб., 1895.  
 Ланжерон А.Ф. Записки // Русская старина. 1907. № 9; 1910. № 7—10; Военный сб. 1900. № 8—11.  
 Вильсон Р.Т. Дневник... Письма к разным лицам. СПб., 1995 (ук.).  
 Де Местр Ж. Петербургские письма. СПб., 1995 (ук.).
- Синельников Ф.М. Жизнь, военные и политические деяния... М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813—1814. Ч. 1—6.  
 Панаев В.И. Историческое похвальное слово светлейшему кн. Голенищеву-Кутузову-Смоленскому. СПб., 1823.  
 Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840 (М., 1991). Ч. 3.  
 Бутовский И.Г. Фельдмаршал кн. Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. СПб., 1858.  
 Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1823—1824. Ч. 1—2.  
 Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 г. СПб., 1839. Т. 1—4.  
 Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1859—1860. Т. 1—3.  
 Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 4.

- Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. Любое издание.  
 Муньков Н.П. М.И. Кутузов — дипломат. М., 1962.  
 Помарнауцкий А.В. Портреты А.В. Суворова. Очерки иконографии. Л., 1963.  
 Мелентьев В.Д. Кутузов в Петербурге. Л., 1986.  
 Жилин П.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность. 3-е изд. М., 1988.  
 Троцкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988.  
 Балязин В.Н. Михаил Кутузов. М., 1991.  
 Брагин М.Г. Кутузов. 5-е изд. М.; Екатеринбург, 1995.  
 Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов. М., 1995.  
 Спаситель Отечества. Кутузов — без хрестоматийного глянца // Родина, 1995. № 9.  
 Андрианова И.А. Спаситель Отечества: Жизнеописание М.И. Голенищева-Кутузова. М.; Смоленск, 1999.  
 Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937.  
 Parkinson R. Fox of the North. Life of Kutuzov, General of War and Peace. London, 1976.



## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А.Б. — см. Беренс  
 Абаляхин Б.С. 26, 29, 36, 38, 42,  
 46, 47, 136, 170, 183, 191, 195,  
 201, 213, 249, 254, 261, 308,  
 322, 345  
 Абрантес А. 260  
 Аверченко А. 307  
 Акинфов Ф.В. 221  
 Александр Македонский 40, 346  
 Александр Невский 27, 53, 346  
 Александр I 6, 16—21, 47—51, 60,  
 74, 75, 87 и далее по всей книге  
 Алексеев М.П. 307  
 Алешкин П.Я. 169  
 Ангальт Ф.Е. 72  
 Андреев Н.И. 208  
 Андрианова И.А. 29, 46, 52, 55,  
 60, 110, 116, 156, 195, 199, 338  
 Анштетт И.О. 318  
 Аракчеев А.А. 75, 87, 96, 134, 145,  
 146, 151, 152, 225, 226, 317,  
 326  
 Армфельд Г.М. 142  
 Артемов Н.Е. 197  
 Архаров Н.П. 75, 93  
 Афанасьев В.А. 195, 196  
 Ахмед-паша 69, 121, 122, 123, 124  
 Ахшарумов В.Д. 14  
 Ахшарумов Д.А. 14  
 Ахшарумов Д.И. 14, 231  
 Ахшарумов И.Д. 14  
 Ахшарумов Н.Д. 14  
 Бабкин В.И. 169, 242  
 Багговут К.Ф. 133, 177, 178, 205,  
 206, 257  
 Багратион П.И. 15, 26, 38, 46,  
 48, 82, 99—112, 121, 133—  
 137, 142, 143, 144, 145, 151,  
 153, 156, 159, 160, 164, 165,  
 166, 170, 171, 172, 173, 174,  
 176, 178, 182, 183, 189, 191,  
 195, 198, 199, 205, 230, 232,  
 254  
 Баиов А.К. 310  
 Байрон Д.Г. 307  
 Балашов А.Д. 146  
 Бальзак О. 39, 260  
 Балязин В.Н. 45, 47, 54  
 Бантыш-Каменский Д.Н. 6, 18, 54,  
 74, 104, 252, 352  
 Бантыш-Каменский Н.Н. 18  
 Барагэ д'Илье А. 250, 283  
 Барклай-де-Толли М.Б. 4—6, 15,  
 19, 20, 29—49, 122—124,  
 132—137, 140, 141, 142, 143,  
 144, 146, 148, 149, 150, 151,  
 152, 153, 154, 155, 156, 157,  
 158, 159, 160, 161, 163, 164,  
 166, 170, 171, 172, 177, 178,  
 179, 180, 182, 183, 184, 186,  
 187, 189, 191, 192, 206, 207,  
 209, 210, 211, 212, 213, 214,  
 215, 221, 228, 230, 234, 236,  
 237, 238, 239, 242, 253, 324,  
 331, 337, 343, 344, 345  
 Батюшков К.Н. 81, 250  
 Бахметьев А.Н. 178  
 Бедринская 55  
 Безбородко А.А. 46, 74, 75, 82  
 Безотосный В.М. 45, 150, 151, 241,  
 252, 262, 273, 327

## ФЕЛЬДМАРШАЛ КУТУЗОВ: МИФЫ И ФАКТЫ

- Беклемишева Е.Ф. 55  
 Беклешова 55  
 Белинский В.Г. 18, 218  
 Беляев Ю.А. 154  
 Бенинсон А. 303  
 Бенкендорф А.Х. 154  
 Беннигсен Л.А. 81, 88, 93, 95, 98,  
 105, 106, 118, 133, 142, 148,  
 156, 163, 172, 210, 211, 230,  
 234, 236, 240, 256, 278, 294,  
 326, 344, 345  
 Беренс А.И. 20, 21  
 Берков Е.А. 28  
 Бернадот Ж.-Б. 145, 149  
 Бернгард Т. 49  
 Бернсторф К.Г. 87  
 Бертеми П.-О. 262  
 Бертье Л.А. 221, 247, 262, 269,  
 280, 297  
 Берхин И.Б. 28  
 Бескровный Л.Г. 5, 18, 28—38, 42,  
 48, 49, 101, 107, 110, 114, 129,  
 135, 136, 151, 155, 168, 177,  
 184, 193, 195, 197, 200, 202,  
 213, 218, 219, 231, 242, 260,  
 262, 267, 271, 277, 279, 283,  
 289, 290, 301, 306, 312, 319,  
 323  
 Бессьер Ж.Б. 269, 270  
 Бестужев И.В. 44  
 Бестужев-Рюмин А.Д. 203  
 Бешанов В.В. 190, 199  
 Бибииков А.А. 140  
 Бибииков А.И. 57, 62, 140  
 Бибииков И.А. 62  
 Бибиикова Ева. И. 62  
 Бибиикова Ек. И. см. Голенищева-  
 Кутузова Е.И.  
 Биллов А.К. 22  
 Блюхер Г.-А. 44, 337  
 Боволье П.Л. 162  
 Богарне Е. 136, 176, 177, 186, 188,  
 265, 267, 277, 279, 283, 288,  
 291, 305, 316  
 Богданов А.П. 5, 43, 168, 173, 195,  
 200  
 Богданович М.И. 17—22, 81, 107,  
 109, 114, 129, 157, 164, 177,  
 183, 192, 198, 218, 219, 260,  
 266—268, 271, 277, 279, 280,  
 289, 292, 293, 295, 301, 303,  
 305, 307, 308, 309, 310, 319,  
 327, 332  
 Богдановский А.В. 73  
 Богораз-Тан В.Г. 339  
 Бокур Ф. 286  
 Болговский Д.Н. 215, 263, 264  
 Бонами Ш.-О. 186, 187, 199  
 Бонапарт Жером 136, 137, 138  
 Борисов С.Б. 25  
 Бороздин М.М. 214  
 Брагин М.Г. 28, 29, 107, 192, 204,  
 322, 338, 341  
 Брежнев Л.И. 40  
 Брусье Ж.-Б. 188, 263  
 Буксгевден Ф.Ф. 40, 99, 101, 109,  
 110, 112, 118, 147  
 Булгаков А.Я. 141, 233  
 Булгарин Ф.В. 19  
 Бунин И.А. 14  
 Бунина А.П. 14  
 Бургонь А.-Ж. 217, 223, 276, 281,  
 282, 288  
 Бутенев А.П. 141  
 Бутовский И.Г. 20, 105  
 Бутурлин Д.П., генерал, историк  
 16—18, 79, 129, 145, 168, 177,  
 197, 207, 250, 260, 266, 267,  
 289, 290, 301, 319  
 Бутурлин Д.П., сенатор, библиофил  
 224  
 Бычков А.Н. 152  
 Вадбольский И.М. 243  
 Валевская М. 185  
 Валишевский К.Ф. 74, 84, 87  
 Валькович А.М. 114, 273  
 Ванга Н.Н. 25  
 Вандал А. 133, 148  
 Васильев А.А. 45, 170, 176, 177,  
 200, 265, 266, 268, 269  
 Васильчиков И.В. 186  
 Вахтанг VI 144  
 Ведьмин О.П. 90  
 Веймарн И.И. 58  
 Вейротер Ф. 40, 108, 110, 115  
 Вейсман фон Вейсенштейн О.А. 15  
 Веллингтон А.У. 148, 149, 258  
 Верещагин В.В. 80, 181, 203, 205,  
 223, 343  
 Верховский А.И. 25  
 Вершигора П.П. 154

- Вигель Ф.Ф. 307  
 Виктор К. 260, 301, 302, 304, 305  
 Виллие Я.В. 112, 248, 337, 338, 339  
 Вильмот К. 99  
 Вильмот М. 99  
 Вильсон Р.Т. 240, 241, 248, 278, 281, 284, 294, 311, 325, 326, 336, 351  
 Вимпфен Г.Ф. 40, 110  
 Винценгероде Ф.Ф. 103, 154, 203, 336  
 Вистицкий М.С. 230  
 Витгенштейн П.Х. 22, 133, 140, 149, 255, 256, 274, 275, 287, 301, 302, 303, 304, 305, 307, 308, 309, 312, 313, 324, 336, 342  
 Витмер А.Н. 22, 173, 193, 207  
 Власов М.Г. 169  
 Воейков А.Ф. 13  
 Военский К.А. 185, 206, 209, 215, 229, 231, 288, 303, 305, 314, 315  
 Волконский Д.М. 116, 218, 223  
 Волконский П.М. 88, 95, 142, 145, 254, 326, 331, 337  
 Волконский С.Г. 154  
 Володин П.М. 169  
 Вольцоген Л.А. 191, 192  
 Вороненко П.И. 219  
 Воронихин А.Н. 340, 341  
 Воронцов А.Р. 59, 99  
 Воронцов М.И. 59  
 Воронцов М.С. 58, 59, 180  
 Воронцов Р.И. 59  
 Воронцов С.Р. 59, 71, 74, 89, 147  
 Воронцова Е.К. 64  
 Вульф Е.Н. 64  
 Вурмзер Д.С. 108  
 Вюртембергский А. 133, 142, 184  
 Вюртембергский Е. 183, 266, 277, 293  
 Вяземский П.А. 64, 212, 214  
 Вязмитинов С.К. 116, 146  
 Вяликов В.И. 43  
 Гавриил 53  
 Гаврила Олексич 54  
 Газан А. 102  
 Галактионов И.В. 44  
 Гаиб М. 124, 125, 126  
 Ганнибал А.П. 56  
 Ганнибал Барка 96  
 Гарденберг К.-А. 332  
 Гарнич Н.Ф. 28, 29, 32—42, 48, 136, 152, 177, 199—202, 204, 218, 266, 267, 271, 289, 290, 308, 322  
 Гаугвиц Х.-А. 106, 115  
 Гейне Г. 118, 319  
 Гейсман П.А. 22, 59, 78  
 Генрих IV 349  
 Герман И.И. 83  
 Геруа А.В. 24, 177, 194, 197  
 Герцен А.И. 124, 218, 224, 225  
 Глинка С.Н. 73, 81, 162, 171, 192, 215, 219, 220, 282  
 Глинка Ф.Н. 73, 81, 169, 175, 176, 180, 183, 187, 188, 206, 208, 218, 223, 316, 350  
 Гнейзенау 44  
 Гогенлоэ 40, 110, 111  
 Голенище В.А. 54  
 Голенищев-Кутузов И.А. 55, 62  
 Голенищев-Кутузов И.М. 54  
 Голенищев-Кутузов А.И. 19, 55, 162  
 Голенищев-Кутузов П.В. 92  
 Голенищева-Кутузова А.М. *см.* Хитрово А.М.  
 Голенищева-Кутузова Д.М. *см.* Опочинина Д.М.  
 Голенищева-Кутузова Е.И. *ил.*, 62, 87, 307, 337, 341, 342, 352  
 Голенищева-Кутузова Ек.М. *см.* Кудашева Е.М.  
 Голенищева-Кутузова Ел.М. *см.* Хитрово Е.М.  
 Голенищева-Кутузова М.А. 54  
 Голенищева-Кутузова Н.Н. 162  
 Голенищева-Кутузова П.М. *см.* Толстая П.М.  
 Голицын А.Б. 192, 210, 215  
 Голицын Д.В. 291  
 Голицын Н.Б. 282  
 Головников В.Г. 169  
 Голубов С.Н. 28  
 Голштейн-Бек П.А.Ф. *ил.*, 56  
 Голштинский Г., принц 142  
 Гончаров А.Н. 271  
 Горбачев М.С. 41  
 Горчаков Ал. И. 151, 155, 167  
 Горчаков Ан. И. 167  
 Горшман А.М. 45

- Горяинов С.М. 96  
 Готье Ю.В. 23  
 Граббе П.Х. 186, 192, 206, 207, 218, 223  
 Грамматин Н.Ф. 14  
 Греч Н.И. 88, 147  
 Грибанов В.К. 159  
 Григорьев С.Т. 27, 28  
 Груши Э. 189  
 Грюнвальд К. 168  
 Гудович И.В. 116, 117, 139, 140, 149  
 Гуляев Ю.Н. 29, 46, 52, 53, 54, 59, 64, 94, 103, 113, 116, 138, 151, 157, 170, 177, 213, 224, 253, 262, 290, 308, 319, 335, 341  
 Гурьев Д.А. 229  
 Густав IV Адольф 86  
 Гуфеланд К. 337, 338  
 Гюго В. 189  
 Давид Строитель 144  
 Даву А.Н. 118, 137, 167, 176, 177, 178, 179, 181, 186, 190, 265, 270, 276, 277, 279, 280, 288, 291, 305, 341  
 Давыдов В.А. 243  
 Давыдов Д.В. 78, 79, 143, 144, 147, 154, 178, 180, 211, 218, 234, 236, 242, 243, 258, 263, 280, 283, 291, 297, 308, 309, 310, 316  
 Данилевский Г.П. 23, 317  
 Даффи К. 168  
 Дашкова Е.Р. 59, 99  
 Дельбрюк Г. 49, 202  
 Дельзон А.-Ж. 176, 265  
 Денье П. 190, 193, 194, 196, 199  
 Державин Г.Р. 18, 144, 274, 308  
 Дерibas *см.* де Рибас О.М.  
 Дживелетов А.К. 23, 226  
 Дзичканец К.А. 339  
 Дибич И.И. 76, 318, 324  
 Динес В.А. 33  
 Дитятин И.И. 57  
 Дмитриев И.И. 315  
 Дмитрий Донской 27, 346  
 Довнар-Запольский М.В. 23  
 Долгоруков В.М. 59, 60  
 Долгоруков П.В. 55  
 Долгоруков П.П. 106, 110, 111, 115  
 Домбровский Я.Г. 256, 301  
 Дорохов И.С. 243, 245, 263, 265  
 Дохтуров Д.С. 82, 99, 109, 111, 116, 133, 143, 148, 159, 171, 178, 179, 183, 184, 192, 210, 211, 214, 232, 263, 264  
 Дружинин Н.М. 218  
 Дубровин Н.Ф. 6, 82, 119, 159, 165, 171, 180, 203, 216, 237, 248  
 Дунаевский В.А. 26, 29, 36, 38, 42, 45, 47, 136, 191, 201, 261  
 Дурова Н.А. 20, 215  
 Дурново Н.Д. 233, 236, 284  
 Дурьлян С.Н. 320  
 Дьяков В.А. 21  
 Дюма М. 133, 190  
 Дюпон П.-А. 102  
 Дюррок М. 315  
 Екатерина II Великая *ил.*, 51, 54, 58, 60, 61, 62, 65, 67, 70—72, 74, 75, 76, 78, 93, 94, 99, 118, 140  
 Екатерина Павловна, Вел. кн. 47, 48, 148, 151  
 Елена Павловна, Вел. кн. 19  
 Елизавета Петровна, Имп. *ил.*, 51, 54, 316  
 Елисеев А.А. 170  
 Ермолов А.П. *ил.*, 7, 11, 81, 82, 133, 134, 137, 138, 142, 144, 157, 164, 166, 174, 178, 179, 183, 184, 186, 193, 203, 208—213, 218, 221, 224, 232—235, 234, 238, 240, 243, 250, 263—266, 268, 277, 280, 291—294, 304, 308, 310, 311, 321, 325, 326, 350  
 Ефремов И.Е. 243  
 Жанна д'Арк 347  
 Жерар М.-Э. 188  
 Жеребцов А.А. 139  
 Жеребцова О.А. 89  
 Жилин П.А. 6, 18, 28—48, 54, 59, 77, 95, 101—105, 110, 114, 116, 129, 135—138, 151, 156, 157, 163, 164, 177, 184, 191, 195, 201, 202, 213—218, 224, 229, 230, 238, 242, 248, 251—254, 262, 266—268, 271, 284,

- 289, 290, 291, 310, 319, 322, 323, 329, 341  
 Жиркевич И.С. 99, 144, 298, 299, 321  
 Жихарев С.П. 147  
 Жозефина Бонапарт, имп. 286  
 Жомини А.А. 49, 136, 137, 153, 174, 177, 185, 190, 202, 229, 258—261, 273, 307  
 Жуков Е.М. 44  
 Жуковский В.А. 13, 14, 274, 307, 320  
 Жюно А. 42, 178, 260, 287, 288, 305
- Заичкин И.А. 323  
 Закревский А.А. 233, 241, 327  
 Земцов В.Н. 45, 165, 167, 174, 186, 200  
 Злотников М.Ф. 130  
 Зубов В.А. 75, 88  
 Зубов Н.А. 74, 88, 93, 98  
 Зубов П.А. 72, 73, 74, 88, 93, 253  
 Зырянов П.Н. 135
- Иван IV Грозный 54, 94  
 Иван VI 93  
 Иванов В.Ф. 89, 90, 150, 279, 312  
 Ивашкин П.А. 220  
 Ивченко Л.А. 29, 45, 176, 177, 207, 237, 309  
 Измайлов А.Е. 14  
 Иловайский И.Д. 262  
 Иорк Г.Д.А. 318, 319  
 Иорк Ф. 84  
 Иосиф II 66
- Каверин П.Н. 261  
 Кайсаров П.С. 141, 187, 210, 212, 221, 234  
 Каллаш В.В. 250, 299  
 Каменская М.Ф. 320  
 Каменский М.Ф. 4, 73, 116, 117, 118, 147  
 Каменский Н.М. 111, 121, 147  
 Каменский С.М. 111  
 Канкрин Е.Ф. 247, 248, 298, 299  
 Капцевич П.М. 187  
 Карабанов П.Ф. 83  
 Карамзин А.Н. 63  
 Карамзин Н.М. 218, 315  
 Кареев Н.И. 23
- Карл VII 347  
 Карл XII 99, 303  
 Карпов А.А. 169  
 Карпов В.В. 30  
 Каховский М.В. 70  
 Кац Б.Л. 28, 195, 196  
 Керн А.П. 64  
 Кизеветтер А.А. 23  
 Кицин П.А. 344  
 Киняпина Н.С. 129, 154  
 Клаузевиц К. 31, 44, 48, 49, 165, 168, 182, 190, 194, 202, 226, 230, 260, 301, 304, 307  
 Клейнмихель А.А. 242  
 Ключевский В.О. 22  
 Кнорринг Б.Ф. 240  
 Князьков С.А. 23  
 Ковалевская С.В. 214  
 Ковальский Н.П. 214  
 Кованько И.А. 321  
 Коган Г.Ф. 271  
 Когинов Ю.И. 47  
 Кожина Василиса 246  
 Кожухов С.И. 33, 34, 38, 195  
 Козельский Я.П. 58  
 Козодавлев О.П. 327  
 Коленкур А. де 142, 163, 174, 217, 223, 229, 247, 258, 261, 268, 275, 276, 281, 285—290, 304, 307, 314  
 Коленкур О. де 188, 189  
 Коловрат И.К. 109  
 Кологривов А.С. 111  
 Кологривов Ан.С. 92, 242  
 Колобакин Б.М. 23  
 Комаровский Е.Ф. 95, 139, 151, 155  
 Конаков П.Т. ил., 8  
 Коновницын П.П. ил., 14, 147, 163, 164, 173, 178, 180, 210, 211, 213, 231, 233, 234, 235, 251, 257, 277, 278, 292, 331  
 Константин Павлович, Вел. кн. 74, 89, 91, 94, 104, 109, 142, 226, 323  
 Коробьин Г.С. 58  
 Корф Ф.К. 186, 187, 189, 205, 206  
 Костин Б.А. 284  
 Костюрина 55  
 Кочетков А.Н. 43, 157, 165, 173, 205, 310  
 Кочубей В.П. 71, 146  
 Кравченкова О.В. 256

- Крейц К.А. 187, 189, 206  
 Кроссар Ж.-Б. 230  
 Крылов И.А. 308, 320  
 Ксенофонт 104  
 Кудашев Н.Д. 63, 234, 242, 245, 261  
 Кудашева Е.М. 63  
 Кукель М. 50, 194, 197, 202  
 Куковенко В.И. 222  
 Куракин А.Б. 125, 162  
 Куранов Ю.Н. 47  
 Курин Г.М. 246  
 Кутайсов А.И. ил., 186, 198, 199, 206  
 Кутайсов И.П. 93  
 Кутуз Ф. 54  
 Кюстин А. де 93
- Лависс Э. 115, 305  
 Лавров Н.И. 191  
 Ланжерон А.Ф. 40, 61, 80, 81, 90, 91, 99, 100, 108, 109, 110, 112, 115, 121—123, 240, 302, 308, 349  
 Ланн Ж. 118  
 Ланской В.С. 210, 335  
 Ласси Б.П. 116  
 Ласси Ф.М. 61, 108  
 Латур-Мобур Ж.-П. 124  
 Латур-Мобур М.В. 189  
 Лаудон Г.Э. 61  
 Ла Флиз Д. де 267  
 Лебедев В.Н. 28  
 Левенштерн В.И. 189, 203, 215, 235, 239, 277, 294, 299, 308, 343, 344  
 Левицкий Н.А. 25, 193, 197  
 Леер Г.А. 22, 105, 108, 112, 310  
 Ленин В.И. 44, 49  
 Леонов Ю.Н. 114  
 Лермонтов М.Ю. 63, 218, 224  
 Лесин В.И. 173, 185, 193  
 Лесовский С.И. 243  
 Лесток А.-В. 118  
 Лефевр М. 317  
 Лефевр Ф.-Ж. 317  
 Лидерс Н.И. 274  
 Линь Ш.Ж. де 66  
 Липранди И.П. 21, 81, 183, 197, 219, 220, 223  
 Лихачев П.Г. 187, 188  
 Лихтенштейн И. 40, 109, 110, 111
- Лобанов-Ростовский Д.И. 209, 241  
 Ложье Ц. 203, 216, 223, 250, 275, 276, 303, 304, 315  
 Ломоносов М.В. 56  
 Лонгинов Н.М. 147  
 Лопухин П.В. 146  
 Лористон А.Ж.Б. 42, 223, 225, 247, 250—252, 268  
 Лотман Ю.М. 64  
 Лучицкий И.В. 23  
 Людовик XV 126  
 Людовик XVI 126
- Мадден Л. 48, 129, 194, 311  
 Маевский С.И. 27, 79, 214—216, 233, 236, 326, 350  
 Макдональд Ж.-Э. 137, 196, 256, 318  
 Макеенко Л.Н. 54  
 Макс К. фон 100, 101  
 Малек-Ф. 285  
 Малышкин С.А. 45  
 Мальборо Д. 99  
 Манфред А.З. 85, 105, 107, 115, 131, 135, 136, 297, 340  
 Марс Г.-Б. 285  
 Марин С.Н. 13, 233, 327, 344  
 Мария-Луиза, имп. 334  
 Мария Павловна, Вел. кн. 91  
 Мария Федоровна, Имп. 129, 266  
 Марков Е.И. 123  
 Маркс К. 149, 161, 164, 190, 197, 202, 234, 319  
 Марс Г.-Б. 162  
 Маргенс Ф.Ф. 318  
 Массо 67  
 Машков И.С. 218  
 Маячевская 332  
 Мдивани Г.Д. 38  
 Мелентьев В.Д. 29, 40, 60, 95, 110, 111, 116, 152, 195, 338  
 Меллендорф В. 77  
 Меллер-Закомельский Е.И. 135  
 Мельгунов С.П. 23, 90, 150  
 Менделеев Д.И. 4  
 Меринг Ф. 49, 170, 307  
 Местр Ж. де 80, 82, 95, 107, 115, 116, 183, 203, 226, 227, 235—237, 240, 306, 309, 311  
 Мефодовский А.Ф. 60, 67  
 Миллер Г.Ф. 57  
 Милонов М.В. 13, 327

- Милорадович М.А. 82, 99, 109, 11, 156, 157, 159, 172, 210, 221, 229, 250, 251, 261, 276, 277, 279, 283, 289, 291, 299, 302, 310, 313, 318, 334
- Минин К.З. 27, 347
- Минченков Н. 246
- Митаревский Н.Е. 143, 175, 248, 265, 299
- Михаил Павлович, Вел. кн. 95
- Михайлов О.Н. 29, 39, 150, 192
- Михайловский-Данилевский А.И. 5, 16, 17, 18, 19, 20, 46, 59, 60, 100, 108, 110, 111, 113, 129, 141, 147, 152, 153, 159, 162, 175, 177, 187, 193, 197, 198, 218, 227, 232, 235, 237—239, 251, 253, 265, 266, 267, 271, 290, 300, 310, 330, 331, 332, 334, 340, 352
- Михельсон И.И. 121
- Михневич Н.П. 24
- Мишо де Боретур А.Ф. 230
- Мокряков П.Т. 200, 201
- Молок А.И. 131
- Монсей А. 196
- Моран Ш.-А. 186, 188
- Мордовцев Д.А. 23
- Морков И.И. 161, 166
- Моро Ж.-В. 99, 100, 148, 149, 286
- Мортье Э.-А. 102, 288
- Моцарт В.-А. 79, 350
- Муньков Н.П. 52, 71, 77
- Муравьев А.Н. 83, 157, 179
- Муравьев-Карский Н.Н. 160, 203, 233, 239—241, 244, 251, 351
- Муравьев-Апостол И.М. 90, 91, 216
- Мутон Ж. 269, 315
- Мухин А.А. 200
- Мюрат И. 41, 102, 103, 176, 179, 187, 190, 221, 229, 235, 250, 256, 257, 287, 302, 305, 316
- Надлер В.К. 226
- Наполеон I ил., 6, 16, 17, 24—42, 46—50, 84—86, 95 и далее по всей книге
- Наполеон III 185
- Нарбонн Л. 126
- Нарышкина М.А. 141
- Нахимов Н.М. 246
- Нахимов П.С. 246
- Неверовский Д.П. 208, 214, 275
- Ней М. 176, 177, 178, 179, 190, 288, 291, 305
- Некрасов Н.А. 16, 282
- Нельсон Г. 101
- Нессельроде К.В. 80, 118, 294
- Нечкина М.В. 28, 107, 218
- Нибур Б.П. 132
- Ниве П.А. 24, 177, 253
- Николай I 161
- Николай II 23
- Николай Михайлович, Вел. кн. 94
- Никулин Л.В. 338
- Новиков Н.И. 57
- Новосильцев Н.Н. 106, 335
- Новосильцева Е.В. 216
- Норов А.С. 206, 222
- Норов В.С. 270, 310
- Обольянинов П.Х. 93
- Оденталь Н.П. 141
- Ожаровский А.П. 287, 288, 292
- Ожеро Ж.П. 283, 284
- Окуджава Б.Ш. 39
- Окунев Н.А. 18, 205, 271, 310
- Окунь С.Б. 29, 33, 37, 107
- Ольденбургский А. 142
- Опочинин К.Ф. 63
- Опочинин Ф.К. 52
- Опочинин Ф.П. 63
- Опочинина Д.М. 63
- Орлик О.В. 29, 40, 41, 129, 151, 201, 233, 253, 262, 267, 284, 308, 322
- Орлов А.Г. 57, 75, 76, 224
- Орлов В.Г. 76
- Орлов В.П. 85
- Орлов Г.Г. 57, 76
- Орлов И.Г. 76
- Орлов М.Ф. 250
- Орлов Ф.Г. 76
- Орлов-Денисов В.В. 283
- Орловский Б.И. 3
- Орнано Ф.-А. 185, 263, 294
- Осипов К. (Осипов-Куперман И.М.) 28
- Остерман-Толстой А.И. 179, 185, 205, 210, 211
- Павел I ил., 51, 55, 74—99, 118, 140
- Павленко Н.Г. 207

- Пален П.А. фон дер 82, 85, 87, 88, 89, 93, 94, 95, 148
- Пален Ф.П. фон дер 99
- Пален Ю.И. фон дер 91
- Пальмер А. 48
- Панаев В.И. 16, 30
- Панаев И.И. 16
- Панин П.И. 57, 59
- Панкратьев Н.П. 245
- Паркинсон Р. 50
- Партуно Л. 304, 308
- Паскевич И.Ф. 114, 186, 324
- Пасторе А. 217, 259
- Педе Ж. 170, 174, 180, 193, 197, 204, 221
- Перовская С.А. 316
- Перовский В.А. 316, 317
- Петр I Великий 94, 99, 109
- Петр III 51, 54, 56, 74, 93
- Петров А.Н. 58, 68, 123, 124
- Петров-Бирюк Д.И. 38
- Пионтковский С.А. 25
- Писарев А.А. 15, 73
- Писарев Д.И. 15
- Писаревский Г.Г. 28
- Питт У. Младший 87, 115
- Пичета В.И. 23, 25, 26, 218
- Платов М.И. 68, 163, 169, 181, 184, 185, 210, 211, 273, 275, 277, 283, 291, 302, 304, 311, 313, 317
- Платонов С.Ф. 191
- Подорожный Н.Е. 28, 47, 110
- Пожарский Д.М. 27, 55, 346
- Покровский М.Н. 24, 25, 26, 27, 128, 129, 133, 163, 218, 292, 310
- Полевой Н.А. 20, 67, 118, 197
- Поликарпов Н.П. 157, 163, 164, 223
- Половцов А.А. 22, 60
- Полосин И.И. 159
- Понятовский С. 57, 58, 70
- Понятовский Ю. 42, 167, 173, 177, 207, 276, 277, 279, 287, 305, 335
- Попов А.И. 45, 185
- Попов А.Л. 25, 26
- Попов А.Н. 21, 22, 146, 158, 210, 218, 219, 221, 320, 238, 239, 260, 271
- Попов В.С. 70
- Попов М.Я. 178
- Поталов Ф. 246
- Потемкин Г.А. 57, 65, 66, 67, 70
- Потемкин Я.А. 73
- Почкаев И.Н. 323
- Почко Н.А. 195
- Предтеченский А.В. 106, 195, 197
- Прендель В.А. 243
- Пржибышевский И.Я. 109, 113
- Прозоровский А.А. 15, 73, 114, 120
- Прохоров М.Ф. 210
- Проценко Н.Ф. 22
- Прунцов В.В. 29, 33, 184, 192, 195
- Пугачев В.В. 20, 33, 43, 45, 133, 148
- Пугачев Е.И. 62
- Пунин Л.Н. 29, 184, 200, 339
- Пушкин А.С. 4, 18—21, 51, 56, 63, 64, 157, 212, 218, 224, 236, 243, 252, 345, 348
- Пушкин В.А. 284
- Пушкина Н.Н. 271
- Пушин П.С. 214, 311, 333
- Пчелов Е.В. 235, 236
- Пуобиуск М.-А. 284, 285, 293
- Рагозин В. 246
- Радожицкий И.Т. 187, 203, 214, 218, 245, 299
- Раевская С.А. 327
- Раевский Н.Н. ил., 46, 81, 143, 160, 174, 180, 185—188, 193, 195, 198, 205—215, 232, 243, 265, 268, 277, 281, 291, 294, 327
- Разин Е.А. 29, 201, 308
- Разумовский А.Г. 316
- Раковский А.И. 29, 38
- Рамбо А. 115, 305
- Рапп Н. 180, 269, 302
- Распопов Н.М. 222
- Ратч В.Ф. 166
- Резвый Д.П. 326
- Ренье Ж.-Л. 137, 256, 274, 318
- Решнин Н.В. ил., 69, 252
- Решид Ахмед-паша — см. Ахмед-паша
- Рибас О.М. де 68
- Ридингер А.К. 73
- Римский-Корсаков А.М. 228, 327
- Рогинский В.В. 149

- Рожков Н.А. 25  
 Розанов Н.И. 245  
 Розбери А.-П. 346  
 Романов Д.М. 179  
 Россини Д. 79, 350  
 Ростопчин Ф.В. ил., 75, 79, 82, 87,  
 139—141, 145, 147, 150, 156,  
 159—161, 165, 166, 194, 196,  
 208, 216, 218, 219, 220, 221,  
 227, 233, 249, 351  
 Ростунов И.И. 29, 41, 159, 195,  
 284, 290  
 Рубинштейн А.В. 29, 192  
 Румянцев Н.П. 125, 226, 240  
 Румянцев П.А. ил., 4, 5, 15, 54, 58,  
 59, 73, 76, 150, 346  
 Рыкачев М.А. 282  
 Рыленков Н.И. 29, 38  
 Рябков Г.Т. 246  
 Рязанов А.М. 290, 294  
 Рязанов Н.И. 29, 37, 41, 151, 159,  
 173, 184, 213
- Савари Р. 106, 131  
 Савелов А.М. 55  
 Сазонов Ф.В. 73  
 Салтыков И.П. 86, 116  
 Салтыков Н.И. 116, 146, 149, 166  
 Салтыков П.С. 4  
 Сансон Н.А. 283  
 Сарачинский И.С. 63  
 Сафонов М.М. 92  
 Сахаров А.Н. 129, 195, 323  
 Свечин А.А. 7, 25  
 Свечников М.С. 25, 195, 197, 271  
 Селим III 71  
 Селявин Н.И. 331  
 Семевский В.И. 23  
 Семевский М.И. 277  
 Семенов М.Г. 32  
 Семенов-Тянь-Шанский П.П. 14  
 Сен-При Э.Ф. 133, 144, 177  
 Сен-Сир А.Г. 181, 256, 274, 308  
 Серебряков Г.В. 154  
 Сеславин А.Н. ил., 242, 244, 245,  
 262, 263, 264, 277, 279, 283,  
 291, 292, 315, 316  
 Сивков К.В. 195, 197  
 Сидоров Н.П. 90, 150  
 Симанский Л.А. 240  
 Сименон Ж. 317  
 Симеон-Едигер 54
- Синельников Ф.М. 12, 30, 54, 56,  
 58, 60  
 Сироткин В.Г. 36, 42, 110, 129,  
 132, 135, 150, 151, 155, 158,  
 164, 184, 195, 204, 217, 218,  
 253, 262, 308, 310, 322  
 Скарятин Я.Ф. 93  
 Скобеев Иван 246  
 Скобелев И.Н. 214, 234  
 Скобелев М.Д. 22, 63  
 Скобелева В.И. 63  
 Скотт В. 48, 170, 194, 202, 243  
 Скугаревский А.П. 24, 193, 197,  
 199  
 Слоон В. 50  
 Смирнов А.А. 45, 52, 221, 222  
 Соглаев В.Т. 29, 46, 52, 53, 54, 59,  
 64, 94, 103, 113, 116, 138, 151,  
 157, 170, 177, 213, 253, 290,  
 308, 319, 335, 341  
 Соколова А.И. 160  
 Соколовская Т.О. 90  
 Соллогуб В.А. 65  
 Соловьев В.А. 28  
 Соловьев В.С. 346, 347  
 Соловьев Н.А. 97  
 Соловьев С.М. 22, 107, 110, 217,  
 346  
 Ставраков С.Х. 231  
 Сталин И.В. 7, 27, 29, 30, 33, 34,  
 35, 37, 45, 49, 252  
 Стендаль Ф. 322  
 Страховский А. 50  
 Стрельский В.И. 242  
 Строков А.А. 154, 195  
 Стурдза см. Эдаинг Р.С.  
 Суворов А.В. ил., 3—6, 15, 27, 39,  
 40, 46, 49, 56, 66—69, 74, 76,  
 84, 96—100, 117, 121, 129,  
 144, 150, 167, 243, 244, 279,  
 304, 334, 346  
 Суслев М.А. 36  
 Суханин П.А. 203  
 Сухов В.Г. 25  
 Сципион П.К. Старший 12  
 Сюлли М. 349
- Тарле Е.В. 23, 27, 28, 31—38, 68,  
 100, 101, 107, 113, 126, 135,  
 165, 168, 191, 195, 199, 218,  
 249, 253, 259, 260, 270, 284,  
 285, 289, 290, 294, 296, 307,

- 310, 312, 315, 319, 323, 338,  
 342, 346  
 Тартаковский А.Г. 20, 43, 45, 145,  
 146, 150, 155, 216, 218, 223,  
 238, 253, 257  
 Татищев С.С. 130, 132  
 Тизенгаузен Е.Ф. 64  
 Тизенгаузен Ф.И. 63, 100, 102, 112  
 Тири Ж. 48, 168, 194, 197  
 Тихомиров М.Н. 218  
 Тихонов И.С. 53  
 Толстая П.М. 62, 63, 87, 91, 318  
 Толстой А.К. 320  
 Толстой И.И. 63  
 Толстой И.М. 63  
 Толстой Л.Н. 4, 23, 182, 183, 243,  
 246  
 Толстой М.Ф. 63  
 Толстой Н.А. 107, 324  
 Толстой Ф.П. 162, 320  
 Толячева Т. см. Новосильцева  
 Толь К.Ф. 49, 73, 81, 153, 168,  
 169, 184, 210, 211, 212, 230,  
 234, 256, 257, 277, 307, 331,  
 337  
 Томский Н.В. 3  
 Тормасов А.П. 135, 137, 148, 156,  
 230, 252, 254, 291  
 Тотфалушин В.П. 43, 44, 157, 158,  
 172, 179, 210, 211, 230  
 Тренев К.А. 28, 187, 239, 271  
 Трофимов И.Т. 19, 43  
 Труайя А. 48  
 Туган-Барановский Д.М. 285  
 Туган-Барановский М.И. 23  
 Тугут де Паула Ф. 87  
 Тургенев А.И. 308  
 Тургенев И.С. 228  
 Тургенев Н.И. 80, 323, 341  
 Туттолмин И.А. 225  
 Тучков А.А. 42, 199  
 Тучков Н.А. 42, 172, 173, 175, 177,  
 178, 199  
 Тучков П.А. 153, 154, 199  
 Тьер А. 48, 129, 194, 197, 203, 307  
 Тюрин М.Ф. 60, 67
- Уваров Ф.П. 88, 95, 111, 181, 184,  
 185, 210, 211  
 Удино Н.Ш. 140, 256, 301, 302,  
 304, 305  
 Уитворт Ч. 84
- Ульянов А.И. 45, 232, 239  
 Устинов В.И. 201  
 Ушаков Н.А. 209  
 Ушаков Ф.Ф. 70
- Фабиан Ф. 49  
 Фабий Максим 79  
 Фадеев А.В. 195  
 Ферзен И.Е. 15  
 Фигнер А.С. 242, 244, 245, 279,  
 283  
 Фикельмон Д.Ф. 64  
 Фикельмон Ш.-Л. 64  
 Флиз — см. де Ла Флиз  
 Фонвизин М.А. 107, 143, 157, 158,  
 243, 277  
 Фонвизина Н.Д. 64  
 Франц I 84, 108, 112, 334  
 Фриан Л. 179  
 Фридрих II Великий 61, 76, 77, 99,  
 117, 319  
 Фридрих-Вильгельм III 77, 118,  
 134, 319, 333, 334, 337, 340  
 Фролов М. 210  
 Фуль К. фон 133, 137
- Харкевич В.И. 22, 145, 157, 172,  
 177, 206, 213, 215, 231, 251,  
 264, 292, 308—312  
 Харкевич Н.А. 263, 316  
 Хатчинсон Г. 307  
 Хвостов В.М. 200—202  
 Хвостов Д.И. 346  
 Хитрово А.М. 63, 87  
 Хитрово Е.М. 63—65, 100, 102,  
 245, 296, 318  
 Хитрово Н.З. 63  
 Хитрово Н.Ф. 63  
 Хлаповский Д. 314  
 Хованская В.А. 249  
 Храповицкий М.Е. 73
- Цветков С.Э. 47  
 Цезарь Г.Ю. 40, 96, 346
- Чайковский П.И. 4  
 Чандалер Д. 48, 101, 102, 103, 181,  
 194, 202, 207, 260, 290, 310  
 Чапкевич Е.И. 34, 35, 36  
 Чапаиц Е.И. 303  
 Чарторыйский А.А. 80, 94, 106,  
 107



- Червяков Д.Е. 33  
 Черейский Л.А. 19, 64  
 Черепнин Л.В. 44  
 Чернозубов И.Ф. 243  
 Чернышев А.И. 47, 253, 254, 274, 336  
 Чернышев З.Г. 57  
 Чернышевский Н.Г. 218, 224, 329  
 Чичагов П.В. 22, 126, 135, 156, 166, 230, 252—254, 272, 274, 275, 285, 297, 301, 302, 303, 304, 305, 307; 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 317, 323, 331  
 Чичерин А.В. 215, 234, 299
- Шамбре** Ж. 48, 134, 156, 170, 171, 174, 177, 181, 193, 203, 207, 255, 256, 259, 260, 261, 262, 280, 282, 290, 295, 296, 301, 305, 310, 318, 319, 322
- Шарнгорст Г.И.Д. 44  
 Шахмагонов Н.Ф. 114, 201, 235  
 Шварценберг К.Ф. 137, 256, 274, 313, 318, 319, 334  
 Шведов С.В. 43, 45, 170, 197, 198, 253, 255, 267, 294, 312  
 Шильбер Н.К. 74, 76, 85, 106—111, 118, 137, 152, 162, 210, 240, 253, 324, 325, 330, 331, 333, 340  
 Шишков А.С. 46, 75, 76, 79, 107, 149, 323, 324, 349  
 Шишов А.В. 29, 45, 152, 200, 201, 202, 213  
 Шлоссер Ф.К. 49  
 Шмидт А. 196  
 Шрайбер Э.Л. 317  
 Штейн К. фон 335, 336  
 Штейнгель Ф.Ф. 135, 254, 256  
 Шуазель-Гуфье С. 306, 324, 325, 329, 338  
 Шуберт Ф.Ф. 214  
 Шуvalов А.П. 63  
 Шуvalов П.А. 144, 145
- Щербатов М.М. 57
- Щербинин А.А. 157, 172, 203, 233, 240, 250, 277, 294  
 Щукин П.И. 47, 154, 180, 224, 234, 249, 341
- Эбле Ж.-Б. 303, 305  
 Эверс Ш.-Ж. 260  
 Эддинг Р.С. 160  
 Эйдельман Н.Я. 84, 88, 89, 92, 93  
 Энгельгардт Мовша 303  
 Энгельс Ф. 149, 161, 164, 190, 197, 202, 234, 319  
 Энгиенский Л.А., герцог 97, 98  
 Эртель Ф.Ф. 93, 135, 230, 254, 256, 273  
 Эссен И.Н. 105, 106, 133, 135, 137, 256  
 Эссен П.К. 116, 120, 122
- Юван А.У. 269  
 Юргенсон Е.И. 60  
 Юсуф-паша 69
- Яблочкин Ю.Н. 5, 52  
 Яковлев И.А. 225  
 Ярославцев А.В. 33, 191, 195, 200
- Blond J. 194  
 Carmigniani J. 113  
 Castelot A. 197  
 Fein A. 170, 194, 229, 261, 301, 307, 315  
 Fezensac R. 289  
 Josselson D. 177  
 Lachouque H. 171  
 Lareey D. 193, 217, 314  
 Las-Cases E. 201  
 Lefebvre A. 115  
 Montholon Ch. 232, 261, 262  
 O'Meara B. 135  
 Palluel A. 164  
 Segur Ph.-P. 163, 168, 170, 175, 188, 190, 193, 203, 216, 223, 224, 252, 259, 261, 262, 270, 286, 288, 290, 302, 303, 316  
 Tersen E. 181  
 Tranié J. 113  
 Quennevat J.-C. 194

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ..... 3

**Глава I. БЫЛИ-НЕБЫЛИ, ИЛИ КАК ИЗУЧАЛСЯ КУТУЗОВ** ..... 11

**Глава II. «СЕЙ ОСТАЛЬНОЙ ИЗ СТАИ СЛАВНОЙ...»** ..... 51

1. Восхождение. На службе у трех монархов ..... 51

2. Опасное равновесие. Служба у Павла I ..... 75

3. Взлеты и падения. Кутузов при Александре I ..... 93

**Глава III. ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ: «НЕ ПОБЕДИТЬ, ТАК ОБМАНУТЬ...»**

1. Назначение ..... 128

2. Бородино ..... 164

3. Филя — Москва ..... 208

4. Тарутино ..... 226

**Глава IV. «ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛ, ПРЕД КЕМ НАПОЛЕОН БЕЖИТ...»**

1. Малоярославец ..... 259

2. Параллельный марш ..... 272

3. Березина ..... 300

4. «Неприятель почти истреблен» ..... 313

5. Последний поход ..... 328

Заключение ..... 343

Приложения. Портретные характеристики М.И. Кутузова ..... 349

Условные сокращения ..... 353

Основные источники и литература ..... 354

Указатель имен ..... 356